

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Герман Геринг

Б. В. Соколов

Железный
маршал

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ **Герман Геринг**

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

AST
ПРЕСС

Герман Геринг. Железный маршал

Б. В. Соколов

Герман Геринг

Железный маршал

**АСТ
ПРЕСС**

Москва
«АСТ-ПРЕСС КНИГА»

УДК 94/99
ББК 63.3(4Гем)8
С59

Соколов Борис Вадимович —
доктор филологических наук, профессор кафедры
социальной антропологии Московского
государственного социального университета.
Автор более двадцати книг и пятисот научных статей.

Редактор
С. Ермолаев

Дизайн серии
Т. Кудрявцевой

Обложка
Т. Кудрявцевой

Макет вклейки
С. Мжельского, З. Буттаева

Художественный редактор
З. Буттаев

На обложке: Герман Геринг.

ISBN 5-462-00492-3

© ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2006

Герман в кадетском училище
Берлин-Лихтенфельда

Геринг — офицер во время
Первой мировой войны

Капитан Геринг в кабине
своего истребителя (1918)

«Красный барон»
М. фон Рихтхофен

Во время службы в эскадрилье
Рихтхофена

Э. Удет (1918)

С авиаинженером
А. Фоккером (в центре)

Г. Геринг — командующий эскадрилей
Рихтхофена

Неустршимый летчик
(1922)

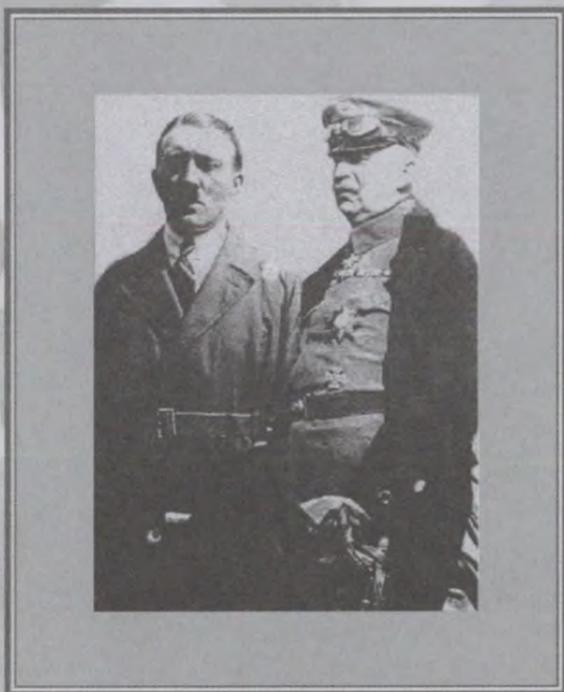
Карин фон Кантцов незадолго
до встречи с Г. Герингом

В 1932 году

На нацистском митинге
(Вена, 2 октября 1932)

А. Гитлер и Э. Людендорф — лидеры «Пивного путча»

«Железный Герман»

Солдат рейха

Победители... (1933)

Маршал

Политик

За столом
председателя
рейхстага

Партийный
функционер

На открытии сессии рейхстага
(21 марта 1933)

am 10. April

Геринг и Р. Фрайслер оглашают
новые законы (1933)

А. Шнеер

Главный зал в резиденции
Геринга Каринхалле

Геринг позирует для скульптурного портрета в Каринхалле (1933)

А. Гитлер в гостях у Геринга в Каринхалле

С П. фон Гинденбургом
и А. Гитлером
(август 1933)

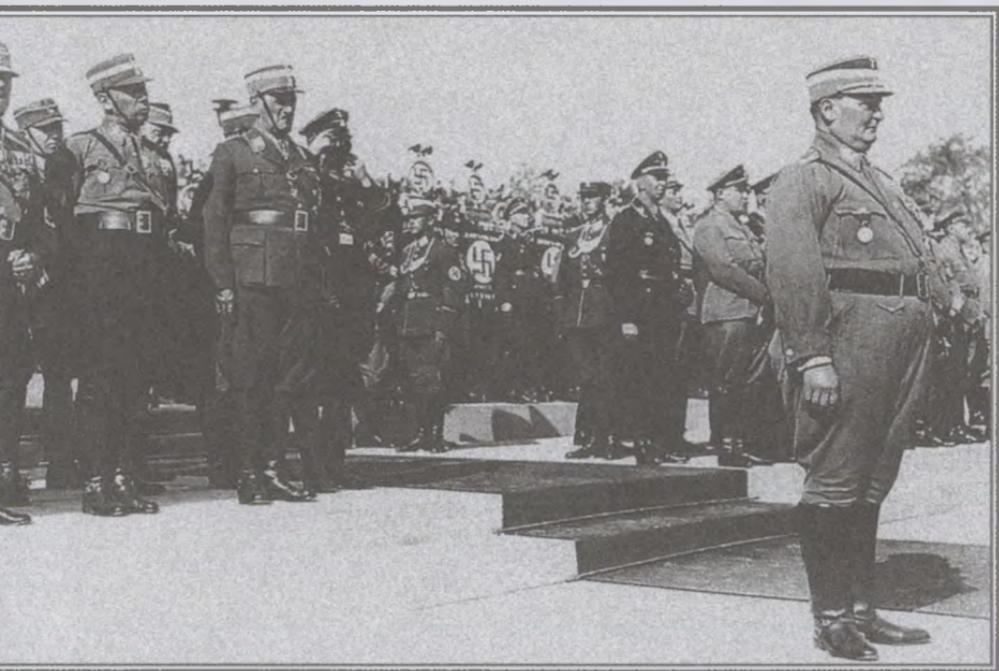
С. А. Гитлером на церемонии перезахоронения
Карин Геринг (июнь 1933)

Э. Рем

С. А. Гитлером и Р. Даре
на партийном съезде (1934)

Во время проведения съезда (1934)

Э. Мильх

В. Вефер

Посещение новой эскадрильи Рихтхофена (аэродром в Деберитце, 1935)

А. Кессельринг

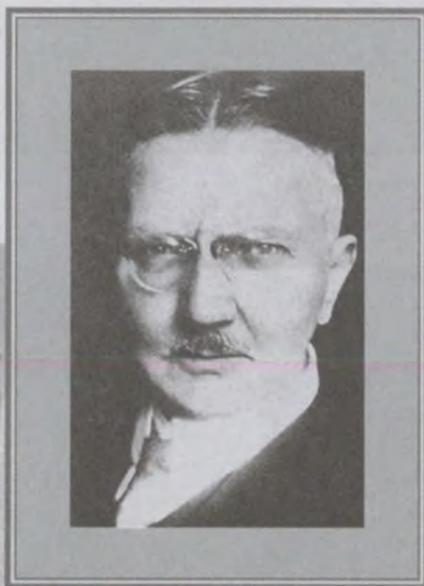
Бракосочетание с Эммой Зоннеман (1935)

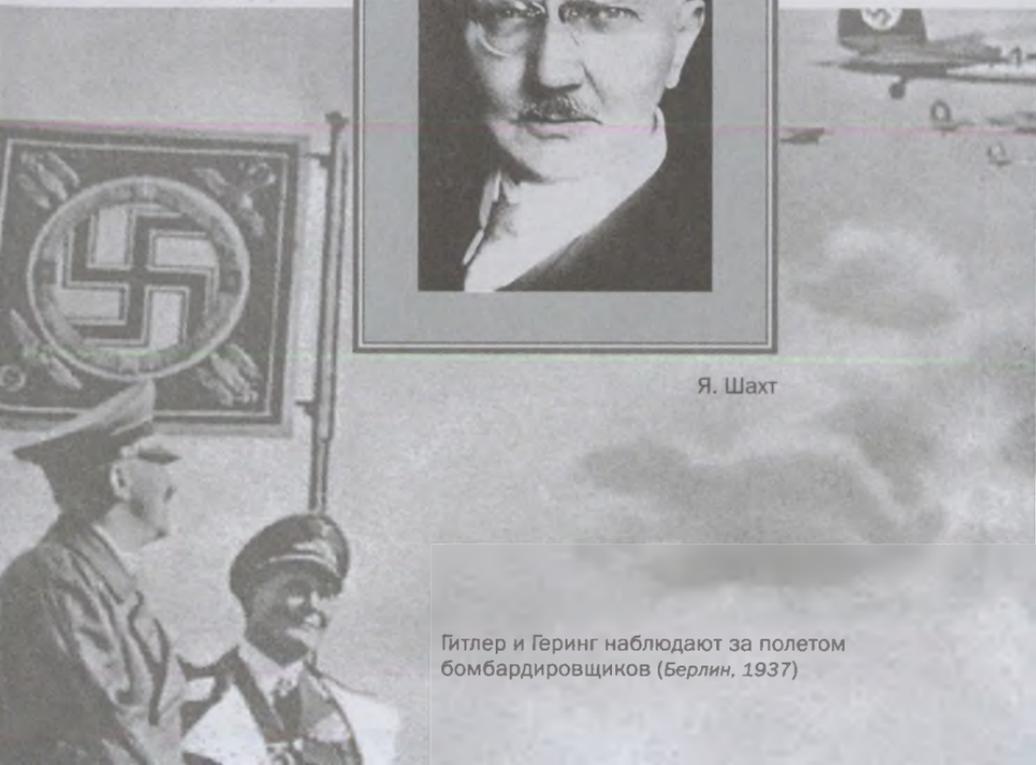
С А. Гитлером, М. Борманом и Б. фон Ширахом
в Оберзальцберге (1936)

На встрече с графом
Г. Чиано (1936)

Я. Шахт

Гитлер и Геринг наблюдают за полетом
бомбардировщиков (Берлин, 1937)

С Й. Геббельсом и Ю. Штрайхером (1937)

С А. Гитлером, В. фон Фричем, Э. Редером
и В. фон Бломбергом (1938)

На трибуне — Геринг

С Э. Удетом (1938)

С Б. Муссолини
и Н. Чемберленом
(сентябрь 1938)

Встреча А. Гитлера после возвращения из Праги (1939)

М. Борман (1939)

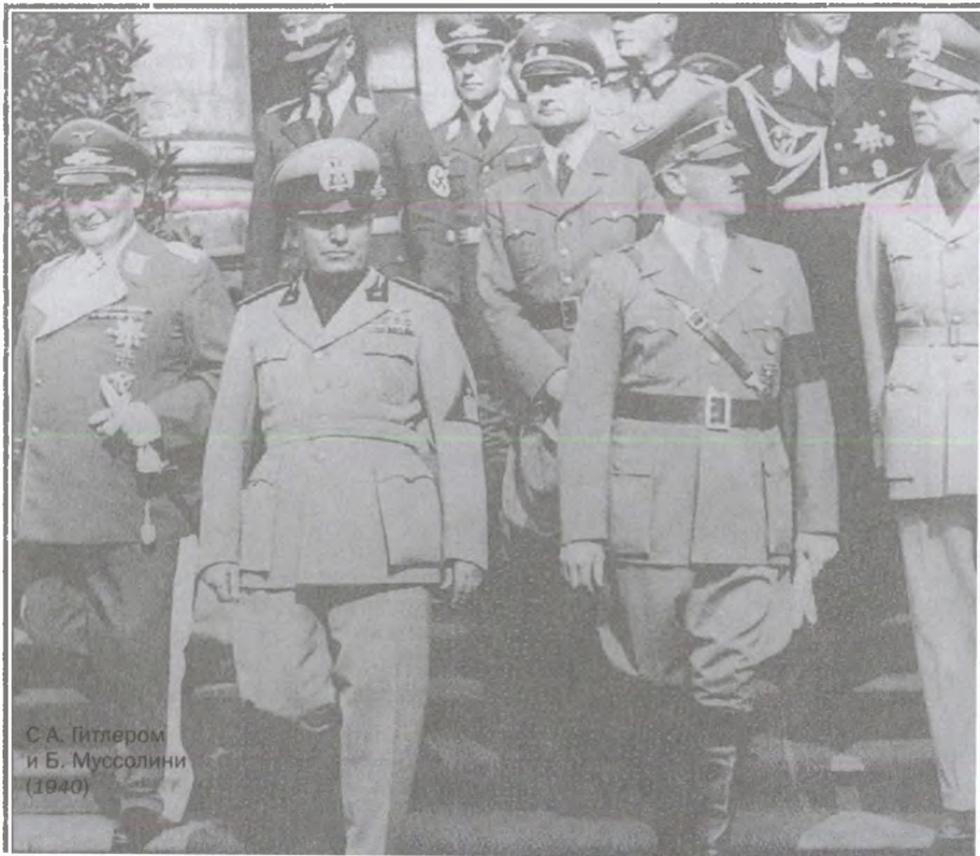
Перед бомбардировкой Варшавы

Вручение медалей
летчикам легиона «Кондор»

С. А. Гитлером, Р. Гессом и В. Кейтелем в Компьене (июнь 1940)

С. А. Гитлером
и Б. Муссолини
(1940)

С. А. Гитлером в Берлине (1940)

С. А. Гитлером и Й. Геббельсом: ценители изящных искусств

Надписи на карикатуре:

Гитлер: Недочеловек, если не ошибаюсь?

Сталин: Кровавый убийца рабочего класса, я полагаю?

С генералом Х. Ешонеком (в центре)
в окрестностях Кале

Вторая жена Геринга Эмма
с дочерью Эддой (1941)

С дочерью и племянницей

Вручение Железного креста летчице
(март 1941)

Р. Гейдрих

А. Эйхман

Г. Геринг, В. Кейтель и Г. Гиммлер
поздравляют фюрера с днем рождения

К. Денниц

В «Волчьем логове»
после взрыва
(Растенбург, 1944)

В 1945 году

На пресс-конференции
после ареста (1945)

В плену (1945)

Заключенный
нюрнбергской тюрьмы

А. Розенберг
под арестом

Нюрнбергский процесс
(1946)

Беседа с защитником (1946)

Э. Редер

Выступление Геринга на суде (1946)

«Фельдмаршалов не вешают!»

Герман Геринг — прославленный ас Первой мировой войны, рейхсмаршал, создатель люфтваффе и «наци № 2», второй человек в Третьем рейхе, почти до самого конца остававшийся официальным преемником Адольфа Гитлера, — фигура, безусловно, неординарная. Толстяк-жизнелюб, любитель хорошо поесть и сладко попить, пользовавшийся успехом у женщин. Первоклассный летчик, бесстрашно вступающий в схватки с неприятельскими истребителями. Энергичный организатор, возродивший германскую авиацию после Первой мировой войны. Наконец, единственный из первых лиц Третьего рейха, кто не покончил с собой в последние дни Третьего рейха или в союзном плену, а предпочел сдаться союзникам, чтобы на Нюрнбергском процессе попытаться оправдать идеологию национал-социализма. Он ушел из жизни лишь за два часа до казни, чтобы доказать: «Фельдмаршалов не вешают!» Опровергать эту максиму всего через несколько часов пришлось Вильгельму Кейтелю. Ни один германский фельдмаршал, кроме него, не был казнен союзниками. А вот Гитлер успел повесить фельдмаршала Вицлебена — за участие в заговоре 20 июля.

Вместе с тем Геринг был одним из вдохновителей холокоста и организаторов террора против антифашистских сил Германии. Вместе с Гитлером он сыграл важнейшую роль в подготовке агрессии против стран Европы, предоставив нацистам одно из главных орудий агрессии — мощную авиацию.

В свое время британская газета «Дейли экспресс» писала о «загадке Геринга — поклонника искусства, клоуна, чело- века, зависимого от наркотиков, тонкого, искусного манипулятора и кровавого мясника». Все биографы рейхсмар-

шала пытаются ответить на вопрос, как в одном человеке могли сочетаться такие, казалось бы, не сочетаемые качества. Я предлагаю читателям попытаться самостоятельно разгадать эту загадку, представив на их суд максимально объективную биографию второго человека Третьего рейха.

Геринга называли не только «клоуном», но еще и «железным человеком» — за решительность и беспощадность, которую он проявил в искоренении противников нацистов в Германии. Британский историк Ричард Оувери справедливо полагает, что, вопреки распространенным у широкой публики представлениям, «рейхсмаршал не являлся коррумпированной марионеткой. Он был амбициозным, лишенным сомнений политиком, который оказывал достаточно сильное влияние на Гитлера и которого можно было с уверенностью считать важным орудием реализации фашистских амбиций». Другое дело, что по поводу характера и степени влияния Геринга на Гитлера споры не утихают до сих пор.

В своей книге я хочу показать Геринга человеком, в котором выдающиеся способности и не худшие человеческие качества сочетались с искренней приверженностью злу. Наряду с Гиммлером, Борманом и Геббельсом, он входил в ближайшее окружение Гитлера и был одним из архитекторов плана завоевания мирового господства. Они, в отличие от «технократов» Риббентропа или Шпеера, были людьми идеологически ориентированными, и господство германской расы, осуществляемое по принципу: «один народ, одно государство, один фюрер», ставили выше любых прагматических соображений. При этом Геринг не обладал фанатичной верой Гитлера, Геббельса, а в какой-то мере и Гиммлера и высоко ценил радости жизни.

Геринг так и не признал своей вины за преступления против человечности. Он умер нераскаявшимся, утверждая, что хотел сделать Германию великой и сожалеет лишь о том, что не преуспел в решении этой грандиозной задачи.

Герман Вильгельм Геринг родился 12 января 1893 года в бальнеологическом санатории Мариенбад недалеко от баварского городка Розенгейм, в 60 километрах к югу от Мюнхена. Его отец, доктор Генрих Эрнст Геринг, был крупным чиновником консульской службы германского МИДа и происходил из прусской дворянской семьи. Он учился в Боннском и Гейдельбергском университетах, был членом Верховного суда Пруссии. Во франко-прусской войне 1870—1871 годов Генрих Эрнст участвовал в качестве кавалерийского офицера. Он обладал почтенной родословной. Отец Генриха Эрнста Геринга был высокопоставленным прусским юристом. Его мать, Каролина Мария де Нер, происходила из аристократической семьи, возводившей свою родословную к маркграфам бранденбургским.

Мать Германа, Франциска (Фанни), урожденная Тифенбруннер, была простой баварской крестьянкой, чей отец, правда, выбился в торговцы. Перед замужеством она работала официанткой в мюнхенской пивной. Они поженились 28 мая 1885 года. 45-летний Генрих Геринг был вдовцом, его первая жена Ида умерла в 1879 году. В первом браке у него было пять детей, из которых выжили четверо. В то время Генрих готовился отправиться в длительную командировку в недавно основанную колонию Германская Юго-Западная Африка, куда его назначили первым в ее истории губернатором (министром-резидентом). Поэтому они с Фанни обвенчались в королевской капелле Сент-Джеймс в Лондоне, где Генрих проходил ускоренный курс колониальной администрации. Фанни к тому времени исполнилось 26 лет.

У Германа Геринга был старший брат Карл и две сестры. Первое имя он получил в честь врача риттера Германа

фон Эпенштейна, с которым Геринги подружились еще в Юго-Западной Африке, а второе — Вильгельм — в память императора Вильгельма II. За несколько лет до рождения Германа фон Эпенштейн, купивший и восстановивший замок Маутерндорф в Австрии, недалеко от Зальцбурга, был возведен австрийским императором Францем-Иосифом в рыцари.

Ко времени рождения Германа Генрих Геринг находился на Гаити, где служил генеральным консулом. В Германии семья оказалась лишь через три года. Там Геринг-старший завел дружбу со знаменитыми людьми, в частности с конструктором дирижаблей графом фон Цеппелином, с известным швейцарским искусствоведом Карлом Буркхардтом. Еще ранее, в Англии и в Африке, он подружился с видными британскими колониальными деятелями — Сесилем Родсом и лордом Чемберленом-старшим. Когда, уже после смерти отца, Герман узнал об этом, он был поражен и сожалел, что при жизни недооценивал своего родителя.

Первые годы жизни будущий рейхсмаршал провел у знакомых семьи в баварском городе Ферте. Он был капризным и раздражительным ребенком, но быстро успокаивался, получив какой-нибудь подарок. Сестра Германа Ольга вспоминала, что, когда они встречали на железнодорожном вокзале вернувшихся с Гаити родителей, трехлетний малыш демонстративно повернулся к прибывшему поезду спиной. А когда мать взяла его на руки, он расплакался и даже стал бить ее кулачками по лицу и груди. Отца же Герман вообще проигнорировал. Для него это были чужие, незнакомые люди.

Долгие годы службы в тропических странах подорвали здоровье Генриха Геринга, и в возрасте 56 лет он вынужден был уйти в отставку. После этого Генрих стал искать утешения в вине, за что сын презирал его.

Крестный отец Германа Эпенштейн часто навещал Герингов. Однажды этот преуспевающий врач пригласил все семейство погостить в его замке у деревни Маутерндорф. Там юный Герман познакомился с рыцарской экзотикой, которой увлекался хозяин замка. Слуги были одеты в средневековые одежды, подаче на стол каждого нового блюда предшествовал звук охотничьего рога. По праздникам же в большом зале выступала группа новоявленных менестре-

лей. С тех пор неорыцарские идеалы глубоко запали в душу Герману Герингу.

Большинство исследователей полагают, что доктор Эпенштейн и фрау Геринг стали любовниками примерно за год до рождения Альберта, младшего брата Германа. Не исключено, что ее муж и запил именно из-за этого. Богатый любовник щедро одаривал свою пассию, и многолетнее семейство Геринг (у Генриха Геринга было еще пять детей от первого брака), в том числе и юный Герман, ни в чем не знало нужды. Эпенштейн позже стал крестным и других детей Фанни.

Доктор Геринг, в полном соответствии с традициями своего сословия, придерживался мнения, что предназначением женщин являются три «К» — «Kinder», «Kirche», «Kueche», то есть «дети», «церковь», «кухня». Фани не разделяла эту точку зрения.

В 1900 году Герман часто болел бронхитом и пневмонией, и Эпенштейн предложил Герингам отправиться в другой свой замок, на этот раз в Франконии (Бавария). Это была отреставрированная средневековая крепость XI века Бург-Фельденштейн. По большому счету, от крепости остался только фундамент, а сам замок был новоделом, выполненным в средневековом стиле.

Как пишет биограф Геринга Вили Фришауэр, «хотя предки Германа Геринга по отцовской линии были выходцами из Пруссии, он предпочитал считать себя баварцем. Именно в Баварии он получил известность в качестве члена «Баварской группы» национал-социалистической партии, и многие, даже его близкие друзья, были позже удивлены, обнаружив так много прусских черт в его характере».

Когда фон Эпенштейн давал балы в замке, Фанни выступала в роли хозяйки. Остальные же члены семейства Геринг в это время оставались в отведенном им флигеле рядом с замком. Эпенштейн часто отъезжал из Бург-Фельденштейна в находившийся неподалеку Байрейт на Вагнеровские фестивали. Но в домике Герингов одна из спален и гостиная всегда были свободны, и в свои приезды в замок Эпенштейн уединялся там с Фанни. Генрих Геринг давно смирился со своим положением и никаких обид, по крайней мере открыто, не высказывал.

Герман Геринг всю жизнь очень любил своего крестного. Как вспоминал другой крестник фон Эпенштейна, профессор Ганс Тирринг:

«Герман по-настоящему подрался и разбил в кровь нос приезжему мальчишке, утверждавшему, что крестный получил свой титул от кайзера за деньги, а не за доблесть».

На следующий же день этого мальчишку вместе с родителями выставили из замка. Герману же в награду разрешили целый день провести в горах вместе с Эпенштейном и даже поучаствовать в охоте на серн.

В 1904 году Германа Геринга направили в школу-интернат в Ансбахе. Там ему сразу же не понравилось. Дисциплина была строгой, а пища — скудной. Дома он занимался с учителем игрой на фортепиано, но в школе на уроках музыки Германа заставили играть на скрипке, а с этим инструментом он был не в ладах. В Ансбахе Геринг, как утверждали после войны некоторые его биографы из антифашистского лагеря, неожиданно узнал, что на самом деле Эпенштейн был евреем, но это не уменьшило восхищение им юного Германа, которому в те годы еще был чужд антисемитизм. Творцы этой версии утверждали, что Эпенштейн, будучи одно время врачом прусского кронпринца Фридриха Вильгельма, познакомился с дочерью банкира-немца и, чтобы вступить с ней в законный брак, перешел в католичество. После получения дворянства и рыцарства фамилия Эпенштейн была занесена в Semi-Gotha — список дворянских фамилий, пожалованных евреям.

Скандал будто бы случился после сочинения на тему «Человек, которым я восхищаюсь». Геринг написал его о фон Эпенштейне. На следующий день директор школы вызвал Германа в свой кабинет и порадовал его сообщением, что ученики ансбахской школы ни в коем случае не должны писать сочинения, восхваляющие евреев. Когда мальчик возразил, что его крестный — католик, директор протянул ему список Semi-Gotha и заставил сто раз написать: «Мне не следует восхвалять евреев» и переписать все фамилии из Semi-Gotha. Вскоре эта история стала известна всей школе, и над Германом стали издеваться. Однажды он набросился с кулаками на трех обидчиков, но к ним подоспело подкрепление. В результате Германа протащили вокруг школы с плакатом на шее: «Мой крестный — еврей». На следующее утро он поки-

нул Ансбах, на последние пфенниги купив железнодорожный билет, а перед отъездом сломал скрипку и порвал струны на других инструментах школьного оркестра.

Эта история слишком красочна и мифологична, чтобы ей верить. Хотя среди немцев было немало юдофобов и в начале XX века, антисемитизм в Германии отнюдь не был в то время государственной политикой. Поэтому не существовало никаких препятствий для занятия евреями самых высоких постов на государственной службе. И учащийся не мог быть подвергнут гонениям за попытку хорошо отозваться о лице еврейского происхождения в школьном сочинении. Невозможно представить себе школьного директора, сурово отчитывающего ученика за юдофильство. Да и крайне сомнительно, чтобы кто-нибудь вообще стал копаться в родословной Эпенштейна и уж тем более публично сравнивать доктора, обладавшего немалыми связями в Берлине.

Официальная же версия оставления Германом Герингом школы в Ансбахе была оглашена в 1938 году. Она звучит так. Геринг был исключен из школы за то, что возглавил бойкот школьной столовой за скверное качество еды. Эта версия, учитывая изрядный аппетит Германа, выглядит, замечу, куда правдоподобнее, чем «еврейская». Также утверждалось, что обратный билет он купил на деньги, вырученные от продажи своей скрипки, к которой действительно не питал ни малейших симпатий, одному из школьников. Это выглядит гораздо достовернее. Геринг не был склонен к импульсивным поступкам и скорее бы продал скрипку, чем сломал ценный инструмент — ведь крестный вряд ли купил бы для него дешевый ширпотреб.

На самом деле история о будто бы еврейском происхождении фон Эпенштейна — чистой воды миф, созданный уже после Второй мировой войны антинацистскими публицистами с целью еще раз подчеркнуть расовую доктрину нацистов. Дипломат Чарльз Бьюли, являвшийся в 1933—1939 годах ирландским посланником в Германии и друживший с Герингом и его семьей, пишет в своей довольно апологетической биографии рейхсмаршала:

«Вскоре после Нюрнбергского процесса в одной немецкой иллюстрированной газете появилась статья, где утверждалось, что Эппенштейн (автор писал эту фамилию через

два «п». — Б. С.) был евреем, и делался упор на неодобрительное отношение Геринга к расе, к которой принадлежал его покровитель. Другие авторы, такие, как Фришауэр и Тревор-Рупер, обеспечили дальнейшую рекламу предполагаемому еврейскому происхождению Эпенштейна, делая ту же ошибку в правописании этого имени, настаивая, что «он принял христианскую веру за несколько лет до возвращения д-ра Генриха Эрнста Геринга с Гаити». Удивительно, но никто из них не посчитал нужным спросить кого-либо из членов семьи Геринга, насколько предположения, так легко делавшиеся корреспондентами, соответствуют истине.

В действительности Эпенштейн никогда не был евреем ни по национальности, ни по религии: то обстоятельство, что в молодости он служил в элитном Данцигском полку «гусар смерти» (чьей эмблемой была мертвая голова), само по себе свидетельствует об этом. Он был выходцем из богатой северогерманской семьи и после окончания военной службы имел медицинскую практику в Берлине и Тюрингии. В течение всей своей жизни д-р Геринг был его ближайшим другом. После того как он оставил медицинскую практику, Эпенштейн купил замок Фельденштейн и разрешил д-ру Герингу и его семье проживать в этом замке. Позднее он купил также замок Маутерндорф в Австрии, получил австрийское гражданство и получил титул риттера фон Эпенштейна от императора Франца-Иосифа».

Бьюли также опровергает слухи, будто Герман Геринг был внебрачным сыном фон Эпенштейна:

«Нет ничего удивительного в том, что пожилой и бездетный доктор относился к своему крестнику почти как к приемному сыну: мальчишка Герман в избытке обладал всеми качествами, которые делают юность столь привлекательной. Физически он представлял собой тип, который бесчисленные иллюстраторы избрали в качестве модели для героя мальчишеских книг о приключениях седьмого сына в германском фольклоре. Светлые голубые глаза, которые навсегда остались его наиболее характерной, выделяющейся чертой, правильные, почти классические черты лица, белая, бледная кожа, настолько бледная, что лишь его взгляд, пышущий здоровьем, предотвращал впечатление о его болезненности, тонкое телосложение, в котором не было ни малейших признаков позднейшей полноты, — он казался почти идеальным типом германского нордического юноши».

Действительно, приводимые Бьюли доводы следует признать весомыми. Офицерами в полку «гусар смерти» служили только лица дворянского происхождения. Значит, дворянами должны были быть, как минимум, уже родители Генриха Эпенштейна. И они никак не могли быть евреями, поскольку лица из Semi-Gotha в элитные полки не допускались. Возможно, насчет невинности жены доктора Геринга ирландский дипломат сообщает не вполне истинные сведения. Вполне вероятно, что она действительно была любовницей фон Эпенштейна, но не подлежит сомнению, что Генриха Геринга и фон Эпенштейна связывала многолетняя дружба, которая, правда (Бьюли об этом не упоминает), в конце концов дала трещину.

Фамилия Эпенштейн (или Эппенштейн) достаточно распространена как среди евреев, так и среди немцев, в том числе дворян, и ни в коем случае не является исключительно еврейской. Характерно, что авторы, настаивавшие на еврейском происхождении Эпенштейна, ни разу не привели данных его метрики или метрик его родителей. Это — верный признак того, что мы имеем дело с легендой.

Крестный поощрял увлечения мальчика спортом, в частности альпинизмом. В десять лет Герман самостоятельно взобрался на отвесную скалу, на которой стоял Бург-Фельденштейн. В 13 лет вместе с мужем одной из своих сестер он совершил восхождение на гору Гросглокнер высотой 3800 метров, причем по самому трудному и опасному маршруту. А во время покорения Монблана Герман вывихнул руку, но с помощью товарища вправил сустав и, несмотря на боль, закончил восхождение. Уже в детстве Геринг говорил, что его магически влечет к себе высота.

После неудачи с ансбахской школой Генрих Геринг и Герман фон Эпенштейн, когда-то служившие в кавалерии, решили определить Германа в кавалерийский кадетский корпус в Карлсруэ. Благо в замке он хорошо научился ездить верхом. В 1909 году Геринг окончил его, получив отличные оценки по верховой езде, истории, английскому и французскому языкам, музыке, а также по поведению. В его аттестате было записано, что он показал себя примерным кадетом и проявил качество, необходимое хорошему офицеру, — умение рисковать.

После окончания кадетского корпуса Геринг поступил в офицерское училище в Лихтерфельде под Берлином. Юнкера воспитывались в средневековых рыцарских традициях, что не мешало им быть завсегда пивных и борделей — в последних Герман пользовался особой популярностью.

В 1912 году союз Герингов и Эпенштейна был нарушен. Генрих Геринг вдруг проявил характер и восстал против сожительства своей жены с Эпенштейном. Когда Герман, с отличием окончив училище и получив первый офицерский чин, прибыл в Бург-Фельденштейн, крестного он там не застал. Правда, Эпенштейн оставил ему свои письменные поздравления и солидную сумму денег. Герман заметил, что родители заметно постарели, особенно мать, которой к тому времени исполнилось всего 46 лет.

Эпенштейн запиской пригласил Германа приехать к нему в замок Маутерндорф. До отъезда в 112-й кронпринца прусского Вильгельма пехотный полк, расположенный в Мюльхаузене, у французской границы, у Германа еще оставалось время, и он решил навестить крестного. В Маутерндорфе он застал Эпенштейна с молодой любовницей, которой было чуть больше 20 лет. Она крепко окрутила доктора и вскоре после визита Германа стала Лили фон Эпенштейн. По случаю отправки в полк крестный подарил Герману две тысячи марок.

В начале 1913 года Эпенштейн сообщил Фанни, что он женится и семейство Геринг должно покинуть Бург-Фельденштейн. Генрих Геринг напоследок упрекнул бывшего друга в предательстве.

Герман узнал об этом уже в полку и очень огорчился, так как успел похвастаться перед товарищами семейным замком. Весной 1913 года Геринги покинули уютное гнездышко, к которому привыкли. Эпенштейн проявил благородство и дал им три месяца на сборы и поиск новой квартиры. Семейство переселилось в Мюнхен, где арендовало дом. Генрих Геринг приехал в Мюнхен уже тяжело больным и вскоре умер. Для участия в похоронах отца Герману дали отпуск. Вместе с матерью они разбирали отцовские бумаги. Герман впервые осознал, что его отец был выдающейся личностью и имел немалые заслуги перед рейхом. Сын горько раскаялся, что не уделял отцу при жизни должного внимания, и не мог сдержать слез во время похорон на мюнхенском кладбище Вальд-Фридрихсхоф.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России, а на следующий день — Франции. Уже через несколько часов после начала Первой мировой войны Геринг принял участие в бою с французскими войсками, развернувшими наступление в Эльзасе. Французам удалось захватить Мюльхаузен и водрузить над ратушей свой флаг. Однако вскоре взвод солдат под командованием лейтенанта Геринга форсировал Рейн по невзорванному железнодорожному мосту и выгнал небольшой французский отряд из города. Геринг собственноручно сорвал французский триколор с ратуши. В качестве трофея были также захвачены четыре лошади. Поздним вечером взвод Геринга без потерь вернулся на левый берег Рейна.

Французы заняли город более значительными силами, на этот раз захватив и железнодорожный мост. Тогда Геринг отправился в Мюльхаузен с патрулем из семи солдат на велосипедах. Они переправились через Рейн вброд. На рассвете немцы бесшумно сняли французских часовых на окраине Мюльхаузена и прошли к центральной площади, где перед жителями выступал командир французской бригады генерал Поль По. Герман хотел внезапно вскочить в седло, отвязав французскую лошадь, схватить генерала По и под прикрытием своих солдат увезти столь ценного языка за Рейн. Но один из немцев случайно спустил курок своей винтовки, поднялся шум, и Герингу с его людьми пришлось ретироваться. На обратном пути они захватили в плен четырех французских солдат. За этот подвиг Геринг удостоился благодарности в приказе по полку.

Вскоре война на Западном фронте приняла позиционный характер. Полк Геринга засел в окопах. Но сам Герман

пробыл там недолго. Он заболел ревматической лихорадкой и был отправлен в госпиталь во Фрейбург. Когда дела у Геринга пошли на поправку, его навестил друг по гарнизону в Мюльхаузене — лейтенант Бруно Лёрцер. Оказалось, что он обучается здесь в летной школе на пилота.

Геринг сразу же захотел стать летчиком. Но осуществить задуманное было непросто, ведь Германия вступила в войну, имея всего 264 самолета. Полковой командир не удовлетворил просьбу Геринга, уже успевшего после выписки из госпиталя совершить с Бруно несколько полетов в качестве наблюдателя, о переводе в летную школу. Герман проигнорировал неоднократные приказы вернуться в полк и продолжал тренировочные полеты в качестве наблюдателя, фотографируя неприятельские позиции.

За неподчинение Герингу грозил военный суд. Тогда он обратился за помощью к Эпенштейну. Тот, пользуясь своими давними связями при кайзеровском дворе, предоставил крестнику медицинскую справку о том, что по состоянию здоровья он не может служить в окопах. Военный суд уже начал предварительные слушания по делу Геринга, когда хлопоты Эпенштейна увенчались успехом, и Германа вместе с Бруно Лёрцером отправили на фронт в составе одной из авиационных частей. Суд тем не менее приговорил Геринга к трем неделям ареста за опоздание в часть. Однако этот приговор был отменен приказом кронпринца прусского, шефа 112-го пехотного полка, откомандировавшего Лёрцера и Геринга в состав авиаотряда 5-й армии, действовавшей под Верденом. Геринг признавался позже:

«Я оживаю только тогда, когда поднимаюсь в воздух, тогда я ощущаю себя почти что богом, хотя и маленьким. На земле же я — как в воду опущенный».

Герман и его друг начали полеты с аэродрома Стене в Северной Франции весной 1915 года. К тому времени относятся и первые воздушные бои между самолетами противоборствующих сторон. Прежде самолеты использовались главным образом для разведки и корректировки артиллерийского огня и в меньшей степени — для бомбометания.

Геринг и Лёрцер летали на двухместном биплане «альбатрос» «В-1». Когда самолет снижался над неприятель-

скими позициями, Лёрцер делал вираж, Герман свешивался за борт и фотографировал под ружейно-пулемётным огнем французов. Такая операция требовала немалого искусства. Иногда Герингу приходилось держаться за борт самолета лишь ступнями. Его даже прозвали «воздушным гимнастом». Уже в марте 1915 года кронпринц вручил Лёрцеру и Герингу Железные кресты первого класса прямо на летном поле за то, что они сумели снять все укрепления Вердена. Ранее оба получили Железные кресты второго класса.

Вскоре после этого Геринг вооружил их «альбатрос» тяжелым пулеметом. Теперь он не только фотографировал, но и поливал из пулемета вражеских солдат, обстреливавших его самолет.

1 апреля 1915 года четыре германских «альбатроса» впервые подверглись атаке французского моноплана «фарман», вооруженного легким пулеметом, стрелявшим через лопасти винта. Огонь еще не был синхронизирован, и пули неизбежно повреждали лопасти винта, однако французский летчик Ролан Гарро, изобретший этот способ воздушного боя, осознанно шел на риск. В результате в своем первом бою он сбил две германские машины. За 19 дней Гарро уничтожил семь неприятельских самолетов, хотя его моноплан каждый раз с большим трудом дотягивал до аэродрома.

Немцам требовалось найти ответ на брошенный им вызов. На их счастье, 19 апреля Гарро из-за поломки двигателя совершил вынужденную посадку на занятой неприятелем территории. Его взяли в плен прежде, чем он успел уничтожить свой самолет. Так в руках у немцев оказался до того неизвестный им пулемет.

Голландский авиаконструктор Антон-Герман-Жерар Фоккер, работавший на германских заводах, обследовал захваченный моноплан и придумал, как синхронизировать стрельбу пулемета с работой винта. Он вспомнил, как в детстве бросал камешки в ветряные мельницы. Надо было целиться камешком в крыло мельницы в тот момент, когда оно стоит вертикально. Тогда, пока камешек долетит до мельницы, на этом месте окажется пустота. Уже через шесть дней Фоккер оборудовал синхронизированным пулеметом моноплан собственной конструкции.

Он продемонстрировал стрельбу пулемета специальной комиссии на земле и в воздухе, но германское правительство, обещавшее крупную денежную премию за решение проблемы синхронизации, потребовало, чтобы новое оружие было протестировано в бою. Тогда Фоккер сам надел мундир лейтенанта германской армии, получил солдатскую книжку на чужое имя и в середине мая 1915 года отправился на аэродром в Дуэ. Перед вылетом он позавтракал в компании с кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом и немецкими летчиками, среди которых были Геринг и Лёрцер. Геринг видел, что Фоккер очень взволнован и почти не ест, и ободряюще похлопал его по спине.

Голландец никогда прежде не служил в армии и к тому же прекрасно понимал, что в случае, если он будет сбит и попадет в плен, его могут расстрелять как немецкого шпиона. Ведь он не был германским подданным и к тому же летел с фальшивыми документами.

Семь дней Фоккер поднимался в воздух, но французских машин так и не встретил. Наконец на восьмой день удача улыбнулась ему — навстречу летел двухместный «фарман». Фоккер спикировал на него на высоте 2 000 метров, но огонь так и не открыл: не смог убивать людей, не причинивших ему никакого зла. Немецкое командование было возмущено, но ничего не могло сделать с упрямым голландцем. Наконец они пришли к соглашению: Фоккер объяснит немецкому пилоту, как пользоваться пулеметом.

Первым испытателем стал лейтенант Освальд Бёльке. Он сбил французский самолет, летчик которого не подозревал о грозившей ему опасности. После этого было приказано оснастить пулеметом и другие монопланы конструкции Фоккера. У немецких летчиков появилось эффективное оружие для ведения воздушного боя. В июне таких самолетов было уже шестнадцать и германская авиация завоевала господство в воздухе на Западном фронте. Но вскоре в руки к французам попал сбитый немецкий самолет с синхронизированным пулеметом, и они переняли это изобретение. Теперь вооруженные пулеметами истребители появились с обеих сторон, и в небе развернулись ожесточенные воздушные бои.

Геринг загорелся идеей стать летчиком-истребителем. В июне 1915 года он вновь прибыл в школу во Фрейбурге.

Герман сразу же достиг больших успехов, удивительно быстро освоив взлет и посадку — он много раз видел, как это делает Лёрцер. Новичок очень скоро стал мастером высшего пилотажа. Впоследствии Геринг с гордостью вспоминал, что из его выпуска он был единственным, кто за время обучения не разбил ни одного аэроплана.

Сначала Геринг пилотировал самолет-разведчик, затем — бомбардировщик, а в октябре 1915 года перешел в состав 5-й эскадрильи, сражавшейся на Западном фронте. На исходе третьей недели полетов Геринг атаковал новейший британский «хендли-пейдж». Ему удалось убить стрелка, располагавшегося в специальной кабине на фюзеляже бомбардировщика, и поджечь один из моторов, но в этот момент его атаковало звено британских истребителей «сопвич». У самолета были пробиты крыло и бензобак, а Герман был ранен в бедро обломком ручки сиденья. С трудом он сумел дотянуть до германских позиций и совершил вынужденную посадку на кладбище. К счастью для Геринга, рядом находился лазарет, где раненому быстро оказали необходимую помощь, иначе бы он умер от потери крови. Из раны глубиной десять сантиметров извлекли обломок ручки и осколки кости.

Полгода Герингу пришлось провести в госпитале, причем все это время его мучили боли в бедре. Летом 1916 года Геринга выписали из госпиталя и дали отпуск для поправки здоровья. Он отправился к крестному в Маутерндорф.

Фон Эпенштейн был рад приезду крестника. На устроенном в его честь банкете Герман познакомился с Марианной Маузер, дочерью местного помещика. Они полюбили друг друга с первого взгляда. В конце отпуска Герман попросил у отца Марианны руки его дочери. Того не слишком вдохновляло отсутствие у семьи Геринг капитала и недвижимости, но Эпенштейн поддержал своего крестника, и Маузер, хоть и тянул с ответом, в конце концов согласился на тайную помолвку.

3 ноября 1916 года Герман вернулся на фронт. Этот день оказался траурным для германской авиации: хоронили легендарного Освальда Бёлке, сбитого двумя днями ранее. Геринг теперь служил в 26-й эскадрилье, которой командовал его друг Бруно Лёрцер. К середине 1917 года на счету Германа было уже семнадцать воздушных побед. К Железному кресту добавились еще две награды: орден Льва с мечами и орден Карла Фридриха.

Геринга назначили командовать новой, 27-й эскадрильей во Фландрии, по соседству с эскадрильей Лёрцера. Они часто приходили на помощь друг другу в бою. То Геринг спасает Бруно, атакуя британский истребитель, заходящий тому в хвост, то Лёрцер вступает в бой сразу с тремя французскими истребителями, чтобы Герман смог совершить посадку на своей поврежденной машине. Геринг писал сестре:

«Наша дружба прочнее самой крепкой стали. Я знаю, что в решающую минуту он меня никогда не бросит».

Геринг оказался не только отличным воздушным бойцом, но и прекрасным командиром эскадрильи. В свободное от службы время он мог расслабиться вместе с подчиненными в спортзале, на дружеской пирушке и даже в веселой компании с «девочками», но в бою требовал железной дисциплины. Все пилоты действовали по заранее разработанному Герингом плану. Они не должны были отвлекаться на индивидуальную охоту за вражескими машинами, а тесно взаимодействовать друг с другом. Герман тщательно следил за исправностью техники и умел вовремя обеспечить своих летчиков всем необходимым. Число сбитых вражеских самолетов у эскадрильи Геринга было больше, чем у других, а количество потерянных собственных машин — меньше.

Геринг был представлен к высшей германской награде — военному кресту «За заслуги», когда сбил пятнадцать вражеских машин. Он получил его в Берлине из рук самого императора Вильгельма II. Теперь Геринг стал официальным героем войны. Его прославляли в газетах, публика приветствовала и угощала его в берлинских ресторанах. Вскоре Геринг получил также крест Гогенцоллерна с мечами 3-й степени.

Впоследствии эскадрильи были объединены в эскадры. Эскадру № 1 возглавил сам Красный Барон Манфред фон Рихтхофен. Он получил это прозвище потому, что его самолет был выкрашен в ярко-красный цвет — чтобы враги сразу видели, с кем имеют дело, и робели от сознания того, что им приходится противостоять знаменитому асу. В состав эскадры Рихтхофена входила и эскадрилья Геринга.

20 апреля 1918 года Рихтхофен сбил свой восьмидесятый самолет. Но это стало последней удачей Красного Барона. На следующий день он ввязался в схватку со звеном британских «сопвичей», в котором были ветеран воздушных боев канадец Рой Браун и новичок Уилфред Мэй, тоже канадец. В ходе боя Мэй расстрелял весь боезапас и Рихтхофен пристроился ему в хвост. Но его, в свою очередь, сверху атаковал Браун. В то же время самолет Рихтхофена оказался довольно близко от земли, и из окопов по нему открыли огонь британские пулеметчики. Подбитый «фоккер» Красного Барона обломил шасси и приземлился на брюхо неподалеку от проселочной дороги. Хотя эта местность простреливалась немцами, британские солдаты, невзирая на риск, окружили самолет. Убедившись, что пилот мертв, они извлекли его тело. Найденные документы свидетельствовали, что погибшим оказался сам Манфред фон Рихтхофен.

23 апреля вблизи аэродрома Каппи, на котором базировалась эскадрилья, которой когда-то командовал Рихтхофен, британский аэроплан сбросил вымпел с металлическим контейнером. В контейнере была фотография торжественных похорон, устроенных англичанами Красному Барону, и записка следующего содержания:

«Германским летчикам.

Ротмистр барон Манфред фон Рихтхофен погиб в воздушном бою 21 апреля 1918 года. Он был погребен со всеми воинскими почестями. Британские королевские военно-воздушные силы».

Воздушным боям Первой мировой войны были свойственны рыцарские традиции. Удивительно, но во многом их удалось сохранить и в годы Второй мировой. Так, когда во время «битвы за Британию» Гитлер предложил Герингу приказать германским летчикам расстреливать из пулеметов англичан, спускающихся на парашютах, и тем самым увеличить потери неприятеля в пилотах, Геринг, посоветовавшись с несколькими асами, возразил, что подобное нарушение традиций не встретит понимания среди немецких летчиков.

24 апреля 1918 года именно Герингу пришлось организовывать заупокойную службу по Рихтхофену в местной церкви. Погибший оставил «завещание», в котором своим преемником назначил капитана Рейнхардта. Эскадра № 1 получила имя своего первого командира — Манфреда фон Рихтхофена.

В июне 1918 года все эскадрильи оснастили новыми самолетами. Триплан «Фоккер D-1» был заменен бипланом «Фоккер D-7». Но на нем германские летчики летали недолго. На подходе был еще более скоростной моноплан «Фоккер D-8».

3 июля 1918 года Геринг вместе с другими командирами эскадрилий Западного фронта опробовал новую машину, которая понравилась всем. Затем летчики отобедали с Антоном Фоккером. После обеда Геринг заметил на летном поле какой-то новый, ранее неизвестный ему биплан. Это оказалась экспериментальная машина конструкции доктора Клода Дорнье. Герман захотел опробовать ее в воздухе. «Дорнье» великолепно слушался руля, и Геринг проделал на нем едва ли не все известные к тому времени фигуры высшего пилотажа. Вильгельм Рейнхардт решил последовать его примеру, но случилась трагедия: пилот слишком резко набрал высоту, у самолета оторвалось крыло. Машина врезалась в землю, и Рейнхардт погиб.

На то, чтобы сменить Рейнхардта во главе эскадры № 1, претендовали Эрнст Удет и Карл Лёвенхардт, одержавшие больше всех побед в воздушных боях. 4 июля 1918 года Удета назначили исполняющим обязанности командира эскадры, но на следующий день приказ о назначении был отменен. Летчики эскадры были уверены, что теперь их главой станет Лёвенхардт, и ошиблись. 7 июля командиром истре-

бительной эскадры № 1 «Барон фон Рихтхофен» был назначен лейтенант Герман Геринг.

14 июля Геринг был представлен личному составу своей эскадры. Ни Удет, ни Лёвенхардт не питали к нему симпатий. Кроме того, Геринг не входил в прежнюю эскадрилью Рихтхофена, что вызывало ревность у соратников Красного Барона. Тем не менее Удет признавал позднее, что «Геринга поставили на место Рихтхофена потому, что он считался самым передовым стратегом во всей армейской авиации».

Адъютант (начальник штаба) эскадры лейтенант Карл Боденшатц вручил Герингу символ эскадры — трость Рихтхофена, вырезанную из терновника (британцы благородно вернули немцам реликвию, найденную в сбитом самолете). На этой трости были сделаны зарубки по числу сбитых эскадрой вражеских самолетов. Прежде зарубки вырезал сам Рихтхофен, теперь эту почетную обязанность доверили Герману. Получив трость, Геринг обратился к пилотам с речью:

«Господа, император оказал мне огромную честь, назначив командовать столь прославленной частью. Было много славных боев, погибло много прекрасных летчиков, но в результате наша часть закалилась и стала непревзойденной. Во всем мире нет пилотов лучше вас. Я надеюсь оправдать ваше доверие и убежден, что вы всегда будете достойны своих товарищей, которые отдали жизни за нас, за наш воздушный флот, за Германию! Сейчас от нас требуется напряжение всех сил, ибо наступают самые страшные времена. Мы встретим их вместе и приумножим славу Отечества!»

По поводу этой речи Боденшатц записал в дневнике:

«Новый командир хорошо стартовал».

А Удет в мемуарах вспоминал, как, вернувшись из отпуска и в первый же день сбив два самолета, он наконец установил человеческий контакт с Герингом:

«Я вылезая из самолета и смотрю на рану. Пуля прошла через бедро, рана все еще кровоточит. Все расступаются в стороны, и ко мне подходит Геринг. Я докладываю: «Шестьдесят первый и шестьдесят второй сбиты. Я легко ранен». Геринг смеется и трясет мне руку: «Здорово, когда сидишь здесь и оставляешь друзьям все победы», — говорит он, как хороший боевой товарищ».

Германскую армию ждали черные времена. В дни, когда Геринг принимал командование эскадрой, немцы уже проигрывали вторую битву на Марне, что стало предвестием скорого краха всего Западного фронта.

Свой первый бой в качестве командира эскадры Геринг принял 15 июля. Он вместе товарищами атаковал британские истребители, а затем — группу французских бомбардировщиков, направлявшихся на бомбардировку германских тылов. Ни один бомбардировщик сбить тогда не удалось: пули отскакивали от их бронированной обшивки. В рапорте об этом бое Геринг высоко оценил боевые качества британских летчиков-истребителей и их машин, отметив попутно, что французские истребители им существенно уступают и обычно избегают серьезных боестолкновений. Зато французские двухместные бомбардировщики «кудрон» он похвалил. Геринг писал тогда:

«Я лично атаковал «кудрон» и попусту истратил почти весь боезапас. Их обшивка практически не пробивается нашими пулями. Француз меня совершенно игнорировал и спокойно продолжал полет».

Геринг полагал, что такие бомбардировщики лучше сбивать зенитным огнем в незащищенное брюхо, нежели зря рисковать самолетами-истребителями. Он критиковал командиров звеньев за отсутствие дисциплины. Во время командования Рейнхардта многие из них чрезмерно увлеклись «свободной охотой», а весь летный состав разделился на асов и ассистентов. Первые охотились за неприятельскими самолетами и умножали счет побед, вторые прикрывали их и часто сами становились жертвами вражеских истребителей. При этом совокупные потери могли оказаться больше, чем в эскадрилье Геринга, который сумел наладить взаимодействие своих пилотов в групповом бою.

Герман заявил, что со «свободной охотой» покончено.

«Павлинов надо ощипать прежде, чем они потеряют свои перья», — заявил он Боденшатцу.

18 июля Геринг передал во всех эскадрильях командование заместителям, а командирам, в том числе Удету, Лёвенхардту и Лотару фон Рихтхофену, брату Красного Барона, приказал лететь под своим непосредственным началом.

В этом бою он сбил только один британский бомбардировщик, однако именно его маневры обеспечили успех ведомых. Геринг несколько раз рассекал боевой порядок самолетов противника. Лишенные взаимодействия, они становились для немецких асов легкой добычей. Лёвенхардт и Удет сознавали, что своими успехами они целиком обязаны командиром.

В начале августа Геринг, оставив вместо себя Лотара фон Рихтхофена, отправился в краткосрочный отпуск в Мюнхен и Маутерндорф, где провел время с четой Эпенштейн, своей матерью и невестой. Его отношения с Марианной расстроились. После «черного дня» 8 августа, когда несколько дивизий побежали под натиском врага, поражение Германии стало очевидным. Отец невесты, сознавая, что жених не только гол как сокол, но и в свете близкого и катастрофического для немцев окончания войны имеет все шансы остаться безработным, отговорил дочь от замужества.

Когда Герман вернулся на Западный фронт в сентябре, его эскадра испытывала нарастающий дефицит горючего, в то время как мощь неприятельской авиации усиливалась все более. Это вело к росту немецких потерь в воздухе и на земле. Лейтенант Боденшатц записал в дневнике, что Геринг «похудел и посуровел», а на его лице стали заметны признаки переутомления.

В начале ноября в Германии вспыхнула революция, начавшаяся с мятежа на флоте. 10 ноября появилось сообщение об отречении кайзера, а днем ранее прекратились боевые действия. Геринг и его пилоты были готовы сражаться за кайзера до победного конца или до собственной смерти, но теперь драться было не за кого. Удет так вспоминал об этом времени:

«И затем приходит конец, невероятный для всех нас, кто воевал до конца. Мир, который никто из нас не принимает».

В тот же день Герингу поступил приказ сдать все свои аэропланы ближайшим американским частям. Геринг отказался выполнить этот приказ. Понимая, что до капитуляции остались считанные часы, он приказал своим людям на исправных машинах перелететь в Дармштадт, забрав штабные документы и все сколько-нибудь ценное имущество. Те самолеты, которые не могли подняться в воздух, пришлось

бросить. Боденшатц должен был возглавить автоколонну с эвакуируемым имуществом, а Геринг и его товарищи уже готовились взлететь, когда внезапно на взлетную полосу выехала штабная машина. Офицер штаба 5-й армии вручил разъяренному Герингу новый приказ: немедленно лететь в Страсбург, уже занятый французами, где самолеты эскадры будут разоружены. Офицер предупредил, что неисполнение этого требования союзники могут использовать как предлог для возобновления наступления, которое германские войска сейчас не в состоянии остановить. Тогда Геринг, посоветовавшись с командирами эскадрилий, решил: пять пилотов, выбранные по жребию, отправятся на пяти самолетах в Страсбург и скажут французам, что это только первое звено, а остальные прилетят следом. Геринг же в это время с основной частью летчиков улетит в Дармштадт. Штабной офицер возражал, но Геринг и его товарищи не отпустили его до тех пор, пока все машины не поднялись в воздух. После этого Боденшатц сопровождал заложника в своей штабной колонне до Дармштадта. Пилоты же, отправившиеся в Страсбург, получили от Геринга секретный приказ разбить машины при посадке, что они и осуществили с блеском. Французам достались одни обломки.

Стоял густой туман. Два пилота, летевшие в Дармштадт, сбились с пути и приземлились в Мангейме. Там они увидели на здании ратуши красный флаг, солдат и вооруженных людей в штатском. Толпа разоружила летчиков, отняв у них пистолеты. С аэропланов сняли пулеметы, после чего обескураженным подчиненным Геринга разрешили уехать на грузовике в Дармштадт.

Геринг, узнав о происшествии, пришел в ярость. Он послал на Мангейм звено из девяти аэропланов и сам возглавил его. В качестве пассажиров находились и двое пилотов, которых разоружили восставшие рабочие и солдаты. Самолеты выпустили несколько пулеметных очередей по ратуше и летному полю и стали кружить над ним, а в это время бывшие пленники, приземлившись, передали заседавшему в ратуше революционному совету ультиматум с требованием вернуть все изъятое оружие и самолеты и принести письменное извинение, иначе по ратуше будет открыт огонь на уничтожение. Перепуганные революционеры сразу же со-

гласились со всеми требованиями. Летчики выстрелом с земли оповестили своих товарищей о том, что все выдвинутые условия приняты.

На посадку в Дармштадте Геринг зашел первым. Он намеренно разбил свою машину в конце взлетной полосы. Остальные пилоты последовали его примеру. Находившиеся на земле самолеты также были приведены в негодность. Всем было ясно, что война окончена, и машины могли достаться либо победителям, либо революционерам.

11 ноября 1918 года Геринг сделал последнюю запись в журнале боевых действий эскадры:

«Перемирие. Эскадра при плохих погодных условиях летит в Дармштадт. Туман. С момента своего создания эскадра сбила 644 вражеских самолета. В боях погибли 56 офицеров и унтер-офицеров, 6 рядовых. Ранено 52 пилота в офицерском и унтер-офицерском чине, 7 рядовых».

Это был конец. После уничтожения самолетов личный состав эскадры Геринга собрался в городке Ашаффенбург, недалеко от Франкфурта-на-Майне. Делать пилотам было совершенно нечего, поэтому они пьянствовали в местных ресторациях. И было отчего: империя рухнула, солдаты не только не отдавали офицерам честь, но даже норовили сорвать с них погоны и кресты. Армия разложилась, будущее было туманным.

Церемония расформирования полка прошла во дворе местной бумажной фабрики 19 ноября. Прощальную вечеринку устроили поздно вечером в уютном пивном погребе, где собрались более тридцати соратников Рихтхофена. Геринг произнес короткую речь о славных делах эскадры, о погибших товарищах, посетовал, что имя Рихтхофена в нынешней Германии втоптанно в грязь. Он клеймил солдат, бросивших фронт и обрекших страну на поражение, а о членах рабочих и солдатских советов сказал, что они не заслуживают даже презрения.

Геринг говорил негромко, но эмоционально, и его речь доходила до сердец слушателей. У будущего рейхсмаршала, несомненно, был ораторский талант, который чрезвычайно пригодился ему, когда он стал политиком. Он окончил свое выступление на оптимистической ноте:

«Мы четыре года, не щадя себя, защищали честь страны, хоронили лучших товарищей и не позволим запятнать их память предателям и трусам. Начинается новая борьба за свободу, законность, моральные принципы, за отечество. Мы будем бороться против тех сил, которые пытаются нас поработить, и мы обязательно победим в этой борьбе. Наше время придет вновь!»

После этого летчики собрали вещи и разъехались по всей Германии. Геринг, Боденшатц и несколько старших офицеров задержались на несколько дней для того, чтобы привести в порядок бумаги и обдумать свое будущее. По свидетельству Боденшатца, бывший командир эскадры впадал то в ярость, то в апатию. Временами у него возникали мысли об эмиграции в Южную Америку, сменявшиеся намерением остаться в Германии и подавить революцию.

В декабре 1918 года Геринг и Удет добрались до Берлина. Оттуда Геринг отправился в Мюнхен в вагоне третьего класса. Теперь он был в штатском. Геринг был угнетен. Позже он называл это путешествие одним из самых несчастных моментов своей жизни.

Несколько месяцев Геринг был безработным. Эмигрировавший в Австрию фон Эпенштейн ничем не мог помочь своему крестнику. Военной пенсии ему не платили: к власти в Баварии пришли коммунисты.

Выручил Геринга Антон Фоккер. Он построил авиационный завод в Голландии и хотел, чтобы Геринг, которого он знал как прекрасного пилота, испытал его новую модель — моноплан «Фоккер-II». Весной 1919 года Геринг отправился в Амстердам. На испытаниях он поразил всех своим летным мастерством, и ему предложили продемонстрировать летные качества «фоккера» на международной авиавыставке в Дании. Там Геринг потряс зрителей умопомрачительными фигурами высшего пилотажа. Благодарный Фоккер подарил Герингу аэроплан, здраво рассудив, что его полеты создадут хорошую рекламу фирме. Таким образом, Герман получил гарантированный заработок: за демонстрационные полеты в Дании и Швеции неплохо платили, тем более что публику привлекала репутация Геринга — одного из прославленных асов Первой мировой войны. Боденшатц вспоминал позже, что Геринг «почти целый год жил как чемпион мира по боксу в абсолютной категории. Денег у него было даже больше, чем он мог потратить, и самые шикарные «девочки» были в любой момент в его распоряжении».

«Предателей 1918 года» Геринг ненавидел искренне. Он говорил Боденшатцу, что немцы в 1918 году «опустили некогда славные знамена и не встали в ряды бойцов, с яростью сражающихся за возрождение Германии». Он сожалел, что ни один из германских генералов не рискнул поднять «знамя национального сопротивления», а также о том, что

имущие классы «предпочитали отстаивать свои собственные интересы, а не интересы всего германского народа».

В конце лета 1919 года в Копенгагене Геринг возглавил полет четырех бывших летчиков эскадры «Рихтхофен». Это был настоящий триумф. Немыслимые фигуры высшего пилотажа привели публику в восторг. После выступления Герман познакомился с симпатичной датчанкой, у которой дома они провели ночь в ванне с шампанским, о чем Геринг написал Боденшатцу. Так что в первый послевоенный год Геринг находился в куда более благоприятном положении, чем миллионы фронтовиков, оставшихся без средств к существованию и не сумевших найти себе место в гражданской жизни.

В декабре 1919 года Геринг присутствовал на митинге в Берлинской филармонии, когда военный министр генерал Ганс Георг Рейнхардт зачитывал свой приказ об отмене в армии прежних погон и других знаков различия с монархической символикой. Геринг же демонстративно появился в парадной форме офицера ВВС с капитанскими погонами и со всеми орденами. Он резко возражал Рейнхардту:

«Четыре долгих года мы, офицеры, рисковали жизнью, честно исполняя свой долг перед родиной. Теперь мы вернулись домой. И как нас встретили дома? В нас плюют и отнимают те награды, которые мы заслужили своей кровью. Народ не надо винить за это. Все эти четыре года народ относился к нам как к своим друзьям. Виноват тот, кто стал будоражить умы, кто нанес нашим прославленным войскам удар в спину, кто думает только о захвате власти, чтобы потом жить за счет народа. Мы должны ненавидеть этих скотов, позорящих немецкий народ и его традиции. Придет день, когда мы вышвырнем их из Германии. Приближайте этот день! Вооружайтесь ради этого дня! Трудитесь ради этого дня!»

Речь Геринга сорвала гром аплодисментов. Из зала его вынесли на руках. Но тогда политическая карьера Геринга еще не стартовала. В конце 1919 года он уволился из германской армии. На Нюрнбергском процессе Геринг вспоминал, что отверг предложение вступить в рейхсвер, поскольку «с самого начала во всем был противником республики, которая была установлена посредством революции».

Геринг не только выделял на самолете цирковые номера. Он также зарабатывал на воздушных перевозках грузов

и пассажиров и просто катал всех желающих, делая круги над городом.

Зимой 1920 года Герингу пришлось перевозить графа Эрика фон Розена из Стокгольма в его родовой замок Рокельстад в центральной Швеции. Был сильный снегопад, но граф, прославленный исследователь Арктики и Африки, предложил двойную плату за риск. Они с Герингом несколько раз сбивались с пути, блуждая среди лесов и озер, пока наконец не сели на лед озера Бавен, как раз напротив стен Рокельстада. Геринг, имевший слабость к замкам, с удовольствием принял предложение графа переночевать в Рокельстаде. И тут он встретил свою новую любовь — родственницу графа Карин фон Кантцов, высокую 32-летнюю брюнетку с ярко-голубыми глазами. Она была дочерью шведского барона Карла фон Фока и англо-ирландки Халдейн Бимиш. Мужем Карин был шведский офицер Нильс фон Кантцов, человек очень богатый. У них был восьмилетний сын Томас. Но Карин не чувствовала себя скованной узами брака, а Геринг тогда еще не страдал избыточной полнотой и был очень хорош собой.

Он с жаром рассказывал о своих военных приключениях, сетовал на союзников, с помощью Версальского мира стремящихся поставить Германию на колени. Карин была настроена прогермански, и Герман понял, что встретил свою судьбу. Перед отъездом он записал ее стокгольмский адрес.

Уже в начале 1921 года Карин пригласила Геринга на семейный обед. Томасу дядя Герман понравился. Он вспоминал:

«Геринг был веселым парнем... Он относился ко мне как к взрослому и очень серьезно слушал все, что я говорил. Он с юмором рассказывал о своих воздушных приключениях и произвел большое впечатление на отца. Мать же, как я заметил, не сводила с Геринга глаз. Я чувствовал, что она влюблена в него, хотя тогда я еще не мог выразить словами, что такое влюбленность».

Своей сестре Фанни Карин призналась:

«О таком мужчине я мечтала всегда. Мы как Тристан и Изольда, испившие чашу любовного напитка и полностью подпавшие под его власть».

Карин и Герман встречались на квартире родителей Карин и в небольшой семейной часовне фон Фоков, где вместе молились. Англо-ирландская бабушка Карин основала женское религиозное общество «Эдельвейс», и во время первого совместного собрания членов общества Карин подарила Герману эдельвейс, который тот прикрепил к своей шляпе.

Карин не стала скрывать от мужа, что любит Германа, и предложила жить раздельно. Формальный развод она получать не хотела, хотя Геринг и предлагал ей руку и сердце. Карин знала, что Нильс будет против развода, да и работа Геринга, фактически выступавшего в роли «свободного художника», только не на земле, а в небе, и его доход зависели исключительно от конъюнктуры. Больше всего от разрыва родителей пострадал маленький Томас. Его отправили в замок Рокельстад, к дяде Эрику и тете Мари.

Герман и Карин, уже не таясь, сняли квартиру в Стокгольме и прожили там несколько месяцев. Нильс фон Кантцов все это время выплачивал жене содержание, которого хватало для безбедного существования. Но Карин с детских лет привыкла не просто к комфортной, а к роскошной жизни. Однако ради Германа она стойко переносила «временные трудности».

Геринг страдал оттого, что Карин отказалась просить о разводе. Их незаконное сожителство вызывало пересуды в светских кругах Стокгольма. Но Карин напомнила, что в случае развода сына наверняка оставит у себя Нильс, поскольку именно Карин будет признана виновницей расторжения брака. Сейчас же она хоть урывками, но могла видеться с Томасом. На большой перемене в школе малыш с радостью бежал в объятия матери и дяди Германа. Нередко он угощал их захваченными из дома изысканными деликатесами, которые любовники не могли себе позволить.

Карин, тонко разбиравшаяся в музыке, живописи и архитектуре, привила любовь к искусству и Герингу, прежде ничего в этом не понимавшему. Они вместе обошли все стокгольмские галереи и музеи. Со временем Герман стал страстным коллекционером живописи и скульптуры, вот только удовлетворял он эту страсть, как мы убедимся позже, весьма недостойным образом.

В начале 1921 года интерес к воздушным полетам резко упал, и Геринг решил покинуть Швецию. Мать сообщила ему, что благодаря старым связям удалось договориться о его поступлении в Мюнхенский университет на отделение истории и политических наук. Карин поначалу отказывалась уезжать, не желая расставаться с сыном, но не выдержала и уже через месяц встретила с ним в Мюнхене. Карин понравилась матери Геринга. Та настаивала на том, чтобы они вступили в законный брак, ибо в религиозной и патриархальной Германии на незаконное сожитительство смотрели косо.

Нильс поступил благородно — он согласился на развод, назначив бывшей жене денежное содержание, и, хотя сын, согласно договоренности, остался в Швеции, позволил матери регулярно видеться с ним.

3 февраля 1922 года Герман и Карин венчались в мюнхенской ратуше. На бракосочетании присутствовали мать, братья и сестры Геринга, а также старшая сестра Карин Фанни вместе со своей дочерью Дагмар. На свадьбу пришли и друзья Геринга, в том числе майор Карл Боденшатц, оставшийся в рейхсвере.

Медовый месяц молодые провели в охотничьем домике «Хохкройт», в окрестностях городка Байришцеля в Баварии, неподалеку от австрийской границы. Этот домик был куплен на приданое Карин. Здесь Герман прочитал так много книг, как, пожалуй, никогда прежде.

Геринг приступил к учебе в Мюнхенском университете. Среди студентов было немало таких же, как он, ветеранов войны. Почти все они верили, что Германия проиграла войну из-за «удара кинжалом в спину», который нанесли ей социал-демократы и другие левые. Они мечтали о реванше и надеялись на то, что Германии удастся, порвав путы Версальского мирного договора, избавиться от бремени репараций.

Студенческая жизнь Герингу не нравилась, гораздо больше его привлекала политика. В ноябре 1922 года Герман впервые встретился с Адольфом Гитлером, вождем (фюрером) Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), и высоко оценил его ораторские и организаторские способности, отметив близость их взглядов. Знакомство произошло на митинге протеста против требований союзников выдать как военных преступников ряд германских генералов и адмиралов, включая Гинденбурга и Людендорфа. Тогда, кстати, Гитлер выступать отказался, заявив, что незачем оглашать резолюции протеста, которые все равно никак не повлияют на позицию союзников. Геринг с этим мнением был вполне согласен.

Впервые выступление Гитлера Геринг услышал несколько дней спустя на митинге НСДАП и был потрясен впечатлением, которое фюрер производил на публику. Гитлер говорил: словесные протесты против Версальского договора ничего не дадут, чтобы покончить с ним, надо брать власть, сначала здесь, в Баварии, а потом и в рейхе. Чтобы такие протесты имели смысл, Германия должна вновь стать сильной. Вот цель, ради которой надо трудиться.

«Мне казалось, что его речь льется из моей души», — признавался потом Геринг. Он пришел в штаб-квартиру НСДАП

и предложил свои услуги партии. Гитлеру Геринг тоже приглянулся, прежде всего как герой войны, разделявший идеи национал-социалистов и обладавший немалым командным опытом. Фюрер предложил Герингу возглавить только что созданные штурмовые отряды. Это назначение состоялось в январе 1923 года, через пять недель после вступления Геринга в партию. Долго оставаться на этом посту ему не пришлось, но он сразу же осознал свое присоединение к нацистам как перст судьбы. Геринг верил, что «Бог дал немецкому народу фюрера в лице Адольфа Гитлера». Он вполне разделял три главные цели, провозглашенные Гитлером: наказание «ноябрьских преступников», предавших Германию в 1918 году, евреев и марксистов (в сознании фюрера и его последователей все эти три категории во многом совпадали); построение новой, «национально мыслящей» Германии под руководством НСДАП; разрыв пут Версальского договора и возвращение Германией статуса великой державы.

Геринг, как и другие члены партии, принес клятву на верность фюреру. Потом рейхсмаршал вспоминал:

«Я протянул Гитлеру руку и сказал: «Я верю вам свою судьбу, в горе и в радости, в хорошие времена и в плохие, даже если за это придется поплатиться жизнью».

А в Нюрнберге рейхсмаршал признался американскому психологу доктору Гильберту:

«Я вступил в партию потому, что она была революционной, а не из-за идеологического хлама (под последним явно подразумевалась расовая теория. — Б. С.). Другие партии совершали революции, подумал я, почему бы и мне не поучаствовать в революции. А особенно мне понравилось, что только у национал-социалистической партии хватило мужества заявить: «К чертям собачьим Версаль!» А другие перед Версалем пресмыкались. Конечно, Гитлер рад был заполучить меня в свою партию, — меня, пользовавшегося большим авторитетом среди офицерской молодежи. Я ведь командовал «воздушным цирком», а это для партии было крупным козырем».

Политика не мешала обустройству быта. Геринг купил домик в пригороде Мюнхена Оберменцинге. Для него было немаловажно, что рядом находился замок Нимфенбург. К приезду Карин он уже успел прикупить кое-какую мебель

на средства, скопленные в Швеции. Первый этаж был обставлен в любимом Герингом старинном готическом стиле. Зато второй этаж оказался целиком во власти Карин. Она предпочла поздневикторианскую мебель, купленную в Швеции. Карин перевезла в Германию и свои личные вещи из дома Кантцова, в том числе ковры и картины, а также небольшую белую фисгармонию. Она играла, а Герман пел народные баварские песни. Но семейная идиллия длилась совсем недолго.

11 января 1923 года французские и бельгийские войска оккупировали Рур в качестве залога за выплату репараций. Это было равносильно экономической катастрофе. Вскоре в Германии началась галопирующая инфляция, причем в сочетании с так и не преодоленной после окончания войны массовой безработицей. Инфляция ударила и по благосостоянию Геринга.

В начале сентября 1923 года умерла его мать. Фанни было всего 57 лет, и скончалась она скоропостижно, в несколько дней. Ее похоронили рядом с мужем. Эпенштейны на похороны не приехали, но прислали венок и письменные соболезнования. Карин, которая была простужена, вопреки возражениям мужа отправилась на похороны. В тот день было очень ветрено, и она простудилась еще больше. Впоследствии у нее обнаружился туберкулез.

Между тем политическое положение в Германии ухудшалось. В сентябре 1923 года правительство лидера Немецкой народной партии Густава Штреземана распорядилось прекратить кампанию пассивного сопротивления французской оккупации Рура, так как французы грозили массовыми репрессиями. Гитлер и его сторонники, протестуя против этого решения, собрали митинг в Нюрнберге. На нем Гитлер был провозглашен фюрером и призвал бороться против Веймарской республики, марксистов, международного капитала и евреев. В отношении к Рурскому кризису позиция нацистов совпала с позицией правительства Баварии, которое осудило прекращение кампании пассивного сопротивления и 26 сентября 1923 года ввело в Баварии чрезвычайное положение, передав всю полноту власти бывшему премьеру рITTERу Густаву фон Кару, назначенному генеральным комиссаром по осуществлению чрезвычайного положения.

Кар был ярким сторонником реставрации монархии в Баварии и ее отделения от рейха. Дело дошло до того, что 7-я дивизия рейхсвера, размещенная в Баварии, присягнула баварскому правительству и отказалась от присяги рейху.

Гитлер решил, что напряженность во взаимоотношениях баварских и германских властей дает благоприятную возможность для того, чтобы с помощью штурмовых отрядов свергнуть правительство Кара. Тем самым, как надеялся Гитлер, в Баварии будет зажжен пожар общегерманской национальной революции, и отряды нацистов двинутся в поход на Берлин по примеру недавно удавшегося похода Муссолини на Рим. Военную сторону организации путча взял на себя Геринг. Он предложил выступить 8 ноября 1923 года. Кар, заручившийся поддержкой командующего округом рейхсвера в Баварии генерала фон Лоссова и начальника местной полиции полковника фон Зайссера, назначил на этот день митинг, на котором собирался объявить о планах отделения Баварии от рейха и восстановления на троне династии Виттельсбахов. Воспользовавшись большим скоплением народа, можно было сразу же, арестовав руководство сепаратистов, объявить о начале национальной революции и заручиться поддержкой толпы. Митинг должен был произойти в пивной «Бюргербройкеллер» на левом берегу Изара на окраине Мюнхена, поэтому впоследствии события 8–9 ноября 1923 года назвали «пивным путчем». В случае его удачи, вероятно, говорили бы о «пивной революции»...

В ночь с 7 на 8 ноября у Карин был жар, и с утра она была настолько слаба, что не могла подняться с постели. Геринг предупредил ее, что вечером должен идти на собрание в «Бюргербройкеллер» и может там задержаться, но она не должна беспокоиться — все будет хорошо. Карин заверила, что мыслями она будет вместе с ним. Геринг покинул дом еще до полудня: ему надо было готовить штурмовиков.

Кар отказался от большой полицейской охраны непосредственно в пивном зале. Там осталось лишь несколько полицейских. Подразделение из 45 сотрудников полиции укрылось в здании в 400 метрах от места митинга, а на соседних улицах сновали полицейские патрули. Несколько

тысяч собравшихся проникли в «Бюргербройкеллер», примерно столько же остались стоять на улице. В пивном зале собрался как высший баварский свет, так и простые обыватели. В 8 часов вечера Кар, Лоссов и Зайссер направились к сцене, чтобы начать митинг. В этот момент у входа появился Гитлер. Он посоветовал полицейским отеснить толпу, чтобы не допустить возможных беспорядков. Полицейские последовали совету. Теперь штурмовики могли беспрепятственно попасть в зал. Но прежде туда вошел Гитлер, усевшийся с кружкой пива неподалеку от сцены. Через несколько минут к Гитлеру подошел его личный охранник Ульрих Граф и сообщил, что штурмовики прибыли. На площадь перед «Бюргербройкеллер» въехал грузовик, в котором сидела группа штурмовиков во главе с Герингом. Они были вооружены и в касках. Из-за этого полицейские приняли их за регулярное подразделение рейхсвера и не стали сопротивляться, решив, что солдат прислал Лоссов. Вскоре на площади появились еще несколько грузовиков с вооруженными нацистами. Они окружили «Бюргербройкеллер».

Как только Геринг вошел в зал, Гитлер вскочил из-за столика, разбил кружку об пол и выхватил браунинг. Несколько десятков вооруженных штурмовиков ринулись за ним. Им пришлось прокладывать себе путь через плотную толпу. Когда Гитлер добрался до сцены, Кар успел проговорить лишь три-четыре минуты. Баварские руководители растерялись. В зале нарастало волнение. У всех входов стояли штурмовики и никого не выпускали. Когда один из полицейских, майор Гунглингер, приблизился к Гитлеру, держа руку в кармане, Геринг решил, что тот вооружен, и, выхватив пистолет, направил его на Гунглингера и потребовал вынуть руку из кармана. Майор подчинился. Оружия у него не оказалось. Тем временем Геринг с пистолетом в руке вскочил на стол и крикнул: «Тихо!» Шум в зале, однако, не прекратился. Тогда Гитлер выстрелил в потолок и пригрозил: «Если не перестанете кричать, я установлю на галерее пулемет!» Этот аргумент подействовал.

Теперь Гитлер смог начать говорить. Это была одна из его лучших речей. Через несколько минут фюрер завоевал симпатии всех присутствующих. Вначале Гитлер говорил спокойно, по ходу выступления наращивая пафос. Он объявил

о формировании общегерманского правительства, в котором себя назначил кайзером, а Людендорфа — министром обороны. В зале пронесся гул одобрения.

После этого Гитлер, Кар, Лоссов и Зайссер отправились в комнату за сценой. Фюрер показал им браунинг и сообщил, что в обойме осталось пять патронов: четыре — для предателей и пятый для того, чтобы застрелиться в случае неудачи выступления. Кар и его товарищи боялись поддержать путч, но и возражать Гитлеру не осмелились. Оставив баварских руководителей под охраной Ульриха Графа, вооружившегося пулеметом, и Рудольфа Гесса, Гитлер вернулся на сцену. Он объявил:

«Там сидят Кар, Лоссов и Зайссер в поисках правильного решения. Можно ли сказать им, что вы нас поддерживаете?»

«Да, да!» — донеслось из зала.

«В свободной Германии хватит места и автономной Баварии», — заверил присутствующих Гитлер. — Либо сегодня вечером начнется национальная немецкая революция, либо рассвет не наступит и мы все погибнем».

В этот момент на сцену поднялся Людендорф в парадном генеральском мундире при всех орденах. Гитлер направил его в комнату за сценой убеждать Кара, Лоссова и Зайссера, и генералу удалось успешно решить эту задачу. Под гром аплодисментов Кар заявил, что он поддерживает Гитлера и готов стать регентом Баварии до возвращения короля. Гитлер пожал Кару руку, а затем обрушился с гневной речью на «преступников, стоящих у власти в Берлине». Лоссов и Зайссер последовали примеру Кара и поддержали путч. После этого в зале воцарилось веселье. Народ потянулся к пивным кружкам. Штурмовики братались со сторонниками баварской независимости. В полночь Геринг послал к Карин своего соратника Эрнста Ганфштенгля по прозвищу Путци сообщить, что восстание завершилось полным успехом. Вместе с Путци в «Бюргербройкеллер» вернулась сестра Карин Фанни. Она сообщила, что, хотя у Карин по-прежнему жар, радостная весть ее взбодрила.

Гитлер не очень верил в то, что Кар и другие руководители Баварии искренне поддержали нацистов. Он приказал оставить баварских министров и высших полицейских чиновников под охраной штурмовиков в пивном зале на ночь.

Но Людендорф потребовал, чтобы Кару, Лоссову и Зайссеру позволили беспрепятственно покинуть «Бюргербройкеллер», раз они дали офицерское слово чести, что поддерживают восстание. И Гитлер в эйфории от близкой победы не стал возражать. Это оказалось роковой ошибкой.

Кар сразу же отбыл в Регенсбург, который объявил временной резиденцией баварского правительства. Лоссову, направившемуся в казармы рейхсвера, командир мюнхенского гарнизона генерал фон Даннер вручил приказ командующего рейхсвером генерала Ганса фон Секта подавить мятеж. Сект угрожал, что, если баварское командование будет медлить, он сам прибудет в Мюнхен с войсками из Берлина. Лоссов решил, что данное им слово чести вовсе не служит препятствием для выполнения приказа. Он начал стягивать в столицу Баварии подкрепления из других гарнизонов.

Ночью похолодало и пошел дождь со снегом. А утром на стенах домов были расклеены плакаты, объявлявшие НСДАП вне закона. В экстренном выпуске газеты «Пост» появилось заявление кронпринца баварского Рупрехта, отрицавшего какую-либо свою связь с Гитлером и Людендорфом. В том же номере было опубликовано и обращение к пастве мюнхенского кардинала Фаульхабера, осудившего путч.

Правда, большинство мюнхенских обывателей было на стороне Гитлера и нацистов. Прибывшие в город армейские подкрепления они встречали осуждающими криками: «Еврейские защитники! Предатели! Легавые! Хайль Гитлер, а Кара к черту!» Но сейчас важна была не народная поддержка, а вооруженная сила, которая оказалась на стороне баварских властей.

Гитлер, Геринг и Людендорф понимали, что плохо вооруженные штурмовики не выстоят против регулярных армейских частей, которые при необходимости смогут пустить в ход артиллерию. Гитлер предложил отвести всех бойцов НСДАП к югу от Мюнхена, на Розенгейм, и послать эмиссаров к Рупрехту, чтобы он выступил посредником между руководителями путча и баварскими властями. Людендорф, напротив, предложил действовать наступательно, двинув штурмовиков к центру города. Он рассчитывал, что солдаты

перейдут на их сторону. На замечание кого-то из присутствовавших о том, что войска могут открыть огонь, Людендорф только усмехнулся:

«Скорее небо рухнет на землю, чем солдат рейхсвера выстрелит в меня!»

Гитлер с ним согласился. Штурмовики вместе с безоружными сторонниками нацистов двинулись из «Бюргербройкеллер» по направлению к зданию штаба военного округа на Одеонеплац. Оно было захвачено отрядом штурмовиков во главе с капитаном Эрнстом Ремом, но теперь было осаждено верными правительству войсками. Перед началом марша Гитлер приказал Герингу собрать всех штурмовиков в «Бюргербройкеллер», чтобы они принесли присягу генералу Людендорфу как Верховному главнокомандующему. Геринг в это время уже не верил в то, что все закончится благополучно, но возражать Гитлеру и Людендорфу не стал.

Впереди колонны шел знаменосец с партийным знаменем. В первом ряду в центре шагал Людендорф, справа от него — Гитлер, а слева — Геринг. Здесь же маршировали Макс фон Шойбнер-Рихтер, возглавлявший мюнхенское отделение НСДАП, идеолог партии Альфред Розенберг и еще несколько партийных бойцов. В глубине колонны ехал грузовик с пулеметами.

У моста Людвигсбрюке нацистов встретили вооруженные винтовками полицейские, которые считались надежнее, чем солдаты рейхсвера. Колонна остановилась, а Геринг вышел вперед и направился к лейтенанту Георгу Хефлеру, командовавшему полицейским отрядом. Он пригрозил лейтенанту, что в колонне находятся заложники — министры и полицейские офицеры, которые будут немедленно расстреляны, если по нацистам откроют огонь. Хефлер испугался и пропустил колонну в город. После этого Гитлер распорядился вернуть заложников в «Бюргербройкеллер», поскольку не хотел, чтобы пролилась кровь безоружных людей, не причастных к восстанию.

Горожане восторженно встретили Гитлера и его товарищей. Под крики «Хайль Гитлер!» колонна двинулась по довольно узкой улице Резиденцштрассе, ведущей к Одеонеплац. Тут ей преградила путь полицейская застава. Ульрих

Граф по сигналу Гитлера закричал: «Не стреляйте! Тут генерал Людендорф и Адольф Гитлер!» — но капитан барон Михаэль фон Годин, руководивший полицейскими, получил от Зайсера приказ остановить колонну любой ценой. Если бы нацисты все-таки прорвались через этот кордон, далее, у пантеона германских героев войны «Фельдхернхалле» их ожидал отряд рейхсвера. Но его применение не понадобилось.

Когда колонна приблизилась вплотную, Годин скомандовал: «Огонь!» Выстрелов не последовало. Тогда капитан схватил винтовку у одного из полицейских, навел ее на марширующих и вновь скомандовал: «Огонь!» На этот раз полицейские подчинились.

Шойбнер-Рихтер, убитый первым же выстрелом, падая, увлек за собой Гитлера, поэтому тот не пострадал. Геринг был ранен в бедро и тоже упал. Затем последовал еще один залп. В ответ на него из колонны раздалось несколько выстрелов, после чего, увидев, что все вожди повержены на землю и, вероятно, убиты или ранены, нацисты начали разбегаться. Один лишь Людендорф со своим адъютантом майором Штреком продолжали идти вперед и достигли шеренги полицейских. Те расступились, пропуская их, но затем Людендорфа все же арестовали. Гитлера, при падении вывихнувшего плечо, увезли на легковом автомобиле. Несколько дней он прятался в горах на вилле Путци Ганфштенгля, а затем был арестован. Рем со своими людьми сдался через два часа после расстрела шествия.

Геринг был ранен не только в бедро, но и в пах. Ранение в бедро было очень опасным. Если бы пуля задела артерию, шансов выжить у Геринга не было бы. Его подняли товарищи и отнесли в дом торговца мебелью Баллина. Жена хозяйки дома Эльза и ее сестра во время войны были медсестрами и смогли быстро оказать раненому квалифицированную помощь. Хотя Баллины были евреями и знали о том, что антисемитизм — один из центральных пунктов программы НСДАП, они не стали доносить в полицию. По просьбе Геринга Эльза связалась с заведующим одной из городских клиник профессором Альвином фон Ахом, который симпатизировал национал-социалистическому движению. Утром 10 ноября Геринга перевезли в клинику фон Аха, где раны еще раз тщательно обработали.

Карин так описывала их бегство:

«Сначала мы выехали из Мюнхена в Гармиш на автомобиле друзей. На их вилле мы оставались несколько дней, пока не стало известно, где мы находимся. У дома начали собираться люди, устраивать демонстрации и кричать «ура!». Поэтому мы решили перебраться в Австрию. Поехали на машине, но были арестованы на границе. Полицейские с заряженными револьверами доставили нас обратно в Гармиш, где снова стали собираться люди, выкрикивая «Хайль Геринг!» и готовясь линчевать полицейских. Власти отобрали у Германа паспорт и перевезли его в госпиталь, окруженный охраной».

В госпитале Геринг остался под честное слово, что больше не будет пытаться бежать. Но, как писала Карин матери, «помощь пришла как чудо. Герман в ночной рубашке, поверх которой было надето меховое пальто, был перенесен в машину и пересек границу с фальшивым паспортом».

Между тем по всему Мюнхену были расклеены листовки о розыске Геринга. На многих из них горожане писали: «Хайль Геринг!» Из Австрии Геринг писал друзьям в Мюнхен ободряющие письма.

Всего 9 ноября погибло 16 участников шествия и трое полицейских. В дальнейшем все шестнадцать погибших были объявлены мучениками, павшими за торжество идеалов национал-социализма.

На Рождество 1923 года состояние Геринга улучшилось, и он смог покинуть Католический госпиталь в Инсбруке, поселившись в гостинице «Тиrolьхоф».

К тому времени он уже мог передвигаться без костылей и хотел явиться в суд по делу о мюнхенском путче, чтобы быть вместе с фюрером, но тот передал Герингу, что ему надо остаться на воле, где от него будет больше пользы, нежели в тюрьме. Герингу еще в клинике регулярно кололи морфий, чтобы притупить боль от ран, и постепенно он пристрастился к наркотикам. С февраля 1924 года, как следствие морфинизма, Геринга стали мучить постоянные головные боли, с которыми он боролся, увеличивая дозы. Тогда же он выступил с политической речью на собрании прогермански настроенных австрийцев в одной из гостиниц. Геринг резко критиковал католицизм и папство, выступал против celibата католических священников (сам Геринг был лютеранином). Он, в частности, заявил:

«Мы требуем, чтобы католические священники вели нормальную жизнь и им было разрешено жениться!»

Этот пункт его речи имел скандальный резонанс в австрийских газетах. Затем Геринг выступил на митинге австрийских нацистов и на гонорар, полученный за счет собранных пожертвований, смог сделать Карин первый подарок — портативную пишущую машинку. В своих выступлениях Геринг ругал «еврейскую республику в Берлине» и обещал, что вернется только в «подлинно национальную Германию». Австрийские власти смотрели на него все более косо и вскоре могли выслать из страны как «нежелательного иностранца». Понимая это, Геринг подыскивал государство, в которое

можно было бы перебраться из Австрии. На помощь пришел Муссолини.

В конце апреля 1924 года Геринг получил политическое убежище в Италии и перевез Карин в Венецию. Они жили в фешенебельном отеле «Британия», как будто, по словам Карин, «Герман унаследовал миллион». Позднее Геринг с женой переехал в Рим. Здесь им пришлось жить уже в дешевой гостинице, ожидая встречи с Муссолини. Ее устроил их давний друг, герцог Филипп Гессенский. Муссолини принял Геринга в palazzo «Венеция». Они беседовали по-немецки, — этим языком дуче владел свободно. Он выслушал рассказ Геринга о мюнхенском путче и заявил: «Когда Гитлера выпустят из тюрьмы, ему надо приехать в Италию и повидаться со мной». Дуче увидел в фюрере родственную душу.

Из Италии Карин дважды ездила в Мюнхен, где встречалась с Людендорфом. Генерал по-прежнему симпатизировал Герингу, но уже отошел от нацистов. Карин также навестила Гитлера в ландсбергской тюрьме. Фюрер подарил ей фотографию, на которой написал:

*«Уважаемой жене моего командира СА фрау Карин Геринг в память о посещении крепости Ландсберг 15 апреля 1925 года.
Адольф Гитлер».*

Эту фотографию Геринг поместил в серебряную рамку и хранил на своем рабочем столе.

В Италии Герман пристрастился к сдобной выпечке с кремом и начал быстро набирать вес. Вероятно, лекарства, которыми его лечили в госпитале, а возможно, и морфий привели к нарушению обмена веществ. Порой Геринга охватывали приступы ярости, сменявшиеся депрессией, которую удавалось снимать только с помощью наркотиков. В письме матери Карин в Швецию он утверждал:

«Я бы хотел вернуться только в сильную, национально ориентированную Германию, а не в управляемую евреями республику».

Карин удалось выхлопотать для Германа шведскую визу, и вскоре после визита Карин к Гитлеру чета Геринг отправилась в Стокгольм. В Швецию они добирались через Австрию, Чехословакию, Польшу и вольный город Данциг.

Тринадцатилетний Томас обрадовался возвращению матери, по которой очень скучал. Все свободное время он теперь проводил с матерью и дядей Германом. Но радость от встречи была омрачена прогрессирующей болезнью Карин, в которой врачи не сразу распознали туберкулез. Кроме того, Карин начала страдать эпилептическими припадками, из-за которых она нередко теряла сознание. Ей все больше времени приходилось проводить дома.

В Швеции Геринг колот себе морфий дважды в день: вскоре после утреннего пробуждения и перед отходом ко сну. После ранения нога плохо сгибалась, а рана в паху все еще болела. Тем не менее Герингу приходилось ходить по Стокгольму в поисках работы. К тому времени в Швеции было много эмигрантов из Германии, государств Прибалтики и России, так что на рынке труда предложение далеко опережало спрос.

Геринги сняли квартиру в старой части Стокгольма и поставили там мебель, привезенную из Баварии. От продажи особняка в Оберменцинге у супругов еще остались кое-какие средства. Да и миллионер фон Кантцов продолжал выплачивать содержание Карин. Но приходилось экономить. Больше же всего Геринга угнетало вынужденное безделье, совсем не подходившее для его деятельной натуры.

Тем временем морфинизм Геринга постепенно усиливался. Дело дошло до шести уколов в день. Когда наркотик переставал действовать, наступала депрессия, а потом следовали вспышки буйной ярости, во время которых Геринг расшвыривал газеты по комнате, опрокидывал мебель, однажды даже пытался поднять руку на Карин. Но ей было достаточно только посмотреть на него, и с такой болью во взгляде, что Герман оставил всякие мысли о рукоприкладстве. С Томасом он по-прежнему был ласков и весел, вполне серьезно отвечал на все вопросы пасынка, шутил с ним и не обижался на его шутки.

Но Томасу больше нравилось оставаться наедине с матерью, ради чего он нередко прогуливал школу. Его отец написал по этому поводу очень вежливое письмо Карин, попросив сделать так, чтобы Томас не навещал ее в то время, когда он должен учиться. Карин отреагировала нервно. Она обратилась к семейным адвокатам фон Фоков и попросила

добиться в суде, чтобы ей передали попечительство над сыном. Она мотивировала свою просьбу тем, что теперь она будет постоянно жить в Швеции и что Томас нуждается в материнском уходе. Но отдавать сына Нильс не собирался. Он нанял частных детективов, и те выяснили о Карин и Геринге много интересного. Фон Кантцов направил в суд письменное заявление, где указал, что бывшая жена страдает эпилепсией, а ее новый муж мало того, что безработный, так еще и склонен к буйству, когда ему перечат, — вероятно, веледствие пристрастия к морфию. Поэтому оба они не подходят на роль родителей для Томаса. Карин в итоге было отказано в удовлетворении иска.

После суда на семейном совете фон Фоков было принято решение лечить Геринга от морфинизма, иначе и без того слабое здоровье Карин будет окончательно подорвано его выходками. Геринг и сам мечтал избавиться от своего болезненного пристрастия, благо фон Фоки обещали полностью оплатить лечение. Его положили на обследование в клинику Аспадден. Врачи постепенно уменьшали количество морфия, чтобы вызвать отвыкание от него, но, учитывая дозы, которые прежде употреблял Геринг, для него такой метод был равносителен резкому прекращению приема наркотика. У пациента началась ломка. Он умолял дать ему морфий, но ему сказали, что придется потерпеть до утра, когда будет сделан следующий укол. Геринг не выдержал мучений и набросился на медсестру. В результате 1 сентября 1925 года его перевели в психиатрическую лечебницу Лангбро. Там несколько дней Геринга продержали в комнате, обитой войлоком, чтобы больной во время буйства не разбил себе голову.

Между прочим, врач, наблюдавший Геринга в Лангбро, характеризовал его как «сентиментального человека, у которого нет даже элементарной силы духа». Через три месяца Германа выписали из психиатрической лечебницы. Он вернулся к Карин в дом на Оденгатан. Здоровье жены за это время ухудшилось, а нужда уже заставляла распродавать мебель. Геринг опять стал колоть себе морфий, и его еще на пару месяцев закрыли в Лангбро. Удивительно, но на этот раз Геринг вылечился, хотя боль в паху от раны сохранилась на всю оставшуюся жизнь.

В дальнейшем документальные свидетельства о пребывании Геринга в Лангбро исчезли. Во всяком случае, уже упоминавшийся Вили Фришауэр в 1933 году не смог их разыскать. Существует версия, что их выкрали агенты Геринга после того, как он возглавил прусскую полицию. Одна из антинацистских групп якобы сфотографировала его историю болезни и опубликовала ее в том же году, однако проверить аутентичность этой публикации невозможно.

Существует легенда, будто в середине 20-х годов Геринг побывал в Липецке, где по соглашению с СССР тайно проходили подготовку германские военные летчики, и якобы влюбился там в русскую девушку. В память об этой любви рейхсмаршал будто бы позже, уже во время войны, запретил германским самолетам бомбить Липецк. Некоторые журналисты называют даже конкретные кандидатуры на роль геринговской пассии.

Что и говорить, история романтическая, только, к сожалению, не имеющая ничего общего с реальностью. В то время, когда Геринг будто бы предавался любовным утехам в Липецке, он на самом деле скрывался за границей от германского правосудия, так что власти страны при всем желании не могли командировать его в Липецк в рамках совершенно секретной программы советско-германского военного сотрудничества. В реальности у Геринга в то время была любимая жена, которой он и не думал изменять. Да и весил бывший ас Первой мировой войны к тому времени уже добрых сто двадцать килограммов, и трудно было бы найти самолет, в кабину которого он бы мог поместиться.

Осенью 1927 года рейхстаг объявил амнистию всем политическим заключенным и тем лицам, кто покинул страну по обвинению в политических преступлениях. Теперь Геринг мог вернуться в Германию. И он не преминул воспользоваться представившейся возможностью.

Геринг начал подготовку к возвращению на родину с того, что послал приветственную телеграмму Гитлеру. Карин была слишком слаба, чтобы ехать вместе с ним. Геринг отбыл в Германию в октябре 1927 года. После этого Карин на несколько недель слегла в больницу, но от мужа по ее просьбе госпитализацию скрыли.

В течение четырех лет Геринг оставался фактически вне партии, а Гитлер уже сделался фигурой общегерманской политики и написал программную книгу «Моя борьба». Они с Герингом, в отличие от 1923 года, уже не были близкими по политическому весу величинами.

Вскоре по возвращении Геринг встретился с Гитлером в Берлине. Тот посоветовал «не терять связей с партией» и найти работу. Последнюю рекомендацию Геринг вскоре выполнил. На Нюрнбергском процессе он признался, что прежде, чем возобновить активную деятельность в рядах партии, он хотел «обеспечить себе независимую позицию». В ноябре 1927 года он отправился в Берлин в качестве представителя Баварского моторного завода (БМВ), владельцем которого только что стал итальянский бизнесмен Камилио Кастильони, решивший переориентировать предприятие на производство авиамоторов. Известный летчик, обладавший также некоторыми связями в авиационном бизнесе (можно вспомнить дружбу с тем же Фоккером), казался подходящей кандидатурой. Кстати сказать, еврейское происхождение Кастильони не мешало его дружбе с Герингом.

В Берлине Геринг смог позволить себе только скромный одноместный номер в отеле на одной из улиц недалеко от Курфюрстендамм (номер оплачивал БМВ). Только весной 1928 года, когда Карин наконец достаточно окрепла для

того, чтобы присоединиться к нему, Геринг снял небольшую меблированную квартиру на Берхтесгаденштрассе, 16.

Многие товарищи Геринга по 1-й истребительной эскадре ушли в предпринимательство. Например, Бруно Лёрцер сотрудничал с авиастроительной фирмой Хейнкеля. Связи с друзьями в дальнейшем помогли Герингу достичь определенных успехов в мире бизнеса.

Лёрцеру повезло жениться на богатой вдове. На роскошных обедах, которые устраивала чета Лёрцер, Герингу удавалось находить покупателей для моторов БМВ и шведских парашютов. Об успехах мужа Карин радостно сообщала в письме матери от 18 мая 1928 года:

«Приехали три лучших друга Германа, и мы поехали с ними перекусить. Затем на автомобиле за три часа добрались до гоночного трека и там разогнались до скорости в 115 км/ч! Мы вернулись в Берлин, а оттуда — на озеро в пригород, где попили чаю. Передохнули полчаса дома и отправились обедать к жене его друга. Домой вернулись к десяти часам вечера и заснули... На следующий день мы позавтракали дома, а на обед поехали в китайский ресторан. Нам подали ласточкины гнезда и клубнику на палочках! Все необычайно вкусно, а прислуживал нам китаец!»

Незадолго до этого Геринга вызвал на встречу Гитлер, тоже приехавший в Берлин по делам. Свидание произошло в отеле «Сан-Суси». Гитлер предложил включить имя Геринга в список НСДАП на очередных выборах в рейхстаг в мае 1928 года, и тот согласился. Карин писала Томасу:

«Фюрер попросил своего старого товарища о свидании, они увиделись, он встретил его с расprostертыми объятиями и попросил вновь поднять партийное знамя и вступить в борьбу за освобождение Германии на майских выборах».

На радостях Герман с Карин отпраздновали его возвращение в политику в роскошном ресторане «Хорьхер».

В том же письме матери от 18 мая 1928 года Карин сообщала:

«Берлин охвачен предвыборной лихорадкой. Выборы назначены на 20-е, воскресенье. Уже стреляют. Каждый день коммунисты с красными флагами, на которых изображены серп и молот, устраивают шествия по городу и всякий раз вступают

в стычки с людьми Гитлера, идущими под красными флагами со свастикой. Есть раненые и убитые. Подождем до воскресенья. Выборы должны пройти хорошо для Германии, и тогда наступит долгий период покоя. Дорогая мама, мысленно будь с нами!»

Герингу помогло то, что он был хорошим оратором. Он умел подлаживаться под аудиторию, мог убеждать как аристократов и промышленников, так и рабочих и мелких торговцев, преобладавших среди берлинских избирателей. Он мог говорить как вполне литературным языком, так и на жаргоне берлинских пролетариев, умел пошутить так, что его юмор доходил до самых необразованных людей.

Национал-социалистическая партия набрала 800 тысяч голосов и впервые оказалась представленной в рейхстаге 12 депутатами, одним из которых был Геринг. Он проводил кампанию под лозунгом «Революция без радикализма». Для сравнения: на тех выборах социал-демократы получили более 9 миллионов голосов, коммунисты — более 3 миллионов. Но нацисты завоевали важный плацдарм, и грядущий мировой экономический кризис значительно повысил их шансы на приход к власти.

21 мая, когда закончился подсчет голосов, Карин отправила матери телеграмму:

«Германа вчера выбрали. Мама, ты понимаешь? Твоя Карин».

Геринг же в шутку называл двенадцать депутатов-нацистов во главе с Гитлером «двенадцатью апостолами».

13 июня 1929 года новый рейхстаг собрался на свое первое заседание. Карин находилась на гостевой трибуне. Она описала свои впечатления в письме, отправленном на следующий день:

«У Германа прекрасное место, рядом с генералом фон Эппом из Баварии. Они сидят каждый за своим столом, впереди остальных. Но как тягостно видеть на другой стороне зала так много красных, добившихся неслыханного успеха и завоевавших большое количество мест в рейхстаге! Они в своей униформе с еврейскими красными звездами Давида, в наруканных красных повязках. Это молодые, драчливые типы с отчетливо криминальной внешностью. Во всех партиях, кроме партии Гитлера, многие новые члены — евреи!»

В вечер открытия рейхстага Геринг выступил в качестве главного оратора на пятитысячном митинге национал-социалистов в Берлине. Там он говорил об искоренении бедности в стране и о том, что Германия должна занять достойное место в ряду других великих держав. Речь сорвала шквал оваций. Геринг еще раз поднялся на трибуну и сказал:

«Если вы сейчас нас так поддерживаете, почему вас не было на выборах? В следующий раз не только вы, но и все, кого вы знаете, должны голосовать за нас: ваши жены, родители, сестры, дети, любовницы, дети любовниц — все, кто только сможет!»

И опять — буря аплодисментов. Геринг еще раз убедился в том, что он — лучший оратор в партии после Гитлера.

Среди поздравивших Геринга с избранием в рейхстаг был и кронпринц прусский Фридрих Вильгельм. Он писал:

«Ваш выдающийся талант, Ваше искусство в обращении со словом, Ваша физическая сила — вот три вещи, необходимые для Вашей новой профессии народного избранника».

Геринг подумал, что кронпринц не зря упомянул о физической силе — она необходима, чтобы выстоять как в уличных, так и в парламентских драках с коммунистами.

Уже в июне 1928 года Карин сообщала матери:

«Герман так занят теперь, я вижу его только урывками. Но мы хотя бы едим вместе, и все свободное время он уделяет мне. Правда, мы очень редко бываем наедине. У него всегда люди, и даже за обедом их не бывает меньше трех. Но вообще мне в Берлине нравится. Я люблю этих людей и эту страну почти так же сильно, как родную Швецию».

Даже став депутатом рейхстага, Геринг не прекратил своей коммерческой деятельности — благо германские законы такого совмещения не запрещали. Он по-прежнему представлял в Берлине интересы БМВ и нескольких авиастроительных фирм, а также шведской компании — производителя парашютов. В Швейцарии он даже лично демонстрировал возможности парашюта конструкции шведского инженера Торнблада. Это был наиболее ходовой товар из тех, что предлагал Геринг. Будущий рейхсмаршал действовал разумно и эффективно и хорошо зарабатывал. Вскоре у семьи появился еще один важный источник дохода.

Гитлер оценил ораторское мастерство Геринга. Ему положили партийный оклад 800 марок в месяц плюс командировочные как «имперскому оратору партии». Геринг должен был ездить по всей Германии и выступать на митингах и собраниях. Столько же он получал как депутат рейхстага.

Денег теперь вполне хватало. Карин смогла даже купить небольшой орган, на котором часто и подолгу играла. Прежде, принимая богатых друзей Германа, приходилось влезать в долги и после роскошных приемов перебиваться хлебом и супом.

В эту пору Геринг подружился с Эрхардом Мильхом, бывшим летчиком-наблюдателем и командиром истребительной эскадрильи, с января 1926 года занимавшим пост исполнительного директора компании «Люфтганза» — главного германского авиаперевозчика. Геринг пообещал ему лоббировать в рейхстаге интересы «Люфтганзы». Мильх с женой стали бывать у Герингов дома. Карин им очень понравилась. Мильх вспоминал:

«В семейном кругу Геринг был спокойным и дружелюбным, хотя иной раз и допускал резкие выражения. Порой он любил прихвастнуть, и я сразу же замечал это. Я знал о его непомерном тщеславии, равно как и о том, что ни в коем случае нельзя задевать его самомнение».

Лоббирование «Люфтганзы» приносило Герингу 1000 марок в месяц дополнительно. Это позволило семейству купить собственный дом на Баденштрассе. Карин была поглощена обустройством нового жилища, но все-таки находила время, чтобы ездить с Германом на митинги.

21 февраля 1929 года она писала:

«В последнее время так много хлопот... Вот и сегодня Герман выступает со своей первой большой речью в рейхстаге и я должна быть там, чтобы его послушать... А вечером у него выступление в Берлинском университете, где студенты симпатизируют самым разным партиям. Больше половины из них уже за национал-социалистов, и я надеюсь, что он сумеет обратить в свою веру и всех остальных! Завтра он выступит в Нюрнберге, а потом отправится в десятидневное турне по Восточной Пруссии, где у него 12 выступлений в 12 городах. Весь дом полон политиков, и это доставляет много хлопот, зато действует так возбуждающе!»

Геринг оказался для нацистов незаменимой, поистине уникальной фигурой. Он, как никто другой, умел нести идеи партии в массы. С другой стороны, благодаря своим связям с банкирами и промышленниками он внушал германскому бизнесу, что национал-социализм — учение вполне респектабельное, а некоторые экстремистские лозунги, в том числе и антисемитские, используются лишь в тактических целях, для привлечения новых сторонников, и что партия Гитлера — единственное надежное оружие в борьбе против красной опасности. Да и аристократы вполне благожелательно выслушивали речи Геринга. Например, второй сын кайзера Вильгельма II принц Август Вильгельм подружился с Герингом и открыл для него двери великосветских салонов.

24 февраля 1930 года, на следующий день после смерти 22-летнего берлинского штурмовика Хорста Весселя, княгиня Вид принесла Герингам свою новую картину «Марширующие штурмовики», на которой среди живых штурмовиков были изображены души их погибших товарищей. Это была иллюстрация к песне «Выше знамена!», написанной в 1928 году Весселем. После гибели автора под названием «Хорст Вессель» она стала неофициальным гимном национал-социалистической партии. Сам Вессель был сыном настоятеля Берлинского кафедрального собора, служившего в годы войны капелланом ставки Гинденбурга. Возможно, это, равно как и покровительство, которое оказывал Весселю глава берлинских нацистов Йозеф Геббельс, определило выбор одного мученика среди сотен штурмовиков, погибших в схватках с полицией и красными. Фигура Хорста Весселя должна была символизировать, в частности, то, что молодое поколение выходцев из прежней, кайзеровской элиты, потерявшее все из-за «ноябрьских предателей», теперь отдает жизнь за идеалы национал-социализма. При желании в нем можно было увидеть и уголовника, «перевоспитавшегося» под «благотворным» влиянием национал-социалистических идей. Да и то, что погибший был хоть и плохоньким, но поэтом, несомненно, сыграло свою роль. В общем, герой на все времена и для всей Германии.

В годы послевоенного кризиса Хорст Вессель стал профессиональным сутенером, отсидел два года за мошенничество, затем присоединился к СА и НСДАП, возглавил

штурм (отряд) № 5 и погиб от рук ротфронтовцев в схватке на берлинской улице, причем его убийца, Али Хеллер, по иронии судьбы тоже оказался бывшим сутенером. За убийство Хорста его осудили на шесть лет. Из Весселя сделали нацистского мученика, а песня «Хорст Вессель» приобрела популярность, хотя стихи, скажем прямо, оставляют желать лучшего.

Геринг в ту пору уже не водил штурмовиков в атаку на «реакционеров», как это было во времена мюнхенского путча. Теперь он чаще общался не со штурмовиками — простыми рабочими, лавочниками, конторщиками и батраками, а с парламентскими политиками, банкирами, промышленниками и аристократами. Для них он стал лицом партии, придавая ей респектабельность и доказывая, что с Гитлером и его людьми можно иметь дело.

Позже Геринг сыграл одну из ключевых ролей в ликвидации руководства штурмовиков, но это не помешало ему в 1936 году назвать именем Хорста Весселя одну из истребительных эскадр люфтваффе. После прихода Гитлера к власти и устранения Рема фигура Весселя уже не ассоциировалась с опальными штурмовыми отрядами, а только с национал-социалистской партией и с Германией в целом, на всех улицах которой теперь развевались гитлеровские знамена. В первые же годы своего культа Хорст Вессель вдохновлял штурмовиков на последние решительные схватки с полицией, коммунистическими ротфронтовцами, с социал-демократическими шюцбундовцами.

Мифологизации Весселя в первую очередь способствовал Геббельс. Смертельно раненный, Хорст более месяца пролежал в больнице. Газета Геббельса «Дер Ангрифф» ежедневно помещала бюллетени о его состоянии. Будущий министр пропаганды так описывал свое посещение мученика:

«...Вхожу в узкую больничную палату и ужасаюсь от этого трагического взгляда. Лицо искажено, и я едва узнаю его. Но как светла голова этого мужественно держащегося юноши! Он приветлив и полон счастья. Я находился у его кровати в тот момент, когда пришла целая толпа посетителей и до рассвета стояла под его раскрытым окном. Он полулежал и рассказывал. О чем? Глупый вопрос. Конечно, о своих друзьях, о нашем движении. Тогда все еще верили, что беды удастся избежать. Придя на дру-

той день, товарищи, стоя в дверях с вскинутыми руками, приветствовали своего юного вождя. Это зрелище невозможно было выдержать. В тот миг я бросил взгляд на его узкие белые руки, оставшиеся невредимыми, на осунувшееся лицо и с удивлением заметил, как искрятся его светлые глаза. Воля к жизни, желание борьбы было сильнее смерти.

Но произошло самое страшное — заражение крови. И без того призрачные надежды стали таять, как утренний туман. К нему приходят врачи, но помочь ему они уже не в силах. Умиравший герой смутно догадывается, что пытаются скрыть от него, и в последний раз просит всех уйти. «Ему так спокойнее», — поясняет сестра. Мужество не может проиграть. «Приходите опять», — будто умоляют вслед его глаза, руки, высохшие губы. Я уходил с болью в сердце. Смутное предчувствие говорило мне, что это — прощание навсегда.

Субботнее утро. Его состояние безнадежно. Врач больше не разрешает посещения. Впрочем, в них нет необходимости. Наступила предсмертная агония. Он умер ранним воскресным утром в половине седьмого, но даже тогда он не изменил себе. Смерти тяжело далась победа над ним. Спустя два часа я стоял у его кровати и не мог поверить в то, что это — Хорст Вессель. Лицо его сделалось желто-восковым, чернота покрывала узкое небритое лицо, его бездонные глаза оставались полукрытыми. В них отражалась бесконечность, и казалось, что они продолжают жить и еще грозят врагам.

Хорст Вессель ушел от нас, оставив лежать безмолвно и неподвижно среди белых и красных тюльпанов то, что олицетворяет смерть. Но, несмотря на это, я ощущаю его почти физически — ведь его Высокий Дух не покинул нас, он всегда будет жить меж нами».

Хорсту были устроены пышные похороны. В последний путь гроб провожала колонна штурмовиков. Геббельс произнес проникновенную речь, в которой, в частности, утверждал:

«Это был и социалист, и святой! Один из тех, кто мог сказать — «идите за мной, я искуплю ваши грехи!» — и закончил речь возгласом: «Хорст Вессель!» Штурмовики гаркнули в ответ: «С нами!»

На этих похоронах и состоялось первое публичное исполнение песни на его стихи. Геббельс заявил:

«Мы добьемся того, что через десять лет ее будут петь дети в школах, рабочие на фабриках, солдаты в походе. Она обесмертит его имя!»

К дальнейшей мифологизации Хорста Весселя приложили руку и люди из окружения Геринга. В сентябре 1933 года по распоряжению имперского министра народного просвещения и пропаганды и при участии Августа Вильгельма Гогенцоллерна, принца германского и прусского, сына Вильгельма II, члена НСДАП и СА и друга Геринга и Карин, был снят художественный фильм «Ханс Вестмар — один из многих». В массовых сценах фильма снимались бойцы СА из подразделения, которым командовал Хорст Вессель. О прототипе главного героя спорить не приходилось.

Культ Германа Геринга, развившийся в нацистской Германии, на самом деле был как бы обратной стороной другого культа — Хорста Весселя. Вессель служил героем для масс, символизируя жертвы, принесенные в борьбе за будущее национал-социалистическое государство, где на всех хватит хлеба и свободы.

Геринг был героем как для масс, так и для элиты. С одной стороны, его образ жизни демонстрировал успех, реализацию германской мечты, которая должна была вдохновлять миллионы сторонников нацистов. С другой стороны, Геринг демонстрировал аристократии и бизнесу, что никто не будет покушаться на их жизненные блага, что богачи останутся и при нацистской власти, раз второму человеку в партии и государстве позволено демонстративно жить на широкую ногу и безудержно богатеть.

Будни Геринга проходили во встречах с представителями высшего света, в выступлениях в рейхстаге и на партийных митингах. Карин запечатлела их жизнь в письмах к матери. 28 февраля 1930 года она сообщала ей:

«Виды уехали на несколько недель отдохнуть в Тироль. В начале марта они уже вернутся, и я буду этому очень рада. Я их обоим просто обожаю. Они преданы нам и много помогают. Виды свели нас с очень приятными семьями. В последние недели мы были так заняты, что появлялись дома лишь тогда, когда у нас бывали гости. Все это отнимает силы и у Германа и у меня, но мы их не жалеем. Обыкновенная жизнь — не для нас, и если потребуется, мы отдадим делу все, что сможем».

Карин продолжала:

«Виды хотят, чтобы все их знакомые узнали про движение Гитлера. Германа все время засыпают вопросами. Многие критику-

ют программу партии, ищут уязвимые места в политической концепции фюрера, и Герману приходится разъяснять, растолковывать, отвечать на критику до полного изнеможения. Но все идет к лучшему, и мы склоняем все больше людей на сторону Гитлера и его дела. Теперь с нами и Август Вильгельм, и Види, и много других интересных людей. Вчера мы пообедали с князем Хенкелем-Доннерсмарком, ему всего сорок лет, но он парализован и прикован к креслу-каталке. Его очень жалко. Тем не менее князь посещает все митинги, на которых выступает Герман. Мы все любим князя, он такой умный и добрый. Пару дней назад у нас на обеде был барон Коскулл вместе со шведскими дипломатами. Он застал у нас фон Баров, Августа Вильгельма и двух рабочих, национал-социалистов, приехавших из Мюнхена и остановившихся у нас. Во время обеда прибыли еще граф Комс с супругой и герцогиня фон К. с дочерью. Представляешь глаза шведов при виде такой сборной солянки!»

Толстяк Герман в те годы был одинаково мил и утонченным аристократам, и циничным бизнесменам, и простым рабочим, умея разговаривать и с теми, и с другими, и с третьими. Он успешно вербовал приверженцев национал-социализма во всех слоях и классах германского общества. По мнению Ричарда Оувери, «Геринг сыграл ключевую роль в формировании необходимых связей и взаимоотношений между нацистским движением и немецким капитализмом, благодаря которым стало возможным осуществление захватнической политики».

Карин неизменно сопровождала мужа почти во всех поездках и в жару, и в холод, чем основательно подорвала свое и без того слабое здоровье. Весной 1930 года она слегла и с тех пор практически не выходила из больниц и санаториев. Геринг, видя, насколько серьезно больна жена, написал Нильсу фон Кантцову и попросил отпустить к ней сына. Томас приехал в Германию в июле и пробыл с матерью десять дней. Он катал мать на кресле-каталке по аллеям санатория Кройте в Баварии или возил ее в горы на автомобиле. К началу сентября Карин стало немного лучше, она уже могла читать газеты и журналы, но чтение книг оставалось для нее еще слишком сложным делом. Она сообщала матери:

«Я так довольна сыном, он очень добрый, рассудительный и великодушный. Он сам много страдал и многое понял. Мама,

я так тоскую по тебе! Чувствуешь ли ты ту шемящую волну, что приходит к тебе из моей милой, любимой Германии?»

Тогда же она писала родным:

«Я так одинока, состояние здоровья не позволяет встречаться с друзьями и знакомыми. Бог дает мне силы только тогда, когда я по мере возможностей помогаю движению Гитлера».

Карин действительно много сделала для того, чтобы привлечь на сторону нацистов германскую аристократию. Пока позволяло здоровье, она стремилась привлечь в НСДАП все новых членов. Для мужа она навсегда осталась идеалом национал-социалистки.

Геринг организовал Гитлеру встречу с крупными германскими бизнесменами — Тиссенем, Шахтом и другими. После этого фюрер сказал Карин:

«Вы — талисман нашей партии! Когда вы рядом, все идет хорошо!»

Геринг был всецело занят кампанией по досрочным выборам в рейхстаг и мог лишь каждый день писать Карин нежные письма. На выборах 10 сентября 1930 года нацисты значительно увеличили свое представительство в рейхстаге — до 107 депутатов, поддержанных 6,5 миллиона избирателей. Геринг внес значительный вклад в эту победу, и Гитлер отблагодарил его достойно, назначив своим заместителем по руководству парламентской фракции НСДАП. Геринг был уполномочен выступать от имени фракции в рейхстаге. Теперь он смог наконец навестить Карин в санатории и появился там с огромным букетом роз.

Успеху нацистов на выборах не помешал раскол в партии, происшедший несколькими месяцами ранее. В мае 1930 года из НСДАП был исключен Отто Штрассер, лидер левого крыла, выступавший против заигрывания с крупным бизнесом и аристократией. Вместе со своими сторонниками он создал альтернативную партии Гитлера «Черный фронт», но большой популярности не снискал, в том числе и из-за отсутствия финансовых средств.

Перед самыми выборами взбунтовалась значительная часть штурмовиков во главе с Вальтером Штеннесом, руководителем СА в Восточной Германии. Он потребовал значительного увеличения денежных выплат своим людям, невмеша-

тельства гауляйтеров (руководителей местных организаций НСДАП) в дела штурмовых отрядов, закрепления за СА статуса единственной организации для обеспечения безопасности партийных мероприятий и права земельных командиров отрядов СА выставлять свои кандидатуры в рейхстаг. Когда требования Штеннеса были проигнорированы, большие отряды штурмовиков вошли в Берлин и захватили штаб-квартиру НСДАП. Для ее освобождения пришлось прибегнуть к помощи полиции, арестовавшей 25 штурмовиков.

Срочно прервавший предвыборное турне и прибывший в Берлин Гитлер сумел уговорить штурмовиков подчиниться ему. Для этого пришлось увеличить им денежное содержание и пообещать, что партийные структуры не будут впредь вмешиваться в дела штурмовых отрядов. Командующий штурмовыми отрядами (он именовался начальником штаба СА) капитан Франц Пфедфер фон Заломон был смещен со своего поста и заменен капитаном Эрнстом Ремом, которого Гитлер попросил вернуться из Боливии.

Накануне возвращения Рема в германской печати появились материалы, свидетельствовавшие о его гомосексуализме. Подозревали, что утечку организовал Геринг, будто бы сам стремившийся вернуться на пост руководителя штурмовых отрядов. Однако подобное предположение кажется маловероятным. Во-первых, нет никаких свидетельств того, что Геринг желал отказаться от столь удачно складывавшейся политической карьеры и погрязнуть в непростых разборках с периодически бунтовавшими штурмовиками. Во-вторых, выбор в пользу Рема сделал сам Гитлер, а Геринг был по отношению к нему абсолютно лоялен. Если бы фюрер узнал, что Геринг интригует против его кандидата, да еще способствует публикациям компрометирующих материалов, что, безусловно, наносит ущерб партии в целом, то вряд ли бы вообще оставил будущего рейхсмаршала в рядах НСДАП, а тем более на руководящих постах. Скорее всего, компромат на Рема слили соперники из кругов штурмовиков, для которых его нетрадиционная сексуальная ориентация не была тайной, как, впрочем, и для самого Гитлера.

1 апреля 1931 года Штеннес, поддержанный большинством командиров штурмовых отрядов, поднял новый мятеж. Штурмовики опять заняли берлинскую штаб-квартиру пар-

тии и редакцию партийной газеты «Дер Ангрифф». На этот раз собственное ораторское искусство Гитлер подкрепил финансовыми санкциями, перестав выдавать деньги взбунтовавшимся отрядам. Вскоре большинство командиров «образумились» и вернулись под начало Гитлера. Строптивых же соратники Рема нейтрализовали при помощи кастетов. Штеннеса на этот раз исключили из НСДАП, что обеспечило ему долгую и счастливую жизнь. В 1933 году, сразу после прихода Гитлера к власти, Штеннес благоразумно покинул Германию. До 1949 года он служил военным советником в Китае у Чан Кайши, а затем странствовал по миру. Умер Вальтер Штеннес в 1989 году в возрасте 94 лет. Ему удалось пережить Гитлера, Геринга, Геббельса и других вождей Третьего рейха более чем на четыре десятилетия.

В то время, когда происходили разборки со штурмовиками, Геринг был занят здоровьем Карин. За весну 1931 года она очень сдала и часто впадала в обморочное состояние. Лечащий врач сообщил убитому горем Герингу, что надежды больше нет и жить Карин осталось недолго. Карин случайно услышала этот приговор. Она сказала Фанни:

«Теперь я знаю, каково умирать. Доктор признался Герману, что он ничего не может сделать, мое положение безнадежно. Когда я это услышала, то не в состоянии была произнести ни слова. А потом я внезапно увидела перед собой высокую чудесную дверь, излучающую яркий свет. Я почувствовала, что моя земная жизнь — позади и впереди меня ждет восхитительный, невыразимый мир. Я знала, что возврата из-за этой двери уже не будет. Тут я ощутила присутствие Германа и поняла, что сейчас еще не могу его покинуть».

Иногда еще случались кратковременные улучшения. К концу июня Карин немного окрепла, и Геринг смог отвезти ее в санаторий Бад-Альтхайде в Силезии. Тогда же Гитлер предложил Герингу совершить дипломатическую поездку в Италию и посетить Ватикан, чтобы продемонстрировать избирателям-католикам Южной Германии, что нацистская партия совсем не враждебна католицизму. По возвращении из Рима Геринг получил щедрый подарок. Гитлер, памятуя о его страсти к автомобилям, распорядился на партийные деньги купить Герингу «мерседес-бенц» последней модели с открытым верхом. Этот подарок был сделан «за исключи-

тельную пользу, которую Герман Геринг принес партии». Первым местом, куда поехал Геринг на личной машине (он сам сел за руль), был Бад-Альтхайде. Карин очень обрадовалась подарку. Геринг сообщил, что получил наконец двухнедельный отпуск и они проведут его вдвоем в автомобильном путешествии. От осознания того, что целых две недели рядом с ней будет любимый человек, Карин стало значительно лучше. В поездке их сопровождали Пили Кёрнер и Фанни. Первым пунктом путешествия был Дрезден. Сюда же на отдых приехал Гитлер, и они встретились с Герингом в «Палас-отеле». Фанни фон Фок вспоминала:

«Когда по городу распространилась весть, что приехал Гитлер, перед «Палас-отелем» собралась толпа для того, чтобы приветствовать его. Нам пришлось прокладывать дорогу с помощью полицейских грузовиков. Карин была счастлива. Она сказала: «Когда вся Германия осознает, кто такой Гитлер, наступит новая эра».

Две недели четверка разъезжала по маленьким городкам Баварии. Потом они отправились в Австрию. Геринг отвез Карин в Маутерндорф, где представил ее фон Эпенштейну. Крестному исполнилось уже 82 года. Он был очень слаб, но вместе с Лили встретил гостей весьма радушно. Вспомнив молодость, фон Эпенштейн устроил торжественный обед с менестрелями. Чета Геринг и их друзья остались довольны. Перед отъездом Лили сказала Карин, показывая на окрестные горы:

«Правда, очень красиво? Герман не говорил вам, что придет день, когда все это будет вашим?»

Бездетный фон Эпенштейн собирался завешать свое состояние крестнику.

Геринги вернулись в Мюнхен, чтобы присутствовать на крестинах дочери, родившейся у сестры Германа, Паулы Хубер. Ожидали, что церемонию почтит своим присутствием Гитлер, но тот в эти дни все не мог прийти в себя от потрясения, вызванного самоубийством его племянницы Гели Раубаль, которую он очень любил. Геринг хотел поехать на похороны Гели в Вену, но Гитлер не поехал сам и не разрешил своему «первому паладину» присутствовать на траурной церемонии, отправив в Вену в качестве своих представителей Гимmlера и Рема. В это время в Берлине шли на-

пряженные переговоры с окружением президента Гинденбурга и Геринг нужен был фюреру в столице.

25 сентября 1931 года умерла баронесса Хальдайн фон Фок, мать Карин. Та стала умолять, чтобы ей разрешили отправиться в Стокгольм на похороны матери. Врачи предупреждали, что поездка может убить ее, но в конце концов сдались. К сожалению, Герман и Карин опоздали. Они прибыли в Стокгольм, когда тело баронессы уже предали земле. На перроне их встречал Томас. Он вспоминал:

«Болезнь сделала маму еще прекраснее. Когда она выходила из вагона, то была красива, как никогда. Герман был одет в длинный плащ внакидку, и, когда он стал помогать маме сойти на платформу, свободные рукава плаща упали ей на шею, так что казалось, будто он обнял ее сразу четырьмя руками. Она обняла его и положила голову ему на плечо. Со стороны казалось, что неуклюжий лесной мишка ласково поглаживает своего детеныша. Образ мамы и Германа, тесно прижавшихся друг к другу, навсегда остался в моей памяти, поэтому, когда кто-то плохо говорит о Германе, я эти слова не воспринимаю».

В доме фон Фоков на Грев-Турегатен чету Геринг ожидал сам барон с четырьмя дочерьми. Его дети собрались вместе в последний раз. Ночью Карин стало очень плохо. Доктор не был уверен в том, что она переживет ночь, но агония затянулась. Судя по всему, уже в Германии Карин чувствовала, что ее дни сочтены, и стремилась на родину, чтобы умереть там. Когда на короткое время она пришла в сознание, то умиротворенно прошептала:

«Я так мечтаю поскорее встретиться с мамой!»

Четыре дня и бессонных ночи провел Геринг у постели умирающей жены. Он уходил от нее только для еды и утреннего туалета, убедившись перед этим, что Карин без сознания. Томас вспоминал:

«Все время он стоял у ее постели, приглаживал волосы, держал за руку, вытирал пот со лба и влагу с губ. Я сидел в углу комнаты и смотрел на него. Иногда он оборачивался, и я видел, что Герман плачет. Мы оба плакали. Наши сердца разрывались от любви и горя».

4 октября 1931 года Гитлер телеграфировал Герингу:

«Возвращайтесь немедленно, вы мне необходимы здесь».

В этот момент фюрер решил прекратить семимесячный бойкот заседаний рейхстага фракцией НСДАП и попытаться свалить правительство канцлера Брюннинга, вынеся ему вотум недоверия. Генерал фон Шлейхер, находившийся в хороших отношениях с Ремом, уговорил Гинденбурга принять Гитлера. Он уверил престарелого фельдмаршала, что Гитлер — разумный политик, способный предотвратить приход к власти левых.

Первоначально планировалось, что сопровождать Гитлера будет Рем, но президент категорически воспротивился этому. Он считал Рема экстремистом, да и нестандартная сексуальная ориентация главы штурмовиков отталкивала консервативного фельдмаршала. И тогда Гитлер решил заменить Рема Герингом. Тот должен был понравиться Гинденбургу: как-никак герой войны, вращающийся в аристократических кругах. Геринг не хотел уезжать, но Карин, внушившая себе, что не умрет, пока Герман находится рядом, узнав о телеграмме, уговорила мужа откликнуться на просьбу Гитлера. Она слишком устала от мучений и мечтала поскорее воссоединиться с матерью. Карин сказала Фанни:

— Фюрер срочно вызывает Германа в Берлин, он ему очень нужен. Помоги Герману упаковать вещи, а за мной присмотрит Томас.

— Пока я не вернусь, — сквозь слезы прошептал Геринг.

— Да, — едва слышно промолвила Карин.

На рассвете 5 октября Геринг отбыл из Швеции. 10 октября он сопровождал Гитлера на встрече с рейхспрезидентом фельдмаршалом Паулем фон Гинденбургом. Официальной записи переговоров не велось. Согласно воспоминаниям адъютантов Гинденбурга, фельдмаршал держался с Гитлером довольно сухо. Для него, прославленного полководца Первой мировой войны, лидер НСДАП был всего лишь храбрым ефрейтором, кавалером двух Железных крестов, и только. К тому же фельдмаршал ошибочно полагал, что фюрер родился не в австрийском, а в богемском Браунау, и до конца своих дней называл Гитлера «богемским ефрейтором». Гитлер на встрече разразился речью, обличавшей парламентские порядки. На Гинденбурга она не произвела впечатления, он лишь промолчал в ответ. Гитлер и Геринг

также молча откланялись. Позже Гинденбург говорил в ближнем кругу, что не хотел бы видеть Гитлера канцлером.

Несмотря на неудачную встречу с Гинденбургом, и Гитлер и Геринг были уверены в конечном успехе. Они не без оснований надеялись на то, что, пока в стране царит экономический и политический хаос, правительства существуют считанные месяцы, не будучи в состоянии заручиться поддержкой стабильного парламентского большинства. В таких условиях избиратели все охотнее будут голосовать за национал-социалистов, и достижение ими большинства в рейхстаге — не за горами.

17 октября в 4 часа утра Карин скончалась. Последними ее словами, сказанными Томасу, были:

«Герман обещал, что всегда будет относиться к тебе как к собственному сыну. Но ты должен сказать ему о том, что я надеюсь, он когда-нибудь сможет найти себе ту, которая принесет ему ребенка. Того, которого не смогла дать ему я».

Прощание отложили до возвращения Геринга в Стокгольм, чтобы он смог в последний раз увидеть ее в гробу. Похороны прошли 21 октября в фамильном склепе в Лувё. На них присутствовал весь шведский высший свет. Вместе с Герингом на похороны приехали его брат Карл и Пили Кёрнер. Когда гроб заносили в склеп, Геринг и Нильс фон Канцов отделились от толпы и молча встали рядом. Общее горе примирило давних соперников.

После смерти Карин Геринг никогда больше не переступил порог их квартиры на Баденштрассе. Он предпочитал останавливаться в отеле «Кайзерхоф», где располагалась берлинская штаб-квартира Гитлера.

Вернувшись в Германию, Геринг развил бешеную активность, не зная отдыха и проводя все время в переговорах и митингах. Он очень страдал от полноты и от бессонницы. Без снотворного ему редко удавалось проспать больше двух часов. Геринг пытался похудеть и соблюдать диету, но часто не мог удержаться от вкусной пищи и доброго вина. В результате он все больше толстел; не помогали ни сауна, ни длительные прогулки верхом в редкие свободные часы. Памятуя об истории с морфием, Геринг старался не злоупотреблять снотворным, поэтому спал все хуже и хуже. Но здоровье пока не подводило его.

Новые выборы состоялись 31 июля 1932 года. Им предшествовали ожесточенные схватки бойцов Рема со штурмовыми отрядами коммунистов и социалистов. Только в Пруссии в период с 1 по 12 июня произошло 461 столкновение, в ходе которых погибли 82 человека, а более 400 было ранено. В июле в той же Пруссии погибли 86 человек, в том числе 38 нацистов и 30 коммунистов. Остальные жертвы пришлось на социалистов и случайных прохожих. Канцлер Брюннинг был отправлен в отставку еще 1 июня. Вместо него чрезвычайным декретом Гинденбург назначил временным канцлером Франца фон Папена, профессионального дипломата. Тот воспользовался кровавыми столкновениями между коммунистами и нацистами в гамбургском районе Альтона и запретил уличные шествия вплоть до конца выборов, а в Берлине ввел военное положение. Однако демонстрации и митинги продолжались. Геринг обычно собирал на свои выступления не менее 40 тысяч человек. Послушать же Гитлера порой приходила толпа в 100 и 200 тысяч человек.

В итоге за нацистов отдали свои голоса более 13,5 миллиона человек (38% от числа участвовавших в голосовании), и они стали сильнейшей фракцией в рейхстаге с 230 мандатами. Далее шли социал-демократы со 133 мандатами, коммунисты — с 89 и католическая партия Центра с 73 мандатами. Со столь серьезной силой Гинденбург уже не мог не считаться.

Вскоре после выборов руководители НСДАП встретились в пригороде Мюнхена Тегернзее, чтобы обсудить, как брать власть. Геринг вполне солидаризовался с Гитлером в том, что теперь можно действовать совершенно легальными, парламентскими методами и, заручившись поддержкой правых партий, получить в рейхстаге абсолютное большинство.

13 августа 1932 года Гитлер получил долгожданную телеграмму из канцелярии Гинденбурга с приглашением прибыть в Берлин на переговоры. Фюрер уже видел себя в кресле рейхсканцлера. Но неожиданно Гинденбург разыграл другую политическую комбинацию. Он направил фон Папена к Гитлеру с предложением ему поста вице-канцлера и поста министра внутренних дел Пруссии для Геринга, избранного председателем рейхстага. Геринг возмутился:

«Адольф Гитлер — вице-канцлер?! Фюрер никогда не будет «вице»!»

Гитлер же пригрозил Папену «коричневым воинством» Рема и потребовал передать Гинденбургу, что другого поста, кроме канцлерского, ему предлагать не стоит. Но фон Папен отказался передать такое старому фельдмаршалу, заявив, что Гитлер должен объясниться с Гинденбургом лично.

После этой встречи Гитлер, Геббельс и Геринг собрались в квартире Геринга на Рейхсканцлерплац. Они пообедали, то есть Геринг и Геббельс вяло расправлялись с заливным из фазана, запивая его мозельским, а Гитлер вообще не приоткрыл рот к своей вегетарианской трапезе, а лишь бранил «политических пройдох», пытающихся расставить ловушки на пути нацистов к власти. Тут раздался телефонный звонок. Статс-секретарь рейхсканцелярии Эрвин Планк сообщил, что Гинденбург желает видеть Гитлера у себя не позже чем через час.

На этот раз Гитлер захватил с собой Рема, что было явной ошибкой. Папен к тому времени настроил фельдмаршала против Гитлера, внушив Гинденбургу, что тот стремится к единоличной диктатуре (что, кстати сказать, абсолютно соответствовало действительности). Гитлер прямо потребовал у Гинденбурга поста рейхсканцлера, чтобы навести порядок в стране. Однако президент отклонил столь наглое, по его мнению, требование, заявив, что, ввиду растущей политической напряженности в стране, он не может идти на риск отдать власть новой партии, не имеющей к тому же абсолютного большинства в рейхстаге. Гинденбурга возмущало, что нацистам свойственны нетерпимость, недисциплинированность и горлопанство. Начальник президентской канцелярии Отто Мейснер вспоминал:

«Гинденбург сослался на недавние столкновения нацистов с полицией, нападения сторонников Гитлера на их политических противников и на евреев. Все это убедило его, что в партии существуют необузданные элементы, неподдающиеся контролю партийного руководства. Гитлер должен оставить идею о том, чтобы единолично взять власть. Ему надо работать совместно с другими партиями и показать, на что он способен».

Не успел Гитлер вернуться к соратникам на квартиру Геринга, как на улицах уже появились газеты с экстренным

сообщением президентской канцелярии под шапкой: «Гитлер потребовал для себя верховной власти!» Согласно газетным сообщениям, Гинденбург обвинил Гитлера в отказе поддержать «национально мыслящее» правительство, что тот будто бы обещал сделать до выборов, и в требовании диктаторских полномочий. Коммюнике завершилось фразой:

«Рейхспрезидент настоятельно призвал г-на Гитлера вести себя по-рыцарски с другими партиями, не разделяющими национал-социалистические взгляды, и помнить о своей ответственности перед страной и народом».

Гитлер, Геринг и другие лидеры НСДАП сразу же стали обсуждать «наш ответ Гинденбургу». Рем предлагал с помощью десятков тысяч штурмовиков, собранных в Берлине, захватить правительственные здания. В случае неудачи он рассчитывал собрать штурмовые отряды по всей Германии, подкрепить их несколькими десятками тысяч бойцов СС и миллионом предварительно вооруженных членов НСДАП призывного возраста. Кроме того, Рем надеялся на то, что нацистские земельные правительства, которым подчинялась местная полиция, смогут выделить в помощь восставшим значительные полицейские силы.

Однако Гитлер и Геринг отвергли план вооруженного захвата власти, хотя на этот раз шансы на успех путча были очень велики. Приход к власти нацистов путем вооруженного насилия почти наверняка спровоцировал бы гражданскую войну. Против правительства Гитлера в Берлине могли восстать земли, где у власти находились его противники. К тому же в гражданскую войну могли вмешаться страны Антанты, те же Франция или Польша. Главное же, если бы Гитлер утвердился у власти в результате гражданской войны, германская нация оказалась бы основательно расколотой и гораздо труднее было бы объединить ее для последующей новой мировой войны, без которой цели нацистов представлялись недостижимыми.

Гитлер и Геринг пустили в ход все свое ораторское искусство, чтобы убедить соратников, особенно рвавшего в бой Рема, отказаться от насилия и продолжить борьбу в стенах рейхстага.

После этого совещания Геббельс записал в дневнике:

«Среди партийных товарищей царит полная безнадежность».

Геринг отбыл из Берлина в Веймар. Он сохранил бодрость духа и веру в победу и был готов к дальнейшим политическим интригам, чтобы обеспечить Гитлеру кресло канцлера.

К тому времени Геринга уже посетила новая любовь.

Его избранница Эмма Иоганна Хенни Зоннеман родилась 24 марта 1893 или 1894 года в Гамбурге, в семье владельца шоколадной фабрики. После учебы в актерской школе Эмми появилась на сцене немецкого национального театра в Веймаре в амплуа юной романтической героини, будь то Гретхен в «Фаусте» или королева в «Дон Карлосе». Потом она освоила роли искусственных светских дам, но эти роли удавались ей хуже. Эмми вышла замуж за актера из Штутгарта, но вскоре они расстались.

Впервые Эмми увидела Геринга в 1931 году, в последние месяцы жизни Карин, но тогда никакого чувства между ними еще не возникло. Их встреча произошла в поместье баронессы фон Штейн близ Кохберга. Актеры репетировали пьесу, написанную баронессой, и давали представление для местной публики. Эмма вспоминала:

«Германа представили мне поздно вечером после окончания спектакля. Тогда он не произвел на меня глубокого впечатления. Зато я буквально пленилась его женой. Несмотря на явное нездоровье, она была очаровательна. Мне хотелось поговорить с ней, но пришлось вернуться на сцену. Необходимо было повторить спектакль, так как зал замка вмещал только 40 человек».

Весной 1932 года в Веймар в ходе предвыборной кампании приехал Гитлер в сопровождении Геринга и Геббельса. На вечере в театре Эмми, игравшая в пьесе Лессинга «Мина фон Барнхельм», была представлена Гитлеру, и он заверил ее, что после победы нацистов немецкий театр переживет подлинное возрождение. Эмми про себя только усмехнулась: она была уверена, что с театром и так все в порядке. Через пару дней Эмми вместе со своей подругой Ирмой встретили в «Кайзеркафе» Геринга с Пили Кёрнером. Эмми увидела знакомое лицо, но не помнила, как точно звали высокопоставленного нациста, когда-то представленного ей, и спросила у подруги:

— Ирма, это кто, Геринг или Геббельс?

— Геринг, — подсказала Ирма. — Ты с ним встречалась в Кохберге.

Тут Геринг подошел к ним и предложил прогуляться вчетвером. Два часа они бродили по Веймару, зашли в парк Бельведер.

«Впервые в жизни, — признавалась потом Эмми, — я забыла о театре. Я слушала Германа Геринга с нескрываемым удовольствием. Он говорил о своей недавно умершей жене с непритворной любовью и печалью. Сам он все больше нравился мне».

Они попрощались у здания театра, и Эмма довольно долго не имела вестей от Геринга. Но тому понравилась веселая, высокая и симпатичная блондинка, чем-то напоминавшая его покойную жену. Правда, в отличие от Карин, Эмми совершенно не интересовалась политикой.

Эмми также не осталась равнодушна ко второму человеку в нацистской партии. Она сказала Ирме после встречи с Герингом:

«Я так счастлива, что наконец познакомилась с настоящим мужчиной».

Летом Геринг телеграммой сообщил Эмми, что через несколько дней опять приедет в Веймар, и попросил о встрече. Они встретились после митинга в ресторане «Гольден Адлер». Эмми опять была с Ирмой, а Геринг — с Пили Кёрнером. Собираясь на встречу, Эмми ощущала себя юной девчонкой, бегущей на первое в своей жизни свидание. Она трижды меняла платье и в конце концов остановилась на простой юбке с блузкой. Впоследствии она узнала, что именно такие наряды больше всего раздражали Германа, но в тот день он не обратил на юбку с блузкой никакого внимания, так как волновался не меньше Эмми. После ужина он проводил ее до дома, и они расстались, но во время короткой прогулки успели признаться друг другу в любви.

Актриса жила в театральном пансионе, занимая три меблированные комнаты. Хозяйка поддерживала среди постояльцев суровую дисциплину и не разрешала оставлять гостей на ночь. Им даже запрещалось мыться каждый день под предлогом, что частое мытье ведет к преждевременному износу ванны.

Геринг и Эмми стали встречаться каждый раз, когда он приезжал в Веймар. Сразу же после избрания председателем рейхстага 30 августа 1932 года он послал ей короткую записку на председательском бланке: «Я тебя люблю. Г.».

Выступая со своей первой председательской речью, он заявил:

«Я обещаю, что буду исполнять свои обязанности беспристрастно и в соответствии с существующими правилами, уважая принципы и авторитет палаты. Но в то же время я буду бдительно следить, чтобы в палате не задевались честь и достоинство германского народа... Я объявляю всем: это заседание ясно доказывает, что в рейхстаге есть достаточное большинство для того, чтобы вести государственные дела без обращения к чрезвычайным мерам. То, что мы имеем национально мыслящее правительство, вселяет в меня надежду, что я смогу и дальше исполнять обязанности председателя рейхстага и что достоинство народа, безопасность государства и свобода родины будут путеводными звездами моей деятельности».

Гинденбург вновь поручил формировать правительство фон Папену, который не имел никаких шансов заполучить на свою сторону парламентское большинство. Он попытался сначала ослабить левую оппозицию, а уже затем разобратся с нацистами. Прусская полиция совершила налет на штаб-квартиру коммунистической партии в Берлине. На основе найденных там документов Папен подготовил указ о роспуске прокоммунистического Союза красных фронтовиков, выполнявшего роль штурмовых отрядов при компартии. Однако для вступления канцлерского указа в законную силу требовалась подпись председателя рейхстага. Геринг вызвал к себе руководителя коммунистической фракции Эрнста Торглера и показал ему текст указа, заявив:

— Теперь я могу прихлопнуть все ваши вооруженные банды.

— Следующими станут ваши коричневорубашечники, — хладнокровно парировал Торглер.

— Знаю, — охотно согласился Геринг. — Поэтому и не собираюсь подписывать эту бумагу.

Одновременно Геринг предпринимал все меры к тому, чтобы уговорить Гинденбурга на назначение Гитлера канцлером. Он познакомился с фельдмаршалом еще в годы Пер-

вой мировой войны. Позже Геринг неоднократно посещал Гинденбурга в его загородной резиденции в Нойдеке. Теперь же он мог регулярно общаться с ним в качестве председателя рейхстага. Гитлер наделил Геринга полномочиями вести переговоры с любой партией, представленной в рейхстаге, о создании парламентского большинства. В его обязанности входило также привлечение в ряды членов НСДАП сочувствующих влиятельных членов общества, в том числе крупных бизнесменов, деятелей Церкви и искусства.

12 сентября 1932 года Папен попытался воспользоваться заранее данным ему Гинденбургом постановлением о роспуске рейхстага. Постановление не было датировано. Папен должен был сам поставить дату в зависимости от обстановки. Он знал, что 12 сентября коммунисты собирались поставить вопрос о вотуме недоверия правительству. Папен надеялся, что другие партии выступят против этого предложения. Папен собирался выступить с речью до голосования и обвинить коммунистов в провоцировании хаоса в рейхстаге, а затем зачитать постановление о его роспуске.

Герингу стало известно об этом плане, о чем он тотчас проинформировал Гитлера.

После выступления коммунистов Геринг сразу же перешел к голосованию вотума недоверия, причем депутаты НСДАП получили указание голосовать «за». Растерянный Папен не захватил с собой текста указа. Он рассчитывал сделать это во время дебатов. Пока он ходил за бумагой, голосование подошло к концу. Папен направился к столу председателя, чтобы попросить слова. Но Геринг его намеренно игнорировал, призывая депутатов голосовать дальше.

Фон Папен вспоминал:

«В зале царил суматоха. Воспользовавшись ею, Геринг отказался дать мне слово для выступления. Тогда мне пришлось пройти к председательской трибуне, хлопнуть папкой с указом о роспуске рейхстага по столу Геринга и покинуть рейхстаг вместе с другими членами правительства под хохот всего зала».

Геринг подвел итоги голосования. 513 депутатов проголосовали за отставку кабинета и лишь 32 высказались против. Затем он зачитал указ о роспуске рейхстага и под крики одо-

брения в зале объявил, что указ не имеет силы, так как подписан канцлером, только что отправленным в отставку.

На новых выборах, состоявшихся 6 ноября 1932 года, НСДАП потеряла 2 миллиона голосов и 34 мандата, но ее фракция осталась крупнейшей в рейхстаге. Неудача объяснялась тем, что финансовые средства нацистов были в значительной степени истощены предыдущей выборной кампанией. Геринга опять избрали председателем парламента. Он поставил себе целью добиться назначения Гитлера канцлером уже на текущей сессии, иначе пришлось бы прибегнуть к насильственному способу захвата власти. 24 ноября Мейснер сообщил Гитлеру позицию Гинденбурга:

«Г-н рейхспрезидент благодарит Вас, глубокоуважаемый г-н Гитлер, за готовность возглавить правительство, назначенное президентом. Но он придерживается того мнения, что не может взять на себя ответственность перед немецким народом, доверив свои президентские полномочия руководителю партии, ранее неоднократно подчеркивавшей свою исключительность и настроенной отрицательно как против него, президента, лично, так и против тех экономических и политических мер, которые он считает необходимыми. Г-н рейхспрезидент опасается, что возглавляемый Вами президентский кабинет неизбежно превратится в диктатуру одной партии, что вызовет чрезвычайное обострение противоречий в германском обществе. За это он не хотел бы отвечать ни перед данной им присягой, ни перед собственной совестью».

Геринг начал обрабатывать окружение Гинденбурга, в том числе его сына. Его старания увенчались успехом. Удалось нейтрализовать и действующего канцлера, генерала фон Шлейхера, назначенного Гинденбургом 2 декабря. Шлейхер, пытаясь удержать власть, предложил лидеру левых нацистов Грегору Штрассеру пост вице-канцлера и министра-президента Пруссии. Но Герингу удалось договориться с некоторыми генералами рейхсвера, и дорога Гитлера к посту канцлера была расчищена.

22 января 1933 года, в воскресенье, когда Геринг был в Дрездене, его вызвал Гитлер. Дело в том, что Геринга срочно хотел видеть сын президента Гинденбурга Оскар. В тот же вечер встреча состоялась на квартире Риббентропа. На ней присутствовали Папен и Отто Мейснер. Последней

каплей, склонившей Гинденбурга в пользу Гитлера, стало то, что Шлейхер одобрил инициированное социал-демократами расследование по поводу незаконного выделения средств землевладельцам Восточной Пруссии. Утверждалось, что значительная часть средств досталась друзьям Гинденбурга, а не тем, кто в них действительно нуждался. Оскар сказал, что если Гитлер закроет дело, то он убедит отца назначить его канцлером.

29 января 1933 года Геринг объявил об этом на совещании партийного руководства в берлинском отеле «Кайзерхоф». Геббельс записал в дневнике:

«Это был час величайшего триумфа Геринга. Несколько лет он прокладывал фюреру дорогу к власти политическими и дипломатическими средствами, вел бесконечные, изматывающие переговоры. Здесь сыграли свою роль достойные восхищения и присущие ему сила убеждения, сила характера и преданность Гитлеру».

В той же записи Геббельс назвал Геринга «честным солдатом с доверчивым сердцем ребенка», который принес фюреру «самое радостное и самое значительное в его жизни известие».

Вечером Геринг наконец позволил себе расслабиться. Он позвонил Эмме в Веймар и радостно сообщил:

«Все в порядке. Завтра Адольф Гитлер станет рейхсканцлером. Тебе обязательно надо быть в Берлине, я пришлю автомобиль».

30 января 1933 года именно Герингу выпала честь объявить на пресс-конференции состав нового правительства. Как вспоминал один из присутствовавших немецких корреспондентов Вильгельм Фришауэр, «Геринг выглядел немного застенчивым и в то же время преисполненным чувством гордости за выпавшую на его долю удачу. Он был сама любезность и рассудительность».

Пресс-конференция, проходившая в ночь с 30-го на 31-е, транслировалась по радио. Геринг заявил:

«Мы завершили темную эпоху нашей истории и открыли новую главу, в которой будет хлеб и работа для немецкого народа, честь и свобода для всех нас».

На самом деле Геринг вовсе не собирался в тот момент почитать на лаврах. Он понимал, что власть надо еще удержать и укрепить. Геринг получил пост рейхсминистра без портфеля (предполагалось, что со временем он возглавит министерство авиации, которое еще только предстояло создать) и стал министром внутренних дел Пруссии. Формально Геринг подчинялся фон Папену, который был прусским рейхскомиссаром, но фактически действовал независимо от него. Другой представитель НСДАП, Вильгельм Фрик, получил портфель рейхсминистра внутренних дел. Вдвоем с Герингом при поддержке штурмовиков им предстояло расправиться с политическими противниками и обеспечить контроль партии над всеми силовыми структурами, за исключением рейхсвера. Ненацистское большинство правительства во главе с Францем фон Папеном помешать им в этом не могло.

Вечером состоялось грандиозное факельное шествие штурмовиков, эсэсовцев, а также членов ветеранских орга-

низаций «Штальхелм» («Стальной шлем») и «Кифхойзер». Последняя была названа в честь горы в Граце, в недрах которой, согласно легенде, спит император Фридрих Барбаросса, которому суждено проснуться и выйти на свет Божий тогда, когда возродится Германская империя.

Гинденбург, наблюдая за шествием из окна президентского дворца и приветствуя толпу, впервые тепло отозвался о Гитлере:

«Если бы я знал, что он может так вымуштровать бойцов, я гораздо раньше обратился бы к его услугам».

В свою очередь Гитлер приветствовал участников марша с балкона рейхсканцелярии. Геринг, одетый в партийную униформу, стоял рядом с ним и вел прямой репортаж для радио:

«Мои германские братья! Я нахожусь у здания рейхсканцелярии. Сюда сегодня пришли сотни тысяч людей. Их энтузиазм сравним только с энтузиазмом 1914 года, когда народ поднялся на защиту своего отечества, чести и свободы. 30 января 1933 года войдет в историю как день, когда народ, после четырнадцати лет страданий и стыда, вновь обретает свою прежнюю славу. Великий фельдмаршал сегодня вместе с молодым поколением! Он встал рядом с новым молодым вождем, который поведет нацию к лучшему будущему! Сотни тысяч немцев ликуют под этими окнами, веря, что будущее принесет хлеб и работу всем им, свободу и достоинство всей нации!»

После окончания шествия в рейхсканцелярии состоялся торжественный прием. Оттуда Гитлер, Геринг и другие нацистские лидеры отправились на день рождения принца Августа Вильгельма, который приходился на 31 января. Праздновать начали уже в полночь.

В отель «Кайзерхоф» Геринг вернулся в три часа ночи. Ожидавшая его Эмма сообщила, что ей надо срочно ехать в Веймар, так как утром начнутся репетиции «Фауста» и она рассчитывает на роль Маргариты. Герман огорчился, но возражать не стал.

Репетиции целиком занимали Эмму в последующие три недели, Геринг же без остатка отдавался работе. Тем не менее несколько раз им все же удалось повидаться. Либо Герман приезжал на автомобиле в Веймар, либо Эмма послед-

ним поездом отправлялась в Берлин, чтобы утренним успеть вернуться обратно. Когда она впервые увидела холостяцкую квартиру Геринга на Кайзердамм, то не преминула отметить, что она обставлена со вкусом. Кухарка Геринга хорошо готовила, и устраиваемые там приемы пользовались популярностью из-за хорошей кухни и отменных вин, подававшихся в изрядном количестве. Кроме женской прислуги в квартире жил слуга — бывший военный моряк Роберт Кропп, который очень привязался к своему хозяину, как и тот к нему. Это засвидетельствовал в июне 1945 года один из американских офицеров, в сердцах сказавший Кроппу:

«Нет смысла вас допрашивать, вы все равно ничего не скажете против своего господина».

В 1933 году, как рассказывал Кропп Фришауэру 15 лет спустя, Геринг неизменно вставал в семь утра, после легкого мочiona брился, посыпая щеки и шею тальком, чтобы подсушить кожу. Недоброжелатели же распускали слух, будто Геринг пудрится, намекая на его нетрадиционную сексуальную ориентацию, но это не имело ничего общего с действительностью. После бритья Геринг съедал завтрак — кофе и рулеты. За кофе он просматривал газеты. Затем ему подавали машину. Геринг надевал партийную форму особого покроя, специально для него сшитую, поверх нее — пальто и отправлялся в здание прусского МВД. Затем он ехал на обед в рейхсканцелярию, на котором кроме Гитлера обычно присутствовали Гесс, Геббельс, Розенберг, Фрик, а также адъютанты Гитлера. По свидетельству гитлеровского камердинера Линге, фюрер заранее говорил ему:

«Сегодня я обедаю с рейхсмаршалом. Нельзя ли приготовить что-либо специально для него? Может быть, его любимое блюдо — жареного петушка, а на десерт — слоеный яблочный пирог».

Во второй половине дня Геринг обычно работал дома или проводил заседания с руководством СА.

В распоряжении Геринга находился просторный кабинет в здании министерства внутренних дел Пруссии на Унтерден-Линден. Но он предпочитал работать в кабинете председателя рейхстага, где повесил несколько картин, два дорогих гобелена и который обставил хорошей мебелью.

По воспоминаниям того же Кроппа, Геринг порой засиживался за бумагами часов до двух ночи. Потом он ложился спать, но через несколько часов, побуждаемый чувством голода, вновь вскакивал и приказывал Кроппу принести в спальню пива с хорошей закуской. Он трапезничал в ночной шелковой рубашке с буфами на руках.

Как отмечает американский историк Герберт Мэйсон, «Геринг не был ни стратегом, ни инженером, ни знатоком политики и истории. Не имел он и управленческого опыта».

Последнее замечание не совсем верно. Как-никак Герингу доводилось командовать авиационной эскадрой, а позже — руководить фракцией НСДАП в рейхстаге и быть его президентом. Кроме того, Герингу было не занимать воли и энергии, и, как признавали даже его враги, он обладал выдающимися интеллектуальными способностями.

Свою деятельность в качестве министра внутренних дел Пруссии Геринг начал с основательной чистки своего ведомства. В этом ему помогал сотрудник отдела 1А, ведавшего политическими вопросами, Рудольф Дильс, женатый на племяннице Геринга. Все сотрудники, заподозренные в антинацистских взглядах, как левые, так и правые, были уволены из прусской полиции. Пострадали также лица нетрадиционной сексуальной ориентации, на которых имелись соответствующие материалы в досье отдела 1А. В досье на самого Геринга были не только зафиксированы морфинизм и пребывание в шведской психиатрической лечебнице, но и содержались утверждения о его «латентной гомосексуальности» и склонности к ярким, пышным нарядам и к использованию косметики. Геринг был возмущен клеветническими утверждениями и досье уничтожил.

На ключевые посты в министерстве он назначил своих людей. Пили Кёрнер стал статс-секретарем, Рудольф Дильс возглавил отдел 1А, граф Вольф фон Гельдорф, командовавший берлинскими штурмовиками, стал полицей-президентом Потсдама. В помощники Геринг взял своих будущих биографов: доктора Эриха Грицбаха — начальником секретариата и Мартина Зоммерфельда — начальником пресс-службы. Энергичную даму средних лет фрау Грету фон Корнатцки Геринг сделал своей секретаршей. Оставшихся на службе чинов полиции он предупредил, что не потерпит

проявления какой-либо нелояльности с их стороны по отношению к «национально ориентированным» партиям. В то же время деятельность организаций, враждебных государству, необходимо было решительно пресекать. Он настаивал:

«Коммунистический террор должен быть искоренен. В случае необходимости полицейские обязаны применять оружие, невзирая на последствия. Я в любом случае возьму их под защиту. На тех же, кто будет допускать промахи из ложного опасения нарушить букву закона, будут наложены дисциплинарные взыскания. Защита прав граждан требует применения в полном объеме предписанных законом мер против несанкционированных митингов и демонстраций, подстрекательства к государственной измене, забастовкам, мятежам и прочим противоправным действиям. Каждый полицейский всегда должен помнить, что промах, связанный с непринятием необходимых мер, — более тяжкий грех, чем ошибка при их применении. Я ожидаю, что все чины полиции будут единодушны в нашем общем деле защиты отечества от грозящих ему бедствий посредством сплочения и укрепления национально ориентированных сил».

22 февраля 1933 года Геринг своим приказом включил в состав прусской полиции членов СА, СС и «Стального шлема». Их отряды стали вспомогательными полицейскими частями.

Выступая через несколько дней после этого в Дортмунде, он объявил:

«Недалеко то время, когда вся власть и ответственность в Пруссии будет принадлежать одному человеку. И этим человеком буду я. Каждому, кто будет исполнять свой служебный долг, выполнять мои приказы и без колебания пускать в ход револьвер, гарантирована моя защита. А малодушных я беспощадно вышвырну с работы. Если, стреляя, вы кого-нибудь убьете, считайте, что убийца — я. Есть только два разряда людей — те, кто с нами, и те, кто против нас».

Последних, по мысли Геринга, следовало беспощадно уничтожать.

Согласно условиям, которые поставил Гинденбург Гитлеру, вручая ему канцлерство, в случае правительственного кризиса следовало немедленно провести новые всеобщие выборы. Гитлера это вполне устраивало. Вскоре он спровоцировал разногласия с консервативным большинством

кабинета и назначил на 5 марта 1933 года новые выборы. Поскольку полиция была уже под контролем нацистов, они рассчитывали эффективно пресекать любую направленную против них агитацию, а левую оппозицию предполагали нейтрализовать еще до выборов.

20 февраля Геринг принял группу промышленников в резиденции президента рейхстага. Организатором встречи выступил бывший президент рейхсбанка доктор Ялмар Шахт. На ней выступил Гитлер, пообещавший, что вскоре с улиц и фабрик исчезнут марксисты, будет оздоровлена экономика и восстановлена армия. И попросил денег на выборы, заявив, что в следующий раз доить бизнес будут теперь очень не скоро — новые выборы состоятся в лучшем случае лет через десять. Шахт пустил шляпу по кругу и собрал 3 миллиона марок.

Первыми преследованиям подверглись военизированные формирования левых партий. 24 февраля полиция по приказу Геринга заняла Дом имени Карла Либкнехта в Берлине — штаб-квартиру компартии. Геринг объявил, что там были найдены бумаги, содержащие планы коммунистической революции и предусматривающие, в частности, поджог правительственных и вообще крупных зданий в столице.

Заявление было подготовлено в виде меморандума для членов правительства. В нем утверждалось:

«Поджог Рейхстага должен был стать сигналом к восстанию. Планировались многочисленные теракты против отдельных лиц и частной собственности, причем впереди террористических групп предполагалось пускать женщин и детей».

У коммунистов действительно были собственные военизированные отряды; но они значительно уступали по численности штурмовикам Рема. К тому же на стороне Гитлера теперь были и основные силы полиции. В этих условиях начинать вооруженное восстание для коммунистов было безумием. Никто из независимых наблюдателей не поверил, что коммунисты в преддверии очередных выборов, где они еще имели шансы склонить избирателей на свою сторону, готовы были пойти на столь самоубийственный шаг. Гораздо более вероятным казалось, что план коммунистической революции — это сработанная Герингом фальшивка,

призванная оправдать репрессии против ротфронтовцев. Во всяком случае, ни полиция, ни штурмовики не были приведены в повышенную готовность, а здание рейхстага так и не было оцеплено кольцом усиленной охраны.

Вечером 27 февраля, когда Рейхстаг действительно подожгли, внутри здания находился только один ночной вахтер, а снаружи Рейхстаг охранял лишь один полицейский.

Геринг имел право жить в специальной резиденции председателя рейхстага, примыкавшей к зданию парламента, но он предпочел остаться в своей квартире на Кайзердамм. В вечер поджога Рейхстага слуга Кропп заваривал себе мятный чай, когда услышал телефонный звонок. Звонил ночной вахтер Рейхстага Пауль Адерман. Он кричал:

«Срочно сообщите господину президенту: Рейхстаг в огне!»

Геринг в этот момент находился в здании прусского МВД. Кропп позвонил туда. Но Геринг к тому времени уже знал о поджоге из докладов полицейских и собирался покинуть свой кабинет. Кропп решил, что пожар возник случайно. Ему показалось, что и Геринг думает так же. Кропп поспешил к Рейхстагу, из-под купола которого вырывались языки пламени. Автомобиль Геринга был уже здесь, а президент рейхстага как раз входил в здание. Кропп последовал за ним. Геринг двинулся к своему кабинету, но там уже бушевали языки пламени. Он сказал Кроппу, что хочет спасти gobелены. Это сделать удалось, зато все остальное превратилось в головешки.

Когда Геринг с покрытым копотью лицом вышел на улицу, он встретил Гитлера. Тот воскликнул:

«Это знак свыше!»

Теперь появился прекрасный повод избавиться от коммунистов. От Рейхстага остались одни стены, внутри он выгорел почти полностью.

Британский журналист Вили Фришауэр, находившийся тогда в Германии для освещения предвыборной кампании, так описал пожар Рейхстага:

«Над одним из его куполов стояло зарево, к небу поднимался столб дыма. Минуту спустя колонна машин остановилась у боковой двери, к которой направились и мы. Из машин вышли люди

в форме. Окруженный большой свитой, к входу быстро двигался Герман Геринг. Я заметил, что его лицо было пурпурно-красного цвета. «Преступление! — гремел его голос, перекрывая шум машин, пожарных насосов и крики полицейских. — Неслыханное преступление... Повесить их! Повесить!»

Фришауэр первым предположил, что поджог Рейхстага устроили нацисты и что к этому преступлению был причастен Геринг. В своем репортаже о поджоге Рейхстага для британской прессы он писал:

«Не может быть ни малейшего сомнения в том, что пожар, который поглощает Рейхстаг, — дело рук наймитов германского правительства. По-видимому, поджигатели пробрались в Рейхстаг через подземный переход, которым это здание соединяется с дворцом президента рейхстага, с кабинетом рейхсминистра и министра прусской полиции капитана Германа Геринга».

На месте преступления был схвачен голландец Маринус Ван дер Люббе — психически неуравновешенный член голландской коммунистической партии троцкистского направления. Были ли у него сообщники, установить так и не удалось. 24-летний голландец охотно подтвердил полицейским, что поджег Рейхстаг. Он был в одной рубашке, а его пиджак и пальто сгорели в зале заседаний. Психиатры ранее отмечали у него признаки пиромании. То, что пожар устроил Ван дер Люббе, сомнений не вызывало. Вопрос состоял в том, действовал ли он самостоятельно или по чьему-либо поручению.

Маньяк-пироман — фигура совершенно не подходящая для какого-либо заговора. Серьезные люди не будут брать его в качестве исполнителя серьезных акций, поскольку действия такого субъекта непредсказуемы. Однако мало кто и в 1933 году, и позже верил в случайные совпадения: слишком уж точно действия Ван дер Люббе соответствовали сценарию будущей революции, изложенному в меморандуме Геринга.

Очень трудно поверить, что Маринуса Ван дер Люббе направили поджигать Рейхстаг коммунисты. Для них, повторю, этот акт был не только абсолютно бессмысленным, но и вредным, поскольку провоцировал репрессии против компартии. Поджог был выгоден только людям Гитлера.

На роль непосредственных исполнителей провокации антинацистская молва выдвигала или Геринга, или главу берлинских штурмовиков Карла Эрнста.

В пользу версии виновности Геринга говорило то, что его резиденция была соединена с Рейхстагом подземным коридором, по которому нетрудно было доставить в здание горючие материалы, да и самому поджигателю Ван дер Люббе легко было бы незамеченным проникнуть в Рейхстаг. Впрочем, учитывая, насколько формально охранялось это здание, поджигатель вполне мог проникнуть в него и с улицы.

Неопровержимых доказательств причастности к поджогу нацистского руководства так никогда и не было найдено. Не было, например, представлено никаких убедительных версий, как именно люди Геринга (или Эрнста) познакомились с Ван дер Люббе и убедили его, что он должен поджечь Рейхстаг. Возможно, эта загадка так никогда и не будет разгадана. Но все же поджог Рейхстага был настолько выгоден нацистам в самый канун выборов и так точно соответствовал предсказаниям, содержавшимся в меморандуме, что это наводит на мысль: Геринг, скорее всего, был причастен к этому преступлению, а неподдельная тревога о гобеленах должна была лишь обеспечить его алиби в глазах общественности. Согласимся: в случае, если бы Геринг загодя эвакуировал из своего кабинета гобелены, картины и все ценное, скажем под предлогом ремонта, мало бы кто усомнился в том, что поджог организовал он. Тем более и так выглядело подозрительным, что глава прусского МВД и председатель рейхстага, располагая надежными сведениями о намечавшемся преступлении, так и не распорядился усилить охрану Рейхстага.

Геринг звонил в ночь пожара Эмми в Веймар и, как ей казалось, вполне искренне сокрушался:

«Дернул меня черт именно туда перенести все самые дорогие вещи!»

Эмма потом писала, стремясь доказать невиновность любимого:

«Я слишком хорошо знала, как ценил Герман мебель, которая погибла в огне. Это было последнее, чем он решился бы пожертвовать».

К сожалению, история доказывает, что ради политической целесообразности Геринг без колебаний жертвовал тем, что неизмеримо дороже любых гобеленов и мебели, — человеческими жизнями.

Гитлер, прибывший к горящему зданию Рейхстага, сразу же приказал начать аресты руководителей и видных функционеров компартии. Списки у Геринга были уже готовы. На Нюрнбергском процессе Геринг, оправдываясь, утверждал:

«Их бы все равно арестовали, независимо от того, случился бы пожар Рейхстага или нет. Через несколько дней или, возможно, через неделю».

В 1933 же году он заявил:

«Список преступлений коммунистов столь обширен, а преступления настолько ужасны, что я решил использовать все доступные мне средства, чтобы безжалостно стереть с лица земли эту заразу».

Сделать это было не сложно, тем более что против руководителей и членов военизированных формирований накопилось достаточно материалов для обвинения в политических преступлениях и убийствах. Ведь в штурмовые отряды как НСДАП, так и КПП чаще всего шли далеко не самые лучшие элементы общества — любители подраться, мелкие хулиганы, воры и сутенеры, отчаявшиеся и готовые на все безработные и тому подобная публика.

Тем не менее подавляющее большинство арестованных после поджога Рейхстага коммунистов и социал-демократов ни к каким уголовным преступлениям причастны не были, да и тех, за кем водились какие-то грешки, никто судить не собирався. Всех попросту отправляли в концентрационные лагеря на неопределенное время — до «полного исправления» или смерти. Тех же, кого считали особенно опасными и неисправимыми, обычно уничтожали без суда.

Геринг, разумеется, все оставшиеся годы категорически отвергал свою причастность к деянию Ван дер Люббе. Когда до него доходили соответствующие публикации в зарубежной прессе, Геринг откликался на них или возмущением, или смехом. Он иронически сравнивал себя с Нероном,

будто бы распорядившимся поджечь Рим, чтобы насладиться этим величественным зрелищем:

«Я знал, что будут говорить нечто подобное. Вероятно, они воображают, что я в пурпурной тоге и с кифарой в руках сладострастно наблюдал, как горит Рейхстаг».

И продолжал с гневными нотками в голосе:

«Нелепо и смешно утверждение, будто я развел в Рейхстаге костер, чтобы поджарить на нем коммунистов. Я бы и так расправился с ними, без какого-либо особого происшествия».

Расправиться-то, несомненно, расправился бы, но «особое происшествие» в виде пожара Рейхстага чрезвычайно помогло нацистам в оправдании расправы над своими политическими противниками в глазах общественного мнения как в Германии, так и за рубежом. И все же мало кто принял за чистую монету уверения Геринга: «сожжение Рейхстага создало для фюрера и для меня, как председателя рейхстага, большие неудобства. Если бы мы действительно хотели устроить поджог, чтобы обвинить в нем коммунистов, то выбрали бы другое, не столь ценное и необходимое для нас здание, например Берлинский замок. Посмотрите, что приходится делать теперь. Для заседаний рейхстага я вынужден использовать Дом оперы Кролля, тем самым занимая одну из двух театральных площадок в Берлине, где могут проходить небольшие оперные представления».

Так и хочется посочувствовать Герингу: столько неудобств, лишних хлопот и душевных переживаний по поводу того, что берлинцы лишены возможности наслаждаться столь любимыми Герингом шедеврами оперного искусства! Только никто бы не поверил, что сигналом к началу революции мог бы послужить поджог Берлинского замка или того же Дома оперы! Нет, тут уж приходилось жертвовать чем-то куда более серьезным: или Рейхстагом, или рейхсканцелярией, или дворцом рейхспрезидента. Но охрана президентского дворца была неподконтрольна нацистам, а поджечь рейхсканцелярию значило оставить без рабочего места самого фюрера.

Однажды Геринг пошутил на эту тему:

«Если бы я и поджег его, то совсем по другой причине. Зал заседаний там был слишком уж уродлив. Представляете, стены там были покрыты штукатуркой!»

Следствие по делу возглавил первый начальник прусского гестапо Рудольф Дильс. Он полагал, что Ван дер Люббе собственноручно и в одиночку поджег Рейхстаг. По утверждению Вили Фришауэра, слуга Геринга Роберт Кропп рассказывал после войны о том, что руководители берлинских штурмовиков на протяжении нескольких недель перед пожаром регулярно бывали во дворце Геринга. Именно штурмовиков Кропп и считал виновными в поджоге, полагая, однако, что сделали они это без ведома Геринга. Но здесь, по всей видимости, мы имеем дело со стремлением старого преданного слуги любым путем оправдать своего господина. Фришауэр, первым запустивший в оборот версию о причастности Геринга к пожару Рейхстага, утверждает, будто его информаторы, принадлежавшие к нацистскому движению, говорили, будто руководители СА получили в конце февраля информацию о том, что некий молодой голландец, 24 лет, в ночлежке в Хеннигсдорфе говорил двум штурмовикам в штатском из 17-го отряда:

«Нацисты никогда не позволят коммунистам занять места в рейхстаге. Какой же смысл в рейхстаге без коммунистов?»

Он болтал что-то невнятное о том, будто сам собирается поджечь Рейхстаг. Об этом доложили руководителю берлинских штурмовиков Карлу Эрнсту, тот сообщил Гельдорфу, и они оба упомянули об этой новости в разговоре с Герингом. Тот будто бы в шутку бросил:

«Пусть поджигает, если хочет».

Таким образом Геринг, возможно сам того не желая, подал Эрнсту идею использовать Ван дер Люббе для организации провокации. Эрнст распорядился отпустить голландца, но присматривать за ним. Затем Эрнст поделился мыслью о поджоге с Геббельсом, и тот ее одобрил. Эрнст приказал своим людям помочь Ван дер Люббе в организации поджога, поскольку одному ему не справиться. Эрнст, отвечавший за почетные караулы в Рейхстаге от СА, знал о подземном ходе, соединявшем дворец Геринга с Рейхстагом. По нему

будто бы и скрылись с места преступления штурмовики, помогавшие Ван дер Люббе.

Замечу, что эта версия уж слишком экстравагантна. Зачем Ван дер Люббе какие-то помощники, если здание рейхстага никем практически не охранялось? Зачем посвящать в свои намерения столько людей, да еще непременно задействовать пресловутый тоннель? И потом, для чего Эрнсту и Гельдорфу рассказывать своим коллегам, что именно Геринг поручил им сжечь Рейхстаг? Скорее всего, до Фришауэра дошли обыкновенные слухи, в изобилии ходившие тогда по Берлину.

Столь же маловероятно свидетельство Гальдера, данное им американским следователям и оглашенное на Нюрнбергском процессе:

«На завтраке по случаю дня рождения фюрера в 1942 году люди, гости перевели разговор на художественную ценность здания рейхстага. Я слышал, как Геринг вмешался в разговор и прокричал: «Единственный человек, который действительно знает Рейхстаг, это я, потому что я его сжег!» И хлопнул себя по ляжке».

Трудно поверить в то, что во время столь широкого застолья, на котором присутствовали в том числе и генералы сухопутных войск, которым Геринг не доверял никогда, он стал бы открыто похваляться столь сомнительными «подвигами». Гальдер же не испытывал теплых чувств ни к Герингу, ни к нацистам вообще. После 20 июля 1944 года он оказался в концлагере и, пока его не освободили союзники, мучился вопросом: «Казнят или не казнят?» Так что у бывшего начальника Генштаба сухопутных сил были все основания отомстить Герингу.

Геринг ответил на показания Гальдера не без издевки:

«Этот разговор не имел места, и я требую очной ставки с господином Гальдером. Во-первых, я должен подчеркнуть, что все здесь написанное — полная ерунда. Там сказано: «Единственный человек, который действительно знает Рейхстаг, это я». Но Рейхстаг был хорошо известен каждому депутату. Пожар возник только в зале заседаний, и многие сотни или тысячи людей знают его точно так же, как и я. (Геринг намекал на то, что в этом зале бывали как депутаты, так и зрители. — Б. С.) Заявление такого рода — полный нонсенс. Как господин Гальдер пришел к тому, чтобы сделать такое заявление, я не знаю.

Видимо, единственным объяснением может служить плохая память, которая стала причиной его неудач и в военных делах».

Но никто очной ставки Герингу предоставлять не соби-
рался. Зато его спросили, знал ли он Гальдера лично.

«Даже слишком хорошо, — сыронизировал рейхсмаршал. — Он был начальником штаба сухопутных сил, и я неоднократно указы-
вал фюреру после начала войны на то, что надо подыскать та-
кого начальника, который бы что-нибудь понимал в этих делах».

Надо признать, что прямых улик против Геринга как ор-
ганизатора поджога Рейхстага нет. Однако ряд косвенных
свидетельств позволяют предположить, что он мог играть
в этой провокации немаловажную роль.

Геринг приказал Дильсу найти каких-нибудь коммуни-
стических заговорщиков, якобы пославших Ван дер Люббе
поджечь Рейхстаг. На свою беду, в эту пору в Германии ока-
зались три болгарских коммуниста-коминтерновца: Геор-
гий Димитров, Благой Попов и Василий Танеев. Их взяли
в Берлине. Четвертым к ним пристегнули руководителя
коммунистической фракции в рейхстаге Эрнста Торглера,
который, узнав о том, что его разыскивают, добровольно
явился в полицию.

Проходивший в сентябре 1933 года в Лейпциге процесс,
на котором Геринг выступал в качестве главного свидетеля
обвинения, полностью провалился: не удалось доказать су-
ществование какой-либо связи между Ван дер Люббе и ос-
тальными подсудимыми, против которых вообще не было
никаких улик. Как оратор Димитров полностью переиграл
Геринга, хотя и говорил по-немецки с ошибками. Геринг мог
ссылаться лишь на то, что он интуитивно чувствовал вину
коммунистов, в том числе и коминтерновцев, но не смог тол-
ком объяснить, почему не принял немедленных мер, как
только получил информацию о готовящемся поджоге.

Председатель рейхстага лишь патетически бросил в лицо
Димитрову:

«Ваша партия — банда преступников, и ее надо уничтожить!»

На это Димитров резонно заметил, что одна такая партия
господствует на шестой части суши и с этой страной Герма-
ния как-никак поддерживает дипломатические отношения.

Перед тем как его вывели из зала за коммунистическую пропаганду, подсудимый саркастически заметил:

«Вы боитесь моих вопросов, господин министр!»

Геринг попал в непривычную для себя и заранее проигршную ситуацию. Судебная система Германии еще не была подконтрольна нацистам. Улик против других подсудимых, за исключением Ван дер Люббе, практически не было. Демагогией и громкими лозунгами судей было не убедить, а фактов в распоряжении обвинения не оказалось. Геринг находился в суде, а не на митинге и даже не в рейхстаге. И он взорвался, крикнув в лицо Димитрову:

«Подожди, мерзавец, после этого зала тебя все равно приведут к нам!»

Процесс, широко освещавшийся в иностранной печати, завершился полным провалом. Демократические институты, еще остававшиеся в Германии, мешали Герингу, и он с энтузиазмом взялся за то, чтобы как можно скорее прижать демократию к ногтю. Судьи не рискнули вынести обвинительный приговор болгарским коминтерновцам, их оправдали и выслали в Советский Союз. Торглера тоже оправдали и оставили в Германии, а Ван дер Люббе приговорили к смерти и обезглавили 10 января 1934 года.

Сразу же после поджога Рейхстага Гитлер добился у Гинденбурга издания декрета, временно приостанавливавшего действие семи ключевых статей конституции. Под предлогом необходимости противодействовать «актам насилия со стороны коммунистов, угрожающим безопасности государства», были ограничены права на личную свободу, свободу слова, свободу собраний, вводилась цензура почты, телеграфных сообщений и телефонных разговоров. Отныне разрешались аресты и обыски без судебного ордера. Подразделения СС и СА получили право действовать самостоятельно, без какого-либо контроля со стороны полицейского начальства. Фактически был введен запрет на митинги всех партий, кроме НСДАП. Были арестованы Эрнст Тельман и другие лидеры компартии. Кстати, когда Геринг узнал, что в концлагере Тельмана избивают штурмовики по приказу Карла Эрнста, он немедленно распорядился, чтобы его

содержали в пристойных условиях. С политическими оппонентами Геринг старался держать себя корректно. Он вызвал Тельмана, пожал ему руку, извинился за действия охраны, но заметил не без иронии:

«Мой дорогой Тельман, если бы вы пришли к власти, то избивать меня не стали бы, а просто пристрелили».

5 марта 1933 года нацисты одержали победу, но не столь безусловную, как ожидалось. Число поданных за них голосов возросло на 5,5 миллиона и достигло 17 277 тысяч, или 44% от общего числа проголосовавших. Это дало НСДАП 288 мандатов. Однако абсолютного большинства партии Гитлера на этот раз завоевать не удалось. Нацистам пришлось вступить в блок с Национальной партией Альфреда Гугенберга, завоевавшей 52 мандата, чтобы получить парламентское большинство в 16 мест. Однако с самого начала националисты Гугенберга рассматривались Гитлером только в качестве временных союзников.

Рейхстаг, по замыслу Гитлера, должен был превратиться в декорацию. Для этого требовалось принять закон о чрезвычайных полномочиях, который наделял канцлера почти абсолютной властью и позволял отложить следующее заседание на неопределенный срок. Но это был конституционный закон, и для его принятия требовалось большинство в две трети голосов. Геринг подсказал Гитлеру, как надо действовать, чтобы добиться его принятия. Декрет, подписанный Гинденбургом утром после поджога Рейхстага, давал полиции право, не считаясь с парламентской неприкосновенностью, арестовывать в том числе и депутатов рейхстага, которые в этом случае лишались своих полномочий. Геринг предложил арестовать всех депутатов-коммунистов и часть депутатов-социалистов. Оставшиеся на свободе вряд ли рискнут голосовать против закона о чрезвычайных полномочиях.

Так они и поступили. 23 марта 1933 года необходимое большинство при голосовании было получено. «За» проголосовал 441 депутат, «против» не побоялись выступить лишь 84. Об этом Геринг сразу же сообщил Эмми по телефону.

В марте 1933 года Геринг основал первые концентрационные лагеря, следуя примеру испанцев, боровшихся таким образом с повстанцами на Кубе в конце XIX века, и англи-

чан, с помощью концлагерей для мирного населения сломивших сопротивление партизан-буров в начале XX века. В апреле Геринг также преобразовал отдел прусской полиции IA в государственную тайную полицию (гестапо). Начальником гестапо был назначен министр внутренних дел Пруссии, то есть сам Геринг, но фактически им руководил его заместитель Дильс.

В ходе массовых арестов пострадали не только коммунисты и социалисты, но и деятели католической партии Центра, а также либералы. Иногда штурмовики просто сводили счеты с кем-то из своих недругов. Геринга больше всего тревожило то, что руководители штурмовиков начали создавать собственные концлагеря, ему неподведомственные. Там заключенные нередко подвергались изощренным пыткам. Герингу удалось добиться ликвидации «частных» концлагерей. Последним был ликвидирован лагерь в Оснабрюке, основанный эсэсовцами Гимmlера, но для этого потребовалось вмешательство самого Гитлера.

Иногда по просьбе Эмми или кого-нибудь из знакомых Геринг миловал некоторых узников. Так, например, случилось с одним чиновником из управления внутренних дел Касселя, которого арестовали только за то, что он неодобрительно отозвался о нацистах в винном погребе за чаркой рейнвейна. Беднягу освободили, но штурмовики в лагере успели сломать ему руку и челюсть, по поводу чего Геринг высказал свое недовольство их начальству. Он не был завзятым гуманистом, но без нужды калечить людей ему было противно — это никак не вязалось с офицерской честью.

Геринг признавался Эмми:

«Я по натуре охотник и могу убить человека. Но я никогда не стремился причинить человеку боль и страдания. Когда я стрелял в человека на войне, то воздавал ему положенные почести, если он погибал, и заботился о нем, если он оказывался ранен. Аналогичным образом я относился и к своим политическим противникам. Зачем их мучить? Если надо — застрели их, но не терзай!»

Любопытно, что среди прочих документов, направленных против политических противников, был и изданный Герингом декрет о запрете обществ нудистов, поскольку «культ наготы представляет собой одну из главных опасно-

стей для немецкой культуры и нравственности». Однако расовая теория национал-социалистов зиждилась на культе биологически совершенного «сверхчеловека»-арийца и красоте его тела, так что запрет на нудизм продержался недолго. Очень скоро была создана государственная Общегерманская федерация нудистов, объединившая все вышедшие из подполья нудистские клубы при условии, что в них не будет евреев и коммунистов.

5 марта 1933 года Геринг был назначен премьером прусского правительства, а должность рейхскомиссара Пруссии была ликвидирована. В связи с назначением министром-президентом Пруссии Геринг 31 августа 1933 года был пожалован Гинденбургом чином генерала от инфантерии.

15 сентября 1933 года Геринг организовал в Берлине 100-тысячный марш сторонников НСДАП. Это было одно из последних массовых политических мероприятий, организованных лично им.

1 декабря Рем, в рамках решения Гитлера о единстве партии и государства, был введен в состав правительства в качестве министра без портфеля. 1 января 1934 года Гитлер направил Рему специальное благодарственное письмо, где особо выделил «незабываемые заслуги» Рема перед национал-социалистическим движением. Фюрер благодарил судьбу, что может назвать предводителя штурмовиков своим другом и соратником. При этом участь Рема уже была решена, и жить ему оставалось всего несколько месяцев.

В январе 1934 года прусская полиция была подчинена германскому МВД, а вскоре последнее поглотило и прусское МВД. Герингу остался контроль над наиболее многочисленной прусской полицией, но ненадолго.

20 апреля 1934 года рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер был назначен заместителем Геринга. Под его контроль перешли вся полиция за пределами Пруссии и гестапо на всей территории рейха, а также все концентрационные лагеря. После этого, в ноябре 1933 года, Геринг создал свою спецслужбу при министерстве авиации, которую на первых порах использовал для сбора компромата против Рема. Называлась эта спецслужба «Научно-исследовательским институтом Германа Геринга», и со временем ее штат возрос до трех тысяч сотрудников. «Институт Геринга» широко практиковал

прослушивание телефонных разговоров с помощью новейших электронных устройств, занимался расшифровкой кодов, используемых иностранными посольствами, а во время войны — также и кодами неприятельских вооруженных сил. Прослушивались лидеры штурмовиков, оставшиеся на свободе деятели оппозиционных партий, некоторые иностранные посольства. К началу войны геринговская разведка имела станции прослушивания на всей территории рейха. Геринг даже принимал заказы от других учреждений на сбор конфиденциальной информации, прежде всего торговой и промышленной. В дальнейшем «информационное бюро» было поглощено Имперским главным управлением безопасности (РСХА).

Перед тем как передать концлагеря в ведение СС, Геринг сделал широкий жест, освободив по случаю нового, 1934 года пять тысяч заключенных.

Вплоть до 1936 года Геринг оставался формальным главой гестапо как руководитель прусского МВД, но фактически руководство гестапо и прусской полицией вскоре после «ночи длинных ножей» перешло к заместителю Геринга Гиммлеру и начальнику Имперского главного управления безопасности Гейдриху. С упразднением самостоятельности германских земель все должности Геринга в Пруссии превратились в своего рода почетные титулы.

Легко убедиться, что от руководства полицией и вообще репрессивным аппаратом Геринг был довольно быстро отстранен. Многие современники и историки полагали, что это было следствием борьбы за власть с Гиммлером, в которой Геринг проиграл. Но, как мне представляется, объяснение лежит в несколько другой плоскости. Настоящей борьбы за власть при тоталитарном режиме быть не может, ибо все принципиальные решения принимает вождь, неважно, как именуемый: фюрером, дуче или генеральным секретарем. Среди остальных политиков ведется лишь подковерная борьба за влияние на вождя, ибо вес и политическое влияние соратников определяется лишь степенью их близости к нему. Поэтому в конечном счете, где и чем заниматься Герингу, Гиммлеру и остальным, определял Гитлер. Геринг во главе прусской полиции был нужен ему только до тех пор, пока требовалось подавить оппозицию в Германии.

Этот период закончился после ликвидации Рема и верхушки штурмовиков, о чем речь впереди. Тогда, в «ночь длинных ножей», Геринг и Гиммлер действовали плечом к плечу, один — в Пруссии, другой — в Баварии. В дальнейшем же энергия и организаторские способности Геринга понадобились, прежде всего, в сфере перевооружения и подготовки к войне. Поэтому доминировать стали обязанности Геринга как министра авиации и уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана. Полиция же была отдана Гиммлеру, а пост президента рейхстага с ликвидацией политических партий и прекращением парламентской борьбы превратился просто в почетную должность. В дальнейшем, уже в ходе войны, Геринг вынужден был сосредоточиться на руководстве люфтваффе, а военная экономика перешла под контроль Шпеера, хотя должность уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг за собой сохранил.

Кроме полицейского поста в Пруссии, в марте 1933 года Геринг получил еще и должность «имперского комиссара по делам воздухоплавания», функции которого не были четко определены. Согласно Версальскому мирному договору, Германии запрещалось иметь военную авиацию. Геринг должен был возглавить процесс ее возрождения, на первых порах совершенно секретный. За границей многие думали, что это просто почетная синекура, которой Гитлер наделил своего ближайшего друга, бывшего аса Первой мировой войны.

На самом деле Геринг энергично взялся за восстановление немецких ВВС. Он понимал, что ресурсы Германии ограничены. Особенно узким местом была подготовка пилотов. Не было и заводов, производивших военную авиатехнику. Герингу были подведомственны крупная общегерманская компания «Люфтвагза», а также сеть мелких спортивных аэроклубов по всей Германии, готовивших будущих пилотов. В этих клубах состояло около полутора тысяч летчиков и примерно 15 тысяч планеристов. Однако здесь действовали очень жесткие ограничения. Согласно Парижским соглашениям 1926 года между Германией и странами Антанты, в год могло быть подготовлено не более 36 германских спортивных летчиков. Некоторое число пилотов смогло пройти подготовку за границей, в частности в СССР, где авиационная школа в Липецке действовала вплоть до 1933 года. Но после прихода Гитлера к власти Москва свернула военное сотрудничество с Берлином. Пришлось обучать дополнительные кадры в немецких школах для подготовки пилотов гражданской авиации. Державы-победительницы смотрели на это сквозь пальцы. К 1933 году всего было подготовлено 2,5 тысячи пилотов из числа бывших военнослужащих рейхсвера. Но боевую подготовку они проходили в крайне ограниченном объеме.

Строить боевые самолеты Германии было запрещено. Но ряд германских фирм имел дочерние предприятия за рубежом, в частности в Голландии и Швеции. «Дочки» производили боевые самолеты, на которых обучались германские летчики.

Еще в 1929 году Геринг ставил в рейхстаге вопрос о государственном финансировании «Люфтганзы», с тем чтобы она могла нанимать на работу больше пилотов. Он также настаивал на дополнительном финансировании германских фирм — производителей самолетов. Теперь, став комиссаром по делам воздухоплавания, Геринг решил начать полномасштабное возрождение люфтваффе. Ряд авиационных предприятий объединились в рейхскомиссариат по делам авиации, на основе которого осенью 1933 года было создано министерство авиации. Его, естественно, возглавил Геринг, но лишь спустя год удалось сформировать первые боевые подразделения, в основном вооруженные разведывательными самолетами. Бывшие асы заняли командные должности. Рядовые пилоты набирались из немногих подготовленных после войны летчиков и добровольцев из рядов армии и флота, которых еще предстояло научить летать.

Геринг вернул в авиацию своего друга Карла Боденшатца. После окончания Первой мировой войны тот продолжал служить в сухопутной армии и дослужился до чина полковника. Геринг развернул перед ним впечатляющую картину будущего могущества германских ВВС. Боденшатц принял его предложение стать военным адъютантом имперского комиссара воздухоплавания.

Мильх после некоторых колебаний тоже принял предложение Геринга оставить руководство «Люфтганзой» и стать статс-секретарем геринговского комиссариата. К 1932 году «Люфтганза» располагала крупнейшим парком самолетов в Европе и осуществляла 93% всех германских авиаперевозок. Ее филиалы были разбросаны по всему миру. Геринг устроил Мильху встречу с Гитлером, который заявил:

«У нас в партии мало людей, которые так смыслят в авиационном деле, как вы. Вы должны пойти на эту работу. Речь идет не о деле партии, а о деле всей Германии. Это не партия, а Германия требует, чтобы вы взялись за выполнение трудной, но славленной задачи возрождения нашей авиации».

Правда, возникла одна заминка. Отец Мильха был евреем, так что он относился к категории «мишлиге» — полуевреев-полунемцев по крови, которых нацисты собирались изгнать из армии и с государственной службы. Но Геринг придумал, как обойти это препятствие. Он убедил мать Мильха заверить у нотариуса заявление, что отцом ее сына в действительности является «чистокровный ариец» барон Герман фон Бир. Прежнее свидетельство о рождении Эрхарда Мильха было заменено новым. Геринг пошутил по этому поводу:

«Раз уж мы забрали у него настоящего отца, то пусть он будет, по крайней мере, сыном аристократа».

В результате уже 22 марта 1933 года Эрхард Мильх стал государственным секретарем воздушного транспорта и заместителем Геринга.

Не забыл «железный Герман» и своего давнего боевого друга Бруно Лёрцера. С одобрения Гитлера Мильх объединил все германские аэроклубы и организации в Немецкий авиационный спортивный союз, который и возглавил Лёрцер. Ячейки союза по всей стране стали тренировочными базами для будущих пилотов люфтваффе. Фактически это была полувоенная организация, члены которой имели звания и носили форму со знаками различия. Эрнст Удет стал советником в комиссариате воздухоплавания, а позже — в министерстве авиации.

Уже 30 января 1933 года Геринг провел встречу с летчиками и авиапромышленниками, съехавшимися в Берлин на торжества по случаю вступления Гитлера в должность рейхсканцлера, а также для того, чтобы отметить 25-летие Берлинского аэроклуба. Он объявил им, что для развития авиационной промышленности правительство выделит значительные кредиты на производство спортивных и транспортных самолетов «Юнкерс-52», «Фокке-Вульф-56», «Хейнкель-70» (этот спортивный биплан обладал всеми характеристиками истребителя) и «летающей лодки «дорнье».

Рабочих для расширения производства, по словам Геринга, вполне можно набрать из 6 миллионов безработных. Добровольцам, которые захотят обучиться летному делу, станут платить неплохие деньги. В авиацию из рейхсвера будут

направлены опытные унтер-офицеры, которые сумеют поддерживать среди курсантов военную дисциплину.

«Да, наш Герман опять высоко взлетел!» — восхищенно воскликнул Бруно Лёрцер.

В том же, 1933 году, выступая в Берлине перед курсантами летных школ, Геринг заявил, что пора избавиться от оков Версальского договора. С тайными тренировками пилотов в Советской России придется покончить. Старый друг Муссолини готов принять германских летчиков на базе итальянских ВВС в Удино, но операция должна происходить в обстановке строжайшей секретности. Германских пилотов в Италии выдавали за новобранцев итальянской армии из числа южнотирольских немцев.

По словам близкого к Герингу фельдмаршала Кессельринга, под влиянием доктрины Дуэ и работ других теоретиков, отстаивавших самостоятельную стратегическую роль авиации, Геринг «создал для себя ясную картину будущего авиации... Прежде всего, Геринг считал «идеальной» авиацию, способную выполнить любые задачи современной войны. Под руководством главкома люфтваффе должны были объединить всю авиацию, как сухопутную, так и морскую, им следовало обеспечить полное единство действий как в обороне, так и в наступлении. Всякое иное решение в той обстановке влекло за собой распыление сил и средств... Геринг задался целью создать мощный бомбардировочный флот, который, имея большой запас тяжелых и сверхтяжелых бомб и обладая большим радиусом действия, мог решать оперативные задачи и наносить сокрушительные удары по стратегическим и оперативным объектам. Запросы армии и флота пока отодвигались на второй план. Он надеялся удовлетворить их позже, с помощью усовершенствованных пикирующих бомбардировщиков и морского разведчика «До-17». Все это могло бы остаться только в теории, если бы Геринга не поддерживали военные специалисты с большим оперативным опытом и организаторскими способностями и выдающиеся инженеры из министерства авиации и других ведомств. Вошедшая в поговорку апатия Геринга, которая обычно наступала после подобного взрыву быстрого выброса идей, имела то преимущество, что другие могли в это время работать спокойно, не боясь контроля или проверки».

Может быть, тут дело не столько в апатии, сколько в том, что Геринг хорошо сознавал свои сильные и слабые стороны и понимал, что лучше всего сможет выступить в роли генератора идей, а вот к рутинной повседневной работе не слишком способен, и предпочитал доверять ее своим заместителям и помощникам. Помощников же он себе подбирал талантливых — достаточно назвать Мильха, Вефера, Кессельринга, Боденшатца, Лёрцера, фон Грейма...

К 1933 году авиапромышленный потенциал Германии был невелик. На 8 самолетостроительных и 5 авиамоторных заводах было занято всего около 4 тысяч рабочих. Мильху удалось заключить контракты на производство авиатехники еще с 9 заводами, в том числе с судостроительной фирмой «Блом унд Фосс» и паровозостроительной фирмой «Хеншель». Заводу Юнкерса в Дессау было заказано 230 транспортных трехмоторных самолетов «Ю-52». Хейнкелю же Альберт Кессельринг, бывший полковник рейхсвера, уволившийся из армии, чтобы служить в пока еще гражданском министерстве авиации начальником административного управления, предложил построить новый самолетостроительный завод на три тысячи рабочих мест в Мариензее, недалеко от Ростока. Кессельринг гарантировал, что за счет будущих заказов расходы на строительство завода, включая и бомбоубежища на случай войны, окупятся очень быстро.

В мае 1933 года Геринг дал промышленности заказ на 1000 самолетов, главным образом истребителей (их пока еще приходилось маскировать под гражданские транспортные самолеты). Уже к концу 1933 года в авиапромышленности Германии было трудоустроено 20 тысяч человек, а через год число занятых должно было увеличиться в 4 раза. В период с января 1934 по конец сентября 1935 года планировалось построить 4201 самолет, из которых 1760, или 40%, были учебно-тренировочными машинами, 822 — бомбардировщиками, 245 — истребителями, 590 — самолетами-разведчиками, 153 — гидросамолетами и 115 — гражданскими самолетами для «Люфтваффы». Кроме того, предполагалось произвести 450 модернизированных «Ю-52», предназначенных к использованию в качестве бомбардировщиков и вооруженных двумя пулеметами. Однако скорость 150 км/ч практически исключала возможность их боевого применения. Почти все германские са-

молеты того времени по качеству значительно уступали машинам вероятных противников — Англии и Франции.

Начальником командного управления авиации (будущего Генштаба люфтваффе) Геринг в сентябре 1933 года назначил полковника Вальтера Вефера — офицера Генерального штаба времен Первой мировой войны. Тот ратовал за развитие стратегической авиации и поддерживал проект бомбардировщика «Урал», с радиусом действия более 1500 миль. Считалось, что при необходимости он сможет долететь до Урала. Вефер был убежденным национал-социалистом и говорил, что или люфтваффе станут национал-социалистическими, или их не будет вовсе. В июне 1936 года Вефер погиб в авиакатастрофе. На его похоронах Геринг сказал:

«Этот целеустремленный, скромный и великий человек был вдохновляющим примером для всех нас. Нет слов, чтобы оценить его вклад в общее дело. Люфтваффе существуют сегодня только благодаря его неустанной работе».

1 апреля 1934 года в Германии была создана первая истребительная эскадрилья. Официально она называлась 132-й эскадрильей в составе министерства авиации, и в качестве ее предназначения указывалась коммерческая рекламная деятельность. Цифра 1 в номере означала 1-ю эскадрилью, цифра 3 — род авиации (истребительную), цифра 2 — номер военного округа, к которому была приписана эскадрилья (Берлинский). Командовал эскадрильей майор Роберт риттер фон Грейм, ветеран Первой мировой войны, одержавший 28 побед. Перед своим назначением он участвовал в организации ВВС Китая. В 1945 году Грейм стал последним фельдмаршалом и главнокомандующим люфтваффе, на две последние недели войны сменив Геринга.

В 1934 году тысячи солдат и унтер-офицеров рейхсвера срочно переводили в люфтваффе и одевали в новую синюю униформу. Впрочем, пока приходилось соблюдать маскировку. Например, бомбардировочная школа в Фассбурге называлась «Ганзейская летная школа гражданской авиации», школа в Лехфельде, где обучали летать на военно-транспортных «Ю-52», именовалась «Экспериментальным центром метеорологической авиации», а бомбардировочная школа в Пренцлау — «Отрядом сельскохозяйственной авиации».

Тем временем Эмми весной 1933 года предложили главную женскую роль в пьесе об одном из «нацистских мучеников» — Альберте Шлагетере, расстрелянном в 1923 году французскими оккупационными властями в Руре за шпионаж во время кампании пассивного сопротивления. Играть пьесу собирались в Берлинском государственном театре, который, как и Берлинская опера, был подведомствен Герингу как главе прусского правительства, тогда как остальные театры в Берлине подчинялись Геббельсу. Геринг предпочел пока не афишировать их связь с Эмми и снял для нее отдельную квартиру. Однако берлинская труппа все равно встретила Эмми в штыки, считая ее бездарной протеей Геринга. Позже она, по совету Германа, из театра уволилась. Геринг все свободное время проводил в ее квартире. В это время в его апартаментах на Кайзердамм гостил Томас, и Геринг не хотел вызывать ревность пасынка.

Здоровье Геринга начинало пошаливать. Он страдал от переутомления и огромного нервного напряжения в предшествовавшие несколько месяцев, когда развертывался решающий раунд борьбы за власть. Все это провоцировало повышенный аппетит, и Геринг продолжал катастрофически толстеть. Даже после обильного банкета он мог дома на кухне украдкой закусить изрядной порцией колбасы с бокалом пива. А иной раз среди ночи требовал от слуги Кроппа принести ему сыра, сосисок или пирожных. Будущий рейхсмаршал к середине 1933 года весил уже 125 килограммов. Ожирение сопровождалось повышенной потливостью. Геринг не успевал менять подворотнички и рубашки, а мундиры приходилось постоянно перешивать. Он пребывал в состоянии постоянного беспокойства и тратил почти все

свободное время на сауны и конные и пешие прогулки, а также на охоту в лесах восточного Бранденбурга.

В 1934 году Геринг получил почетные должности главного лесничего и главного охотника рейха, что еще больше стимулировало его страсть к охоте. К тому же по совету врачей он принимал таблетки для похудения. Иной раз в неделю ему удавалось сбросить до пяти килограммов, но связанные с этим физические усилия так изнурили Геринга, что, приходя после работы к Эмми, он сразу же валялся в постель и засыпал. По словам Эмми, Герман выглядел как «измученный медведь».

Но этот «измученный медведь» сделал немало для развития охотничьего и лесного хозяйства. Он восстановил поголовье многих диких животных, находившихся на грани уничтожения. Зубров и лосей Геринг распорядился купить в Швеции и Канаде, а уток, лебедей и прочих диких птиц — в Польше и Испании. В 1934 году были ужесточены законы об охоте, ее время и объем были значительно ограничены. За отстрел животных сверх разрешенных квот устанавливались огромные штрафы, а охота верхом и из автомобиля была запрещена. Под запрет попали проволочные силки и стальные капканы. Заодно Геринг запретил и вивисекцию. На видном месте в своем кабинете Геринг повесил лозунг: «Тот, кто мучает животных, ранит чувства немцев». Он инициировал планы создания лесополос вокруг всех крупных германских городов.

Используя свои полномочия главы прусского правительства, Геринг добился выделения ему участка земли для строительства охотничьей усадьбы, разместившейся в большом лесном массиве Шорфхайде северо-восточнее Берлина. Он издал декрет, согласно которому 40 тысяч гектаров леса в Шорфхайде были объявлены заповедной зоной, где отныне воспрещалось всякое строительство, а охотиться разрешалось только местным землевладельцам, включая, естественно, самого Геринга, и их гостям.

Поместье Геринг назвал Каринхалле — в память о Карин. Оно располагалось на берегу озера Вукерзее в зарослях дуба и можжевельника. Архитекторы Тух и Хетцельт спроектировали дом, следуя указаниям самого Геринга. Тот хотел, чтобы всё здесь, в том числе ковры, люстры и картины, напоминало ему о Карин.

На другом берегу озера Геринг устроил мавзолей, в котором перезахоронил Карин. Этому предшествовали драматические события. Летом 1933 года Геринг был в Швеции на свадьбе дочери графа фон Розена и возложил на могилу жены венок, украшенный свастикой. Шведские антифашисты венок убрали, обвинив Геринга в том, что он использует даже могилу жены для пропаганды национал-социалистических идей. Геринг, глубоко потрясенный этим происшествием, решил, что Карин лучше покоиться в немецкой земле. С разрешения фон Фоков он заказал большой двухместный оловянный гроб и перевез останки Карин в Германию. В том же гробу Геринг надеялся упокоиться после смерти.

19–20 июня 1934 года прошло торжественное перезахоронение останков Карин. Все деревни Восточной Пруссии, через которые проходил поезд с гробом, были увиты черными лентами. Был объявлен дополнительный выходной, чтобы люди могли приветствовать траурную процессию — украшенный венками и ветками можжевельника железнодорожный вагон.

От станции Эберхальде гроб везли уже на открытом катафалке. Как вспоминает присутствовавшая на церемонии Фанни, повсюду стояли черныеobelisks со свечами. Играл оркестр, из толпы летели цветы. В окрестных церквях звонили колокола.

На церемонии присутствовали не только сын Томас и все шведские родственники Карин, но и сам фюрер, а также другие руководители партии. Гиммлер немного опоздал на церемонию. По его словам, пока он ехал через лес, его машину обстреляли. Об этом свидетельствовали пулевые отверстия в кузове. Гитлер же прибыл точно в двенадцать, как и обещал, и траурная церемония началась. Фанни была в восторге:

«Сказочным очарованием веяло от этого тихого немецкого леса. Казалось, что сверху на нас взирают древние духи. Каменные ступени вели к склепу. Из небольшого темно-голубого окна свет падал на кафельные стены. Сверху был установлен надгробный камень, перенесенный из могилы в Лувё. Оттуда же была взята и земля. В ней высадили прекрасные цветы. Когда стали устанавливать саркофаг с телом Карин, раздалась приглушенная дробь барабанов, а затем оркестр заиграл похоронный марш из вагнеровской оперы «Гибель богов». Фюрер возложил

огромный венок в дань уважения женщине, столь преданной идеалам Третьего рейха. Затем началась заупокойная служба. Сразу после ее окончания с дальней стороны озера затрубили рога егерей, отдававших таким образом Карин последние почести... Когда гости ушли и саркофаг Карин был водворен в склеп, Геринг лично поправил все венки и букеты... Осиротевший муж наконец привез домой ту, которой свято поклонялся».

Эмми вспоминала в беседе с Фришауэром:

«Адольф Гитлер мог комфортно жить в любой местности. Ему нравились баварские Альпы, но он был столь же счастлив в Мюнхене, или в Берлине, или в своих полевых штабах. Моему мужу была необходима природа — Каринхалле, Маутерндорф, его миром были горы. Только в горах или среди деревень он действительно мог, как он говорил, воспрянуть».

Томас сначала ревновал Эмми к Герингу, но когда увидел, как искренне она сочувствует потере Германа — смерти любимой жены, примирился с ее существованием. Между ними даже установились теплые отношения. Геринг решил навсегда связать с Эмми свою судьбу. Тем более что Гитлер, познакомившись с ней во время церемонии перезахоронения, одобрил выбор своего ближайшего друга.

Усадьба состояла из особняка, сада, большого внутреннего двора, клумб, пруда с лилиями и конной статуей обнаженного охотника, стреляющего из лука. Сам Геринг нередко использовал именно это оружие охоты, что запечатлели сохранившиеся фотографии. Строительство Каринхалле было начато в 1934 году и закончено в 1937-м.

Геринг содержал охотничьи домики в различных местах Германии. Один из них располагался в Роминтерхайде в Восточной Пруссии, поблизости от ставки Гитлера. Вот как описал его Адольф Галланд, посетивший там рейхсмаршала в сентябре 1940 года, в разгар битвы за Англию:

«Имперская охотничья усадьба представляла собой сложенный из огромных цельных бревен дом с покрытой соломой крышей, выступавшей далеко над карнизом. Геринг вышел из дома, чтобы встретить меня. Он был одет в зеленую замшевую куртку поверх шелковой рубашки с длинными рукавами, в высоких охотничьих сапогах, на его поясе красовался охотничий нож в форме древнего германского меча. Он был в прекрасном настроении».

Голланду было разрешено подстрелить одного из королевских оленей, которых в хозяйстве держали для самого Геринга, и потом он провез свой трофей через всю Германию.

В апреле 1933 года Геринг по поручению Гитлера отправился в свою первую дипломатическую поездку. Вместе с вице-канцлером фон Папеном они посетили Ватикан в попытке убедить Папу и его окружение, что установленный в Германии новый режим не является антикатолическим. Геринг заранее считал эту миссию обреченной на провал и предоставил всю инициативу фон Папену. Сам же Геринг вместе с сопровождавшим его Мильхом провел переговоры с командованием итальянских ВВС и с Муссолини.

Вечера были отданы банкетам с обильной едой и возлияниями. В итоге Геринг вернулся из поездки совсем разбитый. Чтобы успеть к 20 апреля, дню рождения Гитлера, Геринг и Мильх полетели обратно на «Ю-52». Во время полета, вскоре после промежуточной посадки в Милане, испортилась погода, и самолету пришлось подняться на высоту 6 тысяч метров, чтобы оказаться выше грозовых облаков. На такой высоте тучный Геринг стал задыхаться, а запаса кислорода на самолете не было. Геринг почти потерял сознание, изо рта пошла пена, его лицо посинело. Ему растегнули мундир, обливали водой. Пилоты тоже страдали от недостатка кислорода и в довершение всех несчастий сбились с курса. В Мюнхене они приземлились с опозданием на четыре часа, но к этому времени Геринг уже пришел в себя и вечером у Гитлера выглядел сносно.

После этого полета у Геринга вновь разболелись старые раны, и он стал сильно хромать. Эмма посоветовала ему пилюли от радикулита, которые помогли. До этого Геринг все-раз опасался, что придется вернуться к морфию.

С лета 1934 года Герман и Эмма жили вместе, ни от кого не таясь. Ей нравилась любовь Геринга ко всему пышному, величественному, его манера одеваться броско и нестандартно, в специально пошитые костюмы и мундиры. Даже то, что Геринг был очень толстым, любящую женщину не смущало, тем более что и она сама была не худенькой. Эмма восторгалась его остроумием и прямодушием, радовалась, что ее избранник понимает толк в живописи и музыке — здесь она полностью разделяла его вкусы. Но ее удив-

ляло, что Геринг никогда не осмеливался противоречить Гитлеру. Это заметила и 18-летняя племянница Эмми. Она возмущалась:

«Ведь дядя Герман — такая сильная личность, почему же он слепо поддакивает Гитлеру, даже тогда, когда думает иначе?»

Эмма, в отличие от Карин, отнюдь не восторгалась фюрером, да и к национал-социалистическим идеям была равнодушна.

Причина такого подобоострастия, если не сказать подхалимства, со стороны Геринга заключалась в том, что в партии, а потом и в государстве, построенном на основе фюрер-принципа, воля вождя была абсолютным законом. Если у Гитлера уже сформировалось мнение по какому-то вопросу, перечить ему было себе дороже. В случае сопротивления точке зрения вождя строптивного подчиненного ждала ссылка на какой-то второстепенный пост, а Геринг хотел играть значительную политическую роль в Германии. Для этого приходилось наступать на горло собственной индивидуальности и покорно соглашаться во всем с фюрером. Единственным способом настоять на своем в принципиальных вопросах было предварительно убедить Гитлера, что его, Геринга, мнение правильное, и сделать так, чтобы фюрер воспринимал его как свое собственное.

Иногда Герингу это удавалось, но в мелочах он стремился угодить фюреру. Даже свою резиденцию министра-президента Пруссии Геринг попросил будущего министра вооружений архитектора Альберта Шпеера перестроить, «как у фюрера». Шпеер вспоминал:

«Критика со стороны Гитлера или желание подражать ему заставляли Геринга изменять проект, даже в ущерб собственным вкусам и комфорту. Он сказал: «Делайте, как вам нравится, даю вам полную свободу. Только пусть будет как у фюрера».

В результате на первом этаже Шпеер сделал четыре зала, самый большой из которых был площадью 140 квадратных метров и служил кабинетом Геринга. К кабинету была сделана застекленная пристройка из дефицитной бронзы. Но Геринг к тому времени уже разучился считать деньги, потраченные на личные нужды. В подземном этаже,

под дворцом, располагались сауна, гимнастический зал и плавательный бассейн с подогревом.

В своем громадном кабинете, который был лишь чуть меньше гитлеровского в рейхсканцелярии (все-таки субординацию приходилось соблюдать!), Геринг сидел за массивным столом эпохи Ренессанса. В мебели, как и в самом Геринге, было что-то раблезианское. На столе стояла большая фотография Гитлера и два серебряных светильника с большими пергаментными абажурами. В холле висела картина Рубенса «Диана на оленьей охоте». Она прикрывала окошко кинобудки. При необходимости холл легко превращался в кинозал.

Геринг вполне разделял намерения Гитлера расправиться с Ремом и обуздать штурмовиков, ведь те пугали как армию, так и крупный бизнес. Командиры штурмовиков чином были, как правило, не выше армейского капитана времен Первой мировой войны и происходили не из кадровых военных. Рем собирался сделать СА основой новой массовой армии и никогда этого не скрывал, официально предложив такой план правительству в феврале 1934 года. Но ни эсэсовцы, ни солдаты рейхсвера не горели желанием раствориться в коричневой массе штурмовиков. Гитлер же и Геринг понимали, что без опытных офицерских и генеральских кадров действительно боеспособную армию не построишь. Также и без взаимодействия с большим бизнесом нельзя было оздоровить экономику. Правда, после оздоровления Гитлер и Геринг собирались ее милитаризовать под жестким государственным контролем, что никак не могло понравиться германским промышленникам и финансистам. Но тогда, в 34-м, бизнес об этих планах не знал, зато его пугали погромные настроения штурмовиков, все-речь собиравшихся «все поделить».

Рем сосредоточил в своих руках мощную вооруженную силу — более двух миллионов штурмовиков. Туда частично влились и бывшие члены коммунистических и социал-демократических штурмовых отрядов, которым было все равно, кому служить, лишь бы иметь возможность подраться да покуражиться. Их презрительно называли «бифштексами с кровью» — коричневые снаружи, красные внутри. Для нейтрализации штурмовиков требовалось привлечь все другие силовые структуры — рейхсвер, эсэсовцев и поли-

цейских Гимmlера, а также прусских полицейских Геринга. Удар по Рему и его соратникам следовало нанести внезапно.

В мае во время военно-морских маневров в Балтийском море Гитлер на борту линкора «Дейчланд» договорился с военным министром генералом Вернером фон Бломбергом, что тот поддержит устранение Рема и назначение Гитлера рейхспрезидентом после ожидавшейся смерти престарелого Гинденбурга. Бломберг, кстати, не питал симпатий к Герингу, но Геринг и Гитлер в его глазах все равно выглядели предпочтительнее Рема. Бломберг полагал, что это люди более или менее вменяемые, в отличие от вождя штурмовиков, грозившего растворить рейхсвер в отрядах СА.

Предлогом для расправы с Ремом послужило досье, собранное гестапо. Там описывались не только гомосексуальные оргии в его штабе, но и разговоры руководителей штурмовиков о необходимости «второй революции», чтобы расправиться с реакционерами — крупными финансистами и промышленниками, аристократами и генералами рейхсвера. Особенно ненавистна для руководителей штурмовиков была фигура Геринга, которого они считали тесно связанным с «реакционными кругами». Его обвиняли в «моральном разложении» и расточительстве.

Спецслужбой Геринга были сделаны тайные записи беседы Шлейхера с французским послом в Берлине Андре Франсуа-Понсе. Они говорили о возможности скорой смены режима, после чего посол посоветовал своему правительству приостановить переговоры с Германией. Не было никаких доказательств того, что Рем планировал в обозримом будущем государственный переворот, но Гитлер считал, что мавр, то есть Рем, сделал свое дело, помог партии прийти к власти. Теперь он стал обузой и только мешал, но совсем не собирался уходить в тень добровольно. Значит, его надо было убрать «железом и кровью».

4 июня 1934 года Гитлер вызвал к себе Рема и потребовал, чтобы оружейные склады, созданные штурмовиками, были переданы рейхсверу. Он также просил Рема заверить военных, что национал-социалисты не собираются прибирать к рукам рейхсвер. Гитлер говорил с Ремом как со старым партийным товарищем и уверял, что сейчас самое важное — обеспечить безболезненный переход поста рейхспрезидента

к нему, Гитлеру, а остальное, мол, приложится. Рем, однако, призывал фюрера не опираться на рейхсвер, а расправиться с ним с помощью штурмовиков.

Эта беседа была призвана убедить главу штурмовиков в том, что Гитлер ему по-прежнему доверяет и готов с его помощью попытаться наладить отношения с рейхсвером. В действительности план ликвидации руководства СА был уже готов.

Рем настолько поверил в миролюбие Гитлера, что 7 июня демонстративно объявил, что с 1 июля все штурмовики числятся в месячном отпуске. Сам Рем решил отдохнуть в санатории «Занзльбауэр» в Верхней Баварии.

Тем временем Гитлер, Геринг и Гиммлер действовали. 25 июня части рейхсвера и отряды СС были приведены в состояние боевой готовности. На следующий день Рудольф Гесс по поручению Гитлера выступил в Кельне, призвав соратников по партии снять лозунги «второй революции». Это должно было в последний раз усыпить бдительность Рема, создать впечатление, что с ним все еще хотят договориться по-хорошему, стремятся обойтись без силовых мер.

Рем приказал всем высшим чинам СА прибыть в Бад-Висзее для совещания перед уходом в отпуск. Тем временем Гитлер, Геринг и Гиммлер в Эссене, на свадьбе местного гауляйтера Тербовена, согласовали последние детали предстоявшей операции, вошедшей впоследствии в историю под названием «ночи длинных ножей» — так окрестили расправу иностранные журналисты.

28 июня Геринг создал специальные полицейские отряды для действий против штурмовиков. Подтянулись и эсэсовцы. О передвижениях полиции стало известно Карлу Эрнсту. Он забеспокоился, позвонил Герингу и спросил, чего тот опасается. Может быть, нужна помощь штурмовиков? Геринг заявил, что это просто полицейские учения, и заверил Эрнста в том, что остается его другом (Геринг только что был шафером на свадьбе Эрнста).

Успокоенный Эрнст отправился в свадебное путешествие. Рем же готовился торжественно принять Гитлера в Бад-Висзее и даже заказал художнику экслибрис, который, как он надеялся, фюрер поместит в новое издание «Моей борьбы». Но у Гитлера были другие планы. 30 июня в два часа но-

чи он прилетел в Мюнхен и оттуда вместе с чинами личной охраны во главе с Зеппом Дитрихом направился в Бад-Висзее, чтобы арестовать Рема.

Было уже семь утра. В коридоре санатория Гитлеру попался адъютант Рема граф Шпрети. Фюрер огрел его хлыстом по лицу и передал в руки охранников. Затем он ворвался в комнату Рема, который был еще в постели, обозвал его изменником и объявил, что тот арестован. В соседней комнате охранники застрелили ближайшего друга Рема Эдмунда Хайнеса, который попытался схватиться за револьвер, когда его застали в постели с любовником. Рема же и остальных арестованных в санатории штурмовиков перевезли в штадельхаймскую тюрьму. Здесь спустя сутки в камере Рема оставили пистолет с одним патроном, но он стреляться не стал. Тогда ему помогли уйти из жизни начальник концлагеря Дахау эсэсовец Теодор Эйке и один из его подчиненных.

Тем же самолетом, которым Гитлер прилетел в Мюнхен, Герингу сразу же после ареста Рема была направлена весточка в Берлин. Узнав, что «головка» штурмовиков обезврежена, глава Пруссии направил в столицу специальный моторизованный полицейский отряд во главе с майором Веке, усиленный эсэсовцами. Они окружили штаб-квартиру СА и без сопротивления арестовали всех, кто там находился. Считавшиеся наиболее опасными были немедленно расстреляны.

Карла Эрнста перехватили по дороге в Бремен, доставили самолетом в Берлин и расстреляли, как и остальных, в полицейском лагере в берлинском пригороде Лихтерфельд. Он решил, что в стране произошел антигитлеровский путч, который, возможно, организовал Геринг, и умер со словами «хайль Гитлер!» на устах.

Заодно со штурмовиками прикончили и кое-кого из «старой гвардии политиков», в том числе генерала фон Шлейхера, известного своей близостью к Рему. Его вместе с женой застрелили «при попытке к бегству». А вот фон Папена убивать не стали, а только поместили под домашний арест. Учли его международную известность и близость к Гинденбургу, который, кстати, расправу над штурмовиками одобрил и прислал по этому поводу поздравительные телеграммы Гитлеру и Герингу, где благодарил за «искоренение государственной измены». Гитлера президент поблагодарил еще и лично.

Густав фон Кар, обманувший Гитлера во время «пивного путча» 1923 года, тоже не уцелел в «ночь длинных ножей». Его зарубили в лесу близ Дахау. Расстреляли и Грегора Штрассера, а его брату Отто посчастливилось эмигрировать. Геринг очень сожалел об убийстве эсэсовцами бывшего руководителя организации «Католическое действие» Эриха Клаузнера, руководившего прежде отделом полиции в прусском МВД. Во время чистки 1933 года по просьбе Эми Геринг освободил арестованного и жестоко избитого Клаузнера и устроил ему перевод в министерство транспорта. Теперь же Геринг помочь не успел: эсэсовцы застрелили Клаузнера сразу после ареста.

1 июля расправы прекратились. Геринг официально объявил в рейхстаге, что в Берлине было казнено 32 штурмовика и еще 40 — на остальной территории Германии. На самом деле жертв было в несколько раз больше.

Впоследствии в камере нюрнбергской тюрьмы Геринг говорил американскому психологу доктору Гильберту:

«Рем! Только не напоминайте мне об этой свинье, поганом педерасте! Это был гнойник, извращенец из числа кровожадных революционеров! Это они ответственны за то, что на первом этапе партия была сборищем подонков. Они творили чудовищные оргии, избивали евреев на улицах, высаживали витрины. Уже с самого начала они делали то, что нас позднее вынудила делать только война. Они устроили нам настоящую кровавую революцию! Они стремились уничтожить весь офицерский корпус, все партийное руководство и всех евреев. Они готовы были устроить невиданную резню! Эти штурмовики были сворой бандитов-извращенцев! Чертовски здорово, что я их всех смел с дороги, иначе бы они нас всех прикончили! Я с ними не церемонился! Я отправился к гауптштурмфюреру СА и спросил: «Оружие какое-нибудь здесь есть?» — «Нет, нет, господин начальник полиции, — ответила мне эта свинья, — ничего нет, кроме вот этого пистолета, на который вы мне лично выдали разрешение». А в подвале я нахожу целый арсенал, чуть превосходящий арсенал всей прусской полиции! Я приказал своим людям выгнать этого типа во двор и расстрелять! Это же была банда головорезов! Я предотвратил катастрофу!»

Расправа над Ремом и штурмовиками, в которой Геринг сыграл столь видную роль, чрезвычайно укрепила его власт-

ные позиции. И дело было не только в том, что оказался устранен один из его наиболее опасных оппонентов в нацистском движении. Не менее важным было то, что с ликвидацией СА как основного вооруженного отряда национал-социалистической партии и низведением ее роли до организации допризывной подготовки молодежи значение собственно партийных структур в Германии существенно упало. Герингу это было на руку. Ведь он не занимал никакой значимой позиции в партийной иерархии. Теперь же, когда Гитлер стал осуществлять свою власть в первую очередь через государственные, а не через партийные органы (в чем, кстати сказать, было принципиальное отличие от советского режима), роль Геринга еще более возросла. Из всех нацистов после Гитлера он занимал наиболее значимые государственные посты — президента рейхстага (что, правда, уже большой роли не играло), министра-президента Пруссии и министра авиации. Это предполагало, что в государственном управлении он теперь становился человеком номер два.

2 августа 1934 года скончался президент Гинденбург, немного не доживший до своего 87-летия. Тотчас же было объявлено об объединении постов рейхсканцлера и рейхспрезидента в лице Адольфа Гитлера. Никаких возражений не последовало, в стране уже воцарилось принудительное единомыслие. Рейхсвер был тут же приведен к присяге новому верховному главнокомандующему. Геринг привел к присяге офицеров министерства авиации. Он обнажил саблю. Мильх положил на нее руку, а Боденшатц зачитал текст присяги. Все повторили клятву верности Адольфу Гитлеру. После этого Геринг отсалютовал саблей и воскликнул: «Хайль Гитлер!» Остальные повторили нацистское приветствие, хотя и не состояли в партии.

19 августа на общенациональном референдуме о передаче Гитлеру полномочий рейхспрезидента «за» проголосовало 90% избирателей. Теперь фюрер полностью контролировал государственный аппарат и армию.

В конце августа 1934 года Геринг и Эмми попали в аварию на горной дороге, когда направлялись из Берлина в Оберзальцберг. Их автомобиль столкнулся со встречной машиной. Эмми получила сильный ушиб головы, а Герман сломал несколько ребер, ударившись о руль. Как раз в эти дни пришло известие о смерти крестного Геринга — барона фон Эпенштейна, одного из самых близких ему людей. Эпенштейну было 84 года. Геринг из-за травмы не смог поехать на похороны, но послал телеграмму соболезнования и большой венок. В длинном письме Лили фон Эпенштейн он пригласил ее погостить в Каринхалле. Когда та приехала, он показал ей дом, поместье, мавзолей и вздохнул:

«Жаль, что старик не успел увидеть всю эту красоту. Я очень хотел показать ему Каринхалле».

Материальное положение Геринга в тот период было более чем сносным. Как президент рейхстага он получал 7200 марок в год, не считая представительских расходов. Как рейхсминистр кабинета — 1200 марок, как имперский комиссар воздухоплавания — 2000 марок, как член Госсовета Пруссии — 12 000 марок на представительские расходы в год. В этом качестве ему также полагался служебный автомобиль и два адъютанта в чине майора. Кроме того, Герингу принадлежала доля в газете «Эссенер националь цайтунг», приносившая немалый доход. В дальнейшем же основным источником средств для Геринга стали дорогостоящие подарки бизнесменов и местных властей, представлявшие собой скрытую форму взяток. Основную часть доходов Геринг пускал на пополнение своей коллекции художественных ценностей.

В феврале 1935 года Геринг наконец решил жениться во второй раз. Его положение выглядело стабильным, и политике теперь можно было уделять гораздо меньше времени, чем прежде. Как-то утром он сообщил только что пробудившейся Эмми: «Я хочу сказать тебе нечто весьма важное!» И появился на пороге спальни закутанным в банное полотенце и с листом бумаги в руках. Он передал послание Эмми, наказав прочитать его по дороге в театр. Она развернула письмо уже в автомобиле и с радостным волнением воскликнула: «Боже мой, наконец-то!» Записка гласила: «Выйдешь за меня замуж на Пасху? Фюрер будет у нас свидетелем». Эмма тотчас вернулась домой и ответила утвердительно, а в театре сразу же сообщила, что не будет играть главную роль в очередной пьесе.

15 марта 1934 года было объявлено о помолвке Германа Геринга и Эмми Зоннеман, а 22 марта Геринг устроил прием для дипломатического корпуса в своей резиденции на Лейпцигерштрассе, чтобы представить свою невесту. Британский посол сэр Эрик Фиппс оставил описание этого приема, поразившего его своим размахом:

«Столы были накрыты в белом мраморном зале, украшенном дорогими гобеленами и прекрасно освещенном. Играл невидимый струнный оркестр. Хозяин сообщил, что собирается построить еще и бассейн длиной 1000 метров... Почти оправдываясь, он объяснил моей жене, что женится на фрау Зоннеман только по настоянию фюрера, который недоволен тем, что среди высокопоставленных чиновников слишком много холостяков. Сама же фрау Зоннеман, отличавшаяся прямотой и обаянием... с едва уловимой ноткой сожаления сообщила, что в ближайшее время вынуждена будет покинуть сцену. Вряд ли это слишком опечалит публику, так как фрау Зоннеман, по всеобщему мнению, начисто лишена артистического таланта».

По словам Фиппса, завершился прием вполне идиллически:

«После обеда генерал Геринг провел французского посла и меня по своему просторному дворцу, показал картины замечательных старинных мастеров, которые, как Геринг честно признался, он реквизирует из музея короля Фридриха Великого. После концерта нескольких лучших певцов Государственной оперы нам показали два фильма об оленях в Шорфхайде.

На экране наш хозяин предстал в гостинице «Вотан» в Каринхалле в знакомом нам кожаном костюме, напоминающем рекламу автомобильных шин. Он сидел в кресле, а под рукой у него лежал гарпун. Нам выпало особое удовольствие слушать одновременно киношного и живого Геринга, словно сошедшего с экрана. И здесь и там он говорил о прелестях жизни в девственном лесу...»

Первоначально свадьбу назначили на 7 апреля, но это оказался день годовщины смерти жены кайзера Вильгельма II, поэтому друг Геринга кронпринц Август Вильгельм не смог бы присутствовать на церемонии. Поэтому торжество перенесли на 10 апреля. Накануне Геринг дал большой прием в Доме оперы.

Эмма вспоминала, что подарки заняли две большие комнаты. Царь Болгарии Борис наградил Геринга высшим болгарским орденом, а Эмме подарил сапфировый браслет. Из Гамбурга прислали модель корабля с серебряными парусами. Концерн «И. Г. Фарбен» преподнес два искусственных бриллианта, изготовленных на его предприятиях. Были подарки и от простых людей — вязаные шарфы и деревянные поделки. Сам Геринг подарил Эмме золотую цепь с бриллиантами и диадему общей стоимостью около 50 тысяч марок.

Молодые венчались в лютеранском соборе, а гражданская церемония прошла в городской ратуше. Сэр Эрик Фиппс в донесении в Лондон так описал эти торжества:

«Гости могли бы подумать, что произошла реставрация монархии и они присутствуют на свадьбе кого-то из членов императорской семьи. Улицы были пышно украшены, движение транспорта перекрыто. Новобрачных приветствовало более 30 тысяч членов нацистской партии (наверняка среди толпы были и простые зеваки. — Б. С.), выстроившихся вдоль тротуаров. В небе кружили две сотни самолетов, которые затем снизились и сопровождали новобрачных от Бранденбургского холма до собора».

Во главе процессии ехал Гитлер. Геринг и Эмми, чей автомобиль был украшен цветами, замыкали праздничную колонну. В соборе, как свидетельствует Фиппс, присутствовали не только руководители партии и правительства, но также и аристократы, вроде кронпринца прусского и герцога

Саксен-Кобургского. Дамы блистали вечерними туалетами и бриллиантами, мужчины были в мундирах или во фраках, но со всеми регалиями. Оркестр и певцов пригласили из Государственной оперы. После завершения церковной и светской церемоний был устроен большой прием в отеле «Кайзерхоф», откуда новобрачные вместе с небольшой группой ближайших друзей отправились в Каринхалле.

На свадьбе присутствовал и Томас фон Кантцов. Он одобрил намерение Геринга жениться и подружился с Эмми, которая теперь фактически стала «первой леди» Третьего рейха: ведь Гитлер свою связь с Евой Браун не афишировал и сошелся с ней браком лишь накануне самоубийства.

Размах свадьбы потряс воображение британского посла, который сделал вывод:

«Генерал Геринг, по-видимому, достиг вершины своей карьеры. Я не вижу для него с его манией величия более значительной цели, кроме разве что трона. Но трон может обернуться эшафотом».

Как в воду глядел — и насчет попытки Геринга возложить на себя «корону» фюрера при еще живом Гитлере, и о Нюрнбергском эшафоте, которого, правда, рейхсмаршалу удалось избежать в самый последний момент.

На следующий день Геринг и Эмми через Висбаден отправились в свадебное путешествие в Югославию. Они поселились на вилле вблизи Рагузы, на берегу Адриатики.

Эмма была идеальной женой, полностью взявшей на себя домашнее хозяйство. Геринг с удовлетворением констатировал:

«Дома она делает все по своему усмотрению, но в более важные дела никогда не вмешивается. Вообще, женщинам нечего лезть в мужские дела».

Он, как и другие нацисты, не жаловал феминизм. Не случайно при Гитлере ни одна женщина не занимала сколько-нибудь важного государственного или партийного поста, в том числе и в подчиненном Герингу министерстве авиации.

Самым ярким событием в довоенной Германии, безусловно, стали берлинские летние Олимпийские игры 1936 года. На постройку грандиозного Олимпийского ста-

диона и других спортивных объектов правительство выделило 25 миллионов марок. На время подготовки и проведения Олимпиады была прекращена всякая антисемитская пропаганда. Томасу фон Кантцову, приехавшему тем летом в Германию, Геринг достал билеты на почетную трибуну Олимпийского стадиона, где находились руководители партии и страны. Томасу они не понравились:

«Гитлер в коричневой униформе выглядел довольно блекло. Геббельс в своем светло-сером костюме смотрелся не лучше. Только два человека выделялись на трибуне — генерал Макензен в парадной форме и высоком головном уборе «гусаров смерти» и Герман в его небесно-голубом мундире люфтваффе. Церемония открытия была весьма волнующей. Рихард Штраус дирижировал большим оркестром и хором на тысячу голосов. Они пели «Германия превыше всего», «Хорст Вессель» и новый олимпийский гимн, который Штраус сочинил специально к Олимпиаде. Когда все закончилось, Эмми вместе со всеми закричала в едином порыве, а Герман незаметно крепко сжал ее руку».

Почти все спортивные делегации, проходя мимо главной трибуны, склоняли свои флаги перед красно-белым флагом со свастикой. Но американская команда, наоборот, проходя мимо главной трибуны, еще выше подняла звездно-полосатый флаг. Тут Томас фон Кантцов заметил, как Гитлер наклонился к Герингу и возмущенно прошептал:

— Они не только допустили в свою команду негров и евреев, но еще посмели оскорбить нас.

Геринг успокоил его:

— Мой фюрер, это американская традиция — ни перед кем не склонять свой флаг.

Гитлер, не переставая улыбаться на публику, только покачал головой. Томасу показалось, что в этот момент фюрер готов был перестрелять всю американскую сборную.

По случаю Олимпиады Геринг дал грандиозный прием в своем дворце на Лейпцигерплац, стремясь превзойти других нацистских руководителей, и в первую очередь Риббентропа и Геббельса. Сад перед дворцом превратился в типичный мюнхенский сад во время Октоберфеста — баварского пивного праздника сбора урожая. Здесь были бочки с пивом, шампанское, крепкие напитки, а из горячих закусок —

жареная дичь, сосиски, свиные ребрышки и ножки, вареная кукуруза, кислая капуста и жареный картофель.

Развлекать гостей должны были ведущие певцы и балет Берлинской оперы. После начала приема на биплане прилетел Удет и устроил настоящий воздушный цирк.

Одно было плохо — вечер выдался прохладным. Геринг же, как и некоторые из гостей, был одет в национальные баварские короткие кожаные штаны, расписанную узорами рубашку и тирольскую шляпу, украшенную эдельвейсами. Его голые колени посинели от холода, но это не мешало веселью. Народ согревался горячительными напитками, разыгрывал солидные призы в тире, катался на карусели и чертовом колесе. Вечеринка продолжалась до пяти утра.

Перед самым рассветом Томас заглянул в бассейн и увидел поразительную картину: подводные огни горели, и было хорошо видно, как в бассейне плавает нагая девушка. Время от времени она подплывала к краю бассейна и выпивала фужер шампанского. Томас узнал девушку. Это была знаменитая американская пловчиха Элеонора Холм, отчисленная перед самой Олимпиадой из сборной за нарушение режима и приехавшая освещать игры для американского агентства новостей. Томас увидел также, что Герман и Эмма, сидя в обнимку рядом с бассейном, любят прекрасным телом американки.

На Олимпиаде в Берлине уверенно победила сборная Германии, завоевавшая 33 золотых, 26 серебряных и 30 бронзовых медалей. В общекомандном зачете германские спортсмены набрали 181 очко. Но и американцы выступили достойно. С 24 золотыми, 20 серебряными и 12 бронзовыми медалями они заняли второе место в общекомандном зачете, набрав 124 очка. Италия заняла третье место, Финляндия — четвертое, Франция — пятое, а Англия оказалась только на девятом месте.

Гитлер торжествовал — немецкая нация оказалась всех сильнее. Победа германских олимпийцев имела большой пропагандистский эффект прежде всего внутри страны. Но и внешнеполитический резонанс был велик. На какое-то время нацистам удалось втереть очки почти всему миру и продемонстрировать, что в Германии не происходит ничего страшного. Народ счастлив, доволен, улыбается и раду-

ется тому, что получил работу. Никаких эксцессов, никакого насилия, и даже евреев никто не трогает...

Дополнительные должности приносили Герингу дополнительное напряжение. Нервы он успокаивал обильной трапезой, в больших количествах поглощая «холостяцкие яичницы» из полудюжины яиц, тосты с паштетом из гусиной печени, блины с икрой и взбитые сливки. Не отказывал себе Геринг и в бокале шампанского или мозельского.

Когда лишние килограммы (а допустимый максимум для себя Геринг определил в 125 килограммов) затрудняли дыхание и движения, Геринг часами парился в сауне в Каринхалле, сбрасывая вес. Иногда устраивал дальние заплывы в озере. Хватало ненадолго.

Однажды в 37-м во время пребывания в сауне Герингу внезапно позвонил Гитлер. Разговор длился почти два часа, а Геринг оказался на сквозняке и сильно простудился. В результате заболели зубы и челюсть. Был вызван дантист профессор Гуго Бляшке, пользовавший всех руководителей Третьего рейха. Он констатировал, что воспалились застуженные нервные окончания, и назначил пациенту новое болеутоляющее лекарство паракодеин, содержащее в небольшом количестве морфий. Его надо было принимать каждые два часа до тех пор, пока боль не прекратится.

Бляшке не знал, что Геринг прежде страдал от морфинизма. Больному паракодеин понравился. К концу 1937 года он уже принимал по 10 таблеток в день. Прежняя зависимость от морфия сменилась новой, паракодеиновой, хотя и менее мучительной. Геринг сознавал ее пагубность и пытался от нее избавиться. Ему удалось остановиться на довольно умеренной дозе препарата, так что даже при отсутствии паракодеина в ломку он не впадал.

Еще в начале февраля 1935 года Геринг предупредил подчиненных ему летчиков, что вскоре их легализуют. Будущий инспектор истребительной авиации люфтваффе Адольф Талланд так передал содержание этой речи на базе в Шлейсхайме:

«Он обрисовал впечатляющие результаты развития германской авиации за последние два года. Почти из ничего возник костяк будущих люфтваффе. На заложенном фундаменте вскоре может быть возведено величественное здание».

Действительно, 26 февраля 1935 года Гитлер издал закрытый указ о создании рейхслюфтваффе (имперских военно-воздушных сил) как самостоятельного рода войск. Главкомандующим люфтваффе был назначен Геринг. 9 марта 1935 года германское правительство официально признало факт существования люфтваффе. На следующий день Геринг в интервью британской газете «Дейли мейл» заявил, что люфтваффе не несут угрозу другим странам, а созданы исключительно в оборонительных целях. 14 марта 132-я эскадрилья фон Грейма была переименована в «Эскадрилья Рихтхофена-2», после чего на крылья и фюзеляжи самолетов были нанесены черные кресты. 16 марта Германия официально отказалась соблюдать военные ограничения Версальского договора. Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности и намерении сформировать армию из 36 дивизий. С марта по август 1935 года число эскадрилий люфтваффе утроилось и достигло 48.

В марте — апреле 1935 года 1-й егерский батальон авиационного полка «Герман Геринг» был обучен прыжкам с парашютом. А 29 января 1936 года появился приказ о созда-

нии парашютных войск. Осенью 1938 года оба парашютных батальона были объединены в 7-ю авиационную дивизию, которую возглавил генерал Курт Штудент — будущий главнокомандующий германскими парашютными войсками.

Геринг принимал личное участие в разработке формы для чинов люфтваффе. Ее отличительной чертой стали отложные воротники мундиров и галстуки. Наладить производство новой формы можно было быстро. Гораздо сложнее оказалось обеспечить пилотов современной техникой. В 1935 году в Германии насчитывалось только 2000 самолетов, причем часть из них — устаревшие бипланы времен Первой мировой войны, и почти все они создавались как учебные, спортивные или транспортные машины. Развитие авиапромышленности требовало больших капиталовложений, за которые люфтваффе приходилось конкурировать с сухопутной армией и военно-морским флотом. К августу 1936 года были созданы новые мощности авиапромышленности, а конструкторские бюро уже были ориентированы на создание новых боевых самолетов. 4 мая 1936 года началось строительство нового завода Хейнкеля в Ораниенбурге под Берлином, а через год с его конвейера уже сошел первый «Хе-111» — новый бомбардировщик, принявший участие во Второй мировой войне.

В конце 1935 года Гитлер сообщил Герингу, что в следующем году собирается ввести германские войска в демилитаризованную Рейнскую область, ликвидировав тем самым последнее ограничение Версальского договора. Геринг опасался, что подобный шаг преждевременен. Ведь у Германии пока еще не было боевой авиации, а массовая армия только начала формироваться.

— Если англичане и французы захотят, они прихлопнут нас, как мух, — заявил он.

Но фюрер возразил на это:

— Если мы будем громко жужжать, то не раздавят.

Гитлер рассчитывал на то, что, если действовать быстро и создавать у потенциальных противников преувеличенное представление о германской военной мощи, Лондон и Париж не рискнут пойти дальше формальных протестов против нарушения Версальского договора. Так и вышло.

Деньги на создание люфтваффе Геринг попробовал получить у президента рейхсбанка Ялмара Шахта. Тот отказал

под тем предлогом, что немцы и так вынуждены были затянуть пояса и выделение новых средств для военной промышленности может привести к социальному взрыву. Тогда Геринг вместе с Пили Кёрнером подготовил большую речь, с которой выступил перед партийными активистами в Гамбурге. Он заявил:

«Германия еще не вернула себе место под солнцем, и, чтобы это сделать, она должна стать сильной, способной противостоять своим врагам. Для этого надо перевооружиться. Но перевооружение будет только первым шагом, который в конечном счете приведет немецкий народ к изобилию. Перевооружение — не самоцель. Оно нужно не для того, чтобы давить на другие народы, а только для свободы Германии. Слабыми мы всецело останемся во власти окружающего мира».

А дальше Геринг произнес слова, ставшие афоризмом:

«Некоторые мировые вожди могут услышать только гром пушек. Мы делаем эти пушки. Да, у нас не хватает масла. Но я спрашиваю вас, товарищи по партии, что для нас важнее, масло или пушки? Готовность пойти на жертвы сделает нас сильными. Избыток же масла может вызвать у нас только ожирение».

Со знанием дела он похлопал себя по животу. Последовали бурные аплодисменты. Гитлер прислал Герингу поздравительную телеграмму по случаю удачного выступления. Дополнительные средства на военную авиацию были выделены. В результате с 1934 по 1938 год военные расходы Германии выросли в четыре с лишним раза, а доля люфтваффе в этих расходах достигла почти 40%.

Тот же Шахт полагал, что Геринг «не имел абсолютно никакого представления об экономике». В этих словах было явное преувеличение. Все-таки Геринг занимался бизнесом еще до прихода нацистов к власти и представлял в Германии ряд солидных фирм, так что его сложно было считать дилетантом в экономических вопросах.

Нельзя сказать, что Геринг был чужд культуре или что его всецело поглощали политика и авиация. Он находил время и для охоты, и для чтения художественной литературы.

Руководителем технического управления министерства авиации в начале 1936 года Геринг назначил Эрнста Удета, который после Первой мировой войны занимался констру-

ированием спортивных самолетов и владел небольшой фирмой, так что, вопреки распространенному мнению, отнюдь не был профаном в авиатехнике. Он, в частности, предложил идею пикирующего бомбардировщика «Ю-87». По чертежам Удета фирма «Юнкерс» построила два опытных образца, которые испытывал сам Удет в присутствии Геринга и Мильха. Первый самолет разбился, зато второй сбросил учебные бомбы точно в цель.

Но вот организатором и руководителем Удет оказался посредственным. Недаром в свое время командиром эскадрильи «Рихтхофена» предпочли назначить не его, а Геринга. В итоге карьера Удета в люфтваффе закончилась трагически.

Геринг не любил пространных меморандумов. Принципиальные вопросы он предпочитал решать на совещаниях или в личных беседах с исполнителями. Геринг утверждал:

«Чиновник, который не может изложить на двух-трех страницах суть вопроса, не может быть чиновником».

Весной 1936 года Геринга посетил помощник французского военного атташе летчик Поль Штелен. Он родился в Эльзасе, когда тот еще был частью Германской империи, и свободно владел немецким. Геринг прекрасно понимал, что по должности Штелен занимается разведкой, но встретил его в высшей степени любезно. Капитан был польщен, что высокопоставленный генерал, второй по политическому влиянию человек в Германии запросто с ним разговаривает. Штелен поразился, насколько Геринг изменился по сравнению с фотографиями времен Первой мировой войны. Правда, лицо его было по-прежнему красиво. Во взгляде Геринга сочетались добродушие и жесткость.

В ходе беседы французу стало понятно, что Геринг — человек незаурядного интеллекта. Они говорили об опыте воздушной войны 1914—1918 годов. Геринг высоко оценил смелость французских пилотов.

После той встречи между немецким генералом и французским капитаном завязалась дружба, которую Геринг удачно использовал в дипломатических целях. Так, в мае 1937 года он говорил Штелену:

«Наше преимущество перед вами в том, что нам пришлось начинать на пустом месте. Мои сотрудники — люди энергичные,

обладающие богатым воображением и передовыми идеями. Все это воплощается в новых самолетах».

Глава люфтваффе стремился преувеличить мощь германской авиации, чтобы напугать потенциальных противников.

Тем временем 7 марта 1936 года германские войска по приказу Гитлера вошли в демилитаризованную Рейнскую область. Франция и Англия отреагировали на очередное нарушение Версальского договора довольно вяло. Значит, можно было смело развивать и боевую авиацию, не опасаясь активных ответных шагов со стороны держав Антанты.

В июне 1936 года вместо погибшего Вефера начальником командного управления министерства авиации стал баварец, генерал-майор Альберт Кессельринг. 1 августа командное управление было преобразовано в Генеральный штаб Верховного главнокомандования люфтваффе (ОКЛ).

Геринг и Кессельринг стали формировать первое соединение люфтваффе, которому предстояло в самое ближайшее время пройти испытание в бою. Дело в том, что в конце июля 1936 года Гитлер решил поддержать генерала Франко, поднявшего мятеж против республиканского правительства Испании. Помощь была оказана вооружением и боевой техникой, прежде всего самолетами.

Уже 26 августа немецкий летчик на «Хейнкеле-51» сбил первый республиканский самолет. К ноябрю 1936 года на стороне Франко сражалось уже 200 «Ю-87» и «Хе-51». Они были объединены в легион «Кондор» под командованием генерал-майора Гуго Шперле. Для Германии испанская война стала прекрасной возможностью испытать люфтваффе в деле, против сравнительно слабого противника, но обладавшего благодаря советской помощи современными типами самолетов. Всего в 1936–1939 годах летчики-добровольцы легиона «Кондор» сбили в Испании 277 самолетов противника и потеряли 96 (в том числе 56 — в результате несчастных случаев), завоевав господство в небе благодаря новому истребителю «Ме-109».

Кессельринг стал одним из немногих руководителей люфтваффе, который после войны, несмотря на смертный приговор, замененный пожизненным заключением, рискнул в мемуарах посвятить несколько добрых строк рейхсмаршалу:

«Герман Геринг, главнокомандующий люфтваффе... был человеком с грандиозными идеями. Хотя его считали весьма требовательным руководителем, он предоставил генералам министерства воздушного флота максимально возможную свободу действий и прикрывал нас от вмешательства политиков. За всю мою долгую военную карьеру я никогда не чувствовал себя столь свободным от постороннего влияния, как в то время, когда я возглавлял административное, а затем командное управление министерства воздушного флота и в период его становления, начавшийся в 1933 году.

Нам покровительствовал наш главнокомандующий, который был выдающейся личностью. Нас тепло принимали в самых широких общественных кругах, включая национал-социалистическую партию.

Как и все высокопоставленные представители вермахта, государства и партии, мы в качестве гостей фюрера участвовали в Нюрнбергском партийном фестивале и в празднике урожая в Госларе, устраивавшемся в честь крестьянства. Мы также появлялись на церемониях в память о погибших в войне, на парадах в честь дня рождения Гитлера, на банкетах в честь высокопоставленных зарубежных делегаций и на всех важнейших праздничных мероприятиях, устраиваемых вермахтом. Должен признаться, что многое из того, что я тогда увидел, произвело на меня сильное впечатление. Я восхищался роскошью и великолепной организацией всех мероприятий...

В том кругу, в котором я вращался, не было каких-либо серьезных излишеств. Мне могут возразить, упомянув о невероятно роскошной жизни Геринга. Ее мы действительно не могли не заметить. Но, хотя некоторым это было не по вкусу, мы не могли призвать Геринга к ответу. На все наши вопросы следовал ответ, что деньги на всю эту роскошь брались из добровольных взносов и пожертвований бизнесменов и из личных средств Гитлера. Лишь годы спустя я узнал, например, что преподносившиеся Герингу великолепные дорогостоящие подарки к дням рождения добывались его окружением путем сложных комбинаций. Так или иначе, я смотрел на все это как человек со стороны, поскольку в то время очень редко посещал пирушки, устраивавшиеся руководством в Берлине. Кроме того, все мои опасения рассеялись, когда Геринг лично сказал мне, что его коллекция предметов искусства в будущем будет передана рейху для создания музея, наподобие знаменитой галереи в Мюнхене... Я был знаком с баварской историей, знал о любви баварских королей к искусству и потому поверил, что Геринг выступает в роли мецената...

Геринг понимал, что мы могли справиться с работой, которую на нас возложили, только в том случае, если будем свободны от всего, что связано с политикой. Все, что нужно было делать в этой сфере, он делал сам. Все вопросы, касающиеся нас как представителей люфтваффе, он обычно решал после подробного их обсуждения со статс-секретарем Мильхом, который тщательно прорабатывал их на самом верху. Это предотвратило немало неверных решений и таким образом укрепляло наше доверие к Герингу и Гитлеру...

Характеру Геринга были присущи две противоположные черты — с одной стороны, он мог быть внимательным к другим людям, чутким и деликатным, с другой — жестоким и безжалостным. Вспышки жестокости случались с главнокомандующим люфтваффе в моменты нервного возбуждения и быстро угасали. После этого он вдруг становился на редкость великодушным, причем доброта и щедрость нередко заставляли его с лихвой компенсировать обиженному нанесенный ущерб».

Популярность Геринга среди личного состава люфтваффе была еще большей, чем в народе. Офицеры и генералы этого рода вооруженных сил прямо связывали его возрождение с приходом Гитлера к власти и в гораздо большей степени, чем их коллеги из сухопутных сил, симпатизировали национал-социалистам. Те же настроения по сходным причинам преобладали и в военно-морском флоте.

На Нюрнбергском процессе Геринг заявил о том, что выступал против строительства четырехмоторных бомбардировщиков не потому, что считал их оружием агрессии, а только из-за того, что для их производства не было необходимых технических и производственных предпосылок. В частности, их массовому производству препятствовала острая нехватка алюминия.

В 1936–1937 годах фирмы «Дорнье», «Юнкерс» и «Фокке-Вульф» продвинулись в разработке четырехмоторных бомбардировщиков дальше, чем их американские и британские конкуренты, однако недостаточный военно-экономический потенциал рейха вынудил Геринга ограничиться развитием легких и средних бомбардировщиков, истребителей и пикирующих бомбардировщиков.

Впоследствии, уже в годы Второй мировой войны, немцы наладили выпуск четырехмоторного бомбардировщика «Фокке-Вульф-200», который неплохо проявил себя в борьбе против британского судоходства. Однако их производство было мизерным. Даже в 1942–1943 годах оно не превышало полдюжины машин в месяц.

О причинах, по которым еще до войны не было предпринято попыток организовать широкомасштабное производство четырехмоторных стратегических бомбардировщиков, подробно высказался Кессельринг в 1954 году, вскоре после своего освобождения из британской тюрьмы. В 1936–1937 годах именно он возглавлял штаб люфтваффе и принял решение отказаться на время от разработки четырехмоторного бомбардировщика в пользу истребителей и бомбардировщиков среднего радиуса действия. Кессельринг обосновывал свое решение тем, что «люфтваффе приходилось создавать что-то

из ничего», а разработка тяжелых бомбардировщиков тормозилась из-за дефицита сырья и горючего. При этом авиапромышленность была вынуждена осваивать сначала производство более легких в производстве машин, то есть истребителей, тем более что до 1935 года все мероприятия по конструированию самолетов и внедрению их в производство осуществлялись в обстановке глубокой секретности.

Как подчеркивал фельдмаршал, имевшихся технических возможностей было достаточно для ведения войны в континентальной Западной Европе. Даже если бы в 1936 году был сделан упор на развитие стратегической авиации, к началу войны никаких значимых стратегических сил создать бы не удалось. Ведь даже США лишь в 1943 году смогли наладить массовое производство стратегических бомбардировщиков. Даже если бы Германии каким-то образом удалось создать к 1941 году подходящие самолеты, обладавшие достаточной скоростью и вооружением, невозможно было бы наладить их массовое производство и подготовить экипажи для них. Главное же, любое производство стратегических бомбардировщиков в сколько-нибудь значительных количествах привело бы к соответствующему уменьшению производства авиации «поля боя», так как четырехмоторные бомбардировщики съели бы все запасы алюминия и других дефицитных материалов.

Отказ от расширения тактической авиации мог вообще привести к краху блицкрига. Сил люфтваффе, возможно, хватило бы для победы над Польшей, но для сокрушения Франции могло бы уже не хватить. Как отмечал Кессельринг, «быстрые успехи германского оружия были достигнуты лишь благодаря использованию всего потенциала люфтваффе для поддержки операций сухопутных войск. Армия продвигалась только там, где путь ей расчищали люфтваффе».

Он также указал, что даже если бы приоритет с самого начала был отдан стратегической авиации, все равно 30% производства боевых самолетов пришлось бы на истребители, 22% — на самолеты-разведчики и 8% — на морскую авиацию. На долю стратегических бомбардировщиков пришлось бы не более 40% производственных мощностей, что обеспечило бы выпуск 400–500 таких машин в 1936–1939 годах. Даже

в 1940–1944 годах, когда авиационное производство возросло в 4–5 раз, производство стратегических бомбардировщиков вряд ли бы превысило 2000 машин в год, с учетом того, что максимальное производство обычных бомбардировщиков в 1944 году превышало 4000 машин.

Такое производство никак не могло покрыть неизбежные потери стратегических бомбардировщиков. Для сравнения: только в так называемой «битве за Рур», в период с 5 марта по 28 июня 1943 года, когда союзная авиация совершала массированные налеты на города Рурского промышленного бассейна, безвозвратные потери составили 872 бомбардировщика, а еще 2126 были серьезно повреждены. Для союзников это был булавочный укол — потери не превысили 11,5% от среднемесячного строительства стратегических бомбардировщиков. Для Германии же годового производства не хватило бы даже для четырех месяцев интенсивных налетов.

Следует подчеркнуть, что у Германии так и не появилось надежных конструкций тяжелых бомбардировщиков. Еще в ноябре 1939 года совершил свой первый полет бомбардировщик «Хе-177». Формально это был двухмоторный самолет, а фактически — четырехмоторный. На каждом крыле его было установлено по два сдвоенных двигателя DB-601 с приводом на общий пропеллер. По мощности двигателей «Хе-177» не уступал четырехмоторным машинам. Однако конструкция сдвоенных двигателей оказалась неудачной и привела к многочисленным авариям, поскольку двигатели часто перегревались и случались пожары. Хотя было выпущено 1446 таких машин, их боевое применение было очень ограниченным. Так, попытка использовать «Хе-177» для снабжения войск, окруженных в Сталинграде, полностью провалилась. Они совершили всего 13 вылетов. При этом 7 машин погибло в результате аварий.

Нельзя не согласиться с общим выводом Кессельринга:

«Насколько я могу оценить ситуацию с сырьем, горючим, производственными мощностями авиапромышленности и подготовкой экипажей, германская стратегическая авиация в любом случае была бы создана слишком поздно, зато армия страдала бы от нехватки поддержки со стороны люфтваффе. Невозможно оценить, как стратегическая авиация могла бы повлиять

на исход войны. Главной ошибкой Германии было то, что она начала военные действия тогда, когда она их начала, то есть преждевременно. С учетом этого все рассуждения о той роли, которую сыграли или могли сыграть люфтваффе, могут носить лишь сугубо теоретический характер».

Мне все-таки кажется, что можно спрогнозировать исход войны даже в том гипотетическом случае, если бы Герингу все-таки удалось создать стратегическую авиацию. Америка с ее огромным промышленным потенциалом оставалась недостижимой. Мечты Геринга о создании бомбардировщика, который мог бы достичь американского континента, не имела никаких шансов на реализацию в годы войны.

В 1941 году Вилли Мессершмитт разрабатывал проект четырехмоторного реактивного бомбардировщика «Me-264», способного преодолеть расстояние в 15 тысяч километров, но дальше опытного образца дело не пошло.

В России стратегические цели были гораздо более расфокусированы и удалены от линии фронта, чем в Англии или в Германии, что делало крайне сложным их полное уничтожение. Но и Англию вряд ли можно было поставить таким образом на колени. Ведь те же массированные бомбардировки Германии, осуществленные в 1943 году, когда был почти стерт с лица земли Гамбург, не привели к существенному ослаблению германского сопротивления.

Германии приходилось создавать заново не только авиапромышленность, но и строить новый флот и производить новое вооружение для сухопутных сил. В этих условиях изыскать необходимые ресурсы для создания стратегической авиации не было никакой возможности. Приходилось конкурировать, в частности, с флотом, который строил два гигантских линкора, заложил авианосец, готовил подводные лодки.

Позже оказалось, что толку от линкоров «Бисмарк» и «Тирпиц» довольно мало. Первый потопили еще в мае 1941 года. Второй продержался дольше, но последние два с половиной года только и занимался тем, что искал убежища в норвежских фиордах от авиации союзников, но так и не уберегся. Выяснилось, что одиночные рейдеры, даже обладающие мощной артиллерией и бронезащитой и высокой скоростью, но лишенные авиационного прикрытия,

в современной морской войне обречены. Даже сравнительно небольшие повреждения от неприятельских самолетов и подводных лодок резко снижали их скорость и запас хода и делали их легкой добычей авиации и надводных кораблей противника.

Однако глупо винить гросс-адмирала Редера за то, что он слишком увлекался линкорами. Сравнительное значение различных типов вооружений обычно можно правильно оценить только после их реального применения в бою. Также и критики Геринга обычно подходят к его деятельности с позиций идеального главкома люфтваффе, способного предвидеть самое оптимальное использование различных типов самолетов в войне, которую еще предстояло вести.

В сентябре 1936 года в дополнение ко всем прочим должностям Гитлер назначил Геринга главным уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана развития экономики страны и главой Бюро сырья. Фактически это был план ее милитаризации. Геринг сразу же вступил в конфликт с министром экономики, а после ухода с этого поста президентом рейхсбанка Ялмаром Шахтом. Тот не готов был переводить экономику на военные рельсы такими темпами, какими требовали Гитлер и Геринг, которых беспокоило, например, что в 1936 году Германия располагала не более чем половиной необходимых запасов нефти для ведения большой войны.

Шахт опасался финансового кризиса, связанного с истощением золотовалютных запасов, и социального взрыва из-за ограничения гражданского потребления. Кроме того, Шахт, как и большинство бизнесменов, был против принятого нацистами курса на автаркию, что предполагало разработку в том числе нерентабельных месторождений полезных ископаемых, в частности железной руды, и производство дорогого синтетического горючего.

Летом 1937 года по инициативе Геринга был основан финансово-промышленный концерн «Рейхсверке А. Г. «Герман Геринг» по добыче угля и железной руды. Фактически он не принадлежал Герингу, а был государственной собственностью. Просто имя Геринга было все еще популярно в народе и внушало определенное доверие бизнесу. Поэтому его решили использовать в названии нового гиганта, призванного в конечном счете подчинить себе всю черную металлургию. Брат Германа, Герберт Геринг, был одним из руководителей объединения бизнесменов металлургической промышленности, входил в правление ряда заводов и компаний.

Под руководством Германа Геринга было осуществлено строительство заводов по производству синтетического горючего и каучука, которые в дальнейшем, вплоть до осени 1944 года, обеспечивали основные потребности вермахта. Если Шахт рассматривал перевооружение лишь как средство шантажа других держав, то Геринг и Гитлер ориентировались на вполне реальную мировую войну, которую собирались развязать в подходящий момент. При этом Геринг с удовлетворением констатировал:

«Меры, которые в государстве с парламентским правлением вызвали бы инфляцию, в тоталитарном государстве не вызывают таких последствий».

Практически это означало использование административного ресурса. Предприниматели понимали, что отказ от невыгодных государственных заказов может вызвать репрессии, хотя бы только в экономической сфере.

Администрация четырехлетнего плана во многом дублировала министерство экономики. Геринг получил полномочия контролировать оборот валюты и природного сырья, что позволяло ему серьезно влиять на поведение германского бизнеса. В дальнейшем Геринг приобрел дополнительные полномочия контролировать распределение рабочей силы, оборот сельскохозяйственной продукции, а также право контроля цен и капиталовложений в промышленности. К тому же контроль над оборотом валюты означал фактический контроль над внешней торговлей.

Позже, в 1937–1938 годах, Геринг значительно увеличил государственные инвестиции, для чего пришлось прибегнуть к внутренним займам, и поставил под контроль государства ряд предприятий, имевших стратегическое значение. В это время инвестиции в рамках четырехлетнего плана составили половину всех капиталовложений в промышленности. При этом инвестиции в авиапромышленность, которой Геринг руководил непосредственно в качестве министра, поступали отдельно. С их учетом доля государственных инвестиций достигала 60%. В конце 1938 года на одной из встреч с промышленниками Геринг заявил:

«Пришло время частным предприятиям доказать свое право на существование. Если им не повезет, я вынужден буду поддержать государственные предприятия, хотя это и вызовет рост расходов».

На Нюрнбергском процессе Геринг признавал:

«После разработки четырехлетнего плана мне были предоставлены чрезвычайные полномочия... давать директивы и указания всем высшим имперским инстанциям, всем партийным инстанциям, вооруженным силам. Эти полномочия после начала войны были распространены также на экономическую структуру оккупированных областей».

К началу войны администрации четырехлетнего плана были в той или иной степени подведомственны все отрасли германской экономики. Бизнес должен был согласовывать с ней все инвестиционные проекты, учитывать ее рекомендации по размещению новых промышленных предприятий и продавать продукцию по ценам, утвержденным Комиссией по ценообразованию. Предприниматели теперь не могли свободно распоряжаться своей прибылью. Экспортно-импортные операции также требовали специального разрешения. Существовала и система подготовки и переподготовки квалифицированных рабочих, с помощью которой администрация четырехлетнего плана могла концентрировать квалифицированную рабочую силу в важнейших, с точки зрения правительства, отраслях экономики, так или иначе связанных с подготовкой к войне.

О неизбежности войны Геринг не раз откровенно говорил германским промышленникам. Так, в 1938 году он заявил:

«Все мои мысли вертятся вокруг одного вопроса — когда начнется война? Выиграем ли? Что предпримем? Только народ, который все поставил на вооружение, сможет существовать в дальнейшем».

На практике лозунг «Пушки вместо масла» привел к введению режима принудительной экономии и ограничению частного жилищного строительства. Доля потребления в национальном доходе с 1932 по 1938 год упала с 83 до 59%. Последний показатель был уже практически нормой военного времени. Геринг сознательно шел на это, чтобы лучше подготовиться к войне. Он надеялся, что германский народ насладится благами сытой и комфортной жизни после победоносного мира.

Но, по замыслу Геринга, мировая война не должна была начаться раньше 1944 года, и к этому времени германская

экономика была бы к ней готова. Именно этот срок назвал Гитлер на одном из совещаний в ноябре 1937 года. Тогда же должно было закончиться и строительство океанского флота из 10 новейших линкоров, 248 подводных лодок и 4 авианосцев. К середине 1940-х годов предполагалось наладить массовое производство тяжелых бомбардировщиков «Хе-177». Стоимость этой программы оценивалась в полмиллиарда марок, что превышало все расходы по министерству авиации за 1937–1938 годы. Не случайно именно в 1944 году германская военная промышленность достигла своего максимума, сделав огромный скачок вперед. Однако война разразилась на пять лет раньше.

В мае 1937 года Геринг передал военно-воздушное управление министерства авиации в Генеральный штаб люфтваффе, изъяв его из непосредственного подчинения статс-секретаря Мильха. Начальник Генштаба люфтваффе генерал Штумпф был приравнен по своему положению к статс-секретарю. По утверждению фон Белова, «Геринг с недоверием наблюдал за усилением власти Мильха и говорил, что хочет снова взять руководство в свои руки. Заслуги Мильха в становлении люфтваффе были известны. Он руководил их построением, созданием авиационной промышленности, всесторонней координацией этих мер внутри вооруженных сил, а также со всеми гражданскими учреждениями и партийными инстанциями».

Мильх был уязвлен значительным урезанием своих полномочий. При назначении на ответственные посты Геринг придавал первостепенное значение характеру и волевым качествам, а не степени знания соответствующего круга проблем, считая, что знания — дело наживное. В то же время, по утверждению фон Белова, «Мильха Геринг просто не выносил» и вообще «собственные симпатии и антипатии ставил выше интересов дела». Не случайно в дальнейшем на пост начальника Генштаба люфтваффе Геринг назначил молодого полковника Ханса Ешонека, которому не было и 40 лет и о чьих плохих отношениях с Мильхом было ему известно.

Летом 1937 года Мильх записал в дневнике:

«Геринг мало занимается делами министерства, вмешиваясь в них только время от времени, да и то по второстепенным вопросам. Он говорил обо всем только со мной и специалистами

из отделов, не проводил совещаний, не занимался острыми проблемами, не советовался с непосредственными производителями работ, устранился от важных решений, перекладывая их на других и превознося себя. Он делал пометки в блокнотах, но потом либо их терял, либо просто забывал, о чем шла речь».

Удивительно, как при таком руководителе удалось создать мощные люфтваффе, наводившие страх на всю Европу. Вероятно, на мнение Мильха повлиял его все нараставший конфликт с Герингом, приведший к отставке Мильха с поста статс-секретаря министерства авиации в июне 1944 года и его окончательной отставке с поста генерал-инспектора люфтваффе в январе 1945 года. Кроме того, и Мильх, и Геринг стремились приписать себе главную роль в возрождении германской авиации.

По свидетельству бывшего адъютанта Гитлера от люфтваффе полковника Николауса фон Белова, в 1937-м году, когда он начал службу в рейхсканцелярии, «главнокомандующий люфтваффе Геринг был ближайшим доверенным человеком фюрера и рейхсканцлера. Их взаимоотношения возникли еще в годы борьбы национал-социалистического движения и были настолько устойчивы, что выдержали многие испытания военного времени».

Фон Белов так описывает свою встречу с Герингом 16 июня 1937 года в связи со своим назначением адъютантом:

«Служебная вилла Геринга находилась в садах за зданием министерства авиации, раскинувшихся между бывшими прусскими учрежденческими строениями в треугольнике, образованном площадью Лейпцигерплац и улицами Лейпцигерштрассе и Принц-Альбрехтштрассе. Она почти вплотную примыкала к зданию бывшей прусской палаты депутатов, которое теперь получило название «Дома летчиков» и в котором размещался также аэроклуб.

Ровно в 10:00 я вошел в эту виллу, и после недолгого ожидания меня провели через обширную приемную в потрясавший воображение огромный кабинет Геринга. Четыре высокие стеклянные двери, ведущие на террасу, говорили о том, что этот кабинет был создан из четырех помещений поменьше. Безвкусно обставленный, он производил впечатление одновременно и представительского, и жилого. Я еще с довольно большого расстояния увидел в центре кабинета самого Геринга, сидевшего за своим большим письменным столом и почти заслоненного высокими фотографиями, стоявшими перед ним. Он попросил меня подойти поближе и встать рядом с письменным столом. Я отдал ему честь вытянутой вперед рукой и доложил о своем прибытии. Он стал внимательно меня

разглядывать, а потом задал несколько вопросов, в частности спросил, женат ли я. Я сообщил, что собираюсь жениться в ближайшие дни. С выражением удивления и недовольствия на лице Геринг дал понять, что об этом ему ничего не известно. Но затем очень быстро перешел к делу и спросил, знаю ли я, что мне предстоит. Я с чистой совестью ответил «нет». Тогда он сообщил мне, что я должен стать адъютантом Гитлера по люфтваффе, и тут же задал вопрос, хочу ли и могу ли я принять эту должность. Я даже не успел поразмыслить, так как он продолжал: если я не в состоянии быть преданным Гитлеру душой и телом как его «постоянный спутник», то обязан немедленно сказать об этом. Я должен быть приверженцем фюрера «по внутреннему убеждению». На вопросы Геринга я ответил утвердительно».

В апреле 1937 года Геринг предложил занять должность начальника штаба люфтваффе Альфреду Йодлю, своему будущему соседу по скамье подсудимых в Нюрнберге, но тот отказался.

Тем временем Гитлер решил убрать со своих постов военного министра и Верховного главнокомандующего фельдмаршала Вернера фон Бломберга и его наиболее вероятного преемника — главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника барона Вернера фон Фрича. Подготовка к войне вступила в решающую стадию, и фюрер хотел лично контролировать военное министерство.

Геринга тоже вполне устраивало, если роль военного министра и главкома выполнял бы Гитлер, поскольку при Бломберге положение Геринга оставалось довольно двусмысленным. По этому поводу фон Белов писал:

«Как главнокомандующий люфтваффе Геринг по всем военным вопросам и со всеми своими авиационными частями и учреждениями был подчинен военному министру Бломбергу. Однако как министр воздушного транспорта он был с ним на одном уровне в качестве члена правительства. Ну а как ближайший друг Гитлера стоял выше Бломберга! Это чрезвычайно затрудняло сотрудничество двух главнокомандующих и отрицательно сказывалось на работе генеральных штабов... Пренебрежительное отношение Геринга к генералам сухопутных войск не являлось для них тайной. А те, в свою очередь, злословили насчет «солдат-любителей» во главе с Герингом и Мильхом. Для узколобости этих генералов характерно, что они отказывали этим

двум капитанам периода Первой мировой войны в праве в обход карьерной лестницы быть генералами и выполнять функции таковых».

А тут как раз представился случай скомпрометировать Бломберга. В октябре 1937 года фельдмаршал пришел к Герингу посоветоваться по весьма интимному вопросу. 59-летний вдовец Бломберг уже давно был влюблен в женщину, которая была моложе его на 30 лет и стояла гораздо ниже по социальному статусу, а кроме того, имела довольно скандальное прошлое: то ли одно время подрабатывала проституцией, то ли была моделью для порнографических открыток. Бломберг опасался, что такой брак может не понравиться офицерскому корпусу да и самому фюреру и Верховному главнокомандующему Адольфу Гитлеру. Геринг тут же заверил фельдмаршала, что в Германии нет теперь каких-то непреодолимых сословных барьеров, и пообещал уговорить фюрера согласиться на этот брак. И действительно, вскоре Геринг передал Бломбергу поздравление от Гитлера. Оба они обещали быть гостями на свадьбе фельдмаршала. Довольно скромная церемония бракосочетания, на которой не присутствовали дети Бломберга, состоялась 12 января 1938 года. О ней было сообщено в печати:

«Имперский военный министр и генерал-фельдмаршал фон Бломберг сочетался 12 января законным браком с фрейлейн Грун. Свидетелями были фюрер и рейхсканцлер, а также генерал-полковник Геринг».

Через две недели после свадьбы стали известны некоторые пикантные подробности биографии молодой супруги Бломберга. Оказалось, что она в прошлом была зарегистрирована полицией в качестве проститутки и несколько раз арестовывалась по обвинению в участии в порносъёмках. Гитлер был возмущен и потребовал от Бломберга немедленно расторгнуть брак. Тот отказался и предпочел уйти в отставку. Во время войны Бломберг несколько раз пытался вернуться на службу, но Гитлер неизменно ставил развод, от которого фельдмаршал столь же неизменно отказывался. Вероятно, Геринг хорошо изучил психологию Бломберга и силу его чувств и был уверен в том, что его отставка неизбежна.

Николаус фон Белов так рассказывает о разразившемся скандале:

«Не успел Бломберг провести со своей женой несколько дней отпуска в отеле «Оберхоф» в Тюрингском лесу, как ему из-за смерти 90-летней матери пришлось срочно вернуться в Берлин. Там он уединенно жил в своей казенной квартире. Дети его с опасением и озабоченностью следили за событиями в отчем доме, но о новой жене ничего не знали. Адъютант Бломберга от люфтваффе Бём-Теттельбах тоже рассказывал мне о каком-то странном поведении фельдмаршала. Он не раз встречался у него дома с новой женой, но тот так и не представил ей своего адъютанта. Мы задавали себе вопрос, почему фельдмаршал избегал «показать» свою жену. Сразу после женитьбы Бломберга Гитлер отбыл на несколько дней в Мюнхен и возвратился в Берлин 24 января. Я нес службу и ожидал его прибытия в имперской канцелярии, а потому был немало удивлен, когда в квартире фюрера неожиданно появились Хоссбах и Геринг, который держал в руках какую-то папку. Присутствовали Видеман и Боденшатц, лица обоих были серьезны. Вошел Гитлер, поприветствовал всех вытянутой рукой и немедленно уединился с Герингом в своих апартаментах. Как оказалось, новая фрау фон Бломберг будто бы «дама с прошлым», причем — профессиональным. В городе уже говорят об этом повсюду. Слух этот был сам по себе достаточно неприятен, ибо супруге фельдмаршала фон Бломберга предстояло стать «первой леди». Ведь Гитлер не женат, а Бломберг по рангу стоит после него на втором месте.

Я счел все это пустой болтовней и выдумкой. Такая невероятная авантюра никак не вязалась с Бломбергом. Беседа Гитлера с Герингом была очень продолжительной. Лишь только тот покинул квартиру фюрера, Гитлер сразу удалился к себе, даже не попрощавшись и не произнеся ни единого слова. Подавленный, с тяжелыми мыслями, я поехал домой. Мы еще долго говорили с женой о Бломберге. Услышанное мною только что в квартире фюрера подтвердило тревожные высказывания его детей — Дорле и Акселя.

Лишь постепенно я узнал подробности о тех событиях, которые привели к таинственному разговору Гитлера с Герингом вечером 24 января 1938 года. Первой колесо закрутила пресса своими сообщениями о новом браке Бломберга. Один полицейский чиновник из соответствующего отдела берлинского полицей-президиума прочел в газете заметку об этом. Фамилия Грун (как мне поведал по телефону Бём-Теттельбах) показалась ему знакомой. Недолго думая, он порывлся в картотеке и нашел

регистрационную карточку некой Евы Грун. (Мне, правда, непонятно, почему в «Готском альманахе» за 1939 год новая жена Бломберга названа Элизабет Грунов.)

Чтобы не быть обвиненным в служебной халатности, чиновник положил на стол своему непосредственному начальнику карточку вместе с газетной заметкой. Через несколько дней эта карточка по служебной лестнице попала к полицей-президенту Берлина графу Гельдорфу. Начальник берлинской полиции связался по телефону с адъютантурой Бломберга и попросил о приеме фельдмаршалом или Кейтелем. При этом он придавал особое значение тому, чтобы в служебных помещениях Бломберга его увидело как можно меньше людей.

Бём-Теттельбах выполнил желание Гельдорфа. Тот появился в здании министерства с папкой в руках и попросил разрешения поговорить лично с фельдмаршалом. Поскольку Бломберга на месте не оказалось, его провели к Кейтелю. Гельдорф спросил Кейтеля, знает ли тот в лицо новую жену фон Бломберга и может ли опознать ее по фотографии, которую он захватил с собой. Кейтель ответил отрицательно: нет, лично жену Бломберга он еще ни разу не видел и пожелал, чтобы Гельдорф оставил ему документ, дабы он смог поговорить с Бломбергом после его возвращения. Гельдорф отказался — время не терпит! Тогда Кейтель переадресовал его к Герингу: тот, мол, видел эту женщину при венчании и сможет идентифицировать ее. Штаб Бломберга насчет содержания документа не догадывался и «отфутболивание» Гельдорфа к Герингу никаких подозрений не вызвало. Ведь Геринг как прусский премьер-министр и министр внутренних дел так и так являлся для берлинского полицей-президента непосредственным начальником.

Граф Гельдорф, будущий участник движения Сопротивления, вел себя по отношению к Бломбергу порядочно, зато Кейтель — непростительно. В отсутствие Бломберга он направил Гельдорфа к Герингу. Это явилось той несчастной случайностью, которая послужила началом трагедии. Тот факт, что Гельдорф хотел пройти к Бломбергу незамеченным и неузнанным, говорит о следующем: он предполагал, что фельдмаршал о прошлом своей жены ничего не знает, и желал дать ему шанс на не привлекающий внимания выход из создавшегося положения.

Но, так или иначе, Гельдорф все же отправился к Герингу и вручил ему документ. По свидетельству Боденшатца, Геринг был совершенно обескуражен и потрясен прочитанным. Позже Бо-

деншатц отвергал все обвинения в адрес своего шефа, подтверждая, однако, то, что Бломберг в декабре 1937 года побывал у Геринга и попросил его о помощи в устранении своего соперника (очевидно, одного из офицеров люфтваффе, также добивавшегося любви избранницы фельдмаршала. — Б. С.). Геринг решил проблему, отправив того за границу. Ставший известным поступок Геринга дал пищу для слуха, будто он помог фельдмаршалу уж слишком охотно, чтобы открыть Бломбергу путь к этому браку и таким образом ввергнуть его в беду. Но никаких доказательств такого утверждения нет. Хотя Геринг, несомненно, и стремился сам занять пост главнокомандующего вооруженными силами, на такую подлость я считаю его не способным. Геринг знал отношение Гитлера к Бломбергу, Фричу и другим руководящим генералам сухопутных войск. Знал он и о признании фюрером приоритета этих войск перед другими составными частями вермахта. Полагать само собою разумеющимся, что в случае ухода Бломберга Геринг стал бы его преемником, никак нельзя.

Но Геринг, с присущим ему даром приспособливаться, во время визита Гельдорфа молниеносно сообразил: именно теперь он сможет использовать возникшую ситуацию себе на пользу! Вместо того чтобы прежде всего пойти с документом к самому Бломбергу, Геринг решил в качестве вернейшего паладина Гитлера взять эту пренеприятнейшую миссию на себя. Он знал, что инцидент чрезвычайно заденет фюрера, а потому хотел оказать ему поддержку».

24 января Гитлер поручил Герингу разобраться в личных проблемах Бломберга. По свидетельству Геринга, содержание полицейского документа ошеломило фельдмаршала, но он сначала отказался как от развода, так и от отставки. Но теперь вопрос о его отставке был уже решен.

Ходили упорные слухи, что гестапо заранее представило Герингу досье на жену фельдмаршала Бломберга, когда та еще была невестой, и Геринг, поощряя фельдмаршала на этот брак, фактически заманивал того в ловушку. Однако никаких доказательств этого нет. К тому же гестапо в то время уже никак не подчинялось Герингу. Его же собственная «информационная служба» подобным досье на супругу Бломберга обладать не могла.

Необходимо принять во внимание и то, что самому затевать столь скандальную интригу против Бломберга Герингу

было очень рискованно политически. Ведь фельдмаршал был близок к фюреру, и Гитлер неоднократно публично продемонстрировал свое расположение к нему. Разгоревшийся скандал компрометировал не только самого Бломберга, но и первое лицо государства, а также и пришедшего на смену Бломбергу Кейтеля, чья дочь была замужем за сыном Бломберга от первого брака.

Когда же положение Бломберга пошатнулось, Геринг ничего не стал предпринимать для того, чтобы убедить Гитлера простить фельдмаршала. Ведь открывалась прекрасная возможность или самому получить верховную военную власть, или передать ее фюреру. Оба варианта Геринга устраивали.

Аналогичным образом он использовал и скандал, разгоревшийся вокруг дела главнокомандующего сухопутными войсками генерала Фрича, к непосредственной фабрикации которого также отношения не имел.

Здесь поработал Гиммлер, который представил полиции сведения о том, что Фрич несколько лет назад имел гомосексуальную связь. На самом деле полицейские перепутали Фрича с другим человеком с похожей фамилией — ротмистром Фришем, чья вилла располагалась неподалеку от виллы Фрича. Тем не менее, хотя офицерский суд чести под председательством Геринга и оправдал Фрича, тот так и не взял обратно своего прошения об отставке, поданного накануне «суда чести».

Вот что свидетельствует фон Белов по поводу дела Фрича:

«В ночь с 26 на 27 января Гитлер под сильнейшим влиянием Бломберга и Геринга принял свое решение. Прежде всего, не дожидаясь результатов расследования по делу Фрича, он приказал немедленно найти нового главнокомандующего сухопутными войсками. Фюрер захотел воспользоваться случаем, чтобы избавиться от Фрича. Второй обескураживающей неожиданностью стало появление в имперской канцелярии Кейтеля в штатском. Затем мы с величайшим удивлением услышали, что Гитлер не желает назначать Бломбергу никакого преемника и принимает его функции на себя, а Кейтеля назначает начальником собственного штаба в ранге имперского министра с титулом «начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта».

Гитлер знал, что Геринг только и ждал, как бы стать преемником Бломберга. Боденшатц дал мне указание походатайствовать перед фюрером за назначение на пост Верховного главнокомандующего вермахта Геринга. Гитлер же в ответ совершенно ясно возразил мне: Геринг для этого не годится. Он ничего не смыслит в военной технике, он далек от элементарных задач руководства вермахтом. У него и без того есть огромное дело — четырехлетний план, да к тому же он еще и командует люфтваффе. А передачи командования кому-нибудь другому, скажем Мильху, он никогда не допустит.

Такое же предложение насчет Геринга и с таким же отрицательным результатом сделал Гитлеру и Бломберг. Серьезность проблемы его преемника заключалось в том, что не было альтернативы. Не потому, что Гитлер не смог найти в сухопутных войсках генерала, подходящего на пост Верховного главнокомандующего вермахтом, а потому, что Геринг дал понять: будучи главнокомандующим люфтваффе, он никакому армейскому генералу как главе всех вооруженных сил подчиняться не станет; фюрер не должен ждать от него этого. Возможно, тем самым Геринг хотел навязать свое назначение преемником Бломберга. Таким образом, Гитлер оказался в весьма трудном положении и должен был радоваться тому, что в беседе с Бломбергом выход все же был найден. Не стремление Гитлера к расширению своих командных полномочий, а требование Геринга о предоставлении ему еще большей власти — вот что было причиной, по которой фюрер принял решение самому стать преемником Бломберга. Имей Гитлер намерение по собственной инициативе устранить Бломберга и Фрича, нашлись бы более элегантные средства и пути осуществить это без скандальных историй».

4 февраля 1938 года Гитлер объявил себя Верховным главнокомандующим, а пост военного министра упразднил, объединив его с постом главнокомандующего. Геринг же был произведен в фельдмаршалы и стал, таким образом, старшим из всех офицеров рейха (в генерал-полковники его произвели еще в 1937 году).

Николаус фон Белов свидетельствует, что тогда Геринг держал себя как второе после Гитлера лицо и в государстве, и в партии, и в вермахте, хорошо давая окружающим это почувствовать:

«Прибытие Геринга дало о себе знать уже издалека. С улицы слышались громкие возгласы «Хайль!», затем команды, звуки

останавливающихся у портала автомашин и шелканье каблучков эсэсовской охраны. Все присутствующие вытянули руку вперед в знак «германского приветствия». Сам же он (это я потом мог наблюдать часто) отвечал на приветствия довольно развязно, почти никому не подавая руки, будь то даже имперский министр или рейхсляйтер партии».

В то же время Геринг сознавал, что главнокомандующим вермахтом Гитлер его делать не собирается. 26 января 1938 года Йодль записал в дневнике:

«У фюрера нет намерения сделать Геринга военным министром рейха».

С Гитлером Геринг, как и Гиммлер, Гесс, Борман и Геббельс, особенно часто встречался в его резиденции в Берхтесгадене и в ставке в Восточной Пруссии. После обеда они прогуливались по окрестностям и разговаривали. Порой беседы с Герингом продолжались по три часа. С ним Гитлер проводил больше времени, чем с другими соратниками, считая его своим самым близким другом. Для Геринга не существовало запретных тем. По свидетельству фон Белова, и Гитлер «обсуждал с Герингом все тревожившие его проблемы, будь то вопросы политики или события внутри вермахта и партии. При этом большую роль играли вопросы персонального характера. Гитлер всегда прислушивался к мнению Геринга, для которого, в свою очередь, мнение фюрера и его любое высказывание служили направляющей нитью.

В своей критике руководства сухопутных войск оба они придерживались одинаковой точки зрения. Она состояла в следующем. Военно-морской флот и люфтваффе национал-социалистическое государство и его руководящую роль признали. Генералы же сухопутных войск, за редким исключением, воспринимались ими как нечто инородное, а тех из них, кто все-таки выступал за это государство и его руководящую роль, сами же они упрекали в «бесхарактерности».

Особая близость Гитлера и Геринга, по мнению окружающих, возникла в том числе и из-за различия их характеров. Так, фон Белов отмечает, что «экспромтом (к чему особенно имел склонность бывший летчик-истребитель Геринг) Гитлер никакого решения принять не может. Я пришел

к выводу, что эта противоположность характеров и есть причина их близкой доверительности и сотрудничества еще со «времен борьбы». Гитлер нуждался в Геринге для принятия своих решений. Как часто я слышал от него перед важными решениями: «Об этом я должен сначала переговорить с Герингом» или «А что говорит насчет этого Геринг?».

Поэтому во время кризиса Бломберг — Фрич у нас часто складывалось впечатление, словно правит Геринг, а не Гитлер. Геринг с его способностью быстро схватывать и молниеносной реакцией оказывал влияние на его действия. В том, что при этом Геринг преследовал и свои собственные цели, сомнений нет. Сам по себе, без влияния своих партийных советчиков, Гитлер, по здравом размышлении, возможно, принимал бы решения другие. Этому препятствовал Геринг...

Наибольшую пользу для усиления своих властных позиций извлек из ошибок обеих сторон Геринг. В лице Бломберга пал его последний соперник в борьбе за благорасположение фюрера».

Кессельринг же полагает, что Геринг не имел никакого отношения к увольнению Бломберга и Фрича:

«Мне казалось невероятным, чтобы Гитлер или Геринг могли намеренно подвергнуть такого уважаемого генерала, как Фрич, столь недопустимому унижению. Когда впоследствии Геринг рассказывал мне о том, как он разоблачил доносчика и как был рад тому, что сделал это, в глазах у него читалось удовлетворение. У меня не возникло ни малейшего сомнения в том, что руки Геринга чисты».

Но скорее всего, в данном случае Геринг просто выступил как хороший актер. Смещение Фрича рассматривалось Гитлером как важный шаг в подготовке к войне. И, кстати сказать, увольнение Бломберга после разразившегося скандала было все равно неизбежно. Что же касается дела Фрича, то против него скорее был настроен Гитлер, а не Геринг, и вряд ли влияние Геринга на Гитлера в кадровых вопросах за пределами люфтваффе и министерства авиации могло быть определяющим.

Многим людям из окружения Гитлера образ жизни Геринга казался чересчур расточительным и помпезным, что невыгодно контрастировало с аскетизмом фюрера. Тот же фон Белов вспоминал:

«12 января 1938 года Геринг праздновал свое 45-летие. В числе поздравлявших всегда бывал Гитлер. Во время пребывания фюрера в его доме Геринг никаких посетителей не принимал. Гитлер приехал с самым небольшим сопровождением: только личные адъютанты и я. Сам Геринг наслаждался своим днем рождения и радовался множеству ценных подарков. Гитлер знал его слабость к картинам, особенно старых мастеров, среди которых тот предпочитал Лукаса Кранаха. На сей раз фюрер вручил ему картину XIX века. Насколько мне помнится, это была «Соколиная охота» работы Ганса Макарта. Затем Гитлер заговорил о страсти Геринга к охоте.

Атмосфера в доме Геринга по таким праздничным случаям бывала раскованной и непринужденной. Заметно, что хозяйка дома умела придать всему какую-то приватную и семейную ноту. Гитлер обращался с ней особенно галантно. Сам же Геринг в собственных апартаментах, даже в присутствии фюрера, чувствовал себя совершенно вольготно и не испытывал никакой скованности, в отличие от своей манеры держаться в имперской канцелярии. Там он напускал на себя какую-то отчужденность, чуть ли не забывая поздороваться с окружающими, и стремился как можно скорее встретиться с Гитлером.

В тот день мне опять особенно резко бросилось в глаза различие между руководящими политиками рейха. За время службы в истребительной эскадрилье «Рихтхофен» в 1934—1935 годах мне не раз приходилось видеть Геринга по служебным и частным поводам. 10 апреля 1935 года я был гостем на его свадьбе, а годом позже — приглашен на бал в Государственной опере. И оба раза я видел такую роскошь, какой больше не существовало в Берлине с кайзеровских времен. Поведение Геринга запомнилось мне сильнее, чем манеры Гитлера. Мы, летчики, питали к Герингу доверие. Он был одним из нас. А Гитлер — далек и недосыгаем. С таким ощущением я и поступил на службу к фюреру.

Но теперь, после полугода службы при Гитлере, все стало наоборот. Чем ближе я узнавал Геринга, тем больше у меня появлялось причин для недовольства им. В праздновании дня рождения проявлялась тяга к выставляемой напоказ роскоши, что резко контрастировало с простотой Гитлера. На этом фоне он казался сдержанным и почти незаметным. Мне его скромность импонировала, а помпезность Геринга я находил некрасивой и даже иногда неуместной. Фюрер старался не подавать виду, что сам зачастую думает так же. Он учитывал менталитет Геринга и радовался тому, что его манеры нравятся народу. Связи Геринга с людьми хозяйства и с консервативными кругами

были важны для Гитлера. Однако огромное различие между ними не влияло на их взаимное доверие, возникшее еще во «времена борьбы». Фюрер не принимал ни одного важного политического или военного решения, не посоветовавшись предварительно с Герингом».

В конце концов фон Белов пришел к неутешительному для рейхсмаршала выводу:

«Меня как адъютанта Гитлера по люфтваффе возмущало поведение Геринга. Фюрер ожидал от него совета и помощи в принятии решений в области государственной политики, а тот давал ему эти советы, исходя из собственных интересов. Я все больше отворачивался от Геринга и принимал сторону Гитлера».

В то же время он вынужден был признать, что «Геринг сумел выдвинуться в глазах фюрера на первый план в качестве представителя всего вермахта и таким образом сделаться необходимым фюреру. После отставки Бломберга Гитлер просто цеплялся за Геринга, он нуждался в таком доверенном человеке, с которым мог бы беседовать о вермахте, о генералах и своих военных планах. Оба они зачастую вели такие беседы целыми часами, о чем мы судили по их распоряжениям и случайным репликам. При этом Геринг был со своим штабом откровеннее, чем Гитлер с нами».

В начале 1938 года Гитлер решил: вермахт достаточно силен, а страны Антанты настолько не желают и не готовы воевать, что можно начать постепенно расширять германское «жизненное пространство» за счет слабых соседей. В осуществлении захватнической политики Геринг сыграл самую активную роль. Первой жертвой Германии стала Австрия. Геринг немало способствовал ее успешному аншлюсу, проявив все свое дипломатическое искусство. Он связался по телефону с рядом австрийских политиков и уговорил их согласиться на назначение федеральным канцлером Артура Зейсс-Инкварта, вождя австрийских нацистов, и не препятствовать присоединению Австрии к рейху. Его увещевания подкреплялись концентрацией сил вермахта на австрийских границах. Геринг заявил тогда:

«У нас не будет отдыха до тех пор, пока последняя германская земля не окажется в составе германского жизненного пространства».

Вот как эти телефонные переговоры описал присутствовавший при них Николаус фон Белов:

«Войдя вечером 11 марта в рейхсканцелярию, я увидел Геринга в действии. Будучи полным «хозяином положения», он чувствовал себя в своей стихии. Как раз в этот момент Шушниг заявил о своем уходе в отставку и ожидалось назначение Зейсс-Инкварта на пост федерального канцлера. Геринг непрерывно говорил с Веной по телефону, большинство этих переговоров проходило в присутствии Нейрата, Бормана, Гимmlера, Геббельса, Кейтеля, Папена и Браухича.

Как я понял, австрийский федеральный президент Миклас все еще медлил с назначением Зейсс-Инкварта. Поэтому обсуж-

дался вопрос, следует ли вермахту вступить в Австрию или нет. Но поскольку приказ войскам необходимо было отдать до 19:30, Геринг настаивал на том, чтобы Зейсс-Инкварт продолжал выполнять свои обязанности, и прислал в Берлин телеграмму с просьбой к германскому правительству направить в Австрию войска с целью избежать кровопролития. Таким образом, Зейсс-Инкварт оказался вынужденным по настоянию Геринга по телефону запросить введения германских войск.

Вскоре Миклас объявил о его назначении федеральным канцлером, но было слишком поздно. Приказ уже поступил в войска. Акция началась. Люфтваффе было приказано загрузить свои бомбардировщики пропагандистскими материалами, листовками и флагами со свастикой, которые следовало на другой день разбрасывать над Австрией. Незадолго до того Шушниг в своем последнем обращении по радио к народу дал приказ австрийским войскам при возможном вступлении в страну вермахта отходить без сопротивления. Итак, стало ясно: завтрашнее вступление в Австрию сможет произойти в форме мирного занятия ее территории. Я никогда не сомневался, что именно так оно и будет».

10 апреля 1938 года на плебисците 99,08% проголосовавших избирателей в Германии и 99,75% в Австрии высказались за аншлюс. Какая-либо агитация против аншлюса была фактически запрещена, но и без этого ограничения, можно не сомневаться, более 90% населения в каждой из стран высказалось бы за аншлюс, так как в тот момент он отвечал чаянием подавляющего большинства немцев и австрийцев.

В Австрии категорическими противниками аншлюса были, естественно, евреи, а также некоторые другие национальные меньшинства и уже немногочисленные к тому времени сторонники левых партий. В Германии же, в том числе благодаря усилиям Геринга, коммунистические и социал-демократические функционеры сидели в концлагерях, немногие уцелевшие эмигрировали, ушли в глубокое подполье или переориентировались на партию Гитлера, и точно так же сторонниками НСДАП стали миллионы избирателей, совсем недавно голосовавшие за левые партии.

Вскоре после аншлюса Геринг вместе с Эмми посетил замок Маутерндорф. Лили фон Эпенштейн встретила их как родных. Геринга заботила судьба его младшего брата Аль-

берта, который несколько лет назад эмигрировал в Австрию и теперь работал на киностудии в Вене. Он придерживался антинацистских взглядов, но Герингу удалось оградить его от преследований со стороны гестапо.

Тем временем в Вене начались еврейские погромы, и Геринг их пресекать не стал, повторив местным нацистам тезис о «еврейской угрозе». Хотя, по словам Эмми, дома Герман в разговорах готов был признать, что евреи — такой же народ, как и другие, разве что немного хитрее и умнее, и что среди евреев могут быть как подлецы, так и добрые люди.

В день отъезда с государственным визитом в Италию, 3 мая 1938 года, Гитлер написал завешание, в котором объявил Геринга преемником на случай своей смерти. Завешание было вызвано слухами о будто бы готовившемся во время поездки в Австрию покушении на фюрера. Согласно этому документу, Геринг также должен был осуществлять всю полноту власти в рейхе во время отсутствия Гитлера.

Тем временем в семье Геринга произошло долгожданное радостное событие: 2 июня 1938 года Эмми родила дочь. Ее называли Эдда — в честь дочери Муссолини Эдды Чиано. Крестниками новорожденной стали Гитлер, служанка Герингов Силли (Сильвия), которая прислуживала еще при Карин, и Пили Кёрнер. Друзья, знакомые и подчиненные прислали в Каринхалле бесчисленное число люлек. После того как муж дочери Муссолини был казнен в 1944 году за измену, Эмма хотела переименовать дочку в Эббу, но Геринг отговорил ее.

В том же, 1938 году Эмми приняли в партию. Геринг добился, чтобы ей выдали билет под достаточно почетным номером 744 601 (к тому времени в НСДАП состояло более 7 миллионов человек). После войны, во время денацификации, ей это членство вышло боком.

След за Австрией настала очередь Чехословакии. Как отмечает в своих мемуарах Николаус фон Белов, «21 апреля Гитлер в коротком разговоре с Кейтелем и Шмундтом приказал приступить к разработке Генштабом подготовительных мер для военных действий против Чехословакии. Геринг сообщил о планах Гитлера Ешонеку. Согласно его информации, фюрер ожидал нового обострения во внеш-

ней политике. В штабе Верховного главнокомандования (ОКВ) указание Гитлера о подготовке вооруженной акции против Чехословакии, как подтвердил мне Ешонек, всерьез не восприняли. Слишком живы еще были в памяти успехи с Австрией и триумфальный визит фюрера в Италию... В Берлине царила беспечность».

В августе 1938 года Германию посетил начальник штаба французских ВВС генерал Вийемен. Ему продемонстрировали новейшие немецкие самолеты и укрепления «линии Зигфрида»... Цель визита, по словам фон Белова, «была обговорена Гитлером с Герингом и служила, по замыслу фюрера, его программе запугивания. Сопровождавший гостей Мильх сумел мастерски «подать» люфтваффе. На заводах Юнкерса, Хейнкеля и Мессершмитта выпуск самолетов шел полным ходом. Картина была весьма впечатляющей. Полеты «Me-109» и «He-111» произвели очень сильное впечатление, ибо французские военно-воздушные соединения были оснащены устаревшими типами самолетов».

Германские люфтваффе действительно качественно превосходили французскую авиацию. Мильх блефовал только насчет численности готовых самолетов и объема их производства.

Как вспоминает фон Белов, летом 1938 года «Геринг, полностью осведомленный о планах Гитлера, поддерживал тесный контакт с послами Англии и Франции. Сэр Невилл Гендерсон был настроен прогермански. Франсуа-Понсе со своей очаровательной женой пользовался в Берлине большой популярностью. Супруги Геринг старались дружить с ними, чтобы тем самым содействовать сохранению добрых отношений между Германией и двумя этими великими державами. Атмосфера, царившая в их поместье Каринхалле, предоставляла для этого наилучшие возможности. Приглашение в имение Геринга считалось тогда в Берлине признаком избранности, и никто не упускал случая им воспользоваться».

Шантаж и заверения в том, что Судеты — это последнее требование Германии, подействовали. В Мюнхене Даладье и Чемберлен согласились на передачу Германии Судетской области, населенной преимущественно немцами, в обмен на эфемерное обязательство Германии не нападать на Чехословакию и не предъявлять новых территориальных претен-

зий. Уж очень не хотели воевать английское и французское правительства. Была у них наивная вера в то, что Гитлер ограничится захватом территорий с преимущественно немецким населением и на этом остановится.

По поводу Мюнхенского соглашения, отдавшего Судеты Германии, Геринг с восхищением говорил американскому психологу доктору Гильберту в камере нюрнбергской тюрьмы:

«Все произошло в соответствии с планом «Ф»! Ни Чемберлен, ни Даладь не собирались чем-либо жертвовать ради спасения Чехии. Это было ясно как божий день. Участь Чехии решили за каких-нибудь три часа. Затем еще четыре часа рассуждали о «гарантиях». Чемберлен все время удивлял нас, а Даладь вообще витал в облаках. Присутствовал, да и только. Он лишь время от времени кивал в знак согласия. Ни разу не возразил ни по одному вопросу! Я был поражен, с какой легкостью Гитлер все это обстряпал. Они же знали о наличии в Судетской области заводов «Шкода» и предприятий по производству боеприпасов, они же понимали, что сдают нам Чехию! И когда Гитлер предложил перебросить в Судеты кое-какое наше вооружение, как только чешская часть Судет перейдет к нам, я ожидал взрыва негодования со стороны наших партнеров. Но ничего — не пикнули! Мы получили все, что хотели! Они даже не стали настаивать на том, чтобы ради проформы согласовать все эти вопросы с самой Чехией! Французский посланник в Чехии впоследствии высказался так: «Теперь мне предстоит огласить осужденным приговор». Вопрос о гарантиях свелся к тому, что гарантом оставшейся части Чехии выступал Гитлер. Вы же прекрасно понимаете, что это означало».

Между тем накануне Мюнхенского соглашения люфтваффе были вовсе не так сильны, как это пытались представить внешнему миру Гитлер и Геринг. 22 сентября 1938 генерал Фельми, командующий 2-м воздушным флотом, дислоцировавшимся в Западной Германии, представил Герингу меморандум, где отмечал:

«В настоящих условиях мы можем рассчитывать лишь на эффект внезапности. Это единственный шанс сломить волю англичан и заставить их отказаться от риска войны... О войне на уничтожение при наших нынешних ресурсах не может быть и речи».

Когда с меморандумом Фельми ознакомился Гитлер, он потребовал увеличить число самолетов в люфтваффе в пять раз. Для этого требовалось в ближайшие годы увеличить численность авиапарка на 20 тысяч машин. ПВО предполагалось усилить 2,5 тысячи тяжелых 88-мм орудий и тремя тысячами 20- и 37-мм скорострельных пушек.

Мильх был скептически настроен по отношению к этим амбициозным замыслам. В период с 1 апреля 1937 года по 1 апреля 1938 года планировалось выпустить 9 тысяч самолетов всех типов. Но из-за острой нехватки стали и алюминия с конвейеров сошло лишь 4800 машин. За весь же 1938 год производство едва превысило 5 тысяч машин. Однако начальник Генштаба люфтваффе генерал Ешонек, назначенный на этот пост 1 февраля 1939 года вместо преемника Кессельринга генерала Штумпфа, настаивал, что требование фюрера должно быть выполнено. Геринг тоже заявил, что план Гитлера можно претворить в жизнь, и приказал всем начальникам управлений и отделов люфтваффе и министерства авиации «сделать все возможное» для его выполнения.

Однако производство самолетов в требуемых масштабах удалось нарастить уже только после начала войны и мобилизации промышленности. В 1939 году было произведено 8,3 тысячи машин, в 1940 году — 10,2 тысячи самолетов всех типов, в 1941-м — 12,4 тысячи, в 1942-м — 15,4 тысячи, в 1943 году — 24,8 тысячи, и только в 1944 году производство достигло максимума — 40,6 тысячи машин.

Геринг весьма настороженно относился к ускоренным темпам решения «еврейского вопроса», опасаясь негативной международной реакции, в том числе введения экономических санкций. Он сознавал, что германская экономика еще далеко не достигла автаркии и зависела от внешних поставок топлива и сырья. «Хрустальную ночь» с 9 на 10 ноября 1938 года, когда были разгромлены многие принадлежавшие евреям магазины, Геринг, по словам фон Белова, «охарактеризовал как тяжелый политический и экономический удар для Германии... он осудил эту акцию как «свинство», поскольку боялся отрицательных внешнеполитических последствий».

В сердцах Геринг сказал то, что потом ему припомнили на Нюрнбергском процессе:

«Лучше бы вы убили 200 евреев, чем разорили столько ценностей!»

(Тогда было убито 30 человек, на десятки тысяч счет пошел только с 41-го года.)

Геринг возмущался, что страховым компаниям приходится платить евреям 25 миллионов марок за утраченное имущество. Впоследствии государство конфисковало полученные страховые выплаты и вдобавок наложило на еврейскую общину контрибуцию в один миллиард рейхсмарок.

Один из наиболее распространенных мифов, связанных с «окончательным решением еврейского вопроса», заключается в том, что об этом будто бы не знали главари Третьего рейха. То ли Гиммлер и Эйхман творили холокост без ведома Гитлера, то ли, напротив, Гитлер был обо всем прекрасно осведомлен, а вот второй человек в рейхе, Геринг, ничего об этих ужасах не знал и к «окончательному решению» не имел никакого отношения.

Такой тактики, кстати, Геринг, придерживался на Нюрнбергском процессе, утверждая, что не знал о том, что «окон-

чательное решение» на практике означает уничтожение миллионов евреев. Все связанные с евреями «эксцессы» рейхсмаршал относил на счет Гимmlера и его людей. Сам же Геринг будто бы до конца войны верил, что речь шла лишь о депортации евреев, конечным пунктом которой, дескать, до войны считался Мадагаскар, а после начала советско-германской войны — оккупированные советские территории.

Действительно, план выселения на Мадагаскар всех евреев Германии, Австрии и Чехии, а после начала Второй мировой войны — Польши и других оккупированных стран существовал на самом деле и вплоть до нападения на Советский Союз являлся официальной политикой нацистов в еврейском вопросе. Однако «мадагаскарский план» больше походил на некую пропагандистскую завесу истинных планов Гитлера и его соратников.

Дело в том, что и Гитлер, и Геринг, и Гимmlер, и другие нацистские вожди, занимавшиеся еврейской проблемой, не могли не сознавать, что план добровольного или принудительного переселения евреев на Мадагаскар был мертворожденным. Во-первых, Франция, чьим колониальным владением являлся Мадагаскар, не проявляла ни малейшего желания согласиться с этим. Во-вторых, абсолютно непривычный для европейцев климат африканского острова исключал возможность того, что кто-либо из евреев согласится уехать туда добровольно. В-третьих, ни одна страна или организация не собиралась финансировать переселение на Мадагаскар сотен тысяч и миллионов евреев. С началом же войны вследствие господства Англии на морях «мадагаскарский план» стал неосуществим принципиально.

На это, судя по всему, и делался изначальный расчет. Теперь нацисты могли ссылаться на то, что выслать евреев за границу не удастся, поэтому приходится приступить к их «внутренней депортации» — в гетто и концлагеря на оккупированных советских и польских территориях. На самом деле эта «депортация» означала физическое уничтожение.

Существует документ, который все ставит на свои места. Это протокол совещания от 16 июля 1941 года. В нем участвовали Гитлер, Геринг, Борман, Кейтель, рейхсфюрер и рейхсминистр Розенберг и рейхсминистр Ламмерс, начальник канцелярии рейха. Фюрер заявил тогда:

«Мы не должны раскрывать свои цели перед миром... Главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не надо осложнять наш путь излишними декларациями. Подобного рода заявления являются излишними, ибо мы можем сделать все, что в наших силах, а что не в наших силах, мы все равно сделать не сможем... Мы были вынуждены в интересах населения занять район, навести в нем порядок и принять меры безопасности. Мы были вынуждены в интересах населения заботиться о спокойствии, пропитании, путях сообщения и тому подобных вещах. Отсюда и происходит наше регулирование. Таким образом, не должно быть выявлено, что речь идет об окончательном урегулировании (еврейского вопроса. — Б. С.). Все необходимые меры — расстрелы, выселение и т. п. — мы, несмотря на это, осуществляем и будем осуществлять.

Мы, однако, отнюдь не желаем превращать преждевременно кого-либо в своих врагов. Поэтому пока будем действовать так, как если бы мы намеревались осуществлять мандат (окупационных сил. — Б. С.). Но нам самим при этом должно быть абсолютно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого, речь идет о следующем.

Ничего не строить для окончательного урегулирования, но исподволь подготовить все для этого. Мы подчеркиваем, что несем свободу».

Во исполнение этих решений Геринг уже 31 июля 1941 года отдал распоряжение шефу РСХА Гейдриху:

«В дополнение к поставленной перед Вами 24 января 1939 года задаче по решению еврейского вопроса путем эмиграции или выселения... я поручаю Вам провести необходимую организационную, техническую и материальную подготовку для всеобщего решения еврейского вопроса на территории Европы, находящейся в сфере германского влияния (имеется в виду прежде всего истребление евреев на оккупированных территориях Восточной Европы — в Польше и в СССР. — Б. С.). В тех случаях, когда это входит в компетенцию других центральных органов, следует привлекать их к сотрудничеству. Кроме того, поручаю Вам представить мне в ближайшем будущем полный план предварительных организационных, технических и материальных мероприятий по осуществлению окончательного решения еврейского вопроса».

Для маскировки «окончательного решения» в «Имперском законодательном вестнике» было опубликовано рас-

поряжение полиции от 1 сентября 1941 года. Всем евреям предписывалось носить на одежде заметную издали желтую шестиконечную звезду. Принципиальному же решению эта проблема подлежала только по окончании похода на Россию, причем, как подчеркивалось в распоряжении, «великодушным образом».

Как справедливо утверждает столь компетентный свидетель, как бывший адъютант Гитлера от люфтваффе полковник Николаус фон Белов, «я даже и без документальных доказательств твердо убежден в том, что уничтожение евреев осуществлялось по категорическому указанию Гитлера, ибо немыслимо предположить, что Геринг и Гиммлер предприняли бы нечто подобное без его ведома. Конечно, Гиммлер не информировал фюрера о каждой детали, но в этом деле действовал с его одобрения и в полном согласии с ним».

Сейчас ни один серьезный исследователь проблемы не отрицает холокоста — преднамеренного уничтожения нацистами евреев, имевшего своей конечной целью полное уничтожение еврейского народа. Спор идет только о количестве жертв. Иной раз подвергается сомнению «каноническое» число уничтоженных нацистами и их пособниками евреев — 6 миллионов человек, впервые прозвучавшее на Нюрнбергском процессе. Однако даже самые умеренные оценки жертв холокоста не опускаются ниже 4 миллионов погибших. Замечу, что цифра 6 миллионов появилась в отчете Эйхмана, возглавлявшего в гестапо отдел по еврейскому вопросу, и отчете Гиммлера Гитлеру осенью 1944 года, причем Эйхман впоследствии признал, что точной статистикой его отдел не располагал и цифра была дана «навскидку», с таким расчетом, чтобы количество уничтоженных евреев составляло более половины от их общего числа в Европе. А численность европейских евреев была определена в 11,2 миллиона человек на печально знаменитом совещании руководителей ряда имперских ведомств в Ваннзее, где был провозглашен переход к «окончательному решению».

На самом деле определение общей численности евреев, уничтоженных нацистами в годы Второй мировой войны, — задача сложная и вряд ли с точностью решаемая. Дело в том, что оценка численности евреев к 1941 году и после окончания войны в Европе в мае 1945 года в различных

странах Европы производилась путем экстраполяции данных соответственно более ранних и более поздних переписей населения. А сама экстраполяция зависит, в свою очередь, от оценки естественного прироста, темпов ассимиляции и объема еврейской эмиграции из Европы, данные по которым достаточно сильно разнятся у разных исследователей. Кроме того, из числа жертв холокоста необходимо исключить евреев, погибших в армиях различных стран — участниц Второй мировой войны, а также жертвы евреев среди мирного населения вне оккупированных Германией и ее союзниками территорий.

Здесь тоже существуют значительно разнящиеся между собой оценки. Например, в зависимости от подсчетов общих безвозвратных потерь Красной армии число советских евреев, погибших на полях сражений, будет различаться на порядок. По официальным данным, из 8668 тысяч красноармейцев, павших в Великой Отечественной войне, евреи составили около 142,5 тысячи человек. Эта цифра основана на выборочных данных о доле евреев в личном составе Красной армии за некоторые годы войны в 1,64%. Однако, согласно моим сведениям, общие потери Красной армии погибшими составили около 26,4 миллиона человек, из которых евреев, если исходить из их доли в населении страны перед войной в 2,5%, было около 660 тысяч. А ведь надо учесть, что еще сотни тысяч евреев из числа мирного населения умерли в ГУЛАГе, а также на неоккупированной советской территории от лишений, связанных с войной. Все эти жертвы, несомненно, должны быть исключены из числа жертв холокоста.

Спор идет и вокруг того, использовали ли нацисты для уничтожения евреев камеры с газом «циклон Б» или нет. Об этом не сохранилось однозначных документальных свидетельств, как не сохранились и сами камеры. При этом спор фактически идет только о газовых камерах Освенцима, поскольку другие лагеря смерти на польской территории были разрушены нацистами до основания и никаких следов использования газа там сохраниться не могло.

Дискутируется, в частности, вопрос о том, что означают некоторые термины, встречающиеся в немецких документах, относятся ли они к газовым камерам или к камерам для

дезинфекции одежды и бытовых вещей заключенных (вообще-то газ «циклон Б» использовался для целей дезинфекции). До сих пор неизвестно, сколько времени требовалось для умерщвления человека при той концентрации газа, которая убивала бытовых насекомых, — несколько минут или несколько часов. В последнем случае убийство людей с помощью газа «циклон Б» становится абсолютно нерентабельным и крайне сложным технически, так как требует строительства мощнейших насосов для нагнетания газа в камеры и доведения его до той концентрации, которая приводила бы к почти мгновенной смерти.

Существуют многочисленные показания уцелевших узников о существовании газовых камер в Освенциме. Но имеются столь же многочисленные показания относительно существования газовых камер в концентрационных лагерях на территории Германии, в частности в Дахау и Бухенвальде. Послевоенные исследования, однако, неопровержимо доказали, что никаких газовых камер для уничтожения людей в этих лагерях никогда не было.

Версия о существовании газовых камер основывается также на показаниях коменданта Освенцима Рудольфа Франца Хёсса и некоторых других эсэсовских офицеров, данных ими в советском плену, возможно, под сильным физическим давлением. Цифры при этом назывались абсолютно фантастические. Хёсс, например, утверждал, что в Освенциме было уничтожено около 4 миллионов евреев, то есть две трети числа всех жертв холокоста, что совершенно невероятно. Позже он уменьшил эту цифру до 2,5 миллиона.

Стоит заметить также, что аэрофотоснимки Освенцима, сделанные американцами в 1944 году, ни разу не зафиксировали дым из печей крематориев. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что счет жертв Освенцима скорее идет на сотни тысяч, чем на миллионы.

Хотя нельзя с уверенностью утверждать, использовались ли газовые камеры для уничтожения евреев или нет, любой из ответов на этот вопрос не меняет сути холокоста как тягчайшего преступления против человечности и одного из самых страшных примеров геноцида в истории. Неважно, как именно убивали евреев. Важно, что около 6 миллионов

человек были убиты только из-за их национальной принадлежности.

Когда дело дошло до «окончательного решения», Геринг неоднократно спасал из концлагерей своих знакомых евреев и друзей Эмми, особенно из числа актеров, хотя и ворчал всякий раз:

«Ты стравливаешь меня с Гиммлером!»

Об этом существуют показания, подтвержденные присягой, в том числе и прозвучавшие на Нюрнбергском процессе.

Никакого неразрешимого противоречия в этих фактах нет. Геринг вполне разделял позицию Гитлера о необходимости физического искоренения еврейского народа, оттого и подписал в 1941 году приказ Гейдриху о претворении в жизнь «окончательного решения». Но сам Геринг был по природе человеком не злым, и потому готов был выручить из беды и отправить за границу лично ему симпатичных евреев, а также тех, за кого просили жена, родные и друзья. Может быть, именно просьбы Геринга навели Гиммлера на мысль, высказанную им в печально знаменитой речи перед высшими чинами СС в ноябре 1943 года в Познани. Тогда рейхсфюрер говорил, что к нему подходят и просят за своего, «хорошего» еврея, но что если таких просителей будет слишком много, то не будет никакого «окончательного решения». Буквально это звучало так:

«Между собой мы будем говорить совершенно откровенно, но публично никогда не станем упоминать об этом... Я сейчас имею в виду эвакуацию евреев, истребление еврейского народа. «Еврейский народ будет истреблен, — утверждает каждый член нашей партии, — и это вполне понятно, ибо об искоренении евреев, об истреблении их записано в нашей программе. Мы делаем это». И вот они приходят — восемьдесят миллионов честных немцев, и у каждого есть свой порядочный еврей. Конечно, все другие — свиньи, но данный еврей — первосортный. Ни один из тех, кто так говорит, не видел и не переживал этого. Большинство из вас знает, что такое сто трупов, лежащих рядом, или пятьсот или тысяча лежащих трупов. Выдержать такое до конца и при этом, за исключением отдельных случаев проявления человеческой слабости, остаться порядочными людьми — вот что закаляло нас. Это славная страница нашей истории, которая не написана и никогда не будет написана».

Еще в 1938 году, по свидетельству фон Белова, «зенитная артиллерия и постройка бомбоубежищ стояли у Геринга на втором месте по сравнению с самолетостроением. Но Гитлер требовал, чтобы им уделялось такое же внимание, хотя Геринг постоянно старался убедить его, что истребители — это наилучшая оборона от налетов вражеской авиации. Когда в 1943—1945 годах германская противовоздушная оборона оказалась несостоятельной, фюрер, указывая на свои директивы, изданные еще 1938 году, бросал Герингу и люфтваффе тяжкие обвинения. Он предвидел то, что отрицали специалисты.

В 1943 году исход войны был уже решен, и Геринг, очевидно, это понимал. Никакие меры по совершенствованию люфтваффе уже не могли помочь Германии устоять против сил ее противников. А потому Геринг решил испить чашу жизни до дна и все больше времени уделял чревоугодию и другим развлечениям».

По свидетельству фон Белова, когда началось строительство бомбоубежища под зданием рейхсканцелярии, Гитлер «потребовал, чтобы для крыши была предусмотрена бетонная плита толщиной минимум 3 метра, а для стен — 2,5 метра. Однако руководители постройки придерживались указаний соответствующих управлений министерства авиации, которое имело на этот счет другие взгляды, распространенные среди специалистов. Поэтому оно вело строительство по другим масштабам, не соответствовавшим требованиям Гитлера. Что же касается министра вооружения Шпеера, то он был заинтересован в таком проекте, который позволял сэкономить время, и, ни о чем не подозревая, просил фюрера решить этот вопрос. Тот возмутился устаревшими представлениями геринговского министерства и обрушился с тяжкими упреками, однако тогда еще не на самого Геринга. Объектом гнева фюрера стал начальник одного из управлений министерства. Его фамилию и этот инцидент Гитлер не забыл до конца войны и часто вспоминал, когда набрасывался на люфтваффе.

Осенью 1938 года Геринг и помыслить не мог, что когда-либо найдется воздушный флот, превосходящий германский. Да и сама война находилась для него где-то за преде-

лами вероятного. Хотя он и принял всерьез указание Гитлера увеличить люфтваффе в пять раз и давал управлениям своего министерства и авиационной промышленности соответствующие приказы, возможность осуществления этого вызывала у него сомнение.

Я спросил Ешонека, за какой срок можно осуществить эту программу. Он, как и прежде, рассчитывал примерно на два года. Обеспечение горючим и подготовка летных кадров — вот что составляло главную заботу Генерального штаба люфтваффе. Ешонек поддерживал выпуск уже производившихся типов бомбардировщиков. Стандартом должен был оставаться «Ю-88». По данным же Удета, более многообещающим являлся «Хе-177».

На основе требований Гитлера Геринг хотел дать заказ на выпуск большой серии «Ю-88» фирме «Юнкерс». Ешонек же, как и некоторые специалисты в техническом управлении, знал, что далеко не все «детские болезни» этого типа самолетов уже преодолены. Однако генеральный директор фирмы «Юнкерс» Генрих Коппенберг не пожалел сил для того, чтобы в целях производства крупной партии этих бомбардировщиков устранить все претензии испытательных органов люфтваффе. Удет полностью доверял ему, а Геринг и Ешонек — Удету. Сомневался только Мильх. Конструирование «Хе-177» было подобно уравнению с несколькими неизвестными, особенно из-за четырех моторов, установленных по два. Первый образец должен был взлететь летом 1938 года, но на серийное производство можно было рассчитывать не ранее 1940 года.

У меня сложилось впечатление, что Ешонек хочет своей информацией развеять мое сомнение насчет осуществимости программы вооружения люфтваффе. Но мне было ясно: выполнить программу выпуска истребителей можно, только производя уже зарекомендовавший себя «Ме-110». Попытку осуществить программу за счет выпуска в первую очередь «Ю-88» и «Хе-177» я считал трагической ошибкой и не скрывал от Ешонека своего намерения обрисовать фюреру ситуацию такой, какой она, по моему мнению, являлась в действительности. Это, как казалось мне, больше отвечало смыслу указания Гитлера и интересам люфтваффе.

Предварительные проработки генштаба и анализ на основе военной игры показали неготовность люфтваффе к воздушной войне против Англии в данный момент. В первую очередь у нас не было бомбардировщиков с качествами, необходимыми для дальнего полета через море, с достаточной глубиной вторжения и соразмерным бомбовым грузом. Геринг об этом и слышать не хотел, заставляя Генеральный штаб люфтваффе как можно быстрее осуществить приказанное Гитлером пятикратное их увеличение. Я уговаривал Ешонека воздействовать на Геринга таким образом, чтобы он не поддакивал фюреру, а представил ему реальные данные о мощностях люфтваффе».

Фон Белов пишет: «О бомбардировщиках «Ю-88» и «Хе-177» Гитлер имел ясное представление, но считал, что «Ю-88» уже достаточно опробован и потому полностью применим. Мои же опасения он принимал к сведению молча. В разговоре о запланированном «Хе-177» фюрер снова проявил свое инстинктивное предпочтение простых технических решений. Он сомневался в том, является ли тандемная форма расположения моторов и новая конструкция наилучшим из возможных решений для четырехмоторного бомбардировщика. Геринг же внушал своим сотрудникам из министерства авиации, что Гитлер, мол, в вооружении сухопутных войск и военно-морских сил разбирается досконально, а вот по поводу самолетов ему лучше бы помолчать.

Постепенно я осознал, что Геринг сознательно хочет распространить такое представление о технических интересах и знаниях фюрера. Однажды и сам Геринг не проявил таких знаний, но Гитлер, по-видимому, этого не заметил. К тому же Геринг не желал, чтобы фюрер вникал в авиационные вопросы детально, и поправлял его. Гитлер же, со своей стороны, тогда неограниченно доверял Герингу и был доволен, что ему самому не надо заботиться об этом. Но со временем я понял, что он думал о вооружении авиации больше, чем предполагал Геринг».

Удет и Ешонек настаивали на том, чтобы «Хе-177» непременно был двухмоторным и пикирующим бомбардировщиком. Однако в режиме пикирования двигатели «Даймлер-Бенц-606» (каждый мощностью 1350 л. с.) перегревались, вследствие чего возникали пожары, погубившие немало

опытных образцов самолетов и летчиков. Когда Хейнкель пожаловался Гитлеру, фюрер в сердцах воскликнул:

«Неужели в люфтваффе столько идиотов? Это же безумие!»

В результате было принято решение отказаться от пикирования, но машины все равно оказались ненадежными и часто гибли в авиакатастрофах. В 1941 году было предложено переделать «Хе-177» из двухмоторного в четырехмоторный. Так возник бомбардировщик «Хе-277», работы над которым, однако, реально начались только в 1943 году. В конце этого года первый образец с четырьмя моторами «Даймлер-Бенц-603» общей мощностью 1850 л. с. поднялся в воздух.

К лету 1944 года было изготовлено 18 опытных образцов и подготовлен запуск самолета в серийное производство с выпуском 200 машин в месяц. Однако абсолютный приоритет был отдан тогда производству истребителей, и от планов запуска в серию четырехмоторного бомбардировщика пришлось отказаться. Тем более что 200 машин погоды бы не сделали, да и до Америки «Хе-277», способный пролететь 6 тысяч километров с 2 тоннами бомб на борту, все равно бы не дотянул.

В январе 1939 года Геринг приказал создать командование трех воздушных флотов. На Удета было возложено обеспечение авиастроения необходимыми материалами и кадрами. На эту роль, правда, больше годился Мильх, но Геринг не хотел слишком усиливать его власть.

По свидетельству фон Белова, в 1939 году «Геринг, Мильх и Удет в свете предыдущих высказываний Гитлера рассчитывали на то, что военный конфликт произойдет не ранее 1943 года». При этом Геринг будто бы «считал возможным лишь нападение на Польшу, но никак не войну с Англией».

В марте 1939 года настала очередь оставшейся без защиты Чехии. Геринг убеждал президента Чехословакии Эмиля Гаху согласиться на включение Чехии в состав рейха в качестве протектората Богемия и Моравия (Словакии предполагалось даровать независимость). Главком люфтваффе пугал чехов бомбардировками. Бедняга Гаха упал в обморок. Геринг даже пожалел его, но утешил себя мыслью о том, что обморок одного человека — пустяк в сравнении с тем, что удалось избежать войны между Германией и Чехослова-

кийей. Томасу фон Кантцову показалось, что Герман после переговоров с чехами испытывал чувство некоторой неловкости.

— Согласен; — говорил Геринг жене, — что мне приходится поступать непорядочно. Но я — не жестокий человек. Мне совсем не в радость пугать старых людей. Но почему чехи выбрали своим руководителем такую развалину? И от скольких несчастий уберег я чешский народ, заставив этого старого дурака подписать бумагу? Иначе бы пришлось превратить в руины его любимую Прагу!

— Но ты же сам говорил мне, что твои бомбардировщики не готовы немедленно взлететь! — воскликнула Эмма. — Так ты просто блефовал и на самом деле не собирался бомбить Прагу?!

— Да, — признался он, — но старик-то об этом не знал! — И опять сокрушался: — Все-таки пришлось поступить непорядочно!

Тогда же Геринг послал Боденшатца в Мюнхен разыскать Эльзу Баллин и ее сестру — двух евреек, которые спасли его после провала «пивного путча» и передать им, что они должны срочно уехать из Германии, так как оставаться здесь небезопасно. Он помог сестрам получить аргентинские визы и даже добился, чтобы им позволили взять с собой все сбережения.

Война надвигалась. Наглую, попиравшую все нормы международного права оккупацию Чехословакии, грубо нарушавшую только что подписанное Мюнхенское соглашение, Англия и Франция могли и не простить. Геринг это прекрасно сознавал, что бы он ни утверждал потом на Нюрнбергском процессе. А с началом войны наверняка и преследования евреев ужесточились бы, а всякая эмиграция из Германии была бы запрещена.

Тем временем в Берлин приехала Лили фон Эпенштейн, чтобы выполнить волю мужа и передать во владение Герингу и его дочери замок Фельденштейн. Замок Маутерндорф тоже должен был отойти к ним, но только после ее смерти. Она боялась войны и просила Германа помочь ей уехать из Европы. Геринг раздобыл разрешение на выезд. Лили получила американскую визу для посещения родственников в Чикаго. Но в Америке ей не понравилось. Она вернулась

в Маутерндорф летом 1939 года, а когда 1 сентября услышала по радио сообщение о начале войны, скончалась от сердечного приступа.

3 апреля 1939 года Гитлер подписал секретную директиву о подготовке нападения на Польшу, а 23 мая сообщил Герингу о том, что война с Польшей неизбежна. Как вспоминала Эмми в беседе с Фришауэром, вечером того дня Геринг был сам не свой. Он не хотел войны и стремился отговорить Гитлера, поскольку в случае поражения терял все. А терять Каринхалле, уютную, комфортную жизнь Герингу он как не хотелось!

По утверждению Томаса фон Кантцова, в последнее предвоенное лето Геринг очень нервничал из-за того, что некоторые безумные руководители НСДАП побуждают Гитлера ввергнуть Германию в войну, и в особенности ругал Риббентропа за его ненависть к Англии. Геринг считал тех, кто хочет войны, глупцами, уверял, что в войне нет никакой необходимости, и сетовал:

«Если бы фюрер поручил это дело мне, я бы добился, чтобы у Германии было свое место под солнцем, и обеспечил бы мир для целого поколения!»

Но одновременно Геринг интенсивно готовился к войне и постоянно проводил совещания. На одном из них, обращаясь к представителям большого бизнеса, он заявил, что Европе грозит новая война и виноваты в этом, ясное дело, евреи. Промышленность Германии должна быть готова обеспечить вермахт всем необходимым, а она производит все еще слишком много гражданской потребительской продукции.

Томас фон Кантцов утверждал, что Геринг «все время спрашивал, почему англичане столь упорны в вопросе о Данциге и Польском коридоре, которые Германия только и хотела получить от Польши. Неужели они не понимают, что это неотъемлемая часть Германии и ее отрыв от рейха был противоестествен? Что бы сказали сами англичане, если бы кто-нибудь отнял у них Нормандские острова, жители которых, кстати сказать, даже не говорят по-английски? Они бы не успокоились, пока не вернули бы их обратно. И то же самое справедливо относительно Гонконга или Гибралтара».

Через Томаса фон Кантцова Геринг еще в 1938 году познакомился с видным шведским промышленником Биргером Далерусом, имевшим обширные деловые связи в Великобритании. В августе 1939 года Далерус попытался сыграть роль посредника между Англией и Германией. Он приехал вместе с Томасом в Каринхалле.

Геринг получил разрешение Гитлера пригласить несколько видных англичан для переговоров. Сначала встречу хотели провести в Швеции, в замке графа фон Розена — месте, столь памятном Герингу. Однако вскоре сообразили, что пребывание Геринга в Швеции будет трудно скрыть от местных журналистов, поэтому встречу перенесли в Шлезвиг-Гольштейн, в дом жены Далеруса.

7 августа Далерус вместе с пасынком Геринга прибыл туда и встретился с группой бизнесменов из Англии и Герингом. Поскольку в английской делегации не было никого из официальных лиц, все свелось к ничего не значащим разговорам за чашкой чая. Переговоры решили продолжить. Далерус и Геринг посещали Гитлера, а потом швед передавал предложения Чемберлену и главе британского МИДа лорду Галифаксу. Но англичане уже не верили немцам и не сомневались, что дело идет к мировой войне.

Когда весной 1939 года было принято решение о войне с Польшей, выяснилось, что одним из узких мест люфтваффе оставалась подготовка летчиков. В августе 1939 года не хватало 139 пилотов одномоторных истребителей, 11 бомбардировочных экипажей, 54 экипажей двухмоторных истребителей, 36 экипажей пикирующих бомбардировщиков, 61 экипажа ближних и 11 экипажей дальних самолетов-разведчиков. Из-за этого в начале войны нельзя было использовать 412 из имевшихся к тому времени 4333 самолетов. Для преодоления кризиса Геринг использовал летные школы «Национал-социалистического летного корпуса» (нечто вроде советского Осоавиахима), разбросанные по всей Германии. К началу войны в Германии имелось 29 авиафирм, располагавших 20 самолетостроительными и 13 авиадвигательными заводами, а также 31 заводом по изготовлению комплектующих узлов и деталей. На них было занято 190 тысяч рабочих.

В тот момент Геринг не хотел затяжной войны, зная, что к ней не готовы ни армия, ни промышленность. Он расчи-

тывал, что, если удастся договориться с англичанами, те надавят на поляков и заставят их пойти на уступки. Геринг предостерегал:

«Современная война — это война тотальная, и никто не может даже приблизительно знать, когда она закончится!»

19 августа Геринг виделся с Гитлером и получил от него разрешение полететь в Лондон для переговоров с Чемберленом, если тот согласится на это. Утром 21 августа Геринг позвонил Далерусу в Стокгольм и заявил:

«Я попробую нечто иное — единственный способ, как я думаю, пробить глухую стену».

В тот же день английский посол в Берлине Гендерсон отправил телеграмму в Лондон, извещавшую о том, что Геринг собирается лететь туда утром 23-го. Визит должен был проходить в обстановке повышенной секретности.

Англичане готовы были принять Геринга. Но подтверждения из Берлина так и не последовало. Вместо этого вечером 21-го берлинское радио объявило о предстоящем 23 августа визите Риббентропа в Москву для подписания пакта о ненападении.

Практически так и не состоявшиеся переговоры Геринга и Чемберлена в Лондоне, так же как состоявшиеся, но окончившиеся ничем переговоры военных делегаций СССР, Англии и Франции в Москве, преследовали одну и ту же цель: оказать давление на будущего партнера по пакту Молотова — Риббентропа и сделать его сговорчивее. И Сталин, и Гитлер к тому времени уже решили по-братски разделить Польшу между собой. По всей вероятности, Геринг знал о принятом решении и в глубине души понимал, что переговоры с Англией не принесут результата.

22 августа, сразу после объявления о предстоящем визите Риббентропа в Москву, Гитлер выступил с речью перед высшим командным составом вермахта, заявив, что войну против Польши опасно откладывать на 4–5 лет, а необходимо начать сейчас же.

В самый канун войны Германию покинул видный промышленник Фридрих Тиссен, разочаровавшийся в национал-социализме и считавший надвигающуюся войну ги-

бельной для страны. Он направил Гитлеру послание, в котором упрекал его в терроре против оппозиции, в преследовании евреев, в провоцировании войны и заключении договора со Сталиным.

Геринг попытался вернуть Тиссена в Германию, объясняя его письмо нервным срывом, явившимся следствием переутомления. Он позвонил Тиссену в Париж (номер раздобыли сотрудники его секретной службы), но Тиссен от разговора со старым знакомым отказался. 31 августа беглый промышленник прислал Герингу телеграмму с просьбой устроить публикацию в германской печати его письма Гитлеру. В другое время Геринг воспринял бы такую просьбу как издевательство, чем она в действительности и являлась. Появление чего-либо подобного в подцензурной Геббельсу прессе невозможно было себе даже представить. Но Геринг все еще тешил себя иллюзией о временном помешательстве Тиссена и направил ему письмо, в котором заверял, что если тот вернется и покается, то Гитлер его простит.

Тиссен не без ехидства ответил:

«Предпочитаю дожидаться конца национал-социализма здесь, во Франции».

В Париже, однако, сделать ему это не удалось. В 1940 году после оккупации Франции он вместе с женой был отправлен в концлагерь, где и дожидался краха Третьего рейха. Не исключено, что от казни Тиссена спас старый друг Герман.

30 августа 1939 года, по словам фон Белова, «вокруг Гитлера собралось довольно много народу. Среди окружавших его были и Геринг с Риббентропом. Геринг сказал, что все еще не верит в возможность объявления англичанами войны Германии. Гитлер похлопал его по плечу и произнес: «Дорогой мой Геринг, если англичане однажды ратифицируют соглашение, они не рвут его через сутки!» Ему было ясно: британцы от своего пакта о взаимопомощи с поляками не отступят».

По свидетельству Кессельринга, в то время командовавшего 1-м воздушным флотом, он присутствовал при телефонном разговоре Геринга с Риббентропом в геринговском спецпоезде в день, когда стало известно, что нападение

на Польшу начнется 1 сентября. Геринг пришел в крайнее возбуждение, немедленно позвонил Риббентропу и буквально проревел: «Ну, ты добился своего — войны. Это все твоих рук дело!» — и в бешенстве бросил трубку.

В своей речи в рейхстаге 1 сентября 1939 года Гитлер объявил:

«Если в этой борьбе со мной что-нибудь случится, моим первым преемником станет наш товарищ по партии Геринг. Вы будете обязаны подчиняться ему, как фюреру, и повиноваться ему с такой же слепой верой и повинованием, как и мне самому. Если же что-нибудь случится и с Герингом, следующий по очереди мой преемник — соратник по партии Гесс. Ну а если и с ним что-нибудь случится, то я, согласно закону, созову сенат, который изберет достойнейшего, то есть храбрейшего».

На тот момент Гитлер считал Геринга достойнейшим и храбрейшим из своих соратников.

Люфтваффе в Польше нейтрализовали неприятельскую авиацию за два-три дня, хотя и сами понесли значительные потери. После этого пикирующие бомбардировщики оказали активную поддержку сухопутным войскам. Немцы безвозвратно потеряли 285 самолетов. Еще 279 машин были повреждены более чем на десять процентов. Поляки потеряли в боях 333 машины. Еще 116 самолетов перелетели в Румынию, а 296 разбились в авариях или были захвачены наступавшими немецкими и советскими войсками на аэродромах.

Прибыв в Польшу после окончания боев, Геринг сразу же организовал вывоз оттуда в рейх сырья и занялся мобилизацией рабочей силы.

8 ноября 1939 года в пивном зале «Бюргербройкеллер», где отмечалась годовщина мюнхенского путча, взорвалась бомба, подложенная террористом-одиночкой столяром Эльснером. Гитлер покинул зал незадолго до взрыва и не пострадал. Геринг на собрании в «Бюргербройкеллер» не присутствовал, так как был очень занят в связи с начавшейся войной и не горел желанием пить пиво вместе со старыми товарищами по партии. Кстати, именно из-за войны Гитлер не остался, как обычно, после выступления в пивной пропустить кружечку, так как торопился вернуться в Берлин, и это спасло ему жизнь.

Когда Геринг узнал о покушении, он сказал Эмме в присутствии Боденшатца, что если бы фюрер погиб, то он как преемник сразу же остановил бы боевые действия и вывел немецкие войска со всех негерманских территорий, начал мирные переговоры. Об этом эпизоде нам известно со слов Боденшатца, который, конечно, хотел максимально обелить своего командира и друга. Но Геринг действительно мог говорить что-то подобное. Ведь столь раннего начала войны он и в самом деле опасался и с удовольствием пре-

кратил бы ее на приемлемых для Германии условиях. Но эти условия в любом случае включали аннексию Данцигского коридора и некоторых других польских земель, что было неприемлемо для Англии и Франции.

После ноябрьского покушения Гитлер и Геринг перестали ездить в одном автомобиле, что они раньше часто делали. Эта мера предосторожности была предпринята с тем, чтобы террористы не могли в результате одного покушения уничтожить сразу и фюрера, и его преемника. Но иногда Гитлер и Геринг все-таки отступали от этого правила.

Несмотря на начавшиеся боевые действия, Геринг продолжал зондаж через Далеруса. 10 сентября 1939 году к нему в Стокгольм отправился Томас фон Кантцов. Он вез письма на родину от двух пленных британских летчиков. Геринг гарантировал, что с ними будут обращаться в полном соответствии с Женевской конвенцией. Далерус тут же передал привезенные письма британскому послу в Швеции сэру Эдмонду Монсону, а от себя прибавил, что популярность Гитлера в Германии падает, тогда как Геринг — единственный из политиков, пользующийся всеобщим доверием, и если он начнет переговоры о перемирии, то наверняка будет соблюдать взятые на себя обязательства. Разумеется, все это было чистой воды фантазией. После успехов вермахта в Польше популярность Гитлера только возросла и никто не собирался менять его на Геринга. Такие мысли не посещали основную массу немцев даже тогда, когда после неудач на фронте они уже не верили в победу.

«Железный Герман» вовсе не был настроен вести с англичанами переговоры за спиной Гитлера. Он лишь надеялся убедить фюрера заключить компромиссный мир на гребне успехов, да и то лишь тогда, когда станет ясно, что к такому миру готова Англия.

26 сентября Далерус прилетел в Берлин. Они с Герингом отправились к Гитлеру. Фюрер сказал шведскому бизнесмену, что англичане могут добиться мира, но только если поторопятся, а идею о заключении мира на основе довоенных границ им следует выбросить из головы. В случае заключения соглашения Гитлер обещал соблюдать нейтралитет Бельгии и Голландии, а также отказаться от каких-либо территориальных претензий на Западе. Германии при этом досталась бы уже завоеванная Польша.

С этими предложениями Далерус отбыл через Голландию в Лондон. Он встретился с заместителем английского министра иностранных дел сэром Александром Кадоганом и передал ему соображения Гитлера по поводу мирного урегулирования и предложение Геринга самому приехать в любую нейтральную страну, чтобы встретиться с кем-либо из высокопоставленных британских представителей, например с начальником Генштаба генералом Айронсайдом. Но ответ Кадогана разочаровал его:

«Многое из того, о чем вы говорите, весьма привлекательно, но мы не можем верить ни единому слову сегодняшних правителей Германии».

Когда предложения Геринга поступили в правительство Чемберлена, мнения по их поводу разделились. Чемберлен полагал, что Геринг собирается свергнуть Гитлера и в случае, если он это сделает, предложения можно принять, пожертвовав частью польской территории в пользу Германии. Другая часть кабинета, возглавляемая Черчиллем, стояла за полное восстановление Польши и отвергала предложения Геринга. В этих условиях миссия Далеруса теряла смысл, поскольку свергать Гитлера Геринг не собирался. В ноябре его визиты в Лондон прекратились. А Томас фон Кантцов вскоре отправился в составе шведских добровольцев воевать на стороне Финляндии против вторгшейся в страну Красной армии.

Тем временем Геринг 24 октября 1939 года выступил с речью перед инспекторами по комплектованию вермахта, в которой, в частности, утверждал:

«Каждая страна, вступающая в современную войну, должна понимать, что она может отдать фронту только часть своего мужского населения и что она должна в качестве первоочередной предпосылки для всего остального обеспечить работу военной промышленности и продовольственного сектора. Каждая страна, участвующая в современной войне, должна суметь установить определенное равновесие между потребностями фронта и тыла. Было бы величайшей ошибкой с нашей стороны, если бы мы направили все свои усилия на выполнение требований фронта, не учитывая важность тыла».

10 января 1940 года из-за вынужденной посадки германского связного самолета в Бельгии в руки союзников попа-

ли планы вторжения вермахта во Францию, первоначально запланированного на ноябрь 39-го, но потом неоднократно переносившегося. В это время Геринг находился в Фельденштейне, и Гитлер срочно вызвал его в Берлин. Фюрер был разъярен. Геринг отстранил от должности генерала Фельми — командующего 2-м воздушным флотом, в состав которого входил злосчастный самолет.

Нужно было решить принципиальный вопрос: предпринимать ли вторжение немедленно, зная, что его план наверняка известен противнику, или еще раз отложить его, изменив основные положения. Геринг высказался за то, чтобы отложить вторжение и изменить план.

Гитлер выбрал прежде отвергнутый им план генерала Манштейна и реализовал его в мае 1940 года. Главный удар в Арденнах оказался неожиданным для союзников (Арденны считались непроходимыми для танков). В результате Франция была побеждена за 45 дней. А до майского наступления во Франции немцы в апреле оккупировали Данию и Норвегию. Геринг был проинформирован об этой операции в последнюю очередь из-за болезни (у него опухли суставы). Главком люфтваффе возмутился, но затем пообещал договориться о транзите немецких войск в Норвегию через территорию Швеции.

Дания сопротивления германскому вторжению не оказала, а вот норвежская армия сражалась мужественно, и ей на помощь в Нарвик был переброшен англо-французский экспедиционный корпус. Положение затруднялось тем, что флот Германии был слаб. Выручили люфтваффе, обеспечившие снабжение высадившихся частей и нанесшие значительные потери британскому флоту.

Незадолго до вторжения вермахта в Скандинавские страны, 16 февраля 1940 года, Гитлер сделал хороший подарок Герингу. Со своего поста был снят гауляйтер Нюрнберга Юлиус Штрейхер. Геринг справедливо обвинял Штрейхера во взяточничестве, а также в том, что гауляйтер допустил публичные оскорбления в его адрес. Штрейхер усомнился в мужской состоятельности Геринга, утверждая, что вследствие ранения и злоупотребления наркотиками тот стал импотентом и поэтому настоящим отцом его дочери Эдды является Карл Боденшатц.

13 мая 1940 года, вскоре после начала генерального наступления вермахта на Западе, 100 германских самолетов бомбардировали голландский город Роттердам, после того как его гарнизон отказался капитулировать. Газеты союзников писали о 30 тысячах погибших в ходе налетов, хотя истинное число жертв составило 814 человек. Бомбардировка Роттердама стала одним из пунктов обвинения против Геринга в Нюрнберге.

Во Франции люфтваффе вместе с танками внесли решающий вклад в победу, завоевав господство в воздухе и одержав верх над французскими и британскими истребителями. Германские самолеты постоянно атаковали наземные войска союзников, способствуя деморализации французской армии.

За победу во Франции Герингу было присвоено звание рейхсмаршала. Кроме того, Гитлер наградил его, единственного за всю Вторую мировую войну, Большим крестом ордена Железного креста. Указ об этом, вышедший 19 июля, гласил:

«В качестве награды за его огромный вклад в победу я возвожу создателя люфтваффе в ранг рейхсмаршала и награждаю его Большим Железным крестом».

Муссолини за победу над Францией наградил Геринга высшим итальянским орденом «Аннунциата».

Звание рейхсмаршала не носил более никто. Тем самым Геринг стал первым по старшинству среди всех фельдмаршалов и гросс-адмиралов. Согласно статуту, рейхсмаршалу полагался следующий мундир:

«На погонах — два скрещенных маршальских жезла, шитые золотом, и шитый золотом орел рейха, все это — на шитой золотом основе из трех плетений. На воротничке — две разные петлицы, на левой — два перекрещенных маршальских жезла, вышитые золотом, на вышитой серебром основе, на правой — вышитые золотом орел рейха и гирлянда лавровых листьев, также на вышитой серебром основе. Воротник обшит толстой золотой тесьмой. Цвет мундира и форменной рубашки — небесно-голубой».

Однако этот цвет Герингу не понравился, и он попросил сшить еще один комплект формы — белого цвета. А в сентябре 1940 года орел на правой петлице был заменен двумя скрещенными маршальскими жезлами, такими же, как на левой петлице.

Во Франции Геринг существенно пополнил свою коллекцию живописи, прежде всего за счет эмигрировавших или пытавшихся выехать евреев. Они продавали свои собрания за бесценок, лишь бы спастись. Геринг ничего не брал даром, за все платил, рассчитывая на то, что после победоносного для Германии окончания войны никто из бывших владельцев не сможет предъявить ему претензий.

В отличие от Гитлера, который попадавшие к нему картины сразу же складировал для будущего музея в Линце, Геринг развешивал живопись в Каринхалле и других резиденциях, часто и подолгу любовался своими художественными трофеями. Особенно он ценил итальянских художников эпохи Возрождения, голландских мастеров XVI—XVII веков, а из немцев — Лукаса Кранаха. Кроме Каринхалле картины размещались в Маутерндорфе, Фельденштейне и в берлинской резиденции на Лейпцигерплац. Геринг собирался открыть свою галерею для широкой публики в 1953 году ко дню своего 60-летия и издал альбом с фотографиями всех экспонатов.

Смотрителем геринговской коллекции был искусствовед Андреас Гофер. Он руководил агентами, покупавшими произведения искусства в оккупированных странах Европы. Иной раз картину приходилось выменивать, если ее владелец не желал ее продавать, а вынудить его сделать это по ряду причин не представлялось возможным. Гофер знал всех крупных торговцев антиквариатом в Европе. При штабе Геринга находился и молодой искусствовед Бруно Лозе. Он числился офицером люфтваффе и имел возможность беспрепятственно путешествовать по оккупированным странам в поисках художественных сокровищ. Лозе вспоминал:

«Рейхсмаршал объяснил мне, что многие торговцы, особенно в Голландии, — евреи, но это не должно служить препятствием для наших с ними контактов. Он сам свел меня с перекупщиком из Амстердама — евреем Кацем. Именно он вывел нас на коллекцию Гудстикера».

Голландец Жак Гудстикер умер в 1940 году. В его собрании было много картин эпохи Ренессанса и произведения искусства Востока. Все экспонаты коллекции вскоре пополнили собрание Геринга. Во Франции же Герингу удалось относительно дешево приобрести многие экспонаты из коллекции банкира Анри де Ротшильда.

Эксперты оценивали стоимость коллекции Гудстикера в 8 миллионов гульденов, но досталась она Герингу вчетверо дешевле, и Кац получил хорошие комиссионные. Практически Геринг действовал как рэкети́р, поскольку в оккупированных странах он делал владельцам коллекций предложения, от которых те не могли отказаться. Держателями коллекции Гудстикера были голландские власти, находившиеся под контролем германской оккупационной администрации.

Вся коллекция Геринга в наше время наверняка потянула бы на несколько миллиардов долларов. Понятно, что даже по заниженной цене эти сокровища невозможно было приобрести на жалованье главнокомандующего люфтваффе, председателя рейхстага и рейхсминистра, даже если прибавить к ней выплаты по другим многочисленным должностям Геринга. Для покупки картин Геринг использовал прежде всего доходы от своей доли акций концерна собственного имени, некоторых фирм военной промышленности и газеты. В начале 1940-х годов Геринг оценивал свой совокупный доход в миллион марок в год. Кроме того, он учредил Фонд искусства, средства в который вносили его друзья-бизнесмены. На эти деньги также приобретались художественные ценности. К тому же многие картины ему дарили местные власти и те же бизнесмены, рассчитывая завоевать расположение второго лица в рейхе. По сути, Фонд искусства был средством сбора дани с бизнеса в пользу самого высокопоставленного, после фюрера, чиновника Германии, подарки же зачастую являлись скрытой формой взятки. Так, в 1941 году на день рождения Геринга Фридрих

Фрик, магнат Рура, подарил ему картину Рюисдаля стоимостью в 100 тысяч марок, а магистрат Берлина — полотно Ван Дейка за 250 тысяч. В 1942 году берлинские власти пополнили коллекцию рейхсмаршала картиной Тинторетто.

Еще в 1934 году Муссолини подарил Герингу «в знак дружбы» статую Мадонны, которой тот восхищался в Риме. Магистрат Дрездена преподнес три полотна Лукаса Кранаха Старшего и большую картину Клауса Бергена «Истребитель Геринга «Яста-27» в бою с английскими истребителями».

Геринг вообще любил подарки, причем не обязательно картины или скульптуры. Он был по-детски рад, когда одна фирма подарила ему маленькую железную дорогу — точную копию настоящей.

Сам рейхсмаршал воспринимал подарки, часто представлявшие собой просто крупные денежные суммы, не как банальные взятки и попытку купить его благосклонность, а как дань уважения к великому государственному мужу, работающему на благо Германии.

В то же время Геринг проявлял заботу о сохранности некоторых музеев мирового значения. Например, он добился строительства специальных бомбоубежищ для укрытия там экспонатов Лувра и других парижских галерей. Наверное, в этом сыграло роль и то, что он рассматривал их как достояние будущего Великогерманского рейха.

Но и за счет Лувра Геринг не преминул пополнить свою коллекцию. Он выменял луврскую деревянную статуэтку Грегора Эрхардта «Прекрасная германка» и одно полотно на две картины и две статуи, существенно уступавшие им по стоимости. По свидетельству Шпеера, в 1943 году представитель марионеточного правительства Виши известил его, что Геринг настойчиво добивается обмена одного очень известного полотна на несколько картин из его коллекции, значительно менее значимых. Шпеер сослался на заявление Гитлера о неприкосновенности луврского собрания и посоветовал дирекции музея не поддаваться давлению. В итоге Геринг отказался от своего плана.

Ценности, реквизируемые у евреев, находились в ведении специальной комиссии Альфреда Розенберга, и через нее Геринг тоже смог заполучить немало шедевров.

Рейхсмаршал как-то заявил, что принадлежащие ему произведения искусства — самая дорогая частная коллекция в мире. Основную ее часть составили поступления из оккупированных стран. Так, из музея Львова Геринг получил 31 рисунок Дюрера. Правда, обожавший Дюрера Гитлер позже настоял на том, чтобы эти рисунки были переданы в его коллекцию.

Из Голландии Герингу удалось вывезти такие шедевры мирового значения, как «Мужчина с бородой» и «Человек в тюрбане» Рембрандта, «Инфанту» Веласкеса, рубенсовское «Воскрешение Лазаря», полотна Франца Хальса, Ван Дейка, Рюисдаля, Яна Стена, Гойи и 30 картин фламандских художников XV века. Такая «мелочь», как старинное оружие и вазы, здесь уже не в счет...

Италия пополнила геринговскую коллекцию полотнами Тициана, Рафаэля, Ван Дейка, античными статуями Помпеев и Геркуланума, а также алтарем из Штерцинга, который Герингу подарил сам Муссолини. Часть картин и статуй позаимствовали из музея Неаполя бойцы дивизии «Герман Геринг» перед тем, как уйти из города в октябре 1943 года.

Франция лишилась в пользу Геринга «Портрета Жойе́за де Волана» Шардена, «Девушки с китайской фигуркой» Фрагонара, «Мистического брака святой Катерины» Давида, а также четырех «ню» обоих Лукасов Кранахов — Старшего и Младшего, полотно Буше, Рубенса, многих гобеленов и уникальной мебели XVII—XVIII веков, включая, например, письменный стол кардинала Мазарини.

Из уже упоминавшейся коллекции Гудстикера Геринг особенно гордился картиной Вермера «Христос и женщина, уличенная в неверности». Впоследствии, уже после войны, выяснилось, что это была искусная подделка, выполненная голландским художником Ван Мегереном, который и продал ее в 1943 году Герингу. Оказалось, что многие другие шедевры старых мастеров, вывезенные из Голландии для пополнения германских музейных фондов и коллекций Гитлера и Геринга, в действительности были подделками, выполненными Ван Мегереном еще до войны. Когда после освобождения Голландии художнику, помогавшему немцам искать и приобретать картины, было предъявлено обвинение в коллаборационизме, Ван Мегерен признался, что все

картины, которые он предоставил немцам, были написаны им самим, равно как и многие другие из хранившихся в голландских музеях. Тогда от него потребовали возместить убытки коллекционерам, которым он когда-то продал фальшивые полотна того же Яна Вермера, Франца Хальса или Питера де Хоха. Ван Мегерен оказался разорен. В итоге в 1947 году он получил год тюрьмы за мошенничество и через месяц после суда умер в тюрьме. Геринг, кажется, так и не узнал, что многие шедевры в его коллекции были подделками.

Другому антиквару-перекупщику, Лозе, еврею по национальности, Геринг устроил выезд в Швейцарию, чем спас его от преследований и вероятной гибели в ходе позднейшего «окончательного решения».

На допросах в плену у союзников и на Нюрнбергском процессе Геринг утверждал, что все картины и скульптуры своей коллекции он приобретал или выменивал только законным путем. В пример он приводил случай, когда за картину Рубенса «Атланта и Мелеагр» отдал сразу 175 картин других художников. Однако следует признать, что чаще всего Геринг покупал произведения искусства по многократно заниженной цене или выменивал их за значительно более дешевые вещи. Особенно это касалось экспонатов из коллекций, которыми владели евреи. Для них было важно и то, что, согласившись продать картины по дешевке, они не только получали хоть какую-то сумму денег, но и возможность покинуть оккупированную Европу и спасти тем самым свою жизнь.

Иногда Геринг картины продавал. В частности, некоторые голландские полотна позднее перешли к нескольким гауляйтерам, причем за сумму, превышавшую ту, за которую их купил рейхсмаршал. Вся выручка от продаж поступала в фонд музея Германа Геринга для новых закупок произведений искусства.

Геринг не раз повторял: «Все-таки я человек ренессансного типа». Когда он любовался своими сокровищами в Каринхалле, то одевался в соответствующем стиле: в бархатные бродяжки, туфли с золотыми пряжками, рубашку с кружевным жабо и яркую бархатную куртку.

У Геринга была богатейшая коллекция бриллиантов и специальные придворные ювелиры, за ней присматривав-

шие. Однажды он продемонстрировал ее Галланду. Все началось с того, что рейхсмаршал попросил командующего истребительной авиацией показать ему бриллианты к Рыцарскому кресту, которые тому вручил Гитлер, и тут же принялся сокрушаться:

«Нет, это не бриллианты. Это обыкновенные камешки. Фюрера обвели вокруг пальца. Он знает все о линкорах, танках и пушках, но совсем не разбирается в бриллиантах».

Геринг попросил камни у Галланда на экспертизу. Некоторое время спустя рейхсмаршал пригласил его в Карингхалле. В одной руке Геринг держал бриллиантовую булавку Галланда, а в другой — свою собственную. Он с гордостью сказал:

«Вот бриллианты фюрера, а вот — рейхсмаршала. Почувствовали разницу? Теперь понятно, кто из нас лучше разбирается в бриллиантах?»

Галланд был вынужден признать правоту Геринга: все бриллианты в его коллекции были крупными и отличались необыкновенной чистотой. Геринг отдал Галланду свой набор бриллиантов к Рыцарскому кресту в дополнение к тем, что вручил ему Гитлер.

После этого Геринг просветил Гитлера насчет бриллиантов, указав, что негоже фюреру Великогерманского рейха награждать героев какой-то дешевкой. Через некоторое время Гитлер вызвал Галланда и сказал, что хочет вручить ему настоящие бриллианты к Рыцарскому кресту, заявив, что прежние были лишь временной наградой. На беду, Галланд как раз надел бриллианты рейхсмаршала, но Гитлер, повертев их в руках, ничего не заметил. Геринг был прав: в бриллиантах фюрер действительно ничего не смыслил. Так у Галланда оказались три комплекта одной награды.

Бывший начальник Генерального штаба сухопутных сил и один из создателей германских танковых войск генерал-полковник Гейнц Гудериан после войны утверждал, что Геринг и Риббентроп под впечатлением побед 1939–1940 годов превратили Гитлера в «величайшего полководца всех времен и народов».

Но уже во время французской кампании выявилась ограниченность возможностей вермахта в целом и люфтваффе в частности. Геринг не смог предотвратить эвакуацию основной части британского экспедиционного корпуса из Дюнкерка, хотя люфтваффе и потопили 243 из 861 крупных судов, осуществлявших эвакуацию, а сухопутным войскам, в том числе и танковым дивизиям, так и не удалось сбросить англичан в море до завершения эвакуации основных сил экспедиционного сектора. Переброшенные в последний момент три британские бригады, вооруженные новыми танками, смогли на равных вести борьбу с германскими танковыми частями.

В Дюнкерке немцам помешало то, что в дни эвакуации на Ла-Манше стоял штиль, сопровождавшийся дождем. Такая погода, с одной стороны, позволяла использовать для эвакуации мелкие суда, вплоть до яхт, а с другой — резко ограничивала время, в течение которого германские самолеты могли находиться в воздухе. Главное же, сказалась нехватка у немцев как бомбардировщиков и штурмовиков, так и истребителей. Ту часть британского экспедиционного корпуса, которая эвакуировалась уже после капитуляции Франции через Шербур и Нант, люфтваффе вообще не смогли сколько-нибудь значительно потрепать. Пикирующие бомбардировщики «Ю-88» потопили лишь один транспорт с 8 тысячами солдат, из которых 5 тысяч удалось спасти.

Относительно высадки в Англии Кессельринг полагал, что она имела шансы на успех только в том случае, если бы была предпринята вскоре после эвакуации англичан из Дюнкерка, причем при условии, что решающую роль в операции сыграли бы люфтваффе. Операцию люфтваффе против Англии, продолжавшуюся с 8 августа до 15 сентября 1940 года и направленную на уничтожение британской авиации, фельдмаршал считал слишком растянутой во времени и пространстве. Негативную роль играла и постоянная смена целей.

По мнению Кессельринга, авиаудары должны были занять лишь небольшой промежуток времени и стать непосредственной подготовкой вторжения. Действительно, срок, намеченный Гитлером для начала высадки в Англии — середина сентября, — был абсолютно нереалистичен. Даже если бы люфтваффе победили в битве за Британию и высадка прошла успешно, немецкие войска в Англии оказались бы в ловушке и вскоре были бы вынуждены сдаться. Ведь уже с конца сентября постоянные штормы в Ла-Манше сделали практически невозможным регулярное снабжение экспедиционного корпуса, а за две недели сломить британское сопротивление наверняка бы не удалось.

Большую надежду Кессельринг возлагал на самоходные паромы Зибеля, парашютистов и транспортную авиацию. Как представляется, германский фельдмаршал переоценивал шансы на успех, тем более что британская промышленность оказалась способна восполнить потери в истребителях, а немецкие данные о британских потерях, на которые ориентировался Кессельринг, предлагая свой план, были значительно преувеличены. Но, как отмечал Кессельринг, даже осенью 1939 года, после победы в Польше, никаких планов высадки в Англии еще не разрабатывалось. Никто не ожидал столь быстрого краха Франции. Поэтому в июне 1940 года у вермахта практически не было транспортных средств для масштабного десанта.

Заместитель Йодля генерал Вальтер Варлимонт так характеризовал роль Геринга в ставке Гитлера:

«Геринг всегда оставался в тени и начеку. Офицер связи в генеральском звании постоянно информировал его об изменениях настроений в ставке. Как главнокомандующий люфтваффе

и кронпринц национал-социализма, он был полон решимости контролировать любой военный успех, который мог принести славу «реакционной» сухопутной армии в глазах народа... В критический момент его голос можно было услышать по телефону, а его внушительную фигуру увидеть в ставке. Во время его совещаний с Гитлером, как правило, по-прежнему не было свидетелей. Но итог этих встреч не оставлял сомнений в том, что он оставался «самым доверенным» из сотрудников фюрера, особенно по сравнению с ОКХ. Но справедливости ради я готов засвидетельствовать, что Геринг прекрасно понимал свое положение и, будучи человеком военным, позже в ходе войны не раз успешно заступался за армейских офицеров, которых Гитлер приговаривал к смерти или позорным наказаниям».

Тот же Варлимонт утверждает, что в 1940 году случайно присутствовал при разговоре Гитлера с Герингом на площади маленькой бельгийской деревушки Брюли-де-Пёч, недалеко от которой находилась тогда ставка фюрера:

«Они обсуждали британские бомбардировки жилых кварталов немецких городов, которые еще только начались и не приносили ощутимых результатов. Геринг хвастливо говорил что-то о своих предупреждениях противнику относительно подобных авантюр: он не собирался терпеть это в дальнейшем и готов был ответить «десятью нашими бомбами на каждую из их бомб». Не колеблясь ни минуты, Гитлер запретил такие методы. Он сказал, что британское правительство, вполне возможно, настолько потрясено событиями в Дюнкерке, что на время потеряло голову. Одной из причин британских бомбардировок гражданских объектов может быть то, что у бомбардировщиков неточно определены цели для бомбометания, а экипажи плохо подготовлены. Во всяком случае, надо подождать какое-то время, прежде чем предпринимать ответные меры. Это была позиция, которую рейх занимал на международных переговорах в 30-х годах и которой продолжал руководствоваться вплоть до начала большого воздушного наступления на Англию».

Воздушную «битву за Британию» люфтваффе проиграли. В этом не было ничего удивительного. Еще накануне войны Генштаб люфтваффе провел исследования и пришел к выводу, что сил германской авиации не хватит, чтобы принудить Англию к капитуляции, и что для этого необходима оккупация Британских островов сухопутными войсками. В разгар воздушной битвы в августе 1940 года в Германии

было произведено только 160 истребителей, а в Англии — 476. Кроме того, немецким самолетам приходилось тратить значительную часть горючего для того, чтобы долететь до Британских островов с французских аэродромов. Люфтваффе несли значительно большие безвозвратные потери. Ведь у британских пилотов оставался шанс выпрыгнуть из подбитых машин с парашютом над своей территорией и затем вновь встать в строй, тогда как германские летчики в таких случаях либо попадали в плен, либо погибали в водах Ла-Манша. Это, равно как и британская сеть радаров, быстро свело на нет имевшийся в начале битвы небольшой германский перевес по истребителям — 760 «Me-109» против 714 «спитфайеров» и «харикейнов».

Для того чтобы «выбомбить» Англию из войны, Геринг располагал всего 818 одномоторными бомбардировщиками. 240 двухмоторных бомбардировщиков «He-110» не могли помочь делу, так как из-за своей тихоходности нуждались в постоянном сопровождении истребителей. С такими силами нельзя было нанести значительный ущерб британской экономике. В период с июня по сентябрь люфтваффе потеряли убитыми, тяжелоранеными и пленными 521 пилота.

Ежемесячное производство истребителя «Me-109» в первой половине 1940 года составляло 125 машин в месяц. Этого не хватало даже для возмещения потерь в ходе ожесточенных боев над Британскими островами. Во второй половине 1944 года производство истребителей возросло в 20 раз — до 2500 машин в месяц, но четырьмя годами ранее для такого наращивания производства недоставало алюминия и стали. Вообще, на протяжении всей войны выпуск самолетов в Германии ограничивался не мощностями авиапромышленности, а нехваткой сырья и топлива (в том числе — для подготовки пилотов). Поэтому бомбардировки союзной авиацией авиазаводов не оказывали решающего влияния на производство самолетов. Зато когда во второй половине 1944 года английские и американские бомбардировщики сделали своей основной мишенью нефтеперерабатывающие заводы и заводы по производству синтетического бензина, люфтваффе оказались прикованы к земле.

Геринг смело выдвигал на командные должности наиболее удачливых асов истребительной и бомбардировочной

авиации вроде Мельдера, Руделя или Галланда. Он справедливо полагал, что на постах командиров эскадр и авиагрупп такие люди будут незаменимы, когда сами поведут в бой своих подчиненных и на собственном опыте научат их бить врага. Однако в битве за Британию даже их мастерство и опыт не могли переломить неблагоприятную для люфтваффе ситуацию.

Нельзя сказать, что, проиграв эту битву, люфтваффе начали неотвратимо клониться к упадку. Ведь в 1941 году германская авиация обеспечила победу вермахта на Балканах, в том числе и успешный воздушный десант на Крит, в 1941–1942 годах сохраняла господство в воздухе над Советским Союзом и сравнительно успешно действовала в бассейне Средиземного моря. Сломить сопротивление британской авиации, поддерживаемой американскими поставками, асы Геринга были не в силах, тут сыграл свою роль недостаточный военно-экономический потенциал Германии, не позволявший ей создать мощную стратегическую авиацию, чтобы нанести решающее поражение британской военной промышленности.

Осенью 1940 года, в преддверии будущего похода в Россию и расширения боевых действий в бассейне Средиземного моря, те части зенитной артиллерии, которые действовали совместно с сухопутными войсками, по инициативе Геринга были сведены в дивизии и корпуса. Они действовали не только против самолетов, но и против танков. В дальнейшем, по мере того как противники Германии переходили в наступление на сухопутных фронтах, германская зенитная артиллерия все больше превращалась в противотанковую.

Геринг, зная о планах Гитлера напасть на Советский Союз, пытался убедить фюрера перенести основные военные усилия Германии в бассейн Средиземного моря. Он предлагал через территорию Испании провести операцию по захвату Гибралтара с суши, затем переправиться оттуда в Северную Африку и захватить Марокко. Другая группировка германских войск должна была быть переброшена в Италию, а затем использоваться в Триполитании для действий против Египта. Наконец, еще одна группировка германских войск должна была через Болгарию вторгнуться в Грецию, установить контроль над Дарданеллами и, в союзе с Турци-

ей или предварительно покорив ее, через Сирию, Ливан и Палестину прорваться к Суэцкому каналу. После оккупации Египта Геринг надеялся предложить Англии мир, рассчитывая, что тогда-то уж Лондон станет сговорчивее.

Геринг предлагал использовать 15 дивизий, в том числе 2 авиадесантные, и 3 зенитных корпуса с 600 88-мм зенитными орудиями. Кроме того, против Гибралтара предполагалось задействовать 150-мм пушки и гаубицы и 210-мм мортиры. Не исключалось использование для бомбардировки гибралтарских укреплений экспериментальной 600-мм осадной мортиры «Карл». Однако Гитлер при поддержке Кейтеля и командования сухопутных войск план Геринга отверг, сделав выбор в пользу плана «Барбаросса» — вторжения в СССР.

Сегодня, оценивая план Геринга, нельзя не признать того, что он был обречен на провал. Люфтваффе только что проиграли «битву за Англию». Итальянские ВВС были слабы. Даже в случае отказа от «Барбароссы» Геринг не смог бы сосредоточить в Средиземноморье достаточное количество самолетов, чтобы добиться там господства в воздухе, ведь значительную часть люфтваффе пришлось бы придерживать для действий против Британских островов. А германский флот, как военный, так и торговый, был еще слабее, чем люфтваффе, и никак не смог бы обеспечить проведение крупных десантных операций в Средиземном море. Испанский диктатор Франко предпочел соблюдать нейтралитет, а без его содействия невозможно было провести операцию против Гибралтара. Следовательно, британская группировка в Средиземноморье сохранила бы коммуникации с Атлантикой, а с учетом все более активной помощи Англии со стороны США, чье вступление в войну становилось неизбежным, представляется совершенно невероятным, что Германия смогла бы уничтожить британские силы в Средиземноморье всего за одну военную кампанию 1941 года.

Кроме того, как отмечает офицер британской военной разведки Эшер Ли, «в первой половине 1941 года, накануне нападения на Советский Союз, было абсолютно ясно, что силы германской авиации, которыми располагал Геринг в бассейне Средиземного моря, были очень ограниченны. Германские воздушные операции здесь свелись к незначи-

тельным по масштабу минным постановкам и разведывательным полетам над районами возможных целей в Египте, но бомбардировок британских баз в Египте тогда не последовало. Атака на Мальту не была доведена до конца из-за острой нехватки авиационных соединений люфтваффе на Сицилии, а весной 1941 года ход событий привел к тому, что эти германские эскадрильи были отвлечены на поддержку войск Роммеля в Северной Африке».

В таких условиях успех средиземноморской стратегии становился проблематичным даже в том случае, если бы Гитлер отказался от нападения на СССР и сконцентрировал бы в Средиземноморье все те самолеты, которые он 22 июня бросил на Восточный фронт.

С этой точки зрения кампания против Красной армии в том же году выглядела куда предпочтительнее. По качеству подготовки личного состава советские войска значительно уступали не только вермахту, но и британским вооруженным силам. Советская авиация была явно слабее люфтваффе. Главную роль в операции против СССР должен был сыграть наиболее сильный компонент вермахта — сухопутные войска, а самому слабому — флоту отводилась лишь вспомогательная роль. За одну военную кампанию 1941 года Гитлер всерьез рассчитывал уничтожить кадровый состав Красной армии и захватить основные жизненные центры Советского Союза, включая Москву. Гитлер и многие германские генералы надеялись, что после этого сталинский режим рухнет и организованное сопротивление прекратится.

Эти расчеты, как известно, оказались ошибочными, в том числе и потому, что Сталин спокойно бросал в бой необученное пополнение, не считаясь с жертвами, но летом и осенью 1940 года вариант экспансии в российском направлении выглядел более перспективным с точки зрения достижения быстрого и решающего успеха, чем операция в Средиземном море. Ведь даже если бы немцы каким-то чудом ликвидировали группировку британских войск в Средиземноморье, Англия; имея за спиной поддержку США и в качестве будущего потенциального союзника — СССР, все равно бы не капитулировала. Перспективы германского вторжения на Британские острова в результате победы вермахта на Средиземном море ничуть не улучшились бы.

Предложенный Герингом план со стратегической точки зрения следует признать тупиковым. Немцы израсходовали бы силы и средства для второстепенной операции, успех в которой не был способен существенно повлиять на исход войны. К тому же фюрер не знал, что Сталин планировал напасть на него еще летом 1940 года, а потом — в июле 1941-го. Так что на самом деле еще в 1941 году Германии в любом случае пришлось бы задействовать основные силы сухопутных войск и люфтваффе именно на Востоке, даже если бы средиземноморский план рейхсмаршала реализовался.

Планы по расширению боевых действий в Средиземноморье и даже мифического похода в Индию стали использоваться немцами как дезинформация для прикрытия подготовки нападения на СССР. В июне 1941 года в ставке появился проект директивы № 32, предусматривавшей «атаки британских позиций в Средиземноморье и в Западной Азии в двух направлениях: из Ливии через Египет и из Болгарии через Турцию, а если потребуется, из Закавказья через Иран». Предусматривался также захват Гибралтара. А еще в феврале 1941 года Гитлер поручил отделу национальной обороны (отделу «Л») ОКВ, возглавлявшемуся Варлимонтом, изучить возможность похода в Индию через Афганистан. Среди немецких войск, двигавшихся к советским границам, распространялись слухи о том, что советское правительство осуществит транзит для похода в Индию.

Когда весной 1941 года были окончательно уточнены сроки реализации плана «Барбаросса», Геринг попытался убедить Гитлера в том, что раньше 1943 или даже 1944 года Сталин на Германию не нападет. Он предупредил, что даже если удастся разгромить советскую армию, установить эффективный контроль над страной будет невозможно, и напомнил Гитлеру о печальной судьбе вторгшейся в Россию наполеоновской «Великой армии». Геринг утверждал:

«Мы боремся против великой мировой державы — Британской империи... Рано или поздно США выступят против нас. В случае столкновения с Россией третья мировая держава тоже будет бороться с нами. Нам придется в полном одиночестве противостоять всему миру!»

Гитлер заверил рейхсмаршала, что победу над русскими удастся одержать еще до наступления зимы, а иначе Россия все равно нападет на Германию в 1942 или в 1943 году.

В марте 1941-го Гитлер в своей мюнхенской квартире на Принцрегентенплац совещался с Герингом, после чего собрался поехать в «дом фюрера» в Бергхофе и предложил рейхсмаршалу сопровождать его. Вместе с ними поехал и Линге, камердинер Гитлера. В автомобиле Гитлер и Геринг беседовали о предстоящей войне. Гитлер убеждал, что со столкновением с Советской Россией ждать больше не следует. Геринг считал, что нужно сначала обеспечить себе тыл со стороны Англии, но фюрер решительно заявил, что вопрос о войне против России уже решен и что с Англией «мы расправимся потом, если упрямый Черчилль не образумится».

В 1941 году, как отмечал фон Белов, произошел первый серьезный конфликт между Гитлером и Герингом:

«В ночь с 9 на 10 апреля бомбы попали в здания Государственной оперы, университета, Государственной библиотеки и во дворец кронпринца. Опера сгорела дотла. Гитлер был от этого налета вне себя от злости. Произошла первая стычка между ним и Герингом. Я слышал, как он громко обличал рейхсмаршала за негодные самолеты, которыми были так недовольны боевые соединения авиации. Геринг не оспаривал недостатков тогдашних «Ю-88», но стал объяснять фюреру, что ответственный деятель фирмы «Юнкерс» Коппенберг сообщил ему: вновь изготовленные бомбардировщики этой серии указанных недостатков уже не имеют, а на машины 1942 года выпуска будет устанавливаться более мощный мотор. Геринг всегда умел успокоить Гитлера. Фюрер даже поручил профессору Шпееру восстановить здание Оперы».

10 мая произошел еще один очень неприятный инцидент, непосредственно затронувший рейхсмаршала. Рудольф Гесс на истребителе «Мессершмитт-110» неожиданно перелетел на Британские острова и выбросился с парашютом над северной Шотландией. Он надеялся в последний момент перед германским вторжением в Россию договориться с британскими политиками о мире. Узнав о полете Гесса, Геринг приказал Галланду поднять в воздух истребители и попытаться перехватить его, поскольку Гесс «явно сошел с ума». Вот рассказ Галланда: «...приказ был нелепым. Найти само-

лет в ночной темноте было практически невозможно. Все же, подчинившись приказу, я отдал распоряжение командирам эскадрилий выделить по одному-два самолета, не сказав, однако, для чего нужно перехватить цель. Они, очевидно, решили, что у меня не все дома».

Разумеется, попытки перехватить Гесса ни к чему не привели. Но и его мирная миссия окончилась ничем. В официальном сообщении полет Гесса объяснили прогрессирующим психическим заболеванием и охватившей заместителя фюрера по партии идей, что он сможет достичь мира между Германией и Англией.

То, что люфтваффе не смогли перехватить самолет Гесса, разумеется, не понравилось Гитлеру. Но гораздо хуже было то, что вместо улетевшего Гесса заместителем фюрера по партии стал Мартин Борман, один из главных недоброжелателей Геринга, настраивавший против него Гитлера.

29 июня 1941 года Гитлер издал указ во изменение прежнего закона, принятого в сентябре 1939 года. Теперь Геринг провозглашался единственным преемником фюрера, а из числа возможных кандидатур был исключен улетевший в Англию Гесс.

Перед вторжением в Россию вермахт осуществил нападение на Югославию и Грецию, заставив их капитулировать. Люфтваффе сыграли ключевую роль в захвате Крита в мае 1941 года, потопив 3 крейсера и 6 эсминцев и заставив британский флот покинуть воды вблизи Крита. На Крит также высадились парашютная дивизия из состава люфтваффе. Но парашютисты понесли тяжелые потери — более 4 тысяч погибших и пропавших без вести, 2,5 тысячи раненых, поэтому Гитлер более не рискнул проводить крупномасштабные воздушно-десантные операции.

Вскоре после захвата Крита Геринг выступил на совещании командного состава люфтваффе в Париже и заявил, что эта операция — репетиция будущего вторжения на Британские острова. По этому поводу Геббельс написал статью «Крит как пример», опубликованную в «Фёлькише беобахтер» 13 июня 1941 года и вызвавшую известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 года. В статье содержался прозрачный намек на то, что высадка вермахта на Британские острова — дело ближайших недель, если не дней. На самом деле и выступление Геринга, и статья Геббельса были сознательной дезинформацией, призванной убедить советское руководство в том, что Германия на Россию нападать не собирается, а вот-вот ударит по Британским островам. Для пушей убедительности номер газеты со статьей Геббельса был конфискован военной цензурой, но с таким расчетом, чтобы часть тиража достигла иностранных посольств в Берлине.

Летчики, слушавшие Геринга, приняли его выступление за чистую монету. Адольф Галланд вспоминал:

«Геринг не оставил у нас ни тени сомнения, что битва за Англию была лишь увертюрой к ее полному покорению, а дальнейшие действия сведутся к перевооружению люфтваффе и усилению подводной войны, что приведет к успешному вторжению на остров. Планы, которые живописал перед нами Геринг, выглядели очень внушительно. Мы не усомнились и в том, что наша военная промышленность добьется требуемой Герингом производительности. После совещания Геринг отозвал в сторону меня и Мёльдерса. Сияя и тихонько посмеиваясь, он спросил, что мы думаем о его речи. Услышав, какое она произвела впечатление, он радостно потирал руки: «В ней нет ни грана правды!» — и под большим секретом сообщил, что само совещание — лишь одно из мероприятий по дезинформации, призванной прикрыть подготовку нападения на Советский Союз. Эта новость потрясла нас.

Я был ошеломлен и не мог скрыть своих сомнений. Угроза войны на два фронта, висевшая над нами подобно дамоклову мечу, теперь становилась реальностью. Я не мог думать больше ни о чем ином, как о мрачной и зловещей перспективе грядущей войны с Россией, страной, обладавшей огромными людскими резервами и природными ресурсами, в то время как нашей мощи уже однажды не хватило, чтобы сокрушить Англию. Теперь мы должны были повернуться против нового, неизвестного и огромного по своим масштабам врага, не обеспечив прежде свои тылы... Но, к моему изумлению, не только Геринг, но и Мёльдерс были охвачены энтузиазмом. Моего мнения никто не разделял. Геринг заявил, что на Востоке люфтваффе обретут новую славу. У красных ВВС гораздо многочисленнее, но большинство машин устарело, а пилоты плохо обучены: «Нужно только сбить ведущего, тогда и остальные повернут назад. Мы будем сбивать их, как глиняные летающие тарелки в тире».

В ответ на вопрос Галланда о перспективах воздушной битвы за Британию, Геринг заявил, что сокрушение советского колосса — дело двух-трех месяцев, после чего основные силы люфтваффе будут действовать против Англии, усиленные ресурсами покоренной России. Фюрер, по словам Геринга, «не может вести войну против Англии в полную силу, пока нашему тылу будет угрожать держава, питающая по отношению к нам явно враждебные, агрессивные намерения».

Галланд утешал себя мыслью, что рейхсмаршал лучше, чем он, всего лишь командир авиагруппы, представляет себе стратегическую перспективу, ведь «все-таки угроза с Вос-

тока очевидна. К тому же оставалась надежда, что кампания против России будет действительно идти гладко и в соответствии с планом, как и все остальные блицкриги. В отношении России я очень надеялся на то, что основанный на терроре советский режим окажется гнилым. Когда я упомянул об этом, Геринг неожиданно стал очень серьезным и решительно тряхнул головой: «Не говорите мне о возможном внутреннем крахе большевистского режима! Фюрер считает, что не стоит даже обсуждать такую возможность. Не навличьте несчастья на себя, рассказав об этом кому-нибудь. Даже в Германии любая деятельность подрывных элементов была бы безнадежным предприятием. В Советском Союзе, где режим на двадцать лет старше нашего, было бы сумасшествием и самоубийством пытаться совершить государственный переворот. Даже в своих самых отдаленных расчетах фюрер не допускает такой мысли. Советский Союз можно разбить только силой. Именно это мы и собираемся сделать. Не сомневайтесь, мы это сделаем!»

Однако за бодрыми словами Геринг стремился скрыть свое беспокойство за исход русской кампании. Его пугали необъятные просторы России и казавшиеся неисчерпаемыми людские ресурсы. Рейхсмаршал хорошо сознавал, что даже если вермахтом будет достигнута предусмотренная планом «Барбаросса» линия Архангельск — Астрахань (а в саму возможность осуществить это за одну кампанию верилось с трудом), то люфтваффе все равно не смогут вывести из строя промышленный район Урала. Для этого просто не было подходящих тяжелых бомбардировщиков. Следовательно, база для советского сопротивления все равно сохранится. На крах СССР в результате антикоммунистического переворота, как справедливо полагали Гитлер и Геринг, рассчитывать не приходилось. Значит, следовало постараться уничтожить Красную армию и занять основные жизненные центры хотя бы в Европейской части страны. Но даже если бы удалось занять Ленинград, Москву, Украину и Кавказ, под контролем Сталина все равно оставались бы определенные людские ресурсы и часть промышленного потенциала, а значит, советский колосс мог возродиться при поддержке Англии и США, которые недолго соблюдали бы формальный нейтралитет.

Действительность оказалась еще хуже, чем могли себе вообразить руководители рейха. В ходе первой военной кампании против СССР вермахту не удалось захватить ни Москву, ни Ленинград, ни Кавказ, а Красная армия уже в декабре 1941 года оказалась в состоянии предпринять успешное контрнаступление и отбросить врага от Москвы, отбить Ростов, Тихвин и Керченский полуостров. Так что Советский Союз вообще не удалось выключить из борьбы даже на каких-нибудь полгода — минимальный срок, за который Гитлер мог попробовать разобраться с Англией до того, как американская военная мощь не будет оказывать существенное влияние на ход событий на Европейском и Средиземноморском театрах боевых действий.

Вскоре после совещания в Париже Геринг в замке Фельденштейн встретился с генералом Йозефом Каммхубером, командовавшим ночными истребителями в Голландии. Они плотно пообедали вместе с Пили Кёрнером. Каммхубер отметил, что Геринг стал выглядеть заметно хуже: красное одутловатое лицо, мешки под глазами, явные признаки крайнего переутомления и столь не свойственное для толстяка Германа отсутствие аппетита... Даже поданную к обеду вареную форель Геринг лишь слегка поковырял вилкой. За обедом рейхсмаршал предпочел говорить о музыке, а не о делах и даже немного музицировал на рояле.

Когда Кёрнер покинул их, Геринг сказал генералу:

«Каммхубер, я вызвал вас сюда, чтобы под строжайшим секретом сообщить: моя речь в Париже была чистым блефом. Англия нас сейчас не интересуется. Фюрер решил, что пора обрушиться на Советскую Россию. Войска уже переброшены к ее границам и находятся в боевой готовности. В этой операции предстоит участвовать и вам. Немедленно начинайте переброску ночных истребителей из Голландии для защиты восточных районов Германии и будущего русского фронта».

Каммхубер возразил:

«Господин рейхсмаршал, в Голландии и так не хватает ночных истребителей для отражения английских налетов. Атаки англичан день ото дня становятся все интенсивнее, и нам нужно больше самолетов. Ни одной машины для русского фронта мы выделить не сможем».

Тут Геринг сказал с раздражением:

«Послушайте, Каммхубер, я не хочу этой войны с Россией. Я против нее. Это худшее, что мы могли бы сделать сейчас. Это — экономическая, политическая и военная ошибка. Но войны хотят Риббентроп и Геббельс, и они сделали так, что и фюрер ее захотел тоже. Я спорил с ними до хрипоты, но они не слушают. Теперь я умываю руки. Сделайте, что сможете. Отправьте хотя бы половину от необходимого числа истребителей. Я уже не могу больше беспокоиться обо всем этом, иначе я свихнусь».

Насчет Риббентропа Геринг, скорее всего, сознательно соврал. Было хорошо известно, что партнер Молотова по пакту о ненападении считал германскую «восточную политику» своей главной заслугой, а война с Россией ставила на ней крест. О том, что он был против этой войны, Риббентроп сказал и советскому послу Деканозову 22 июня 1941 года. Писал он об этом и в предсмертных мемуарах в нюрнбергской тюрьме. Геринг не мог не знать о его позиции.

В отличие от него Геббельс противником войны с Советской Россией не был. Она ему импонировала по идеологическим соображениям. Но его влияния на Гитлера было далеко не достаточно, чтобы убедить фюрера начать такую войну. Да и вообще вряд ли существовал в мире человек, способный убедить Гитлера сделать что-то такое, чего он сам делать не хотел. Геринг просто стремился в глазах своих подчиненных обелить Гитлера, которого по-прежнему боготворил. Он не хотел возлагать на него ответственность за решения, которые считал ошибочными, предпочитая обвинять в них своих соперников из рядов нацистской элиты.

В начале кампании против СССР люфтваффе действовали исключительно успешно. 22 июня было уничтожено 1800 самолетов. На следующий день — еще 800 машин. 24 июня советские потери составили 557 самолетов, 25-го — 351, 26-го — 300.

В сентябре 1941 года Гитлер предложил рейхсмаршалу провести массированные бомбардировки Москвы и Ленинграда, чтобы принудить русских к миру на германских условиях. Для этого предполагалось сконцентрировать всю бомбардировочную авиацию люфтваффе. Но Геринг отверг этот план. По словам присутствовавшего при беседе Боденшат-

ца, «он очень мягко сказал: план фюрера интересен, но его крайне трудно выполнить... Было бы верхом глупости увести самолеты со всех фронтов, чтобы осуществить всего одну операцию. А как быть с налетами на Лондон, продолжения которых требует сам фюрер? Нельзя давать англичанам передышки. Британская авиапромышленность в этом случае оправится, и британские ВВС сравняются по мощи с люфтваффе».

В 1940 году многодневные бомбардировки Лондона отнюдь не принудили Черчилля к капитуляции. Тем не менее можно было надеяться на то, что Сталин сдастся после однократных бомбардировок Москвы и Ленинграда. Русские-то воевали, совсем не считаясь с жертвами. Гитлер же, разозленный критикой своего плана, бросил в лицо рейхсмаршалу:

«Пилоты люфтваффе — трусы! Они боятся бомбить Москву и Ленинград, опасаясь слишком сильной ПВО российских столиц».

Боденшатц заметил по этому поводу:

«Геринг мог бы сказать о том, что было известно всем присутствовавшим на совещании: противовоздушная оборона Лондона, который наши пилоты бомбят многие месяцы, гораздо сильнее, чем у Ленинграда. Но вместо этого Геринг просто сказал: «Это невозможно, мой фюрер. Этого осуществить нельзя». Гитлер пронзил его ледяным взглядом и оставшуюся часть совещания демонстративно игнорировал».

18 ноября 1941 года в газетах было опубликовано сообщение о том, что генерал-полковник Удет «скончался от ран, полученных при испытании нового оружия». На самом деле Удет застрелился, не выдержав постоянных разногласий с Герингом и Мильхом. Он позвонил своей любовнице Инге Блейле и заявил:

«Инга, я не могу больше выносить все это. Я собираюсь застрелиться и звоню, чтобы попрощаться».

Инга умоляла его не делать этого и обещала тотчас приехать, но услышала в трубке выстрел. Инга бросилась на квартиру к Эрнсту и нашла его мертвым. Удет оставил записку для Геринга:

«Железный человек, ты оставил меня!»

Это самоубийство было не последним среди приближенных рейхсмаршала. Два года спустя покончил с собой начальник Генштаба люфтваффе генерал Ешонек, также обвинивший в своей смерти Геринга. Характер у Геринга был не сахар, по крайней мере, в отношении подчиненных...

Справедливости ради надо заметить, что еще более острый конфликт у Удета произошел с Мильхом. Тот критиковал Удета за распыление средств, за то, что он начал сразу шестнадцать программ перевооружения авиации, но ни одной не довел до конца. Геринг передал Мильху ряд полномочий Удета и порекомендовал Удету отдохнуть, чтобы снять переутомление. Когда Удет вернулся из отпуска, то узнал, что Мильх заменил его людей своими ставленниками. Это и стало последней каплей, переполнившей чашу его терпения. На Геринга же Удет был обижен за то, что рейхсмаршал встал на сторону Мильха, не заступившись за своего старого боевого товарища.

За несколько дней до самоубийства Удета, 13 ноября, в небе над Ла-Маншем погиб племянник рейхсмаршала Питер Геринг. Во время своего первого боевого вылета он сбил английский бомбардировщик «бленхейм», но и сам был смертельно ранен в голову. О гибели племянника Геринг горевал не меньше, чем о смерти Удета, и две недели спустя посетил могилу Питера под Абвилем.

Уже весной 1942 года Геринга обуревали сомнения в успешном для Германии окончании войны. 31 марта Геббельс отметил в дневнике:

«Рейхсмаршал особенно осторожен с какими бы то ни было прогнозами».

Правда, после поражения под Москвой положение как будто бы выправлялось. Вермахту удалось отразить советское наступление и нанести Красной армии тяжелые поражения под Харьковом и в Крыму, а затем перейти в генеральное наступление на юге, целью которого были Кавказ и Сталинград. Люфтваффе по-прежнему сохраняли господство в воздухе. Потом грянула сталинградская катастрофа. После окружения 6-й армии Паулюса Геринг обещал Гитлеру, что люфтваффе смогут обеспечивать ее всем необходимым до тех пор, пока не будет подготовлено наступление для ее освобождения.

Однако многие генералы люфтваффе и армии сомневались в осуществимости этого обещания. Главным препятствием служило то, что в зимние месяцы очень часто бывала нелетная погода. Кроме того, у люфтваффе не хватало транспортных самолетов. В этом качестве приходилось использовать бомбардировщик «He-111». К тому же еще до окружения немецкие войска в Сталинграде испытывали недостаток снабжения.

Советское наступление продолжалось, и линия фронта отодвигалась от Сталинграда. Самолетам приходилось преодолевать все большее расстояние, и это увеличивало потери от советских истребителей и зениток. Нередко машины разбивались, не дотянув до своих аэродромов или потеряв ориентировку из-за плохой погоды. 6-я армия ежедневно получала не более четверти необходимых грузов. По свидетельству очевидцев, узнав о капитуляции немецких войск в Сталинграде, Геринг разрыдался.

В декабре 1942 года влияние рейхсмаршала на государственные дела стало ослабевать. Гитлер образовал «коллегию трех» в составе Мартина Бормана, начальника штаба ОКВ Вильгельма Кейтеля и начальника личной канцелярии рейхсканцлера Ганса Ламмерса. Первый доводил распоряжения Гитлера до партийных инстанций, второй — до военных, третий — до государственных. Герингу никто из них не подчинялся, так что рейхсмаршалу стало значительно сложнее влиять и на экономику, и на военные дела. Но против Ламмерса и Бормана интриговал новый министр вооружений Шпеер. Он попробовал пригласить в союзники Геринга как председателя Совета по обороне рейха и уполномоченного по реализации четырехлетнего плана.

Шпеер добивался создания нового органа, который мог бы издавать законы без согласования с «коллегией трех». Он попытался привлечь на свою сторону и Геббельса, отношения которого с Герингом были весьма напряженными. Потом министр вооружений встретился с рейхсмаршалом. Шпеер вспоминал: «Беседа была непринужденной. На меня успокаивающе действовала уютная обстановка небольшой виллы, хозяин которой был одет по-домашнему. Я был шокирован тем, что он красит ногти красным лаком и пудрит лицо. Он был одет в хорошо знакомый мне зеленый парчовый халат с приколотой к нему большой рубиновой брошью. Геринг спокойно выслушал мой рассказ о встрече с Геббельсом в Берлине, то и дело вынимая из кармана драгоценные камни без оправы и с удовольствием перебирая их холеными пальцами. Ему было приятно, что мы вспомнили о нем. Он тоже видел опасность в возросшем влиянии Бормана и подтвердил, что остается на нашей стороне».

Шпеер попытался помирить Геринга и Геббельса. 2 марта 1943 года он навестил Геринга в Оберзальцберге уже вместе с министром пропаганды. Геринг опять вышел к гостям в довольно экстравагантном одеянии, которое, по словам Геббельса, «могло бы показаться комичным, если бы не знать Геринга. Но он был таков, и приходилось мириться с его стилем и манерами. В них было даже какое-то очарование». Замечу, что, может быть, и Гитлер любил рейхсмаршала именно за то, что его яркая и броская одежда и выставяемое напоказ стремление к роскоши выгодно оттеняли аскетизм и скромность фюрера.

Примирение Геринга и Геббельса состоялось. Но это не помогло Шпееру в достижении его цели. Герингу предстояло убедить Гитлера пойти навстречу министру вооружений, однако момент для этого был выбран неподходящий.

Кроме того, по ходу беседы выяснилось, что Геринг настроен крайне пессимистично в отношении исхода войны. Он не сомневался в том, что в ближайшие месяцы Германия потеряет Тунис, и не верил, что удастся истощить ресурсы Советского Союза и закончить войну с ним хотя бы «вничью». С американской и британской поддержкой эти ресурсы казались неисчерпаемыми. Согласно записи в дневнике Геббельса, Геринг обрушился на Риббентропа как на главного виновника преждевременного начала мировой войны:

«Геринг то и дело повторял, что нынешняя война — дело рук исключительно Риббентропа, который никогда не предпринимал серьезных попыток установить *modus vivendi* с Англией. Ему мешал комплекс собственной неполноценности».

Геббельс предложил обсудить, как сместить Риббентропа с поста главы внешнеполитического ведомства, поскольку тот не ищет выхода из войны на пути переговоров, а лишь излагает идеи Гитлера. Геббельс кричал:

«Риббентроп и Ламмерс втерлись в доверие к фюреру. Он не в состоянии разглядеть их истинной сущности!»

Геринг поддакивал:

«Он постоянно прерывает мои выступления на совещаниях своими репликами, строит козни за моей спиной. Ну, теперь он за все поплатится! Я вам это обещаю!»

Претензии к Риббентропу выглядели по меньшей мере странно. В тоталитарных государствах роль министра иностранных дел сводится лишь к претворению в жизнь воли фюрера, дуче или генерального секретаря, поскольку только первые лица способны здесь определять внешнеполитический курс. Но поскольку министры все еще верили фюреру, они предпочитали искать козла отпущения в собственных рядах. Ни Герингу, ни Шпееру, ни Геббельсу не хотелось признаваться в том, что они ведут безнадежную борьбу со всем миром, что заключать сепаратный мир с нацистами никто не собирается и что в результате уже состоявшегося разгрома в Сталинграде и ожидавшегося разгрома в Северной Африке полное поражение Германии не за горами.

После широкомасштабных бомбардировок союзной авиацией Нюрнберга и Мюнхена Гитлер, 20 марта 1943 года прибывший в Берлин, обрушился на Геринга за неспособность люфтваффе отразить налеты вражеской авиации и указал на несоответствие генералов люфтваффе требованиям современной войны. Тогда же фюрер довольно резко высказывался по поводу неспособности Геринга переломить ход войны в воздухе и поставил ему в пример успехи подводников Дёница. Впрочем, на личных отношениях фюрера и рейхсмаршала эта критика пока не отражалась. 21 марта Гитлер, как это уже стало привычным, произнес речь по случаю Дня героев в берлинском цейхгаузе. Он с глубоким уважением и признательностью говорил о погибших 542 тысячах германских солдат и офицеров, сказав, что они «являются незабвенными героями и пионерами лучшей эры и навсегда останутся в наших рядах».

В такой обстановке довольно опасно было начинать политическую интригу с участием рейхсмаршала. Но Шпеер и Геббельс рискнули. Они вместе с Герингом решили, что Совет по обороне рейха с включением туда Шпеера и Геббельса может стать реальной альтернативой «коллегии трех», если придать ему дееспособный аппарат.

В качестве предлога для реформы Совета они решили использовать промахи ставленника Бормана Заукеля. Последний, как специальный уполномоченный, отвечал за поставку в рейх рабочей силы с оккупированных территорий и из союзных стран, однако явно не справлялся со своей

задачей. Шпеер уличил его в намеренном завышении численности иностранных рабочих.

12 апреля 1943 года Геринг созвал совещание, на котором собирався поставить вопрос о необходимости создания нового аппарата по мобилизации трудовых ресурсов, параллельного ведомству Заукеля. Это должно было стать первым шагом по восстановлению аппарата Совета по обороне рейха. Однако Геринг и его союзники потерпели крах с самого начала. Геббельс испугался гнева Гитлера и на совещание не приехал, сославшись на почечные колики. Без него Геринг не рискнул выступить против Заукеля и обрушился на... своего заместителя Мильха за то, что тот, дескать, саботирует усилия Заукеля. Борман и Гиммлер, также присутствовавшие на совещании, торжествовали победу. Геринг был уже не боец, перечить Гитлеру боялся, а хабрился только за рюмкой коньяка в кругу своих временных союзников. Впрочем, им рейхсмаршал тоже не доверял. Может быть, в этом и заключалась истинная причина отказа Геринга от попытки создать противовес Борману и Ламмерсу.

Отмечу, что существуют и противоположные свидетельства об отношениях Гитлера и Геринга в период после сталинградской катастрофы. По словам камердинера Гитлера Линге и его личного адъютанта фюрера Гюнше, в эту пору Гитлер стал все более отдаляться от генералов и «Геринг не преминул воспользоваться этим состоянием Гитлера и стал каждый день бывать у него. В этом проявилась тактика Геринга, стремившегося занять особое положение при Гитлере. Гитлер, со своей стороны, чуждаясь генералов, стал искать сближения с Герингом».

В тот же день, 12 апреля 1943 года, Геббельс записал в дневнике:

«Геринг прекрасно понимает, что нас ждет, если мы проявим хоть малейшую слабость в этой войне. Мы сделали с евреями такое, что обратной дороги нет. Это даже к лучшему. Те люди и движения, которые уже сожгли за собой все мосты, сражаются с гораздо большим ожесточением, чем те, у кого еще есть пути к отступлению».

Рейхсмаршал сознавал, что весной 43-го Германии отступить уже было некуда. Но, в отличие от фанатика Геббельса,

понимал он и то, что победы Германии не одержать, а ничьей быть не может. Поэтому предпочитал пить «чашу жизни» в Каринхалле — чтобы перед смертью было что вспомнить.

В 1943 году люфтваффе уже не господствовали в воздухе ни на одном театре боевых действий, но им все же удалось осуществить несколько успешных акций. Так, в июне 1943 года, в рамках подготовки к операции «Цитадель» (наступления на Курск), две группы бомбардировщиков «Хе-111» совершили налет на Горьковский танковый завод, который находился на пределе их радиуса действия. Ориентируясь на излучину Волги, они нанесли довольно точный удар, разрушив основные цеха завода и уничтожив около 800 танков. Однако для Советского Союза это был лишь булавочный укол. Количество уничтоженных танков было равно их выпуску в течение 12 дней, а организовать такие удары в массовом порядке люфтваффе оказались не в состоянии.

Вскоре после краха операции «Цитадель» Гитлер собрал в ставке ведущих германских промышленников. Приехал и Геринг, который перед этим охотился в Каринхалле. По свидетельству Гюнше, «страдания и ужасные потери немецкой армии на Восточном фронте его мало беспокоили. Он привез с собой охотничью добычу и крепкое пиво, которое специально варилось для него».

Возмущение высокопоставленных офицеров и генералов ОКХ вызывало и то, что им приходилось ездить в ставку в одном старом штабном вагоне, тогда как Геринг пользовался персональным поездом с роскошными салон-вагонами.

За обедом после совещания Геринг зачитал Гитлеру письмо, полученное от Шахта, основные позиции которого рейхсмаршал разделял. Шахт писал, что в кругу промышленников положение на Восточном фронте считают опасной угрозой для Германии и что в данной обстановке необходимо искать мира с западными державами. Шахт намекал: по данным частных источников, такие переговоры могли бы привести к успешным результатам. Письмо Шахта вывело Гитлера из себя.

Потеряв всякое самообладание, он осыпал Шахта ругательствами. Гитлер кричал, что Шахт хочет его обойти и проводить политику за его спиной. Всякие переговоры с англо-американцами он будет рассматривать как государ-

ственную измену. Гитлер грозил отправить Шахта в концлагерь, но отправили его туда только после покушения 20 июля 1944 года.

Пока Гитлер неистовствовал, Геринг продолжал спокойно сидеть рядом. Он старался отвлечь Гитлера и в конце концов развеселил его своим рассказом о том, что старый Шахт развелся с женой и женился на своей молоденькой секретарше.

Но вскоре рейхсмаршалу стало не до смеха. В ночь с 24 на 25 июля 1943 года 780 британских и американских «летающих крепостей» бомбили Гамбург. В период до 3 августа состоялось еще пять налетов. На город обрушилось 8,5 тысячи тонн бомб. Водопровод был выведен из строя, и возникшие пожары нечем было тушить. Порт с миллионным населением превратился в руины. Было разрушено 80% зданий, погибли 30 482 жителя. В налетах на Гамбург королевские ВВС потеряли 87 бомбардировщиков, а еще 174 были повреждены, в основном огнем зенитной артиллерии. ПВО Гамбурга опоздала, поскольку германские радары были ослеплены эффективным противорадарным средством — мелкими полосками станиоля (серебряной фольги), сбрасывавшимися с самолетов. На экранах радаров их было очень сложно отличить от настоящих бомбардировщиков, что затрудняло наведение на цели немецких ночных истребителей. В Гамбурге побывал Карл Боденшатц и доложил Герингу, что город превратился в огненный ад.

1 августа 1943 года Геринг вынужден был издать приказ, где в качестве приоритетной задачи для люфтваффе провозглашалась противовоздушная оборона как в дневное, так и в ночное время.

19 августа 1943 года, не выдержав трагедии Гамбурга и все ухудшавшихся отношений с Герингом, а также потрясенный успешным налетом британской авиации на Пенемюнде, застрелился начальник Генштаба люфтваффе генерал Ешонек. Фон Белов так описывает обстоятельства его самоубийства:

«В первые августовские дни мне позвонил адъютант Ешонека и попросил прийти к нему на завтрак. Я нашел начальника Генерального штаба люфтваффе в отчаянии. Геринг взвалил на него всю ответственность за постоянно усиливавшиеся бри-

танские бомбежки и в своих упреках был невыносим, необуздан, несправедлив и говорил не по существу. Я, как можно спокойнее побеседовав с Ешонеком, предложил ему явиться сегодня на обсуждение обстановки у Гитлера. Когда я доложил об этом фюреру, тот сразу согласился принять его, но сказал мне, что ни в коем случае не позволит Ешонеку покинуть свой пост, ибо не знает никого другого, кто мог бы руководить люфтваффе при несостоятельности Геринга. Ешонек пробыл у Гитлера почти два часа. Уходя, он поблагодарил меня за то, что я устроил ему неформальный прием у фюрера за обедом, но добавил: ему все-таки придется работать вместе с Герингом. Я видел, что разногласия между ними не устранены, но что делать, не знал. Утром 19 августа мне позвонил адъютант Ешонека и сообщил, что тот застрелился. Я оцепенел от неожиданности. Еще перед обсуждением обстановки в Растенбург прилетел Геринг. Я встретил его на аэродроме и проводил в ставку фюрера. Он передал мне два письма, оставленные для меня Ешонеком, и спросил, не говорил ли тот мне о чем-либо. Я с чистой совестью ответил отрицательно. Геринг захотел узнать содержание писем. Я отказался удовлетворить его любопытство и убрал письма в полевую сумку, а потом прочел их в спокойной обстановке.

Ешонек жаловался на отношение к нему Геринга, на его непрерывные телефонные звонки с упреками по поводу английских бомбежек, ответственность за которые главнокомандующий люфтваффе несправедливо возлагал лично на него. Он описывал свои тщетные попытки создать эффективные военно-воздушные силы. Эти письма очень взволновали меня, и вечером я сообщил их содержание Гитлеру, который упрекнул Ешонека в том, что своим самоубийством тот ничего не решил... Через несколько дней Ешонека похоронили поблизости от штаб-квартиры люфтваффе, а Геринг назначил начальником их Генерального штаба генерала Кортена».

Нужно заметить, что фон Белов негативно относился к Герингу и порой сгущал краски. Вряд ли Гитлер держал бы рейхсмаршала до последних дней во главе люфтваффе, если давно убедился в его неспособности руководить авиацией. Поступок же Ешонека фюрер, несомненно, расценил как дезертирство в самый напряженный момент борьбы.

Вскоре после гибели Ешонека Геринг созвал в своем кабинете в ставке Гитлера руководство люфтваффе и потребовал принять радикальные меры к тому, чтобы катастрофа,

подобная гамбургской, больше никогда не повторилась. Рейхсмаршал провозгласил, что теперь на Западе люфтваффе переходят к жесткой обороне, отказавшись от сколь угодно масштабных наступательных операций. Он потребовал концентрации всей истребительной авиации на обороне рейха. Ответные удары можно будет наносить только тогда, когда люфтваффе смогут получить новые самолеты и горючее от промышленности, надежно защищенной от воздушных налетов. Присутствовавший на совещании Галланд был поражен решимостью, которая овладела в тот момент и Герингом, и генералами люфтваффе, и руководителями авиапромышленности:

«После гамбургской трагедии были отброшены ведомственные амбиции, конфликты промышленности и люфтваффе, соперничество истребительной и бомбардировочной авиации. Было лишь всеобщее желание сделать все возможное для защиты рейха и не допустить национальной катастрофы».

Геринг был захвачен общим настроением. Он зашел в кабинет фюрера, чтобы получить от него одобрение предлагавшихся мер. Однако Гитлер отверг их, приказав продолжать наступательные операции в воздухе, и даже потребовал увеличить их масштабы. По словам Галланда, Геринг был совершенно сломлен, в его глазах были слезы. Но он опять убедил себя в том, что фюрер, как всегда, прав: «Надо нанести врагу на Западе такие удары, чтобы он не смог больше осуществить атаки, подобные гамбургской». И приказал возобновить воздушное наступление на Англию, хотя и знал, что у люфтваффе на это уже не было сил.

С помощью новых самолетов «Хе-177» и «Ю-188» командующему бомбардировочной авиацией Пельцу удалось возобновить воздушное наступление на Англию, однако стратегического значения оно не имело, поскольку бомбовый груз, который обрушивали немецкие самолеты на Англию, был на порядок меньше того, который приняли на себя Гамбург и другие немецкие города. Производство же тяжелых бомбардировщиков отвлекало ресурсы от производства истребителей, жизненно необходимых для ПВО рейха. Кроме того, конструирование и испытания четырехмоторных бомбардировщиков требовали значительных затрат времени,

а из-за неприятельских налетов немецкая авиация вынуждена была рассредоточиваться, в то время как тяжелым бомбардировщикам трудно было использовать полевые аэродромы.

5 октября 1943 года Гитлер обсудил с Герингом и Кортеном вопрос о том, как положить конец дневным налетам авиации противника. Фюрер настаивал, чтобы люфтваффе в первую очередь занимались отражением бомбардировок, иначе противник разбомбит всю военную промышленность Германии.

По словам фон Белова, в тот момент Гитлер «все еще высоко ценил Геринга, характеризуя его как человека «холодного, словно лед» в тяжелейших критических ситуациях. Фюрер говорил о нем: «Это человек железный и беспощадный. В наиболее тяжкие, критические времена Геринг всегда оказывался нужным человеком на нужном месте. А его тщеславие и тяга к роскоши — все это показное и сразу спадает с него, когда он нужен». Я был поражен тем, что Геринг еще пользуется у Гитлера таким авторитетом.

За эти месяцы мне не раз приходилось быть свидетелем, как Гитлер вызывал Геринга к себе и осыпал его резкими упреками. Когда я однажды сказал фюреру, что никак не могу совместить это с его обычно положительной оценкой Геринга, он ответил: ему иногда приходится быть более резким потому, что рейхсмаршал имеет склонность давать указания и приказы, не заботясь об их исполнении и контроле.

Сам Геринг зачастую воспринимал критику со стороны фюрера очень болезненно: «Гитлер обращался со мной, как с глупым мальчишкой!» Признаюсь, я тоже воспринимал это так, когда он отчитывал рейхсмаршала».

Выступая перед гауляйтерами 8 ноября 1943 года, Геринг заявил:

«К началу войны Германия была единственной в мире страной, которая располагала стратегической бомбардировочной авиацией, оснащенной самыми современными в техническом отношении самолетами... В массе своей авиация готовилась с таким расчетом, чтобы проникать глубоко во вражеский тыл, выполняя там задачи стратегического характера. Одновременно меньшая часть бомбардировочной авиации (в качестве пикирующих бомбардировщиков) и, само собой разумеется, все истребители должны использоваться непосредственно на поле боя».

Однако промышленность была не в состоянии удовлетворить все запросы люфтваффе, поэтому выбор был вынужденно сделан в пользу более простых в производстве и менее ресурсоемких самолетов. Поэтому Геринг и другие руководители люфтваффе выступали за прицельное бомбометание, необходимое для поддержки сухопутных войск. Это же требование они хотели ввести и для стратегических бомбардировщиков, что было совершенно нереально.

Осенью 1943 года Геринг говорил фон Белову о высочайшем авторитете, которым фюрер все еще пользовался в обществе. Это доверие к Гитлеру основывалось «на вере в то, что он дарован немецкому народу самим Провидением, избравшим его в качестве человека, способного устранить всю несправедливость, идущую со времен 1918 года. Эта вера заходила столь далеко, что нового падения Германии представить себе было невозможно». Фон Белов сделал вывод, что Геринг относится к Гитлеру и всей его деятельности вполне позитивно.

Налеты англо-американской авиации на города Германии все учащались, хотя союзники при этом тоже несли тяжелые потери. Чтобы их оправдать, в своих рапортах летчики бомбовозов сообщали об огромном числе сбитых немецких истребителей. Например, согласно американским данным, за первые 10 месяцев 1943 года американская бомбардировочная авиация в Европе потеряла 727 самолетов, уничтожив при этом 3320 немецких истребителей. Галланд по поводу этого отчета справедливо заметил:

«По количеству сбитых истребителей американцы преуспели точно так же, как и наше высшее командование в ходе битвы за Англию. Если бы заявления о числе сбитых самолетов хоть приблизительно соответствовали истине, то многомоторный бомбардировщик вряд ли бы встретил в конце 1943 года хоть какое-то противодействие истребителей над территорией рейха. Но когда в октябре американцы объявили о 864 сбитых самолетах, под Швейнфуртом они потерпели наиболее тяжелое поражение. После войны они признали свои ошибки, что видно на примере официального сообщения о налете на Лилль, совершенном в октябре 1942 года. Тогда участвовавшие в нем «летающие крепости» якобы сбили 102 немецких истребителя, но согласно немецким архивам, ставшим доступными после войны, в тот день было сбито всего два наших истребителя! В амери-

канском сообщении это приводится как показательный пример того, что невозможно проверить количество сбитых неприятельских самолетов со слов членов экипажей бомбардировщиков. Каждый стрелок, стрелявший в неприятельский самолет и видевший его падавшим вниз, приписывал его себе. Да, таков человек. И кто мог бы опровергнуть тогда эти показания? Над Лиллем два немецких истребителя рухнули на землю, а было сообщено о 102 сбитых самолетах. Следовательно, стрелков было 51».

К этому стоит добавить, что порой к сбитым относился любой задымивший «Me-109». Но конструкция мотора этого истребителя была такова, что на форсаже он часто дымил сам по себе.

Упомянутый Галландом налет на Швейнфурт 14 октября 1943 года был одним из самых опасных для германской экономики. Здесь располагался единственный в рейхе крупный шарикоподшипниковый завод, снабжавший своей продукцией германскую промышленность. В случае повторения налетов и выведения завода из строя на длительный срок вся германская экономика встала бы. Если бы налеты продолжались в течение четырех месяцев, военное производство впало бы в коллапс. К счастью для немцев, 60 из участвовавших в налете 315 «летающих крепостей» были сбиты, а еще 100 — повреждены. Из 300 немецких истребителей, участвовавших в бою, погибли 25, тогда как американцы донесли об уничтожении 228 самолетов противника, в 9 раз преувеличив свои заслуги.

Как констатирует Галланд, «осенью 1943 года потери среди американских бомбардировщиков резко увеличились, тогда как среди немецких истребителей по-прежнему не превышали допустимых пределов».

Однако к началу 1944 года в воздушных сражениях над Германией произошел перелом. Во-первых, союзники начали «челночные» бомбардировки. Соединения «летающих крепостей» вылетали из Англии и, отбомбившись, приземлялись на базах в Алжире, откуда опять взлетали в направлении Англии и бомбили германские города. Тем самым увеличилась интенсивность налетов и расширилась их география, что затруднило концентрацию германской истребительной авиации для противодействия бомбардировкам. Кроме того, с появлением в конце 1943 года американского

самолета «P-51» «мустанг» увеличился радиус действия истребителей сопровождения.

Когда 6 марта 1944 года 672 американские «летающие крепости» совершили свой первый массированный налет на Берлин, им смогли противостоять только 200 немецких истребителей, причем их потери на этот раз были вдвое больше, чем у противника. Если за весь 1943 год британские ВВС обрушили на Германию 136 тысяч тонн бомб, то за первые три месяца 1944 года — уже 56 тысяч тонн, то есть в 1,7 раза больше в месячном исчислении. По поводу этих налетов Геринг говорил Галланду:

«Немецкий народ воспринимает это как наказание Германии».

Геринг, едва ли не единственный из вождей рейха, неоднократно посещал германские города сразу после завершения наиболее мощных налетов союзной авиации, заходил в бомбоубежища и беседовал с людьми. Его по-прежнему любили, ему верили, шутливо называя «Толстяком». Говорили: «Он беспокоится о нашей судьбе — не то что другие вожди».

В качестве одного из способов борьбы с «летающими крепостями» всерьез рассматривалась возможность формирования эскадрилий из пилотов-смертников, которые должны были таранить вражеские бомбардировщики. Галланд вспоминал:

«В конце 1943 года среди прочих ко мне попало предложение, поступившее с фронта: таранить тяжелые бомбардировщики. Несомненно, эта мысль появилась под влиянием японских летчиков-камикадзе, которые в пике врзались в неприятельские цели вместе со своим самолетом. Такое самопожертвование уходит корнями в веру и традиции японцев, в их представления о героизме. Нам, европейцам, оно было чуждо по природе, хотя мы и могли восхищаться героизмом японцев. Поэтому я отказался от этой идеи. Но она все же положила начало формированию специальных, элитных частей истребительной авиации. Эти штурм-истребители должны были атаковать бомбардировщики плотным строем, с помощью мощного вооружения и с максимально близкого расстояния. В этом случае появлялась большая вероятность сбить бомбардировщик, но и сам истребитель тоже мог погибнуть с большей вероятностью. Если немецкий самолет был тяжело поврежден, летчик мог направить его на таран, а сам выброститься с парашютом.

После первоначального успеха экспериментальной эскадрильи раздался призыв к добровольцам, которые не замедлили откликнуться. На вооружении у штурм-истребителей имелись «Фокке-Вульф-190», оснащенные четырьмя 20-мм пушками, а позднее — двумя 20-мм и двумя 30-мм пушками. Летчика защищала дополнительная броня. Вскоре был сформирован первый штурм-полк. Он первоклассно проявил себя и достиг блестящих результатов при допустимом уровне потерь... Моей целью было к сентябрю 1944 года ввести в состав каждой из девяти групп истребителей ПВО рейха один штурм-полк, но осуществлению этого плана помешало вторжение в Нормандию».

Незадолго до этого Геринг одобрил предложение Галланда создать на Западе резерв летчиков-истребителей, то есть определенное избыточное число пилотов по отношению к имевшемуся в наличии количеству боеготовых самолетов. Это позволило части летчиков периодически отдыхать, что повысило их способность вести воздушные бои, в то время как все боеготовые самолеты использовались их товарищами. Общая численность летчиков-истребителей в воздушном флоте «Рейх» должна была достигнуть 2000. К концу мая резерв составлял уже 490 летчиков. Но высадка союзников на континенте 6 июня опрокинула и этот план, поскольку весь резерв пришлось использовать в Нормандии.

Интересно, что немцы все-таки разработали вариант самолета для пилотов-смертников. Это был пилотируемый вариант крылатой ракеты «Фау-1», который доставлялся в район цели самолетом-носителем. После отделения от носителя пилот ракеты должен был прицельно спикировать на цель, а затем выброситься с парашютом. Однако шансов выжить при прыжке на скорости пикирования 800 км/ч было немного. До конца войны было изготовлено 175 пилотируемых крылатых ракет, но из-за многочисленных катастроф при испытаниях до их боевого применения дело так и не дошло.

В начале 1944 года против западных союзников действовали 82% всей истребительной авиации люфтваффе. Но этих сил все равно не хватало для защиты рейха и жизненно важных объектов на оккупированных территориях и в странах-союзниках (например, румынских нефтепромыслов). Всего в 1944 году немцы потеряли на Востоке 729 истребителей, а на Западе — 2634.

Уже с июня 1944 года вследствие бомбардировок союзной авиацией заводов по производству синтетического горючего люфтваффе больше не могли получать авиабензин в требуемом количестве. Накопленных запасов хватило только до осени. В сентябре 1944 года вместо требуемых 160 тысяч тонн авиабензина люфтваффе получили только 30 тысяч тонн, что исключало возможность ведения каких-либо активных действий. К концу года сухопутные войска Германии также столкнулись с острым дефицитом горючего.

27 мая 1944 года руководство авиапромышленностью, ранее сосредоточенное в руках Мильха, было передано в ведомство Шпеера. 20 июня Мильх лишился и остальных своих постов, кроме должности главного инспектора люфтваффе.

В ночь с 21 на 22 июня 1944 года 200 германских дальних бомбардировщиков из состава 4-го воздушного корпуса провели свою последнюю стратегическую операцию, атаковав аэродром в Полтаве. Туда за несколько часов до этого прибыли 114 «летающих крепостей» 8-й американской армии, которые летали из Италии для бомбардировок Германии, а потом приземлялись на полтавском аэродроме. Это был их второй и последний рейд с использованием советских аэродромов. Благодаря внезапности нападения было уничтожено 43 бомбардировщика и 15 сопровождавших их истребителей «мустанг», а еще 26 бомбардировщиков были

повреждены. Погибли также несколько советских самолетов. Были и людские жертвы — один американец и 25 советских граждан, в том числе известный журналист Петр Лидов, первым рассказавший о подвиге Зои Космодемьянской. Сгорело 1200 тонн горючего. На следующий день бомбардировке подверглись аэродромы в Пирятине и Миргороде, где тоже базировались «летающие крепости». На этот раз американцы успели спрятать свои самолеты в ангары, и немцы довольствовались уничтожением топлива и боеприпасов. Однако все это уже никак не могло повлиять на исход воздушной битвы над Германией.

К отражению высадки союзников в Нормандии люфтваффе оказались совершенно не готовы. Весной и летом 1944 года в 3-м воздушном флоте, действовавшем на Западе, насчитывалось всего 50 самолетов-разведчиков, что крайне ограничивало немецкие возможности по определению мест действительной концентрации союзных войск.

Гюнше так описал встречу Гитлера и Геринга в ставке в день высадки союзников в Нормандии:

«Во время разговора с Кейтелем и Йодлем Гитлеру доложили, что приехал Геринг. Он поспешил к нему навстречу. Геринг был уже в вестибюле. Гитлер, с сияющим лицом, схватил обеими руками правую руку Геринга и взволнованно воскликнул: «Вы уже слышали? Сегодня утром англо-американцы все-таки высадились во Франции, и как раз в том месте, где мы и ожидали! Мы их снова выбьем оттуда!»

К ним подошли Кейтель и Йодль. Гитлер выхватил из рук Йодля карту и разложил ее на стоявшем поблизости столике. Гитлер и Геринг нагнулись над картой и принялись искать пункты, где высадились англо-американские войска. Затем все четверо стали совещаться о мероприятиях против десантных войск противника».

Гитлер действительно ожидал высадки союзников в Нормандии и именно там сконцентрировал все свои танковые резервы, в том числе переброшенные с Востока. Однако господство союзников в воздухе не позволило в полной мере использовать немецкие танковые дивизии для контратак. Еще на подходе к линии фронта они понесли большие потери от ударов неприятельской авиации, а потом были раз-

биты в боях с превосходящими их по численности американскими и британскими танковыми соединениями, поддержанными господствовавшей в воздухе союзной авиацией. В такой обстановке качественное превосходство немецких «тигров» и «пантер» уже не играло большой роли.

Уже после войны, 18 июня 1945 года, Геринг заявил допрашивавшим его советским представителям:

«Первые сомнения относительно удачного исхода войны появились у меня после высадки союзных войск в Нормандии, а когда русские армии прорвали фронт на Висле, а англичане и американцы одновременно начали наступление на Западе, я понял, что дело плохо, и к концу января 1945 года у меня уже не осталось никаких надежд».

Поражение в Нормандии и разгром группы армий «Центр» в Белоруссии подвигли заговорщиков из числа высших офицеров и генералов сухопутных войск не откладывать больше покушения на Гитлера. 20 июля 1944 года Геринга в ставке не было. Тогда погиб начальник Генштаба люфтваффе Кортен. Боденшатц получил контузию барабанных перепонок и ожоги рук. За участие в заговоре был арестован племянник Геринга Эрнст, но рейхсмаршалу вскоре удалось добиться его освобождения.

Позже, уже в Нюрнбергской тюрьме, психолог доктор Густав Гильберт сказал Герингу, что ему кажется, будто немцы в подавляющем большинстве хотели бы, чтобы покушение удалось. Геринг в ответ презрительно фыркнул:

«Не придавайте значения тому, что немцы говорят теперь! Я-то знаю, что они говорили тогда, и их нынешние высказывания меня совершенно не интересуют. Я помню, как народ приветствовал и превозносил нас в те времена, когда все шло чудесно. Наш народ я знаю слишком хорошо!»

Геринг не врал. Он судил о народных настроениях не только по беседам с преданным Робертом Кроппом, но и по секретным сводкам гестапо.

Знаменитый пилот пикирующего бомбардировщика «Ю-87» Ганс Рудель, единственный летчик, награжденный Золотыми дубовыми листьями с мечами и бриллиантами к Рыцарскому кресту, так описывает свою встречу с Герингом в замке Маутерндорф летом 1944 года:

«Я впервые приземляюсь в Нюрнберге и отправляюсь в замок его предков. Войдя во двор, с удивлением вижу Геринга, наряженного в средневековый германский охотничий костюм и в компании лечащего врача, стреляющего из лука в ярко раскрашенную мишень. Он не обращает на меня никакого внимания, пока не расходует весь запас стрел. Я с удивлением вижу, что он ни разу не промахнулся. Я только надеюсь, что он не заставит меня соперничать с собой: он должен понимать, что из-за раненого плеча я не могу держать лук, а тем более — стрелять из него. То, что во время доклада я одет в унты, ясно указывает на мою физическую слабость. Он говорит мне, что часто занимается спортом во время отдыха, это способ поддерживать себя в форме и его доктор волей-неволей должен присоединиться к нему в этом приятном времяпрепровождении. После скромного ужина в кругу семьи, на котором присутствует генерал Лёрцер, я узнаю причину своего вызова. Он награждает меня Золотой медалью пилота с бриллиантами и просит сформировать эскадрилью, вооруженную новыми «Мессершмитта-ми-410» с 50-мм пушками, и принять над ней командование. Он надеется, что с этим самолетом нам удастся совладать с четырехмоторными бомбардировщиками, которые использует противник. Поскольку я только что был награжден «Бриллиантами», мне кажется, что он хочет превратить меня в пилота-истребителя. Он мыслит категориями Первой мировой войны, во время которой летчики, награжденные «Pour le Mérite», были обычно пилотами-истребителями, как и он сам. Он предрасположен к этой ветви люфтваффе и к тем, кто к ней принадлежит, и хотел бы включить меня в эту категорию. Я говорю ему, что очень хотел стать пилотом-истребителем раньше и что именно этому помешало. С того времени я приобрел ценный опыт пилота-пикировщика и не хотел бы ничего менять, поэтому прошу его оставить эту идею. Затем он говорит мне, что заручился согласием фюрера на это назначение, хотя тому и не очень понравилась идея отстранить меня от полетов на пикирующих бомбардировщиках. Тем не менее фюрер согласился с ним в том, что я ни в коем случае не должен больше приземляться в тылу у русских ради того, чтобы спасти другие экипажи. Это приказ. Если экипажи должны быть спасены, то в будущем этим должны заниматься другие. Такое требование беспокоит меня — ведь частью нашего кодекса является правило: «Все сбитые будут спасены». Я считаю, что должен заниматься их спасением сам, потому что мне в силу моего большого опыта это сделать легче, чем кому-либо еще. Если это вообще должно быть сделано, тогда я — именно

тот человек, который должен это выполнить. Но возражать сейчас — означало бы зря тратить силы. В критический момент нужно действовать так, как это диктует необходимость».

Любопытно, что, в отличие от Руделя, другие деятели люфтваффе, принадлежавшие к истребительной авиации, например Галланд, в послевоенных мемуарах утверждали, что Геринг питал явное пристрастие как раз к бомбардировочной авиации в ущерб истребительной. Эти расхождения могут свидетельствовать о том, что на самом деле позиция Геринга по поводу развития различных родов авиации была достаточно сбалансированной.

Несколько дней спустя Рудель был вызван в Берхтесгаден к Гитлеру для очередного награждения и вновь встретился с Герингом, на этот раз в охотничьем домике рейхсмаршала в Оберзальцберге:

«Его дочь Эдда — уже совсем взрослая девочка, ей позволяют сидеть с нами... Дом и сад отличает по настоящему хороший вкус, в них нет ничего вульгарного или шикарного. Семья ведет простую, скромную жизнь. Я получаю официальную аудиенцию в светлом кабинете с многочисленными окнами, из которых открывается величественная панорама гор, сверкающих в весеннем солнце. Геринг, без сомнения, питает слабость к старинным обычаям и костюмам. Я просто не знаю, как описать его одяние. Это разновидность тоги, какую носили древние римляне. Она красновато-коричневого цвета и скреплена золотой брошью. Все это для меня в новинку. Он курит трубку длиной до самого пола, с раскрашенной фарфоровой чашечкой на конце... Немного понаблюдав за мной, он начинает говорить. Я вызван для нового награждения. Он прикалывает мне на грудь Золотую медаль фронтовой службы с бриллиантами в ознаменование моих двух тысяч боевых вылетов. Это совершенно новая медаль, которой никого прежде не награждали, потому что только я совершил столько вылетов. Она сделана из чистого золота, в центре платиновый венчик с перекрещенными мечами, под которыми выложено крошечными бриллиантиками число 2000...

Затем мы обсуждаем ситуацию, и он полагает, что я должен, не теряя времени, вернуться на свою базу... Он говорит мне о том, что в моем секторе готовится крупномасштабное наступление и сигнал к его началу будет дан в течение нескольких дней. Он только что вернулся с совещания с фюрером, на котором вся ситуация обсуждалась до мельчайших деталей, и удив-

лен тому, что я не заметил этих приготовлений на месте, поскольку в этой операции будут участвовать приблизительно триста танков. Я напряженно вслушиваюсь. Число «триста» изумляет меня. Это в порядке вещей для русских, но столько танков на нашей стороне? Я отвечаю, что с трудом могу в это поверить, и спрашиваю его, не мог бы он назвать эти дивизии и количество танков, которые они имеют в своем распоряжении, потому что я совершенно точно информирован о большинстве подразделений в моем секторе. Накануне отлета с фронта я разговаривал с генералом Унрейном, командиром 14-й танковой дивизии. Он с горечью пожаловался мне, что у него на всю дивизию остался лишь один танк и даже эта машина не могла считаться боеспособной, потому что он приказал оснастить ее для наземного контроля воздушных полетов. Эта конструкция представляла для него гораздо большую ценность, чем боеспособный танк, поскольку, обладая хорошей связью со «штуками», он мог нейтрализовать с их помощью многие цели, которые его танки сами по себе не могли бы вывести из строя. Я, таким образом, совершенно точно знаю, сколько танков находится в 14-й бронетанковой дивизии. Рейхсмаршал с трудом верит мне, поскольку располагает совершенно другими цифрами. Он говорит мне полусуто: «Если бы я вас не знал, за такие слова посадил бы вас под арест. Но мы сейчас все это выясним». Он подходит к телефону и соединяется с начальником Генерального штаба.

— Вы только что сообщили фюреру, что для участия в операции «Х» предназначены три сотни танков.

— Да, верно.

— Я хочу знать названия этих дивизий и каким количеством танков они располагают. У меня тут находится человек, хорошо знакомый с ситуацией.

— Кто это? — спрашивает начальник Генштаба.

— Это один из моих людей.

Начальник Генштаба, к несчастью для него, начал именно с 14-й танковой. Он говорит, что дивизия располагает 60 танками. Геринг еле сдерживается:

— Мой человек утверждает, что в 14-й — всего один танк!

На другом конце линии воцаряется долгое молчание.

— Когда он оставил фронт?

— Четыре дня назад.

Вновь тишина. И затем:

— Сорок танков находятся в пути. Остальные — в ремонтных мастерских, но непременно окажутся в своих частях к нужной дате, так что эта цифра верная.

Он дает тот же самый ответ для всех дивизий. Рейхсмаршал с яростью бросает трубку:

— Вот так делаются дела! Фюреру представляют ложную картину, которая основана на неверных данных, и при этом еще удивляются, когда операция не приносит успеха, на который рассчитывали. Сегодня, благодаря вам, это нашло свое объяснение, но как часто мы строили свои надежды на таких вот утопиях! Вся сеть коммуникаций в юго-восточной зоне беспрестанно подвергается вражеским бомбежкам. Кто знает, сколько танков из этих сорока, например, вообще достигнут фронта и когда именно это произойдет? Кто знает, смогут ли ремонтные мастерские получить вовремя запасные части и, если они их получают, закончат ли ремонт в отведенное время? Я должен немедленно доложить обо всем фюреру.

Он говорит с гневом, затем наступает тишина.

После возвращения на фронт я все еще обдумываю то, о чем только что услышал. В чем цель этих фальшивых докладов? Случайно это делается или намеренно? В любом случае это играет на руку врагу. Кто и в каких кругах совершает все эти гнусности?»

В августе 44-го, вскоре после покушения Штауффенберга, Гитлер беседовал о Геринге с фон Беловым, контуженным во время покушения. Адъютант вспоминал:

«Фюрер высказался в том смысле, что падения Геринга он не желает и пойти на это не может. Заслуги Геринга уникальны, и может случиться так, что тот ему еще понадобится. Гитлеру было ясно: с люфтваффе Геринг не справился не в последнюю очередь из-за своей бездеятельности, а также и потому, что он, фюрер, слишком считался с ним как со своим «старым другом». Но, переходя к последним событиям, Гитлер говорил: он знает, что Геринг — на его стороне».

По утверждению фон Белова, в конце сентября Гитлер хотел назначить фактическим командующим люфтваффе риттера фон Грейма, но от этой идеи отказался, возможно, потому, что Геринг и Грейм не слишком ладили друг с другом. Трудно сказать, действительно ли у Гитлера было такое намерение, или адъютант, невзлюбивший рейхсмаршала, предпочел выдать желаемое за действительное, ведь ни Гитлер, ни Геринг, ни Грейм мемуаров не оставили.

1 марта 1940 года был заключен контракт с конструктором Вилли Мессершмиттом на изготовление опытных образцов реактивных истребителей «Me-262». Их разработка началась еще осенью 1938 года, когда технический департамент подписал с фирмой «Мессершмитт А. Г.» соглашение о проектировании самолета под два турбореактивных двигателя, работы над которыми шли на заводах BMW. Ожидалось, что новые двигатели BMW P 3302 смогут развить тягу до 600 кг и будут готовы для установки к декабрю 1939 года. С самого начала конструкторы «Мессершмитта» рассматривали самолет в качестве перехватчика. Запустить в массовое производство его удалось только в 1944 году. Главной проблемой стали двигатели — их доработка заняла много лет.

Геринга обычно обвиняют в том, что он вовремя не осознал значения реактивной авиации и из-за его некомпетентности внедрение реактивных истребителей в серийное производство затянулось. На самом деле Геринг не виноват. Требование Гитлера переделать «Me-262» в истребитель-бомбардировщик, вопреки распространенному мнению, тоже практически не сказалось на сроках его запуска в серию.

В декабре 1943 года в авиационном центре в Инстербурге Гитлеру были продемонстрированы возможности «Me-262». Фюрер, по свидетельству Галланда, спросил Геринга: «Этот самолет может нести бомбы?»

Геринг посоветовался с Мессершмиттом и ответил: «Да, мой фюрер. Теоретически может. У него достаточно мощностя, чтобы нести 500 и даже 1000 килограммов груза».

Как отмечает Галланд, «всякий специалист понимал, что этот ответ был чисто гипотетическим. «Me-262» не имел ни бомбовых прицелов, ни приспособлений для бомбомета-

ния. По своим летным качествам и условиям безопасности он не мог точно сбрасывать бомбы на цель, пикировать или планировать, поскольку это неизбежно привело бы к превышению максимально допустимой скорости и сделало бы самолет неуправляемым. На низких же высотах потребление горючего становилось столь большим, а дальность полета уменьшалась столь значительно, что ни о каких атаках на низких высотах и речи быть не могло. Оставалась только бомбардировка с больших высот, целью которой мог быть лишь крупный город. Но кто мог объяснить все это Гитлеру?»

5 декабря 1943 года Геринг направил телеграмму руководству люфтваффе, в которой отмечал:

«Фюрер уделил особое внимание настоятельной необходимости выпуска реактивных самолетов в варианте истребителя-бомбардировщика. Крайне важно иметь в виду, чтобы люфтваффе получили необходимое число таких самолетов для начала их использования к весне 1944 года. Все проблемы с людскими ресурсами и с материалами должны решаться за счет резервов люфтваффе, для чего существующие запасы должны быть расширены. Фюрер считает, что любая задержка является проявлением преступной безответственности. Фюрер потребовал регулярного предоставления докладов о положении дел с «Me-262» и «Ar-234».

Хотя авиастроители фактически проигнорировали указание Гитлера, в течение первых месяцев 1944 года проводились активные работы по оснащению истребителя одной 500-килограммовой или двумя 250-килограммовыми бомбами, подвешиваемыми как на обычных, так и на довольно нестандартных держателях. Двигатель Jumo-004, разработанный Юнкерсом, был запущен в массовое производство только в июне 1944 года. Его доводка тормозилась нехваткой никеля и хрома, необходимых для изготовления жаропрочных лопаток турбин, и непрекращавшимися бомбардировками англо-американской авиации, заставившими разукрупнить авиационное производство и упрятать его в шахты, где коррозия и пыль чрезвычайно мешали производству.

Гитлер хотел сделать из «Me-262» скоростной истребитель-бомбардировщик. Не учитывая, что подвешенные под крылья бомбы увеличивают вес и ухудшают аэродинамические качества, в результате чего реактивный истребитель теряет свое преимущество в скорости (до 865 км/ч) над винтомотор-

ными самолетами. В конце концов в истребитель-бомбардировщик превратили реактивный «арадо» («Ар-234»), который мог нести три 500-килограммовые бомбы. При тех же двигателях он имел большие размеры и вес, в результате чего его скорость достигала лишь 750 км/ч. Реактивные «арадо» использовались, в частности, для бомбардировки американских войск в ходе Арденнского контрнаступления.

29 мая 1944 в Оберзальцберге Геринг переговорил с Мессершмиттом, генералами Боденшатцем, Галландом и Нортонном и подполковником Петерсенем по поводу «Ме-262». Геринг сказал:

«Чтобы избежать кривотолков, я полагаю использовать только термин «сверхскоростной бомбардировщик», а не «истребитель-бомбардировщик». Соответственно, контроль над работами переходит к командующему бомбардировочной авиацией». Специально для Галланда Геринг пояснил:

«Это не означает, что фюрер рассматривает самолет только в качестве бомбардировщика. Он много ожидает от самолета и в качестве истребителя. Фюрер только хочет, чтобы были решены вопросы, связанные с подвеской бомб, механизмом бомбосброса и прицеливания, а также выработки тактики бомбометания». Когда же Мессершмитт произвольно назвал в дальнейшем разговоре «Ме-262» истребителем, Геринг немедленно потребовал прекратить «использование этого термина». Геринг не хотел рисковать своей репутацией перед Гитлером и закончил дискуссию словами:

«Все, что прикажет фюрер, должно исполняться беспрекословно!»

7 июня 1944 года Гитлер подтвердил свои требования заместителю Шпеера Карлу Зауру. Первые партии самолета выпускались исключительно в варианте бомбардировщика. Доводка истребительного варианта разрешалась, но только после отладки конструкции истребителя-бомбардировщика.

Только 4 ноября 1944 года под давлением Геринга и руководителей люфтваффе Гитлер разрешил выпускать «Ме-262» в качестве истребителя, оговорив при этом возможность подвесить к нему 250-килограммовую бомбу.

До этого времени успели произвести некоторое количество «Ме-262» в истребительно-бомбардировочном варианте.

Они получили прозвище «Штурмфогель». Их переделывали из перехватчиков. Первые «Me-262A-2a» стали сходить со сборочной линии с июля 1944 года. От «Me-262A-1a» они отличались только установкой двух держателей под пару 250-килограммовых или одну 500-килограммовую бомбу и имели две 30-мм пушки. Точность бомбометания соответствовала «ФВ-190», но с «Me-262A-2a» было трудно идентифицировать малоразмерные цели.

До конца 1944 года было изготовлено 452 «Me-262», в январе — феврале 1945 года — еще 380 машин. Часть из них до октября 44-го выпускались как истребитель-бомбардировщик с двумя 250-килограммовыми бомбами. До мая 1945 года было изготовлено также около 200 «Ar-234». Из-за острой нехватки горючего и подготовленных экипажей примерно половина всех реактивных самолетов так и не смогла принять участие в бою.

Обычно «Me-262» одерживали верх над винтомоторными истребителями, однако счет потерь во многом сравнивался из-за большого числа реактивных самолетов, разбившихся по техническим причинам — из-за отказа двигателей и ошибок пилотов.

Был создан и реактивный «народный истребитель» «He-162», дешевый в производстве и простой в управлении. Его спроектировали за три месяца, и уже 6 декабря 1944 года «He-162» совершил свой первый полет. Считалось, что его смогут пилотировать летчики, прошедшие ускоренную подготовку по сокращенной программе. До конца войны успели произвести лишь 150 самолетов, еще около 800 находились на разной стадии сборки. К счастью для немецких пилотов, «народный истребитель» не успел принять участие в боях. Он имел плохую устойчивость, и массовая гибель плохо подготовленных пилотов была бы неизбежна. К концу войны заканчивались разработки и сверхзвуковых самолетов, и самолетов с изменяющейся стреловидностью крыла, но изготовить их немцы не успели.

25 апреля 1945 года Адольф Галланд, командир специальной эскадрильи, сообщил своим подчиненным:

«С военной точки зрения война проиграна. Наши действия ничего не изменят... Но я буду продолжать сражаться, потому что

полеты на «Me-262» мне нравятся и я горжусь тем, что принадлежу к последним летчикам-истребителям люфтваффе».

В целом в заслугу Герингу может быть поставлен невероятный прогресс германской реактивной авиации. Таким образом руководство люфтваффе пыталось преодолеть подавляющее количественное превосходство союзников. Конечно, у реактивной авиации еще было много «детских болезней». Недостаточно «доведенные» реактивные двигатели порой останавливались в полете, из-за особенностей турбореактивного двигателя удельный расход топлива был чрезмерным, самолет отличала большая длина разбега при взлете и пробега при посадке, а значительный вес ограничивал горизонтальную маневренность и повышал посадочную скорость. Но нельзя винить рейхсмаршала в том, что он не успел довести реактивные самолеты до ума — до полностью безопасных и по всем статьям превосходивших винтовые машины образцов. Вспомним, что союзники, захватившие всю немецкую документацию и многие образцы, смогли создать надежные реактивные боевые самолеты только в начале 50-х годов, в период Корейской войны. Люфтваффе для этого попросту не хватило трех-четырех лет.

Если бы Вторая мировая война продлилась немного дольше или, наоборот, разработку реактивных истребителей в Германии начали чуть раньше, то, возможно, люфтваффе смогли бы вернуть себе господство в воздухе или, по крайней мере, на равных бороться против авиации союзников. Но форсированная работа над проектом «Me-262» началась только с 1943 года, когда люфтваффе уже теряли господство в воздухе. Прежде же, когда дела люфтваффе вроде бы обстояли неплохо, развитие реактивной авиации не могло быть высшим приоритетом. Точно так же в Англии и США, полагаясь на свое превосходство в винтовой авиации, не форсировали разработку реактивных самолетов. В этом плане Геринг оказался дальновиднее своих английских и американских коллег, поскольку все же позволил к 1943 году реактивным разработкам продвинуться достаточно далеко.

Создание другого «чудо-оружия», или «оружия возмездия», ракеты «Фау-1» («V-1»), относящейся к классу крылатых, и «Фау-2» («V-2»), первой в мире баллистической ракеты, курировал не Геринг, а Гиммлер. Рейхсмаршал лишь однажды посетил ракетный полигон Пенемюнде. Это случилось 13 октября 1944 года, когда там проходили испытания зенитной ракеты «вассерфаль». Вот как описал визит Геринга глава германской ракетной программы конструктор генерал-майор Вальтер Дорнбергер:

«Со стартового стола ракета взмывала вертикально вверх — точно так же, как и «А-4» («V-2»). Она управлялась по радио. Оператор наблюдал ее визуально и наводил на цель. Ракета могла эффективно поражать цель в радиусе 25 км и на максимальной высоте 17,5 км. Ей удавалось достичь максимальной скорости 216 км/ч... В этот день нашим почетным гостем был Герман Геринг. Поприветствовав сотрудников министерств вооружений и авиации, прибывших на испытание, он прошел к большому ангару из гофрированного железа, где мы разместили модели и чертежи ракет. Я выделялся на фоне толпы в мундирах люфтваффе своим мундиром сухопутных войск. Повернувшись, Геринг удивился. Заур представил меня.

С осени 1939 года, когда мы устроили демонстрационный показ на экспериментальной станции «Куммерсдорф», мне не доводилось видеть Геринга. Он изменился столь разительно, что я не поверил своим глазам... В первую очередь я обратил внимание на блестящие красные кавалерийские сапоги из мягкой марокканской кожи, с серебряными шпорами. На Геринге была просторная шинель на меховой подкладке и с толстым меховым воротником из меха австралийского опоссума. Он шел тяжело и неловко из-за тучности и маленьких ступней. Когда он подошел ко мне, полог шинели распахнулся, и я увидел под ней

светло-серый мундир люфтваффе, а на нем россыпь наград. Фантастический облик рейхсмаршала дополнял походный вариант маршальского жезла. На толстых пальцах мягких рук блестяли платиновые кольца с рубинами. Когда-то энергичные черты лица заметно оплыли, глаза беспокойно бегали. Он выглядел как пресыщенный сластолюбец, потерявший интерес к жизни. Теперь, когда наше положение в воздухе стало поистине отчаянным, он был уныл и мрачен...

В ангар я зашел вместе с Герингом. Пока начальники отделов рассказывали о своих ракетах, Геринг прохаживался по помещению, изучая развешанные по стенам чертежи, или скорее делал вид, что они его интересуют. Я держался сбоку от него. Примерно каждые пять минут глаза у него закатывались так, что видны были только белки. Тогда, покачиваясь, он начинал рыться в карманах шинели, доставал маленькую розовую пилюлю и глотал ее. После этого он приободрялся и приобретал почти нормальный вид. Пять минут спустя представление повторялось. Когда докладчик в смущении останавливался, он постукивал жезлом по моделям и чертежам и восклицал: «Так держать!» Ему было очень трудно собраться с мыслями. Через полчаса он несколько оживился, задал два-три саркастических вопроса и заявил в заключение: «Все это я уже слышал девять месяцев назад. Покажите мне что-нибудь новенькое!»

Мы поднялись на крышу небольшого корпуса зенитных ракет. Когда Геринг карабкался по наружной лестнице, он вытащил из кармана тяжелый пистолет и стал подбрасывать и ловить его. Это продолжалось до тех пор, пока адъютант не отобрал у Геринга оружие, указав, что оно заряжено.

В 100 метрах от корпуса стояли в ряд четыре разные ракеты. Вскоре взлетела первая из них. Погода была скверной. Грозовые облака плыли по небу на высоте двух километров. Через несколько секунд все ракеты исчезли в вышине. Разумеется, проверить, влияло ли на них дистанционное радиоуправление, не было ни малейшей возможности. Геринг вышел из себя и зарорал: «Если это все, что вы можете мне показать, то убирайтесь к черту! Я все это видел год назад, и ничего не изменилось!»

Спустившись по лестнице, он увидел меня и спросил: «А когда вы собираетесь стрелять? Я хочу увидеть «А-4».

По пути к большому измерительному корпусу я сказал ему, что ракетная установка «А-4» стоит в лесу на подвижном лафете, и добавил несколько слов о ее дальности и точности. Похоже, настроение у Геринга улучшилось. Он смеялся, лицо его сияло. Он захотел осмотреть установку.

— Нам нужен час, — объяснил я. — Нас не предупредили заранее о показательных стрельбах. Ракета не готова к немедленному запуску.

— Так займитесь ею, — настаивал Геринг. — Сегодня мне хотели показать старые игрушки, которые не хотят выбрасывать.

Пока ракету готовили к запуску, Геринг совещался. Затем он заинтересовался:

— А где ракета?

— В целях безопасности мы отвезли ее в лес. Сейчас ее увидеть нельзя.

— Но я хочу ее видеть! — топнул ногой Геринг.

— Когда ее запустят, она будет медленно подниматься над лесом, — успокоил я его. — И вы увидите ее во всей красе...

Наконец над кронами деревьев поднялось густое облако дыма. Донесся глухой гул, свидетельствующий о подготовке к запуску. И наконец, ракета с оглушительным грохотом взмыла в воздух. Описав дугу, она легла на восточный курс и исчезла в облаках.

Геринг захохотал и повернулся ко мне, задев меня широкими полами своей шинели. Он обнял меня, хлопнул по спине и сказал:

— Потрясающе! Ее надо будет продемонстрировать первому съезду партии после войны!

Он произнес это 30 октября 1944 года! Я потерял дар речи.

После этого Геринг посмотрел на запуск ракеты «Х-4» класса воздух — воздух. Когда руководитель работ попросил Геринга обеспечить этому проекту высшую приоритетность в плане финансирования и выделения ресурсов, рейхсмаршал, грустно улыбнувшись, развел руками:

— Что толку в моей согласии? Не успею я вернуться домой, как какой-нибудь отдел Генерального штаба люфтваффе наверняка уже отменит мое решение. Сейчас у меня нет голоса даже в собственном хозяйстве.

Второй запуск тоже привел Геринга в восторг, он радостно зааплодировал, а потом рявкнул на своих спутников из люфтваффе:

— Почему у этих армейских ребят все получается, а у вас нет? Пусть они покажут вам, как надо работать!

С этими словами он и уехал».

Наверняка в тот момент Геринг уже понимал, что после войны никаких съездов НСДАП больше не будет, а состоится, скорее всего, какой-то международный суд над руководителями Германии. Он признал на Нюрнбергском процес-

се, что после успешной высадки союзников в Нормандии уже не надеялся на благоприятный исход войны. В октябре 44-го англо-американские войска уже стояли у западных границ рейха, а советская армия — на Висле и у границ Восточной Пруссии. И конечно же, никаких сомнений в поражении Германии у Геринга не было, так что повлиять на исход войны никакие приоритеты, отданные тем или иным разработкам, уже не могли. Но, разумеется, ничего этого он инженерам и конструкторам говорить не стал. Никаких ценных указаний Дорнбергеру и его коллегам Геринг дать не мог, да они от него их и не ожидали.

Рейхсмаршал говорил начальнику Генштаба люфтваффе Карлу Коллеру, сменившему на этом посту погибшего Кортена:

«Я болен, с меня достаточно всего этого... Сейчас я был бы не против умереть».

Во второй половине 1944 года люфтваффе начали ощущать дефицит хорошо подготовленных летчиков. Галланд писал по этому поводу:

«Снижение качества подготовки новых пилотов становилось все более серьезной проблемой, поскольку неприятель опережал нас как по качеству и количеству самолетов, так по опыту летчиков. Пилотов-новичков можно было посылать воевать только на Восточный фронт, где они могли постепенно набираться опыта. В битве же за Германию мастерство нужно было демонстрировать в каждом бою. Поэтому рос процент молодых и неопытных летчиков, которых сбивали раньше, чем они успевали совершить хотя бы десяток вылетов. Этот показатель в конце концов превысил 50-процентную отметку. Мы все больше уступали западным противникам как в технике, так и в подготовке летного состава. Соревнование же по количеству самолетов было нами уже давно проиграно.

В конце 1944 года существовало всего 15 летных школ, и в силу вышеуказанных причин их явно не хватало. Немецкий летчик-истребитель отправлялся на фронт, имея только 150 часов налета, тогда как у его американского противника эта цифра была почти в три раза больше... С самого начала у нас не было достаточных сил для того, чтобы выстоять в течение всей войны, когда люфтваффе пришлось сражаться на фронтах протяженностью в тысячи километров, одновременно защищая рейх от мощных атак воздушных армий».

Строго говоря, 150 часов подготовки летчика люфтваффе до того, как он вступал в бой, было все-таки втрое больше, чем 40–50 часов подготовки, которые имели в конце войны советские пилоты-новички. Поэтому Восточный фронт и рассматривался чуть ли не как курорт, хотя немецких истребителей к концу войны там уже почти не осталось.

Как утверждал Галланд, «авторитет Геринга со времени битвы за Англию непрерывно падал, особенно его влияние ослабло после гамбургской катастрофы... Человек, который был выбран преемником Гитлера, «самый преданный паладин фюрера», как он именовал себя с гордостью, создатель люфтваффе, возможно, единственный из национал-социалистических лидеров, кроме Гитлера, пользовавшийся настоящей популярностью в народе, устал от руководящей роли в общественной жизни. В конце 1944 года Геринг принял свою последнюю энергичную попытку вернуть доверие фюрера, люфтваффе и народа. Но было слишком поздно».

Эта попытка выразилась в том, что он созвал в штабквартире воздушного флота «Рейх» в Ваннзее совещание командующих всеми соединениями дневных и ночных истребителей. Вот как описал эту встречу Галланд:

«Геринг потерял контроль над собой и говорил слишком возбужденно. Его агрессивность и оскорбления никого не воодушевили, а вызвали лишь горечь и возмущение. Так можно говорить с солдатами только тогда, когда по-прежнему пользуешься у них безграничным доверием. А ведь во фронтовых частях в адрес рейхсмаршала раздавались весьма непочтительные замечания и остроты. Мы, летчики-истребители, были готовы сражаться и умирать и доказывали это неоднократно, но мы не желали выслушивать в свой адрес оскорбления и проклятья в связи с отчаянной ситуацией в небе над рейхом. А в заключение Геринг отдал уже совсем бессмысленный приказ — записать свою несуразную речь на пленку и прокручивать ее летчикам на аэродромах».

Вскоре после этого совещания в январе 1945 года Галланд был снят с поста командующего истребительной авиацией. Это вызвало бунт летчиков-истребителей, который возглавил полковник фон Лютцов. Он во главе делегации из нескольких командиров истребительных авиагрупп был принят

Герингом. Рейхсмаршал был вынужден уступить, после того как на сторону бунтовщиков встали начальник Генштаба Коллер и командующий 4-м воздушным флотом фон Грейм.

Фон Лютцов и его товарищи сообщили о тяжелом положении истребительной авиации. После этого Геринг вновь собрал совещание всех истребительных авиагрупп в Доме летчика в Берлине. На нем фон Лютцов подал Герингу меморандум, в котором обобщил основные претензии: преимущественное влияние командования бомбардировочной авиации; первоочередное оснащение самолетом «Me-262» бомбардировочных частей; невыполнимые требования к истребительной авиации, в том числе отказ учитывать плохую погоду; оскорбительные намеки и сомнения в боевом духе летчиков-истребителей, высказанные рейхсмаршалом, и отставка командующего истребительной авиацией.

Геринг посчитал Галланда истинным вдохновителем этого демарша. Рейхсмаршал был взбешен, обозвал летчиков мятежниками и пригрозил полковнику фон Лютцову военным судом. Двое суток спустя его отправили в Италию командующим истребительной авиацией. Галланду предписывалось в 12 часов покинуть Берлин, но он самовольно вернулся.

О «деле Галланда» узнал фюрер и приказал его немедленно прекратить. Галланду было поручено сформировать соединение «Me-262» и продемонстрировать боевые возможности реактивных истребителей в деле. В этой части стал служить и прощенный «бунтовщик» Гюнтер фон Лютцов, который погиб в самом конце войны.

Совещание Геринга с летчиками-истребителями происходило в дни последнего крупного немецкого наступления в Арденнах. Его первоначальный успех во многом был обусловлен тем, что шел снег и союзники не могли в полной мере использовать свое превосходство в воздухе. Но в последних числах декабря наконец установилась ясная морозная погода, и авиация союзников вновь обрела господство на всех высотах. Более 3000 бомбардировщиков нанесли массированные удары по тылам немецких войск, наступавших в Арденнах. Последней попыткой люфтваффе поддержать захлебывавшееся наступление стала операция «Боденплатте» («Ровная земля»).

Решение нанести серию сокрушительных ударов по аэродромам союзников было принято еще в начале ноября 1944 года. Его выполнение Геринг поручил командиру 2-го истребительного корпуса Дитриху Пельтцу. От операции «Боденplatte» ожидали «молниеносного» результата. Она началась по сигналу «Герман» утром 1 января 1945 года. К этому времени на 35 аэродромах, разбросанных от Бремена до Штутгарта, было сосредоточено и основательно замаскировано около 800 боевых самолетов. В основном это были «Me-109» и «ФВ-190» новейших модификаций, сведенные в 10-ю истребительную эскадру. Кроме них в операции участвовали бомбардировщики и штурмовики всевозможных типов, собранные по всей Европе, включая даже некоторые соединения ночных истребителей и бомбардировщиков.

Мощную группировку ослаблял человеческий фактор. Многие ветераны погибли в боях, и летчики в большинстве своем были 16–17-летними необстрелянными юнцами из так называемого «призыва Геринга». Внезапный удар обрушился на аэродромы в Бельгии, Голландии и Северной Франции. Из налета не вернулось более 200 немецких самолетов. 96 машин было сбито, причем две трети — зенитной артиллерией. Остальные разбились в авариях или приземлились на территории противника. Психологический шок от потерь был настолько велик, что уцелевшие летчики в этот день наотрез отказались повторно вылетать в бой (невиданный случай в истории люфтваффе). Им удалось уничтожить на аэродромах и в воздушных боях около 50 американских и 150 английских самолетов. Кроме того, около 100 самолетов союзников были настолько тяжело повреждены, что не подлежали восстановлению, а еще около 200 самолетов требовали длительного ремонта.

Несмотря на все это, операция не принесла стратегического успеха. Особенно чувствительными для люфтваффе оказались потери опытных пилотов. Поскольку большинство союзнических самолетов погибли на земле, потери в летном составе у них были не столь велики, да и резерв подготовленных пилотов был несравненно больше.

Как отмечал Галланд, хотя, по донесениям, было уничтожено около 400 самолетов союзников, «из-за страшного заградительного зенитного огня, который велся с атакуемых

аэродромов... а также в результате действий неприятельских истребителей и нехватки топлива наши потери составили в целом около 300 летчиков-истребителей, включая 59 ведущих командиров».

Союзная авиация сохранила подавляющее численное превосходство. Больше люфтваффе сколько-нибудь активной роли в войне не играли. Из-за нехватки топлива в воздух поднимались главным образом только реактивные самолеты. По этому поводу Дорнбергер заметил:

«Нам не доставало не истребителей, а бензина. Артерии, по которым доставлялось горючее, пересохли».

12 января 1945 года Геринг в последний раз пышно отметил свой день рождения (следующий ему пришлось встречать в камере нюрнбергской тюрьмы). Закусывали икрой, семгой, гусиным паштетом, основными блюдами были дичь и оленина из Шторфхайде. В изрядных количествах пили шнапс, бургундское, шампанское и коньяк. Поздравить Геринга пришел и опальный Мильх. Как бы извиняясь перед ним за невиданную роскошь стола, рейхсмаршал объяснил:

«Семейство Геринг всегда славилось хлебосольством. Сейчас уже не стоит себе в чем-либо отказывать. Скоро мы все получим пулю в затылок».

Геринг все еще верил в то, что фельдмаршалов не вешают...

В конце вечера Геринг налил себе «Наполеон» (другие гости довольствовались коньяком попроще) и провозгласил:

«Хайль Гитлер! Боже, помоги Германии!»

Правда, иногда рейхсмаршал тешил себя надеждой, что в последний момент удастся договориться с западными союзниками на антибольшевистской основе. Так, 27 января 1945 года, в разгар советского наступления к Одеру, на совещании у Гитлера произошел примечательный диалог:

«Гитлер. Вы думаете, англичане в восторге от событий на русском фронте?»

Геринг. Они, конечно, не предполагали, что мы будем сдерживать их, пока русские завоюют всю Германию... Они не рассчитывали на то, что мы как сумасшедшие станем обороняться против них, пока русские будут продвигаться все глубже и глубже в Германию и фактически захватят ее всю...

Йодль. Они всегда относились к русским с подозрением.

Геринг. Если так будет продолжаться, через несколько дней мы получим телеграмму от англичан».

Никаких телеграмм, разумеется, никто не получил. Последний всплеск надежд был связан со смертью Рузвельта. Это событие Гитлер и его соратники отметили шампанским в бункере рейхсканцелярии. Но и оно ни на йоту не приблизило Германию к сепаратному миру ни с одним из участников антигитлеровской коалиции.

Геринг весьма скептически относился к проекту «Русская освободительная армия» во главе с генералом Власовым. На совещании у Гитлера 27 января 1945 года рейхсмаршал так отозвался о власовцах:

«Они будут шататься в немецкой военной форме. Повсюду видеть этих молодых парней... Одно это раздражает народ... Выясняется, что эти люди Власова... власовцы там (в СССР. — Б. С.) так вяпались, что если их схватят, то обойдутся весьма сурово... Все, на что они способны, — это дезертировать, больше они ничего не умеют».

Гитлер же прямо заявил, что «от генерала Власова нет никакого проку» и что «Власов сбежит».

Геринг согласился с ним, но смешно было требовать энтузиазма от власовцев в последние месяцы существования Третьего рейха. Вряд ли их мог вдохновить лозунг: «Велика Германия, а отступить некуда. Позади — Берлин!»

31 января 1945 года Эмма вместе с другими членами семейства Геринг покинула Каринхалле и отправилась на юг, в Берхтесгаден. Вместе с ними на четырех грузовиках вывозили первую партию произведений из геринговской коллекции.

Каринхалле обороняла дивизия «Герман Геринг». Рейхсмаршал оставался в своем поместье, хотя понимал, что пребывает там последние недели. В середине февраля его навещал Шпеер. Геринг встретил его в охотничьем одеянии, со старинным кинжалом за поясом. Он выглядел очень уставшим. За ужином Шпеер ругал Гитлера, говорил, что разочаровался в человеке, чьим личным архитектором когда-то был. Геринг признавался, что прекрасно понимает Шпеера и сам испытывает сходные чувства по отношению к фюреру. «Но мне, в отличие от вас, порвать с Гитлером гораздо труднее. Вы присоединились к движению накануне триумфа

1933 года, меня же связывают с ним долгие годы борьбы, поражений и побед. Эти узы разорвать невозможно».

Вскоре к Каринхалле приблизились русские танки. Геринг лично проследил за упаковкой остатков своей коллекции, а также домашней утвари и мебели. На что он теперь надеялся, не вполне понятно. Он ведь наверняка понимал, что конец близок и коллекцией ему больше не владеть никогда. Да и жить вряд ли оставалось долго. Можно предположить, что Геринг рассчитывал, что Германия капитулирует раньше, чем горные районы Баварии превратятся в линию фронта и объект жестоких бомбардировок, и, таким образом, удастся, по крайней мере, сберечь шедевры для потомков.

Перед тем как навсегда покинуть Каринхалле, Геринг застрелил своих любимых зубров и оленей, чтобы они не достались врагу в качестве трофеев, и тепло попрощался с лесниками и егерями. Затем на автомобиле, за рулем которого находился верный Кропп, рейхсмаршал выехал в Берлин. Сопровождавший Геринга адъютант — полковник Браухич вспоминал, что за все время поездки тот ни разу не оглянулся.

С Каринхалле было покончено. Через несколько часов саперы парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» взорвали дом, постройки и мавзолей, не оставив от поместья камня на камне. Несколько месяцев спустя кто-то из советских офицеров обнаружил под грудой каменных обломков человеческий череп. Это все, что осталось от Карин. Геринг об этой находке уже не узнал.

Тем временем над рейхсмаршалом постепенно сгущались тучи. Показательна запись в дневнике Геббельса от 28 февраля 1945 года:

«Мы должны быть такими, каким был Фридрих Великий, и соответственно вести себя. Фюрер полностью со мной согласен, когда я говорю ему, что дело нашей чести — заботиться о том, чтобы, если в Германии каждые 150 лет будет возникать такое же критическое положение, наши внуки могли сослаться на нас как на героический пример стойкости. По стоически-философскому отношению к людям и событиям фюрер очень напоминает Фридриха Великого. Он говорит мне, например, что необходимо трудиться для своего народа, но что и это, может быть, лишь ограниченное дело для рук человеческих: кто знает, когда снова произойдет столкновение Луны с Землей и сгорит вся

наша планета? Однако, несмотря ни на что, наша задача — до конца выполнить свой долг. В этих вещах фюрер — тоже стоик и верный последователь Фридриха Великого. Он подражает ему сознательно и бессознательно. Это должно быть образцом для всех нас. Как искренне хотели бы мы подражать этому образцу! Если бы только Геринг не был такой белой вороной! Он не национал-социалист, он просто сибарит, не говоря уже о том, что он не последователь Фридриха Великого. Дениц, напротив, держится с таким благородством и внушает такое уважение! Он, как заявил мне фюрер, лучший специалист в своем деле. Сколькими удачами всегда радовал нас его военно-морской флот! Редер тоже был крупной личностью: во всяком случае, по отношению к нему (Гитлеру. — Б. С.) он проявлял слепую преданность и воспитал свой вид вооруженных сил в таком духе, который сегодня позволяет наверстать упущенное военно-морским флотом в мировой войне. Жалко, что не такой человек представляет партию, а представляет ее Геринг, у которого столько же общего с партией, сколько у коровы с исследованием радиации! Но, как сказано, эту проблему нужно теперь решить. Нет смысла замалчивать факты, и, если хотят щадить фюрера молчанием, это не принесет ему никакой пользы».

Очевидно, уже тогда у Гитлера и его окружения вызревала мысль заменить Геринга Деницем в качестве будущего преемника фюрера. И Гитлер, и Геббельс понимали, что жить им осталось считанные месяцы, но они хотели, чтобы в историю в качестве преемника вошел достойный, по их меркам, человек. Правда, еще оставалась надежда образумить Геринга. В той же записи Геббельс отметил:

«Я рассказал ему (Гитлеру. — Б. С.), что на днях читал книгу Карлейля о Фридрихе Великом... Я изложил ему некоторые главы из нее, которые его глубоко потрясли. Такими мы должны быть, и такими мы будем. Если кто-нибудь, вроде Геринга, идет совсем не в ногу, то его нужно образумить. Увешанные орденами дураки и некоторые надушенные фаты не должны быть причастны к ведению войны. Либо они исправятся, либо их надлежит устранить. Я не успокоюсь, пока фюрер не наведет здесь порядок. Он должен изменить Геринга внутренне и внешне или выставить его за дверь. Например, он (Геринг. — Б. С.) грубо нарушает правила приличия, повсюду появляясь при нынешнем военном положении в своей серебристо-серой форме. Как по-женски ведет он себя перед лицом событий! Надо надеяться,

что фюреру теперь удастся сделать из Геринга человека. Фюрер рад, что жена Геринга переселилась теперь в Оберзальцберг — она всегда оказывала на него только плохое влияние. Да и вообще все окружение Геринга не стоит и ломаного гроша. Оно не только не обуздывало его тягу к изнеженности и наслаждениям, а, наоборот, побуждало его предаваться им еще больше. Фюрер, напротив, очень хвалит простоту и ясность в образе жизни моей семьи. Только так сможем мы в нынешнее время быть на высоте положения».

Кстати, справедливости ради надо отметить, что, несмотря на аскетизм семьи Геббельса, сам министр пропаганды отнюдь не был образцом супружеской верности. Его романы с актрисами были хорошо известны и вызвали неудовольствие фюрера. Геринг же, при всем своем сибаритстве, хранил верность сначала Карин, а потом Эмми.

10 апреля 1945 года состоялась последняя встреча Геринга с Галландом. Генерал-лейтенант был удивлен, что рейхсмаршал пригласил его к себе в Оберзальцберг. Галланда поразило чрезвычайно любезный прием, а также то, что Геринг поддержал его предложение об использовании на «Me-262» летчиков бомбардировочной авиации, чтобы защитить рейх от воздушных налетов. По мнению Галланда, «рейхсмаршал, несмотря на наше резкое расхождение во взглядах в последнее время, начал понимать, что в конечном счете я оказался прав».

20 апреля 1945 года Геринг присутствовал на последнем праздновании дня рождения Гитлера в рейхсканцелярии. Фюрер к тому времени уже решил остаться в осажденном Берлине и покончить с собой, когда советские войска приблизятся к его бункеру, но еще не объявил о своем решении. Геринг попросил разрешения отбыть в Берхтесгаден, куда эвакуировалось Верховное командование люфтваффе. В последний раз Гитлер и Геринг обменялись рукопожатием.

Фон Белов вспоминал: «20 апреля 1945 года, в день 56-летия Гитлера, в Берлине собрались все видные деятели рейха. Я увидел Геринга, Деница, Кейтеля, Риббентропа, Шпеера, Йодля, Гимmlера, Кальтенбруннера, Кребса, Бургдорфа и других. Фюрер принимал поздравления, но сразу же вслед за тем приказал доложить о последних событиях. Потом он беседовал с отдельными лицами.

Геринг заявил Гитлеру, что у него есть важные дела в Южной Германии, и попрощался с фюрером. Возможно, ему еще удастся выехать из Берлина на автомашине. У меня создалось впечатление, что Гитлер внутренне уже просто не замечал Геринга. Момент был неприятный. Попрощался с Гитлером и гросс-адмирал Дениц, получив от него лаконичное указание принять на себя командование в Северной Германии и подготовиться к предполагавшимся там боям. Из слов фюрера можно было заключить, что он испытывает к гросс-адмиралу большое доверие. С остальными присутствовавшими — скажем, с Гиммлером, Кальтенбруннером и Риббентропом — Гитлер попрощался без особого энтузиазма».

22 апреля Гитлер сообщил тем, кто оставался в бункере, что надежды больше нет, что он останется в Берлине и застрелится в самый последний момент. Геринг же, мол, если захочет, пусть начинает переговоры с неприятелем. Присутствовавший при этом Йодль вызвал начальника Генштаба люфтваффе генерала Карла Коллера и попросил немедленно сообщить о решении Гитлера Герингу. Коллер связался со штабом Верховного командования люфтваффе в Оберзальцберге. К телефону подошел адъютант Геринга Браухич. Выслушав сообщение, он потребовал от имени Геринга, чтобы Коллер срочно вылетел к рейхсмаршалу для личного доклада.

Вечером того же дня Коллер записал в дневнике:

«Из Берлина прибыл офицер связи генерал Кристиан и сообщил: «Фюрер колеблется. Он полагает, что бороться уже бессмысленно, хотя сам хочет оставаться в бункере и защищать Берлин. Его документы и переписку сжигают на заднем дворе. Геббельс, госпожа Геббельс и их шестеро детей находятся с ними». «Зачем?» — спросил я. «Они убьют детей, а потом покончат с собой», — ответил Кристиан».

Коллер посетил Йодля, который подтвердил информацию Кристиана:

«Гитлер заявил, что останется здесь и застрелится в последний момент. Он физически не способен сражаться и боится раненым попасть в русский плен. Когда мы предложили ему отправить на Восток все войска с Западного фронта, он сказал, что не может принять такое решение, пусть всем займется рейхс-

маршал. Кто-то заметил, что ни один солдат не будет сражаться за рейхсмаршала, но Гитлер возразил на это, что речь идет не о вооруженной борьбе. Когда дело дойдет до переговоров, рейхсмаршал проведет их лучше других...»

Утром 23 апреля вместе со штабом ОКЛ Коллер был уже в Баварии. Штаб улетал с берлинского аэродрома на 15 самолетах «Ю-52». В полдень Коллер посетил Геринга в его резиденции в Берхтесгадене. При их беседе присутствовали начальник партийной канцелярии Филипп Булер — давний друг Геринга — и Браухич. Геринг заверил Коллера, что Булер — человек надежный и при нем можно обсуждать самые деликатные вопросы.

Начальник Генштаба люфтваффе подробно изложил содержание своих разговоров с Кристианом и Йодлем. Геринг и Боулер критиковали решение Гитлера остаться в Берлине. Геринга больше всего волновало, не назначил ли Гитлер своим преемником Мартина Бормана. Коллер заверил, что пока еще нет, но, когда он улетал, Гитлер был еще жив и мог принять какие угодно решения. Кроме того, нельзя было исключить, что он все-таки покинет Берлин. Коллер отметил, что для выхода из города еще оставались один или два коридора. Геринг попросил доложить ему о военной обстановке. Обстановка была мрачной. Начальник Генштаба люфтваффе после войны так пересказывал Фришауэру свой разговор с Герингом:

«Я полагал, что Берлин, возможно, продержится еще 7–8 дней... Не исключал и того, что Гитлер изменит свои планы. В любом случае пришло время действовать вам, господин рейхсмаршал! Своим вчерашним решением Гитлер назначил себя командующим войсками Берлина и практически отказался от политического управления государством и командования вермахтом».

Как видим, Коллер подталкивал Геринга к активным действиям. Боулер поддержал его. Они рассчитывали, что приход к власти Геринга позволит начать переговоры с западными державами и выговорить на антисоветской основе сохранение в какой-то форме германского государства и армии. Геринг вроде бы соглашался с их доводами, но все еще колебался:

«Мои отношения с Гитлером были в последнее время напряженными. Не мог ли он назначить своим преемником Бормана? Борман — мой смертельный враг. Он только и ждет удобного момента, чтобы расправиться со мной. Если я начну действовать, он назовет меня предателем; если же я буду бездействовать, обвинит меня в слабости в час испытаний!»

Затем Геринг достал из сейфа текст закона о преемственности, исправленный Гитлером после полета Гесса, и прочел вслух:

«Если я окажусь скован в свободе действий или если я стану недееспособным в других отношениях, рейхсмаршал Геринг должен стать моим представителем или преемником во всех делах государства, партии и вермахта».

Геринг вызвал начальника канцелярии рейхсканцлера Ганса-Генриха Ламмерса (из всего триумvirата Кейтель — Борман — Ламмерс он отделался сравнительно легко, получив всего 20 лет тюрьмы, из которых отсидел семь). Тот подтвердил, что декрет от 29 июня 1941 года остается в силе. Никакой новой публикации не требуется, так как другого декрета от Гитлера на этот счет не поступало. Если бы такой декрет существовал, он, Ламмерс, непременно знал бы об этом, поскольку без него изменить декрет законным образом не представляется возможным.

И рейхсмаршал наконец решился. Слишком уж он боялся того, что фюрер в последний момент передаст власть не ему, а Борману. Во второй половине дня 23 апреля Геринг направил телеграмму Гитлеру:

«Мой фюрер! Ввиду вашего решения оставаться в крепости Берлин, согласны ли вы, чтобы я немедленно принял на себя общее руководство рейхом при полной свободе действий внутри страны и за ее пределами в качестве вашего заместителя в соответствии с декретом от 29 июня 1941 года? Если сегодня до 10 часов вечера не последует ответа, то я буду считать само собой разумеющимся, что вы утратили свободу действий и что возникли условия для вступления в силу вашего указа. Я буду действовать в высших интересах рейха и германского народа. Вы знаете, какие чувства я питаю к вам в этот самый тяжкий час моей жизни. Мне не хватает слов, чтобы выразить их. Храни вас Бог, и успехов вам, несмотря ни на что! Верный вам Герман Геринг».

Геринг отправил телеграммы Риббентропу, Геббельсу и Кейтелю. Он просил главу МИДа немедленно вылететь к нему в Берхтесгаден, если до полуночи 23 апреля тот не получит каких-либо указаний от Гитлера или от него самого.

Телеграмма Геринга подействовала подобно холодному душу. По воспоминаниям Шпеера, Гитлер был взбешен, когда получил ее, закричав будто бы:

— Я давно уже знаю, что Геринг погряз в разврате, опустился и стал наркоманом!

Борман же заявил:

— Его надо расстрелять!

— Нет, — возразил Гитлер, — я пока лишу его всех должностей и права быть моим преемником.

Фон Белов вспоминал:

«С телеграммой в руке я тотчас же поспешил в бункер фюрера и в их общей прихожей столкнулся с Гитлером и Борманом... Гитлер сразу понял, что я в курсе дела, и только спросил: «Что скажете на это? Я лишил Геринга его поста. Ну что, довольны?» Я ответил: «Мой фюрер, слишком поздно!» Завязался продолжительный разговор, в котором Гитлер пытался понять замыслы Геринга. Я воспринимал текст телеграммы буквально и считал, будто Геринг действительно верил в то, что с руководством Запада еще можно вести переговоры. Гитлер назвал это утопией.

Несколько позже в бункере фюрера появился Шпеер, чтобы попрощаться с Гитлером. Фюрер говорил и с ним о поведении Геринга, настаивая на своем решении сместить его со всех занимаемых постов и держать под «почетным арестом» в Оберзальцберге. Все это было крайне неприятной и совершенно никчемной акцией. Гитлер явно давал эти распоряжения под влиянием Бормана. Именно тот и послал необходимые телеграммы в Оберзальцберг.

Вечером я еще раз поговорил с Гитлером наедине о Геринге и почувствовал: он все-таки проявляет какое-то понимание его позиции. Но фюрер считал, что Геринг как «второй человек в государстве» должен действовать лишь согласно его указаниям. А это значило: никаких переговоров с противниками! Гитлер приказал мне немедленно вызвать в Берлин генерал-полковника риттера фон Грейма. Он захотел сделать его преемником Геринга».

Похоже, в последние недели существования Третьего рейха Герингу изменило политическое чутье, прежде его не под-

водившее. Очень уж хотелось рейхсмаршалу побыть главой рейха, пусть даже в последние дни его существования.

Гитлер никак не мог назначить своим преемником Мартина Бормана, даже если бы очень хотел этого. Ведь ему нужен был человек, которому бы присягнул и за которого был готов сражаться вермахт. За Геринга, несмотря на высказывавшиеся сомнения, солдаты и офицеры все-таки стали бы сражаться. «Толстяк» все еще был популярен в народе и вермахте, хотя из-за господства союзников в небе над Германией его образ несколько потускнел. Геринг, единственный из вождей рейха, не гнушался посещать города сразу после разрушительных налетов, спускаться в бомбоубежища, беседовать с людьми. За Бормана же никто сражаться бы не стал. Большинству немцев его имя вообще почти ни о чем не говорило. Его знали только члены партии, но и они были о нем не лучшего мнения, воспринимая заместителя фюрера по партии как «канцелярскую крысу».

Не случайно Гитлер в качестве своего преемника впоследствии выбрал гросс-адмирала Деница. Культ главы германских подводников активно поддерживался с самого начала войны. Деница хорошо знали не только во флоте, но и во всей армии, и его приказы действительно выполнялись бы беспрекословно, причем не только вермахтом, но и войсками СС.

Гиммлер, попытавшись начать переговоры с шведским графом Бернадоттом, автоматически исключил себя из числа возможных преемников. Но Гитлер и без того не мог рассматривать его кандидатуру всерьез. Ведь тот был популярен лишь среди эсэсовцев, но вызывал неприязнь как в вермахте, так и в обществе.

Тем временем в Оберзальцберге Геринг, Коллер и Бюлер, не зная еще о телеграмме Гитлера, работали над посланием от имени рейхсмаршала главнокомандующему союзными войсками на Западе генералу Эйзенхауэру, Трумэну и Черчиллю. Геринг просил о встрече с Эйзенхауэром, чтобы обсудить условия «почетной капитуляции». Одновременно Геринг собирался выпустить обращение к вермахту с призывом продолжать борьбу. Это должно было дезинформировать Москву и замаскировать переговоры о мире с западными союзниками.

Рейхсмаршал наивно верил в то, что союзники станут обсуждать с ним условия не безоговорочной, а некоей «почетной» капитуляции, и в то, что Эйзенхауэр позволит германским войскам если не продолжить всерьез войну на Востоке, то хотя бы отступить и сдаться в гораздо более комфортный англо-американский плен. Коллер вспоминал, что тогда он видел перед собой прежнего Геринга — энергичного, готового к действиям, тогда как раньше генерал считал его лишь «подлевалой Гитлера».

Геринг и его соратники оживленно обсуждали формулировку послания, когда Эмми принесла чай, пиво и бутерброды. Она также передала мужу список грузовиков, прибывших с ценностями из Каринхалле. Выяснилось, что четыре машины застряли в районе Берлина и, таким образом, часть груза попала в руки советских войск. Но это была еще не самая большая неприятность.

Борман по просьбе Гитлера отправил рейхсмаршалу следующую грозную телеграмму:

«Герману Герингу, Оберзальцберг. Ваши действия представляют собой высшую степень предательства по отношению к фюреру и национал-социализму. Наказание за предательство — смерть. Но, принимая во внимание Ваши прежние заслуги перед партией, фюрер не станет применять эту высшую меру наказания, если Вы уйдете со всех своих постов. Ответьте «да» или «нет». *Мартин Борман*».

Вскоре поступила телеграмма от Гитлера:

«Указ от 29 июня 1941 года отменен моим специальным распоряжением. Свобода моих действий вне всяких сомнений. Запрещаю Вам предпринимать любые шаги. *Адольф Гитлер*».

От имени фюрера Борман послал телеграмму офицерам СС в Оберзальцберге Франку и фон Бредову с приказом поместить Геринга под домашний арест по подозрению в государственной измене.

Геринг тотчас отправил телеграмму Гитлеру с просьбой об отставке со всех своих постов в связи с «тяжелой болезнью» и проинформировал Геббельса, Кейтеля и Риббентропа:

«Фюрер сообщил мне о том, что по-прежнему в состоянии исполнять свои обязанности. Моя предыдущая телеграмма аннулируется. Хайль Гитлер! Герман Геринг».

Как раз в это время в дом вошли оберштурмбаннфюреры Франк и фон Бредов с отрядом эсэсовцев и объявили, что Геринг арестован. Тот счел происходящее недоразумением и успокоил Эмми:

«Завтра все прояснится. Давай оба будем спать спокойно. Разве мог Адольф Гитлер приказать арестовать меня — того, кто шел с ним рядом рука об руку двадцать три года? Это просто невысказано!»

Геринга изолировали от жены и дочери Эдды и заперли в отдельной комнате.

В дом Геринга по тайной тропке проник Бруно Лёрцер и спросил, чем он может помочь, а затем тем же путем вернулся обратно.

Утром 24 апреля британские бомбардировщики совершили налет на Берхтесгаден. Семья Геринга и слуги успели спрятаться в подвале, но стало очевидно, что, если бомба упадет даже рядом с домом, подвал почти наверняка завалит. Поэтому в минуту затишья пришлось перебираться в большое убежище среди холмов, где находились и другие обитатели Берхтесгадена. Герингов там держали под охраной.

После окончания бомбардировки резиденция Гитлера лежала в развалинах. Дом Геринга тоже сильно пострадал. У него обвалилась крыша, кабинет рейхсмаршала был разрушен. Геринг попросил командира эсэсовцев Ганса Франка передать телеграмму фюреру:

«Если он верит, что я его предал, пусть меня расстреляют».

Эмми же сказала Франку:

«Мой муж слишком взволнован, он не понимает, что делает. Фюрер в день моей свадьбы обещал выполнить любое мое желание. Теперь пришла пора сдержать слово. Если моего мужа расстреляют, я прошу, чтобы меня и Эдду расстреляли тоже».

Франк обещал сообщить обо всем этом Гитлеру, но ничего делать не стал. К тому времени он получил новую телеграмму Бормана, предписывавшую в случае падения Берлина «уничтожить изменников». Но он не собирался выполнять и этот приказ, резонно полагая, что в случае падения столицы Гитлера и Бормана не будет в живых и спросить за неисполнение приказа будет некому.

Геринг предложил перебраться в замок Маутерндорф, поскольку в разбомбленном Оберзальцберге оставаться было нельзя. Франк согласился, и колонна тронулась. Путь занял 36 часов, так как обледеневшая горная дорога была забита отступавшими войсками и беженцами.

26 апреля радио Гамбурга сообщило, что у рейхсмаршала Геринга — обострение давней болезни сердца и поэтому он просил освободить его от командования люфтваффе и других государственных постов. Как отмечалось в сообщении, фюрер удовлетворил его просьбу и назначил новым главкомом люфтваффе генерала Грейма, присвоив ему звание фельдмаршала.

Очень скоро пришлось освободить из-под ареста Коллера, так как новый главнокомандующий люфтваффе нуждался в начальнике штаба. Коллер тотчас улетел на север, где сообщил Кейтелю и Йодлю об аресте Геринга. Те были поражены, но ничего предпринимать не стали.

Геринг в Маутерндорфе почувствовал себя увереннее. Он понял, что эсэсовцы не имеют ясных инструкций на его счет и не знают, что делать дальше с высокопоставленным арестантом в дни крушения Третьего рейха. Их больше тревожила перспектива попасть ненароком в русский плен.

Геринг отправил племянницу Эмми Росsvиту по хорошо известному ему еще с детства подземному ходу в близлежащую деревню, чтобы найти там какого-нибудь офицера люфтваффе. Когда Росsvита рассказала первому встреченному ей лейтенанту, что в замке под арестом находится Геринг с семьей, тот ей не поверил. Пришлось и Эмме воспользоваться тем же подземным ходом. Несколько часов спустя она убедила лейтенанта и его товарища, капитана, что Геринг действительно здесь и нуждается в помощи. Офицеры обещали сообщить в ближайшую часть люфтваффе об аресте Геринга, а затем явиться в замок и обеспечить безопасность рейхсмаршала. Но прошло еще несколько дней, прежде чем Геринг ненадолго обрел свободу.

29 апреля, накануне самоубийства Гитлера, Борман отправил охранявшим Геринга эсэсовцам телеграмму с предписанием со ссылкой на приказ Гитлера расстрелять своего пленника в случае падения Берлина и смерти фюрера. В тот же день Гитлер в своем политическом завещании снял

Геринга со всех постов и исключил из партии, однако Франк и Брауде не собирались выполнять предписаний Бормана.

Возможно, Гитлер распорядился ликвидировать Геринга для того, чтобы тот не попытался создать свой, альтернативный Деницу центр власти.

1 мая рейхсмаршал услышал по радио сообщение о смерти Гитлера и о вступлении в должность его преемника гросс-адмирала Карла Деница, бывшего главкома ВМФ. Геринг в отчаянии сказал жене:

«Эмми, он умер! Теперь я никогда не смогу убедить его, что был верен ему до конца!»

У Эмми же от горя случился сердечный приступ.

5 мая вблизи Маутерндорфа появилась дивизия ПВО во главе с генералом Вольфгангом Пиккертом. Он очень удивился, увидев в замке Геринга. Тот приказал ему передать Коллеру, чтобы он немедленно направил к Эйзенхауэру какого-нибудь генерала для переговоров о перемирии. Еще Геринг попросил предоставить себе охрану из солдат и офицеров люфтваффе. Пиккерт связался с Кессельрингом и получил от него приказ об освобождении Геринга. Несколько часов спустя к замку подошел батальон люфтваффе и приветствовал рейхсмаршала, взяв «на караул». Франк и Брауде согласились, что арест Геринга закончился, и выполнили приказ главнокомандующего Югом Кессельринга о его освобождении. Но рекомендации Геринга насчет посылки к Эйзенхауэру генерала для переговоров Коллер выполнять не стал. Такие переговоры уже пытался завязать Дениц.

6 мая Геринг отправил послание Деницу:

«Знаете ли Вы, какие интриги против меня предпринял рейхслайтер Мартин Борман? Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер может подтвердить их размах. Я только что узнал о том, что Вы намерены отправить к Эйзенхауэру Йодля, чтобы начать переговоры. Я полагаю, что в интересах нашего народа мне было бы целесообразно установить параллельно с официальными переговорами личный контакт с Эйзенхауэром, как маршалом с маршалом (Эйзенхауэр носил высшее в американских вооруженных силах звание генерала армии, которое приравнялось к фельдмаршальскому званию в вермахте. — Б. С.). Успешное

ведение мною всех зарубежных переговоров, которые мне поручал фюрер, в достаточной степени гарантирует, что я и на этот раз смогу создать атмосферу личного доверия. Англия и Америка через свою прессу и радио за последние несколько лет продемонстрировали, что относятся ко мне более благосклонно, чем к другим германским вождям. В этот тяжелейший час все мы должны действовать сообща. Нельзя пренебрегать ничем, что могло бы хоть в малейшей степени улучшить будущее Германии».

Дениц на послание не ответил. «Наци № 2» стал для него обузой, так как мог лишь затруднить переговоры с западными союзниками.

Тем не менее Геринг начал готовить свои собственные переговоры. Он со свитой расположился в замке Фишхорн и ожидал подхода американцев. Браухич и еще один офицер поехали на запад в Баварию с двумя письмами Геринга. Одно из них было адресовано командиру первой же американской части, которая встретила бы им, и содержало просьбу защитить Геринга от возможных враждебных акций со стороны СС. Второе было адресовано Эйзенхауэру и содержало просьбу о встрече, чтобы поговорить, «как маршал с маршалом». Тем временем сам Геринг 8 мая на легковом автомобиле и в сопровождении 30 человек на двух грузовиках отправился навстречу американцам. Отступавшие солдаты вермахта, увидев Геринга, с воодушевлением кричали: «Да здравствует Толстяк!» В конце концов Геринг и сопровождавшие его лица встретили лейтенанта американской армии Джерома Шапиро. Он и взял их в плен на дороге между Маутерндорфом и Фишхорном. Геринг только сокрушенно вздохнул: «И тут еврей...»

Коллекция Геринга находилась в вагонах на станции в Берхтесгадене. Он заявил, что имеет доказательства того, что все они приобретены законно, но он все равно готов вернуть их прежним владельцам, если к нему будут предъявлены соответствующие претензии, и что вся необходимая документация находится у профессора Хофера.

Бригадный генерал Роберт Стэк — первый высокопоставленный американский офицер, встретившийся с Герингом, был с ним подчеркнуто вежлив и обменялся с рейхсмаршалом рукопожатием. Этот момент запечатлели репортеры, и генералу за рукопожатие с «наци № 2» потом изрядно досталось от начальства. Геринг льстил себя надеждой, что с ним будут обращаться как с политическим деятелем, а не с военнопленным, и продолжал строить планы насчет встречи с Эйзенхауэром. Стэк действительно сообщил главному о том, что у него имеется для него письмо от Геринга.

Эйзенхауэр обещал принять Геринга и Стэка на следующий день. Пока что рейхсмаршал поселился в замке Фишхорн. Вечером они поужинали вместе со Стэком, порядочно выпили и разговорились так, что просидели до самого рассвета. Затем Геринг предупредил Эмми, что вынужден будет покинуть ее на пару дней, но потом обязательно вернется. Рейхсмаршала привезли в штаб 7-й американской армии в Китцбюхеле, где он встретился с командующим стратегической авиацией США в Европе генералом Карлом Спаатсом и журналистами. В честь Геринга был устроен ланч с шампанским.

Американцы добродушно подшучивали над рейхсмаршалом, тот отшучивался в ответ. В итоге военная цензура не пропустила корреспонденцию об этом веселом застолье вчерашних врагов. Эйзенхауэр, Геринга так и не принявший, отдал приказ отныне обращаться с рейхсмаршалом как с военнопленным. Утром следующего дня Геринга отвезли в центр дознания 7-й армии в Аугсбурге. Там у него отобрали награды и знаки различия. В тот момент на мундире Геринга было только два ордена: крест «За заслуги» (Pour Le

Mérite) и Большой крест ордена Железного креста. Рейхсмаршал лишился также золотых погон, золотого фельдмаршальского жезла и золотого перстня с бриллиантом. Его поселили не в замке, а в скромной квартире в рабочем районе, состоявшей из двух комнат и маленькой кухни. Туалета в квартире не было, он находился на лестничной площадке, а ванная — в подвале. Полковник Браухич пробовал протестовать и потребовал, чтобы рейхсмаршалу разрешили расположиться в отдельном доме и содержали соответственно его званию. Когда в этом было отказано, Геринг заплакал.

18 мая к рейхсмаршалу для допроса явился лейтенант американской армии Рольф Вартенберг. Геринг первым делом поинтересовался, куда дели его вещи. Узнав, что они сданы на хранение, рейхсмаршал скептически усмехнулся, чувствуя, что никогда больше их не увидит, и мрачно пошутил на неплохом английском:

«Так вы меня и без штанов оставите».

Не порадовал Геринга и солдатский паек — галеты, консервы, овсянка, которым теперь его кормили. Но он философски заметил, что ел солдатскую пищу значительную часть своей жизни. А вот адмиралу Миклошу Хорти, бывшему регенту Венгрии, который тоже содержался в Аугсбурге, приходится, мол, гораздо хуже: ведь особо изысканные яства ему всегда готовил личный повар.

Тут Вартенберг обрадовал Геринга сообщением, что его приглашают на коктейль в офицерский клуб. Таким путем американцы попытались выудить у Геринга побольше информации. Рейхсмаршала усиленно потчевали вином и коньяком, Геринг поглощал бутерброды и салаты. В разгар веселья он попросил принести ему аккордеон и сыграл несколько старинных немецких песен. Вечеринка закончилась в два часа ночи. Американцам казалось, что Геринг был изрядно навеселе. Однако, проанализировав все, им сказанное, офицеры центра дознания вынуждены были констатировать в итоговом отчете, что рейхсмаршал — «совсем не тот комический персонаж, каким его обычно изображают в газетах. Он далеко не глуп, хладнокровен и расчетлив, хорошо схватывает главное. Его никак нельзя недооценивать. Он пытается приуменьшить масштабы наиболее жес-

токих германских преступлений, но в то же время ясно дает понять, что за внутреннюю политику и за войну он несет ответственность в той же мере, как и все остальные в Германии. Геринг с гордостью говорил, что это он разрабатывал план парашютного десанта на Крит и план захвата Гибралтара... что он несет ответственность за создание люфтваффе. Но он категорически отрицал свою причастность к Нюрнбергским расовым законам и концентрационным лагерям, к созданию СС и преступлениям, совершенным ими в Германии и за ее пределами. Геринг всегда играет и, как актер, никогда не разочаровывает свою аудиторию...

Дело, за которое боролся Геринг, потерпело крах. Хитрец Герман теперь озабочен тем, чтобы спасти себя. Он обличает прежде любимого фюрера. До сих пор он ни разу не сослался в свое оправдание ни на кого из бывших соратников — ни на живых, ни на мертвых. Но за его живой и нередко остроумной речью угадывается стремление выставить себя в благоприятном свете».

Офицеры разведки пришли к выводу, что и в состоянии опьянения Геринг не сказал им ничего такого, что хотел бы утаить в трезвом виде. Некоторые пункты в отчете о неформальной беседе с Герингом вызывают вопросы. Так, утверждается, что он будто бы обличал Гитлера, но при этом ни на кого из прежних соратников не ссылался в свое оправдание. Очевидно, что критика Гитлера со стороны Геринга по конкретным вопросам, в том числе за отказ от приоритета средиземноморской стратегии, была далека от обличения. И смешно было предъявлять пленнику претензии в стремлении выставить себя в наилучшем свете. Такое стремление присуще всем людям.

В последующие дни, уже на официальных допросах, Геринг рассказал о судьбе своей коллекции произведений искусства. Он сообщил, что некоторые предметы, очевидно, попали в руки русских. Основную же часть собрания он в последний раз видел в железнодорожных вагонах на станции Берхтесгаден. Геринг просил американцев позаботиться о том, чтобы коллекция не была расхищена. Он настаивал, что все произведения искусства были им куплены законным образом, но признавал, что до этого часть из них была изъята у коллекционеров-евреев. Геринг даже подпи-

сал обязательство, что будет всячески содействовать розыску незаконно изъятых вещей и их возвращению владельцам. Удалось найти почти все картины, местонахождение которых указали Геринг и его консультант доктор Хофер, за исключением тех, что были реквизированы советскими войсками. Благополучное спасение основной части коллекции американцы опять пригласили Геринга отметить коктейлем в офицерском клубе. Шампанское и коньяк там были из тех же вагонов, что и коллекция. Рейхсмаршал в последний раз дегустировал собственные винные запасы.

Американцы отобрали у Эмми вполне законно приобретенную в Италии картину «Мадонна» немецкого художника Ганса Мемлинга, за которую еще до войны Геринг заплатил несколько миллионов лир.

21 мая, на следующий день после коктейля, Геринга отправили в Люксембург, разрешив взять с собой только одного адъютанта. Рейхсмаршал предпочел отпустить обоих — и Браухича, и Клааса, оставив при себе лишь камердинера Роберта Кроппа. Свой аккордеон он подарил лейтенанту Вартенбергу.

Теперь Геринга поселили в люксембургском городке Мондорф, в номере местного «Палас-отеля», когда-то считавшегося лучшим отелем города, но давно пришедшего в запустение. В комнате Геринга не было ни одного целого стекла. В этом же отеле поместили других руководителей Третьего рейха, в том числе Деница, Риббентропа и Шпеера, которых готовили к процессу в Нюрнберге. В комнате были только стол, стул и жесткая кровать. Геринг, увидев, в каких условиях ему придется существовать под арестом, сказал со вздохом:

«Да, пожалуй, фюрер был прав, решив избежать всей этой казни!»

Вскоре Герингу пришлось встретиться с еще одним старым знакомым, и эта встреча не доставила ему большой радости. К нему в номер вошел Роберт Кемпнер, одетый в форму офицера американской армии. Бывший юридический советник в прусском МВД после своего увольнения в 1933 году эмигрировал в США. Во время войны он стал следователем американской военной полиции и юридическим консультантом

в оккупационной администрации Германии. Геринг понял, что почетным пленником ему больше не бывать.

Комендантом центра дознания в Мондорфе был полковник Бертон Эндрюс, впоследствии назначенный комендантом нюрнбергской тюрьмы. К своим подопечным он не испытывал никакой симпатии, а Геринга невзлюбил особенно. Комендант утверждал, что сразу же отобрал у Геринга весь запас из 2000 таблеток паракодеина, благодаря чему Геринг излечился от наркотической зависимости. Позже Эндрюс с гордостью говорил:

«Мы сделали из него человека!»

У Геринга отобрали также одну из трех капсул с ядом, которые он держал при себе. Рейхсмаршал специально спрятал ее в банке с кофе «Нескафе» с таким расчетом, чтобы при первом же более или менее тщательном обыске она была обнаружена. Эта находка должна была усыпить бдительность тюремщиков, которые больше уже не будут искать яд.

В действительности от пристрастия к паракодеиновым таблеткам Геринга отучил американский военный психиатр доктор Дуглас Келли. Он обнаружил, что в сотне таблеток, которые Геринг потреблял за день, в совокупности содержалось лишь 0,2 грамма морфия. Столь малая доза никак не могла воздействовать на его умственные способности. Если Геринг переставал принимать таблетки, у него возникали боли в ногах. Келли постепенно уменьшал дозу, начав с 18 таблеток в день, пока совсем не прекратил давать своему пациенту паракодеин, а боли в ногах снимал легкими успокаивающими средствами, не содержащими морфия. Помогло еще и то, что Келли внушил Герингу: раз он сильный человек, то легко может переносить боль и без таблеток.

У Геринга произошла стычка с Эндрюсом из-за скудной пищи, которой тот кормил высокопоставленных пленников. Рейхсмаршал в сердцах заметил:

«Я своих собак кормил лучше!»

4 июня 1945 года Геринга разлучили с его преданным слугой. Роберта Кроппа перевели в другой лагерь. Когда они прощались, в глазах Геринга стояли слезы. Теперь его обслу-

живал один из солдат-военнопленных. По свидетельству Кроппа, когда они расставались, Геринг признался, что отдал американцам одну ампулу с ядом, но спрятал другую. На самом деле у Геринга оставались как минимум две ампулы с ядом. Всей правды он предпочел не говорить даже верному слуге.

18 июня 1945 года Геринга допрашивали советские представители. На вопрос о своих отношениях с Гиммлером он сообщил:

«Этот человек всегда занимал менее высокое положение, нежели я, но стал возвышаться, когда моя репутация пострадала. Меня считали консерватором, поэтому, чем радикальнее становилась политика Гитлера, тем более радикальные люди ему требовались. Но все хорошо в меру, и когда Гиммлеру доверили командование группой армий «Висла», это было настоящим безумием, так считали многие. Гиммлер всегда хотел занять мое место. Он уверял меня в дружбе, а сам действовал за моей спиной. Я обходился с ним любезно, но всегда оставался начеку».

Советские офицеры поинтересовались, действительно ли Гитлер покончил с собой. Геринг в ответ заявил:

«Не знаю, но если он и в самом деле мертв, то его место — в аду, а не среди ангелов». И признался: «Примерно год тому назад наши отношения с Фюрером испортились, и глава его канцелярии спросил его, буду ли я, как прежде, оставаться его преемником. Фюрер ответил на это, что если бы он решал этот вопрос теперь, то назвал бы преемником другого человека, но раз уж решение принято и закрепилось в умах людей, то пусть все остается по-прежнему».

Между тем Дугласу Келли удалось убедить Геринга сбросить вес. Ко времени ареста рейхсмаршал весил 127 килограммов. Похудеть ему помогло, в частности, то, что пища, которой кормили пленников, была однообразна и не слишком хорошо приготовлена. Геринг потребовал и добился также того, чтобы портные из числа военнопленных подогнали его мундир, когда он похудел. Эндрюсу пришлось уступить, поскольку на Геринге уже не держались брюки, а в таком виде выставлять рейхсмаршала на процесс было бы уж совсем неприлично. В сентябре 1945 года, когда Геринга доставили в Нюрнберг, он весил только 90 кило-

граммов. Похудению способствовали и ежедневные шести-часовые допросы, которым он подвергался. Из Нюрнберга Герман писал Эмме:

«Иногда мне кажется, что мое сердце разорвется от любви и то-ски по тебе. Это была бы чудесная смерть!»

Келли же он сказал прямо:

«Я знаю, что меня казнят. И вы это знаете. Я готов».

Когда Герингу сообщили о том, что в ноябре 1945-го он вместе с другими нацистскими преступниками предстанет перед Международным трибуналом в Нюрнберге, он решил сесть на диету. Рейхсмаршал догадывался, что живым он из Нюрнберга не уйдет, и написал прощальное письмо Эмме:

«Дорогая жена, я тебе так благодарен за счастье, которое ты мне подарила, за любовь, за все; не расставайся с Эддой. У меня не хватит слов, чтобы передать, как много вы с Эддой значите для меня. Мыслями я постоянно возвращаюсь к тебе. Я сжимаю тебя в моих горячих объятиях и страстно целую твоё милое, до-рогое лицо. Твой навсегда, Герман».

При этом Геринг не признавал себя военным преступником, равно как и права союзников судить его. Он говорил Келли:

«Я не признаю юрисдикции этого суда, но раз у них есть сила, чтобы навязать мне свою волю, я готов говорить правду и встре-тить свою судьбу... Герман Геринг — солдат. Я воевал — это правда. Раз каждая нация преследует свои эгоистические ин-тересы, надо быть практичным. Я — практичный человек. Но в то же время я убежден, что существует высшая сила, которая пове-леует людьми, несмотря на все их попытки управлять своей судьбой».

И без лишней скромности добавил:

«Я намереваюсь войти в историю Германии великим человеком. Если я не смогу убедить суд, то хотя бы докажу германскому на-роду, что все, что я делал, предпринималось ради величия рей-ха. Через 50—60 лет памятники Герману Герингу будут стоять по всей Германии. А может быть — только маленькие бюсты, но зато в каждом доме».

В одиночных камерах нюрнбергской тюрьмы Геринг и его товарищи были размещены за месяц до начала процесса. В день им разрешалась получасовая прогулка, дважды в неделю они принимали душ. Рейхсмаршала поместили в камере № 5. В ней были умывальник, унитаз, койка с волососяным матрасом, стол, стул и циновка. Чтобы предотвратить самоубийство заключенного, со стен были удалены все выступавшие металлические предметы и электропроводка, а стекло в окне заменено прозрачным пластиком. Надзиратели могли постоянно наблюдать за заключенным сквозь глазок в двери, только унитаз был отделен ширмой. Из-за нее виднелась лишь голова узника. В камере регулярно проводились обыски, в ходе которых переворачивался матрас, осматривались все личные вещи и одежда.

В камере Геринга посещал доктор Людвиг Пфлюкер. Он проводил ежедневный медицинский осмотр заключенных и давал им, если требовалось, лекарства. Герингу доктор оставлял снотворные, без которых рейхсмаршал не мог заснуть. Кроме Пфлюкера с заключенными работали психиатр Дуглас Келли и тюремный психолог американец Густав М. Гильберт, по совместительству — офицер американской военной разведки. Последний зафиксировал свои беседы с подсудимыми в книге «Нюрнбергский дневник», впервые изданной в 1947 году, еще до того, как между бывшими союзниками разразилась полномасштабная «холодная война».

Это — ценнейший источник, позволяющий понять состояние подсудимых во время процесса. Гильберт имел свободный доступ ко всем заключенным нюрнбергской тюрь-

мы с момента предъявления им обвинения и вплоть до приведения приговора в исполнение. Гильберт вспоминал:

«Моя основная задача состояла в ежедневных контактах с заключенными и информировании об их душевном состоянии коменданта тюрьмы полковника Эндрюса, а также в участии в подготовке судебного процесса... В течение года я изучал поведенческую реакцию заключенных в контролируемых условиях. Вся методика сводилась к непринужденным беседам с глазу на глаз. В присутствии заключенных я никогда не позволял себе делать какие-либо записи».

В 1950 году на основе дневника Гильберт издал научную монографию «Психология диктатуры», где привел некоторые дополнительные данные о своем общении с подсудимыми на Нюрнбергском процессе. Изучая поведение узников, Гильберт впервые сформулировал понятие «оборонительной стратегии» в психологии, под которой понимал долгосрочные и открытые модели поведения относительно социальной роли и межличностных отношений индивидов, направленные на возвышение и защиту своего «я». В беседах с Гильбертом Геринг и другие подсудимые придерживались подобной стратегии, чтобы защититься от обвинений в преступлениях против человечности. Они либо отрицали свое участие в них, либо оправдывали эти преступления соображениями военного времени и действиями других держав.

Американский офицер, разведчик и психолог, не питал никакой симпатии к подсудимым. Его главной задачей было выяснить отдельные факты и детали для подкрепления позиций обвинения. Правда, по ходу процесса он несколько смягчился по отношению к тем, кто проявил признаки искреннего или показного раскаяния, в частности к Шпееру и Фриче. Однако Геринг остался для него главным после Гитлера воплощением зла, которое принесли в мир нацисты.

Книга американца, основанная на дневниковых записях, явно пристрастна по отношению к подсудимым, и в особенности к Герингу. Гильберт сознательно не приводит свои записи бесед с Герингом и другими подсудимыми в те дни, когда обвинение выглядело не самым лучшим образом и обвиняемые и их защитники наносили по нему чувствительные удары. Так, им не цитируются записи

от 1 и 2 июля 1946 года, когда на процессе допрашивались свидетели по Катынскому делу и Геринг наверняка произдевался в разговоре с Гильбертом над беспомощностью русского обвинения, которое его адвокат доктор Штамер положил на обе лопатки.

Сам Гильберт, когда писал свою книгу, кажется, не сомневался в том, что Катынь — дело рук немцев, а не русских, судя по помещенной им в конце книги краткой хронологии процесса. Там под 1 июля 1946 года значится «допрос советским обвинителем Л. Н. Смирновым и членом Трибунала от СССР И. Т. Никитченко полковника Аренса — участника злодеяний гитлеровцев над гитлеровскими военнопленными». И все это при том, что Никитченко в СССР доводилось вести такие далекие от элементарных норм права процессы, которых постыдился бы и председатель нацистского Народного суда Роланд Фрейслер.

Кстати сказать, Никитченко был заместителем председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульриха и бесцелно штамповал смертные приговоры в период террора 1936—1938 годов. Ионе Тимофеевичу, в частности, довелось отправить на смерть Каменева и Зиновьева в 1936 году. Так что ему не впервой было участвовать в громких политических процессах. Только вот обвинения здесь, в Нюрнберге, были по большей части не сфабрикованными, к каким привык Никитченко, а истинными. Впрочем, найти в ту пору в СССР высокопоставленных прокуроров и судей, не причастных к беззакониям и репрессиям, было задачей невыполнимой.

Книга Гильберта — по-своему тенденциозная, но правдивая и честная. В ней автор был искренен так же, как он был искренен в разговорах с подсудимыми. Во всяком случае, не вызывает сомнения то, что высказывания собеседников психолог, как добросовестный ученый, записывал точно, не вкладывая в их уста то, чего они не говорили в действительности. Другое дело, что кое-какие особенно неудобные высказывания подсудимых, существенно подрывавшие позицию обвинения, Гильберт предпочел в свою книгу попросту не включать, а другие высказывания снабдил собственными довольно субъективными комментариями. Конечно, и Геринг, и остальные прекрасно понимали, что их разгово-

ры становятся известны стороне обвинения. Но все же с Гильбертом они говорили куда откровеннее, чем в зале суда, хотя бы потому, что знали: сказанное ими тюремному психологу во всяком случае нельзя будет использовать против них на слушаниях.

Гильберт устроил всем подсудимым в Нюрнберге комплексный тест на интеллектуальные способности по методу Векслера — Бельвю. Устные тесты включали проверку объема памяти при запоминании увеличивающихся последовательностей, решение арифметических задач с постепенным повышением сложности, вопросы, требовавшие наличия здравого смысла и формирования понятий по словесному сходству. Письменные тесты включали замену цифр символами, составление объектов из их частей (по принципу мозаики), воплощение идей в цветных кубиках и распознавание недостающих частей картинки. Показатели IQ в итоге распределились следующим образом (наивысший показатель соответствует наивысшему интеллекту):

1. Ялмар Шахт — 143
2. Артур Зейсс-Инкварт — 141
3. Герман Геринг — 138
4. Карл Дениц — 138
5. Франц фон Папен — 134
6. Эрих Редер — 134
7. Ганс Франк — 130
8. Ганс Фриче — 130
9. Бальдур фон Ширах — 130
10. Иоахим фон Риббентроп — 129
11. Вильгельм Кейтель — 129
12. Альберт Шпеер — 128
13. Альфред Йодль — 127
14. Альфред Розенберг — 127
15. Константин фон Нейрат — 125
16. Вальтер Функ — 124
17. Вильгельм Фрик — 124
18. Рудольф Гесс — 120
19. Фриц Заукель — 118
20. Эрнст Кальтенбруннер — 113
21. Юлиус Штрейхер — 106

Как видим, Геринг разделил почетные третье и четвертое места с Деницем. Получается, что Гитлер неплохо разбирался в людях и не ошибся с преемниками — сперва с Герингом, потом с Деницем, выбрав из своего окружения наиболее интеллектуально развитые личности. Бросается в глаза, что по интеллекту командующие технических видов вооруженных сил — флота и авиации превосходили генералов сухопутной армии. А среди последних Кейтель неожиданно обогнал Йодля, хотя среди военных историков и немецких генералов-мемуаристов традиционно царит противоположное мнение. Там Кейтель предстает тупым солдафоном, бездумно выполнявшим самые идиотские указания фюрера, а Йодль — светлым оперативным умом, порой удачно поправлявшим ошибки старших товарищей. На самом деле на образ Кейтеля в послевоенной мемуаристике и историографии негативно повлияла его близость к Гитлеру. Согласно мифологическому мышлению, хороший генерал или фельдмаршал не мог быть приближен к Гитлеру, а значит, Кейтель должен был быть не только скверным человеком, но и никудышным полководцем.

Обращает на себя внимание также низкий интеллектуальный показатель Штрёйхера и Розенберга, а также главы органов безопасности Кальтенбруннера. Любопытен и довольно скромный показатель Риббентропа. Поскольку в рейхе основные вопросы внешней политики решал сам Гитлер, ему нужен был не чрезвычайно умный и самостоятельный министр иностранных дел, а лишь толковый исполнитель. К тому же, оказывается, для того, чтобы разрабатывать расовую теорию или пускать в расход народ в лагерях, большого ума не надо. Зато первые места в списке заняли профессиональный финансист и бизнесмен Шахт и профессиональный юрист Зейсс-Инкварт. Интересно также, что, за исключением Штрёйхера, все подсудимые имели интеллект выше среднего. Кроме того, из-за возраста Папену, Редеру, Шахту и Штрёйхеру было начислено по 15–20 дополнительных баллов. Если их исключить, то по актуальному, действительному интеллекту Геринг уступал только Зейсс-Инкварту, вместе с Деницем отрываясь от основной массы почти на десять баллов. Штрёйхер же вообще оказывался едва ли не в категории дебилов.

Геринг результатами теста остался доволен. Приятно было сознавать, что и враги признают тебя одним из умнейших своих противников, тем более что сделано это было в строгом соответствии с наукой. Гильберт подробно описал в дневниковой записи от 15 ноября 1945 года процедуру тестирования бывшего рейхсмаршала:

«Геринг был несколько подавлен ко времени моего прихода, но уже через пару минут приободрился. К тестированию он проявил живейший интерес. После предварительной проверки памяти он стал походить на возбужденного самодовольного подростка, изо всех сил старавшегося понравиться своему учителю. Когда я отмечал его успехи в запоминании нараставших по сложности рядов цифр, он довольно усмехался. Допустив во время одного из математических тестов ошибку, он с досады шлепнул себя по ляжке, затем, после второй неудачной попытки, стал нетерпеливо похлопывать по одеялу и попросил дать ему возможность попытаться в третий, а потом и в четвертый раз: «Нет, дайте я еще раз попробую, я смогу, непременно смогу!» И, к моему нескрываемому удивлению, он в конце концов все-таки решил предложенную задачу. Геринг не мог сдержать радости. От гордости его просто распирало. В таком состоянии он оставался вплоть до завершения тестирования. Когда же я сказал, что мало кому из его товарищей по несчастью удалось достичь столь высоких результатов и что, больше того, пока столь высоких результатов никто из них еще не добивался, Геринг пришел в неопишуемый восторг. Он даже признал, что, вопреки его прежнему мнению, американские специалисты кое-что смыслят в своем деле:

— Методика хороша. Куда лучше тех, с которыми носятся наши психологи.

— Может, вам лучше было бы податься в ученые, а не в политики? — предположил я.

— Вероятно, — согласился Геринг. — Я убежден в том, что и в науке я достиг бы гораздо больших успехов, чем достигает средний человек, независимо от избранной отрасли знания. Но против судьбы не пойдешь, а она зачастую зависит от сущей ерунды. Вот вам пример, как одна мелочь удержала меня от того, чтобы стать масоном. В 1919 году я вместе с друзьями собирался податься в вольные каменщики и назначил встречу, чтобы затем вместе идти к масонам. Пока я их дождался, мимо проходила симпатичная блондинка, с которой я завязал знакомство. И я предпочел ее масонам. А после этого у меня больше не было случая присоединиться к ложе. Зато, не подцепи

я в тот вечер блондинку, я бы ни за что не смог вступить в партию (масонов в НСДАП не принимали, а после прихода Гитлера к власти они подверглись гонениям. — Б. С.), а в результате не сидел бы сейчас в этой камере».

Интересно, а обрел ли бы тогда масон Геринг всемирную известность и поместили ли бы его тогда его имя в словарь «Великие масоны»?

Тем временем 15 октября 1945 года жена Геринга была арестована в замке Фельденштейн, где она жила в домике привратника. Ее вместе с сестрой, племянницей и медсестрой Кристой Горманс отправили в тюрьму города Штраубинга. Эдду оставили в деревне, но потом ей позволили жить с матерью в одной камере.

Несколько дней спустя Герингу вручили обвинительный акт, где его ошибочно именовали генералом СС (Геринг эту фразу вычеркнул). Рейхсмаршала обвиняли в том, что он «способствовал военным и экономическим приготовлениям к войне», «принимал участие в планировании и развязывании нацистскими участниками преступного сговора агрессивных войн в нарушение международных договоров, соглашений и гарантий... санкционировал совершение, отдавал распоряжения на осуществление и был соучастником военных преступлений... и преступлений против человечности... включая разнообразные преступления против личности и собственности».

С самого начала процесса Геринг понимал, что его ждет виселица. Если союзники пощадят его, второго человека в Третьем рейхе, то как они смогут казнить обвиняемых в военных преступлениях и преступлениях против человечности рангом ниже?

В ответ на просьбу Гильберта оставить письменный комментарий на полях текста обвинительного заключения Геринг размашисто начертал:

«Победитель всегда будет судьей, а побежденный — обвиняемым».

Вскоре ему сообщили об аресте Эмми, и он возмущенно заявил Келли:

«Я об одном только просил, когда сдавался: чтобы мою семью защитили и позаботились о ней».

Своим адвокатом Геринг избрал доктора Отто Штамера, опытного 70-летнего юриста из Киля. Ему помогал доктор Вернер Бросс. Они вместе с Герингом готовили выступление защиты. У Геринга почти не осталось документов, и ему пришлось полагаться на свою память, надо признать, очень хорошую. Рейхсмаршал решил не пенять на Гитлера, а взять на себя вину за все приказы, изданные от имени фюрера.

Геринг еще 22 апреля 1945 года слышал, как Ева Браун сказала Шпееру, что они с Гитлером добровольно уйдут из жизни. Рейхсмаршал заявил Гильберту:

« — Гитлер поступил правильно, совершив самоубийство. Это — не трусость. Ведь он же — глава государства. Невозможно представить себе Гитлера, ожидающего в камере суда за военные преступления. Хотя под конец он меня возненавидел, фюрер остается для меня символом Германии. Это все равно как если бы после Первой мировой войны судили кайзера. Даже японцы настояли, чтобы их император не был отдан под суд. И мне лучше утяжелить свою участь, взять на себя ответственность за все, чем видеть живого Гитлера перед иностранным судом. Вот Гиммлер — дело другое. Ему следовало бы ответить перед судом хотя бы за себя и за своих подручных. Он смог бы своими показаниями избавиться от обвинения в соучастии в массовых убийствах очень многих».

«Неужели вы не знали обо всех творившихся ужасах? — удивился Гильберт. — Ведь о них говорил весь мир!»

«Приходилось слышать массу домыслов, и никто из нас, естественно, ни во что подобное не верил, — утверждал Геринг. — Но эсэсовские генералы, которым было поручено исполнять эти приказы, наверняка знали обо всем. Как они могли оставаться в ладах с собственной совестью? Я этого не понимаю».

Рейхсмаршал умолчал о том, что и сам отдавал подобные приказы. А у Геринга с совестью точно было все в порядке. Он так никогда и ни в чем не раскаялся.

24 октября 1945 года на трубе отопления в камере повесился доктор Роберт Лей, глава Имперского трудового фронта — единственного действовавшего в нацистской Германии профсоюза. Он смастерил петлю из своего носового платка, разрезав его на узкие полосы. В предсмертной запи-

ске Лей сообщил, что не может больше переносить терзающее его чувство стыда, и осудил политику преследования евреев. А незадолго до смерти он говорил Гильберту, что ничего не знает о преступлениях, в которых его обвиняют:

«Как я могу готовить какую-то защиту, если меня обвиняют в преступлениях, о которых я не имел ни малейшего понятия? Если после ужасного кровопролития этой войны нужна еще парочка жертв, чтобы удовлетворить присущее победителям чувство мести, тогда все понятно! Они найдены».

От волнения глава Имперского трудового фронта заикался. Он прислонился к стене камеры и воскликнул:

«Поставьте нас к стенке и расстреляйте — вы же победители! Но зачем тащить меня на этот суд как...» — слово «преступника» Лей так и не смог выговорить.

Замечу, что Лей явно был не самым одиозным из подсудимых. Ни к заговору с целью развязывания войны, ни к «окончательному решению» он непосредственно причастен не был, и виселица ему, очевидно, не грозила. Отделался же бывший глава гитлерюгенда Бальдур фон Ширах 20 годами тюрьмы! Вряд ли глава нацистских профсоюзов получил бы больше, чем вождь нацистской молодежи.

Остальным заключенным о самоубийстве Лея сообщили только 29 октября, но Геринг по участвовавшим обыскам понял, что в тюрьме что-то произошло. По поводу смерти хронического алкоголика Лея рейхсмаршал хладнокровно сказал Гильберту:

«Пожалуй, даже хорошо, что он умер. У меня были сомнения в том, что он будет правильно вести себя на суде. Он всегда был таким легкомысленным и рассеянным, а его речи — напыщенными и нелепыми! Наверняка и на допросах он не раз становился посмешищем. Для меня его самоубийство не было неожиданностью. Рано или поздно он допился бы до смерти».

Геринг высказался и о других товарищах по несчастью:

«Надеюсь, Риббентроп не сломается. За военных я тоже не боюсь — они умеют держаться. А вот Гесс безумен. Он давно уже сошел с ума. Мы это поняли, когда он полетел в Англию. Неужели вы действительно думаете, что фюрер мог отправить третьего человека в рейхе с миссией в Англию, да еще вот так, с бухты-барахты? Гитлер прямо-таки взбесился, когда ему доло-

жили о полете. Думаете, ему приятно было публично объяснять, что у одного из руководителей государства не все дома? Если бы в самом деле возникла крайняя необходимость начать переговоры с англичанами, то он воспользовался бы надежными дипломатическими и иными каналами, задействовав нейтральные страны. У меня было столько связей в Англии, что я мог бы договориться о начале таких переговоров за пару суток. А Гесс исчез, никому и словом не обмолвившись, не имея с собой никаких документов, с пустыми руками. Оставил только какую-то дурацкую записку».

Тут с аргументами Геринга нельзя не согласиться. Кто бы в Англии стал всерьез разговаривать с Гессом, после того как Гитлер официально объявил, что его заместитель по партии не в своем уме?

По словам Гильберта, накануне процесса «Геринг пытался произвести впечатление неунывающего реалиста, поставившего все на одну карту и вчистую проигравшегося, но принявшего свой проигрыш, как хороший и опытный спортсмен, привыкший и к победам, и к поражениям. Все обвинения он отметал одним циничным доводом о «праве победителей»... Геринг настаивал, что ничего не знал о массовых преступлениях нацистов и постоянно пытался перевести ответственность на союзные державы, которые уличал в аналогичных преступлениях. Его юмор должен был убедить собеседника, что тот имеет дело с человеком, по природе добродушным и не способным ни на какие зверства».

Но, по мнению доктора, «нескрываемое презрение Геринга к другим нацистским вождям свидетельствовало о его патологическом тщеславии».

А с Келли рейхсмаршал поделился мыслями о немецком народе по сравнению с другими:

«Один немец — прекрасный человек. Двое уже основывают союз, а три немца непременно начинают войну. Один англичанин — чудак, двое создают клуб, а трое — империю. Один итальянец — тенор, двое — дуэт, а трое — отступление. А вот насчет японцев можно сказать, что один японец — это тайна, два японца — это тоже тайна, и три японца... — это тоже тайна!» — и Геринг жизнерадостно засмеялся над собственной шуткой. На вопрос же собеседника, как он охарактеризует русских, рейхсмаршал воскликнул:

«О, русские — смесь трех немцев, трех англичан и трех японцев!»

Келли за время общения постепенно проникся симпатией к Герингу, оценил его острый ум и хладнокровное отношение к предстоявшему суду и неизбежной, как казалось, казни. Психиатр не догадывался, что Геринг заранее знал, как избежать виселицы. Келли не мог понять одного: почему рейхсмаршал с его талантами и обаянием всегда безоговорочно поддерживал Гитлера и продолжал делать это даже на краю могилы? Почему не пытался его поправить? Почему не противился самым чудовищным замыслам фюрера? Почему, как и остальные соратники, он всегда оставался «господином «да»?

Геринг лишь криво усмехнулся в ответ:

«Покажите мне хоть одного «господина «нет» в Германии, который бы не покоился вечным сном в двух метрах под землей!»

Последний аргумент рейхсмаршала, скажем прямо, слаб. Не под угрозой же расстрела он шел с Гитлером до самого конца! А до начала войны Геринг, если бы он действительно вступил в острый, непримиримый конфликт с Гитлером, вполне мог бы эмигрировать. Но таких конфликтов между ними никогда не возникало — основные решения Гитлера Геринг всегда одобрял и деятельно поддерживал. Разногласия между ними носили тактический характер, вроде того, куда сперва ударить — по России или по Гибралтару.

О Нюрнбергском процессе Геринг говорил Гильберту:

«Это — заранее срежиссированное политическое представление, и я знаю, чем оно закончится. Пресса будет играть более важную роль в вынесении вердикта, чем судьи. Я уверен, что по крайней мере русские и французские судьи уже получили инструкции от своих правительств. Я могу ответить за все, что я сделал, но не могу отвечать за то, чего я не совершал. Однако меня судят победители, и я знаю, что мне уготовано. Я готов хоть сегодня (разговор происходил 11 ноября 1945 года. — Б. С.) написать жене прощальное письмо. Досадно видеть, как пал духом Риббентроп. Будь я министром иностранных дел, я бы заявил им: «Такова была проводимая мной внешняя политика. На том стою. Она была целиком в моем ведении как министра иностранных дел суверенного Германского рейха. Хотите меня

судить за это — судите. У вас есть власть для этого — вы победители». Но я бы твердо стоял на своем. У меня нет сил смотреть, как он мечется из стороны в сторону, пытается прикрыться какими-то меморандумами и пространными заявлениями. Лично против него я ничего не имею, но для меня он всегда оставался ничтожеством. Вот фон Нейрат — человек твердых принципов. Если нужно, мог и возразить Гитлеру, поспорить с ним... Риббентроп же был лишь удачливым виноторговцем, а для дипломатии не имел ни способностей, ни такта».

Этот разговор происходил за девять дней до открытия Нюрнбергского процесса, стартовавшего 20 ноября 1945 года.

Гильберт записал в этот день: «Геринг рассказал мне, что окончательно убедился в ненормальности Гесса, когда тот на скамье подсудимых шепнул ему: «Вот увидите, этот кошмар рассеется и через месяц вы станете фюрером Германии!»

Сначала зачитали обвинительный акт. По поводу преследований католиков и других христиан, упомянутых в обвинительном акте в первый день его оглашения, Геринг во время обеденного перерыва с возмущением заявил товарищам по скамье подсудимых:

«Но мы же имели на это полное право! Мы являлись суверенным государством, и это целиком и полностью было нашим внутренним делом!»

Розенберг сыронизировал:

«Преступления против христианства! А преступления, совершенные русскими против христиан, их разве волнуют?»

Геринг пообещал Вальтеру Функу, что возьмет на себя ответственность за все приказы по выполнению четырехлетнего плана. Возможно, это в итоге спасло бывшего министра экономики от петли — Функ был приговорен к пожизненному заключению.

После оглашения обвинения обвинители от Англии, СССР, США и Франции в течение четырех месяцев представляли документы, фильмы и свидетелей, доказывавших вину подсудимых. Когда речь зашла о геноциде евреев, Гильберт во время перерыва поинтересовался у Геринга, что он по этому поводу думает. Рейхсмаршал ответил, обводя беспокойным взглядом зал суда:

«Я понимаю, что за эти преступления весь немецкий народ обречен на проклятие. Но все это казалось настолько невероятным, в том числе и то небольшое, что становилось известным нам, что нас не стоило труда убедить в том, что это — вражеская пропаганда. От нас эти подробности скрывали. Я бы никогда не подумал, что Гиммлер может пойти на такое. Он не походил на потенциального убийцу. Вы — психолог и должны понимать это лучше. У меня же никаких объяснений не находится».

Геринг лукавил, пытаясь убедить судей и Гильберта, будто не знал, что «окончательное решение» означало не полное истребление всех евреев на территории рейха и оккупированных территориях, а лишь их депортацию. Эти утверждения опровергаются элементарным здравым смыслом. Почему ни Геринг, ни Шпеер, ни Заукель, ни другие нацистские руководители, отвечавшие за экономику, ни разу не поинтересовались, нельзя ли как-то использовать миллионы «депортированных» евреев в интересах рейха? А не поинтересовались они потому, что знали: их уже нет в живых. Но признаться в непосредственной причастности к такого рода преступлениям было слишком стыдно перед лицом истории, вот Геринг и отрицал все в надежде, что благодаря его показаниям немцы в будущем будут думать о нем и о Гитлере лучше, чем они заслуживали на самом деле.

Однажды Геринг, указывая на сидевших на балконе офицеров-негров, поинтересовался у Гильберта, имеют ли они право отдавать приказы своим подчиненным-белым и разрешено ли им ездить вместе с белыми в общественном транспорте. Хотя рейхсмаршал неоднократно заявлял, что не одобрял расовой политики нацистов, сам он был явно не чужд расистских взглядов.

26 ноября обвинение огласило протокол совещания руководителей вермахта у Гитлера, проходившего 5 ноября 1937 года, на котором фюрер прямо заявил о необходимости завоевания Германией «жизненного пространства». В этом документе, фигурировавшем на процессе как «документ Хоссбаха» (по фамилии адъютанта Гитлера, его составившего), были зафиксированы следующие слова фюрера:

«Германской политике в своих расчетах приходится иметь дело с двумя ненавистными противниками: Англией и Францией, ибо могучий германский колосс в центре Европы для них —

бельмо на глазу. Оба государства отвергают дальнейшее усиление Германии как в Европе, так и в заморских областях... В создании германских заморских военных баз оба государства видят угрозу своим морским коммуникациям и опасаются, что рост германской заморской торговли усилит позиции Германии в Европе...

Для улучшения нашего военно-политического положения целью № 1 для нас является одновременный разгром Чехии и Австрии, чтобы исключить угрозу с флангов при вероятном наступлении на Запад. При конфликте с Францией не следует рассчитывать, что Чехия объявит нам войну одновременно с французами. Если же мы проявим слабость, желание Чехии участвовать в войне возрастет, причем ее вступление в войну ознаменуется нападением на Силезию...»

Геринг заметил по поводу зачитанного:

«Все это чушь! А как же тогда быть с присоединением Техаса и Калифорнии к Америке? Это ведь тоже была самая настоящая захватническая война с целью расширения территории!»

После выступления обвинителей на кафедру стали подниматься свидетели обвинения. 30 ноября выступил генерал Лахузен, один из высокопоставленных сотрудников абвера. Он подтвердил, что провокация в Глейвице, послужившая поводом для нападения на Польшу, была организована Гиммлером, получившим польскую военную форму для заключенных, имитировавших нападение на радиостанцию. Описал он и участие Геринга в планировании бомбардировки Варшавы. Геринг был вне себя от злости и сказал Гильберту:

«Изменник! Мы забыли его вздернуть после 20 июля. Гитлер был прав: абвер — это гнездо изменников! Как вам это нравится? Ничего удивительного в том, что мы проиграли войну. Наша собственная разведка продалась врагу! Чего стоят показания предателя? Было бы лучше, если бы он снабжал меня верными данными о результатах наших налетов, а не подрывал наши военные усилия. Теперь я понимаю, почему никогда не мог положиться на него, если хотел получить достоверную информацию. Вот я ему задам вопрос: «Отчего же вы не ушли со своего поста, если были убеждены, что победа Германии для вас будет означать личную трагедию?» Подождите, я ему кое-что устрою!»

8 декабря 1945 года у Геринга состоялся примечательный разговор с доктором Гильбертом. Американец заявил, что для того, чтобы искоренить национал-социализм в Германии, надо научить немецкий народ жить в мире со своими соседями в соответствии с демократическими принципами. Геринг возразил:

«Демократия неприемлема для немецкого народа! Они просто перебьют друг друга в припадке ненависти, эти лицемеры. Я рад, что мне уже не придется побывать там, за стенами этой тюрьмы, там, где каждый стремится сохранить лицо и спасти собственную голову и теперь, после нашего поражения, предает партию. Взять хотя бы этого фотографа Гофмана (личного фотографа Гитлера. — Б. С.). Я видел в газете его снимок с подписью, что он отыскивает в своем архиве фотографии, компрометирующие нас. И вспомнил, сколько же он в свое время получил за один только мой снимок — самое малое миллион марок, это при прибыли в пять пфеннигов с продажи одной фотографии. А теперь он ищет обличающие меня снимки! Нет, никакая демократия в Германии невозможна — все это без толку. Люди слишком эгоистичны и не переносят друг друга. Разве может функционировать демократия, если в стране существует семьдесят пять партий?»

Геринг тут же перешел на душевное состояние Гесса:

«Гесс ненормален! Может, память к нему и вернулась, но он одержим манией преследования. Он все время твердит о какой-то машине, встроенной в пол его камеры и призванной своим гулом довести его до сумасшествия. Я сказал ему, что слышу такой же шум и в своей камере, но он стоит на своем. Не упомнишь всей ерунды, что он болтает... Получается — если кофе слишком горяч, то его хотят отравить, если же остыл — то ему специально действуют на нервы...»

Гильберт посочувствовал:

«Нелегко вам поддерживать всех ваших подопечных в боевой готовности».

«Да, приходится следить и за тем, чтобы они друг другу глотки не перегрызли», — не без скрытой гордости признался Геринг.

«Ну а что вы думаете по поводу доказательств? Вы не находите, что материал собран убийственный?» — поинтересовался доктор.

Геринг ответил уклончиво:

«Естественно, что обвинение не занимается поиском мотивов для оправдания. Об этом мы должны позаботиться сами. Но многое они сознательно игнорируют. Например, как изменяется приказ, проходя по цепочке исполнителей. (Мол, исполнители — «лихие супостаты», неправильно понимают приказы и убивают всех, кого ни попадя. — Б. С.) Как уполномоченный по вопросам выполнения четырехлетнего плана я, например, распорядился, чтобы оплата труда иностранных рабочих не отличалась от оплаты труда немцев, но обязал взимать с иностранцев большой налог. Министерство финансов издает соответствующую директиву, она поступает в министерство труда... и в итоге получается, что чуть ли не три четверти своей зарплаты иностранные рабочие отдают в виде налога. Я же по этому поводу возразил, что они не должны умирать с голоду».

Рейхсмаршал не стал уточнять, что первый его приказ, о равной оплате труда немецких и иностранных рабочих, имел в основном пропагандистское значение, а реальными были распоряжения министерств, по которым зарплата иностранцам урезалась в несколько раз.

После паузы Геринг продолжал:

«Я пока не в состоянии все это оценить. Неужели вы думаете, что я бы всерьез воспринял рассказы о людях, которых в качестве подопытных кроликов доводили до смерти от переохлаждения? Или о том, как людей заставляли рыть себе могилы, в которые потом сбрасывали тысячи трупов? Я бы сказал человеку, который мне рассказал такое: «Да идите вы прочь со своим бредом!» Это слишком невероятно для того, чтобы быть правдой! Если отнять несколько нулей от тех цифр, что называли зарубежные радиостанции, то в это еще можно было бы поверить. Но — мой Бог — это какое-то проклятье! Такого просто не могло быть! И я отметал все такие сообщения как вражескую пропаганду».

В тот вечер Геринг впервые выразил желание участвовать в богослужении, заявив лютеранскому капеллану Герекке:

«Если я, как старший, появлюсь в часовне, остальные последуют моему примеру».

10 декабря, когда на процессе начал разбираться план «Барбаросса», Геринг в перерыве радостно прокричал Гильберту:

«Естественно, мы стремились разрушить этот русский колосс, а теперь это предстоит сделать вам!»

Гильберт, еще находясь в эйфории от союза с СССР в годы войны, возразил Герингу:

«Возможно, в этом (то есть в нападении на Россию. — Б. С.) и состояла ваша главная ошибка».

Геринг завершил дискуссию таким образом:

«Ладно, следующими, с кем вам придется разбираться, окажутся русские. Мне приятно будет взглянуть, как вы разделаетесь с ними. И безразлично, откуда я буду наблюдать за этим — с небес или из другого места!» И от души рассмеялся.

11 декабря на процессе демонстрировались документальные национал-социалистические фильмы о приходе Гитлера к власти. По замыслу обвинения они призваны были доказать, что после этого Германия непрерывно вооружалась. Фильмы растрогали Геринга, особенно когда в кадре появлялись самолеты и летчики. В перерыве он сказал Гессу, что немецкий народ снова поднимется, поскольку ничто не способно его удержать. Еще Геринг пошутил, что фильмы настолько убедительны, что даже главный американский обвинитель Джексон, должно быть, пожалел, что не вступил в НСДАП. Вечером того же дня рейхсмаршал говорил Гильберту и Келли:

«Я могу сэкономить обвинению массу времени. Нет нужды показывать фильмы и оглашать документы, чтобы доказать, что мы действительно вооружались для войны. Да, мы вооружались! Я лично вооружил Германию до зубов! Жаль только, что этого оказалось мало! Надо было больше. Конечно, между нами говоря, все эти договоры для меня были не ценнее туалетной бумаги. Разумеется, я хотел сделать Германию великой! Хорошо, когда это получалось мирным путем. Если же нет, то и к войне я был готов. А мои планы относительно Англии были куда обширнее, чем теперь считают.

Дождитесь, когда мне предоставят слово. Мне есть что сказать им. Хотелось бы увидеть их физиономии! В 1939 году я не стремился к войне с Россией, но был готов напасть на них до того, как они бросятся на нас, что наверняка бы и произошло, если не в 1943, то в 1944 году. Когда они сказали мне, что я, как только создам люфтваффе, тотчас же начну военные игры, то я ответил, что уж точно не возглавлю пансион благородных девиц...

Меня не пугала и не вызывала отвращения война, если она была призвана возродить германское могущество. Но больше всего мне хотелось бы защитить себя от обвинений по одному пункту, затрагивающему мою честь: я никогда не отдавал приказы на проведение этих позорных актов».

Под словами «позорные акты» Геринг подразумевал массовые казни.

14 декабря, когда речь зашла о геноциде евреев в Польше, во время обеденного перерыва бывший наместник Ганс Франк разубедил Гесса и Риббентропа, полагавших, что Гитлер мог не знать об истреблении евреев. Он злорадно заметил, что, если бы фюрер действительно не был в курсе происходившего, весь процесс истребления невозможно было бы организовать так быстро и эффективно. Он подтвердил, что все делалось по прямому приказу фюрера.

Кейтель осведомился у Геринга, не лучше ли было бы Гитлеру не полагаться на свое окружение и не возлагать на него всю ответственность, а взять ее на себя. Геринг возразил:

«Не забывайте, кем он был! Главой нашего государства! Я бы не вынес, если бы он был судим иностранным судом! Приказы отдавал я, и я беру на себя всю полноту ответственности!» Но мне легче десять раз умереть самому, чем стать свидетелем такого страшного унижения».

Ганс Франк неожиданно возразил Герингу:

«Это по его милости мы сейчас здесь, и единственное, что нам остается, — рассказать, как все происходило в действительности!»

После этого Геринг признался Гильберту:

«Знаете, мне совсем не хочется преувеличивать мою любовь к фюреру — вы ведь знаете, как он ко мне относился в конце. Но я не знаю, что говорить. Мне кажется, что он в последние полтора года почти все передоверил Гимmlеру».

«Но все делалось с его согласия, — резонно возразил Гильберт, — иначе разве стали бы возможны злодеяния, совершенные в таких масштабах?»

«Думаю, Гимmlеру так или иначе приходилось ставить фюрера в известность о многих убийствах и тому подобных вещах», — вынужден был признать бывший рейхсмаршал.

Когда на следующий день Гильберт беседовал с Герингом в его камере, тот уверял собеседника, что до последнего

момента пытался предотвратить войну с Англией. Он продемонстрировал книгу Далеруса, которую собирался использовать на процессе в качестве доказательства своего миролюбия.

Когда речь зашла об уже представленных на процессе доказательствах, Геринг признал:

«Дела идут все хуже и хуже, и так будет продолжаться до тех пор, пока мы не получим слово и не изложим нашу точку зрения на весь ход истории. Но знаете, что меня расстроило сильнее, чем даже тот фильм о концлагерях, — это было еще не самое страшное! Меня расстроил короткий эпизод заседания Народного суда, на котором судили участников заговора 20 июля и где председательствовал этот трепач Фрейслер. Я чуть не умер со стыда! Прежде я лишь догадывался, какие мракобесы заседают в этом суде, но пришел в ужас, когда услышал, как судья рычит на подсудимых, вина которых еще не была доказана!»

Гильберт поинтересовался, почему, несмотря на все впечатляющие данные о массовых убийствах и иных преступлениях, Геринг продолжает поддерживать Гитлера, и прибавил:

«Мне кажется, народ вряд ли оценит ваше поведение положительно».

Рейхсмаршал объяснил:

«Вам никогда не понять наш народ так, как понимаю его я. Стоит мне сейчас унижить того, кого я всегда и во всем поддерживал, меня будет ждать всеобщее презрение. Кто знает, как все обернется через пятьдесят или сто лет?»

«Наверное, Гитлер так и останется самым кровавым и вероломным чудовищем двадцатого века», — предположил Гильберт.

«Да, возможно, он был жесток и вероломен, — согласился Геринг, — но в ином смысле. У меня в голове не укладывается, что он действительно совершил такие злодеяния. Последние два года он был жесток и вероломен по отношению ко мне. Он столько раз с презрением и унижением отзывался о некомпетентности и никчемности люфтваффе, что я, краснея, поворачивался и уезжал на фронт, чтобы избежать подобных сцен. Знаете, я фактически остался не у дел после того, как вы сумели завоевать господство в воздухе. Но потом он приказал мне присутствовать на всех

штабных совещаниях, будто желая сказать: «Стой и проглатывай все это, черт бы тебя побрал!»

По свидетельству Гильберта, Геринг был очень взволнован и говорил так страстно, что у психолога не осталось сомнений: рейхсмаршал до сих пор мучительно переживает раны, нанесенные его самолюбию фюрером. Прощаясь, психолог заметил:

«У нас еще будет время побеседовать о многом до вынесения приговора».

«Вы имеете в виду смертный приговор? — усмехнулся не потерявший чувства юмора Геринг. — Приговор меня ничуть не беспокоит, меня волнует, удастся ли сохранить лицо. Поэтому я чрезвычайно рад, что капитуляцию подписал Дениц. Мне бы не хотелось, чтобы мое имя связывали с этим позором. Ни в одной стране мира никогда не чтят вождей, признавших поражение. А смерть — ну ее к чертям! Я ее уже лет с двенадцати — четырнадцати не боюсь».

23 декабря Гильберт и Геринг беседовали на темы геополитики. На этот раз рейхсмаршал дал совершенно неверный прогноз будущей расстановки сил среди великих держав. Он полагал, что «Америка, у которой интересов в Европе нет, в конце концов уйдет с континента и здесь развернется бескомпромиссная борьба между Англией и Россией».

Психолог возразил:

«В чем смысл бесконечной ненависти и конфликтов? Вы не думаете, что люди рано или поздно освоят науку переносить друг друга — хотя бы для того, чтобы существование человечества не было поставлено под угрозу?»

Геринг ответил полушутя:

«Нет, мир перенаселен. Разве что современная наука додумается обеспечить всем пропитание с помощью специальных пилюль. Англия обязана заботиться о политическом равновесии в Европе и о своем влиянии на континенте. От этого она никуда не уйдет. С населением всего в сорок пять миллионов человек Англия держит в повиновении полумиллиардную империю. Британцам придется оберегать жизненно необходимый путь через Средиземное море, препятствуя попыткам любой другой державы взять под свой контроль этот регион. Я хотел убедить Англию, что в ее интересах дать нам возможность стать сверхдержавой на кон-

тиненте. Тогда мы не мешали бы Англии в ее империи. В наших интересах было сохранение Англии в качестве противовеса русской и японской угрозам. Нас отнюдь не обрадовало взятие японцами Сингапура. Но англичане не желали видеть нас в роли хозяев континента, вот мы и ввязались в битву с русским колоссом. Думаю, британцы, хотя и с опозданием, уяснили наконец ситуацию, а Россия уже начинает мечтать о создании евразийской империи. Англия опирается на истончившийся средиземноморский путь, удерживаемый ею как великой морской державой, уже существенно ослабленной. Россия же опирается только на свои неисчерпаемые людские ресурсы. Теперь все решает господство не на море, а в воздухе. Русским в высшей степени наплевать, обстреляют ли англичане с моря парочку портовых городов или нет. Это никак не мешает им удерживать в повиновении евразийскую империю, раскинувшуюся от Франции до Китая. Подумайте: это почти миллиард населения! Чуть не половина населения Земли!

И русские, скорее всего, обойдутся без очередной революции для обретения господства над этим пространством. Германия ныне обнищала настолько, что социализма в ней не избежать. Сталин приобрел возможности влиять на коммунистические движения в течение длительного периода времени. Это даже фюрер признавал. Но кто может предугадать, какой радикал придет к власти после смерти Сталина? Я не могу. Возможно, все пойдет и мирным путем. Есть уже прослойка логически мыслящих кандидатов в преемники, имеющих власть и влияние. Это Молотов и другие парни. Прослойка всегда найдется, и неважно, какую она выберет форму правления, коммунистическую или какую-то другую. Лишь способнейшие и сильнейшие приходят к руководству страной — меня в этом смысле обмануть трудно».

Геринг напомнил Гильберту:

«Не забывайте, Россия до сих пор остается неограниченной диктатурой, такой же в точности, какой была Германия. Вам в этом случае предстоит столкнуться с вечной проблемой политики с позиции силы. Ее не объехать и не обойти!»

Гильберт демонстрировал оптимизм:

«Возможно, разумные люди в правительстве смогут урегулировать все вопросы мирным путем, а не будут ставить

всех перед свершившимися фактами, как делал Гитлер. Результат вам известен».

«Но фюрера никакими способами невозможно было переубедить, если он что-то твердо решил, — возразил Геринг. — Он оставался глух к самым разумным доводам. Так было и с русской проблемой. После того как он принял решение о нападении, отговорить его было невозможно.

Меня часто спрашивают, почему я не порвал с Гитлером, когда понял, что он не поддается моим уговорам придерживаться более разумного курса. Да он бы меня просто расстрелял в этом случае. К тому же такого поступка мне никогда бы не простил немецкий народ. Как я уже говорил, речь идет не о моей жизни или смерти, а о моей роли в истории. И если мне суждено умереть, то пусть это будет смерть мученика, а не изменника. Вы полагаете, у русских осталась хоть крупица уважения к Паулюсу (который на Нюрнбергском процессе выступил в качестве свидетеля обвинения. — *Б. С.*)? Вы думаете, у меня осталась хоть крупица уважения к тем русским генералам, которые служили нам? Нет, история рассматривает события под другим углом. Не забывайте, что величайших захватчиков никто не называет убийцами — ни Чингисхана, ни Фридриха Великого, ни Петра Великого. Настанет день, когда мир по-другому взглянет на нас и немецкий народ по-иному нас оценит. Сейчас его будут рвать на части, и, возможно, в отчаянии он заклеит нас как убийц. Но все изменится, пусть только ваша военная администрация наберется терпения. Жестокое обращение, нищета, преступность, безработица... В конце концов вы поймете, кто ваш истинный враг. Через пять лет вы вспомните мои слова и задумаетесь над ними.

Вообще, американцы в таких играх — дилетанты. Они спесивы и наивны. И мы, немцы, грешили тем же. Англичане сообразительнее в подобных вещах — у них куда больше практики. Есть пословица: «У немца мягкое сердце и твердая рука. У англичанина твердое сердце и мягкая рука». Вот этой самой «мягкой рукой» они сумели сохранить свое могущество. Сначала били буров, потом в ход пошла мягкая рука, и десять лет спустя буры сражались уже на их стороне. И сейчас британцы действуют точно так же. Они говорят себе: «Ладно, пусть американцы поиграют в тюремщиков

и обвинителей. А мы лишь предъявим наше обвинение. Это сделает наш главный судья. Он нисколько не идеологизирован и даже готов вступить за права обвиняемых. Пусть американцы возьмут на себя самую неблагоприятную часть работы, и пусть немцы их за это возненавидят».

Гильберт решил немного подтрунить над Герингом:

«Мне кажется, что вы и сами были бы не прочь записаться в англичане, если бы у вас была возможность прожить жизнь заново?»

«После соотечественников англичане для меня на втором месте, — признался Геринг. — В них есть что-то, чего нет у американцев. Например, уважение к званию и титулу. Они никогда не обратятся ни к генералу, ни к маршалу так, как вы: «Г-н такой-то». Генерал для них остается генералом, барон — бароном. Вы, американцы, этого просто не понимаете. А британцы понимают. И еще: англичане никогда не будут пытаться в один день насадить демократию в только что завоеванной стране. Они скажут: «Ну что же — в одной стране демократия работает, а в другой нет». А для вас демократия — какая-то навязчивая идея. Мы совершили ту же ошибку — попытались в один день насадить национал-социализм в оккупированных странах.

Одно для нас ясно — Германии предстоит объединиться либо с англичанами, либо с русскими, если она снова захочет подняться с колен (очевидно, раскола Германии, когда одна ее часть будет союзником США и Англии, а другая — СССР, Геринг не предполагал. — Б. С.). Видимо, приоритет окажется на стороне русских. И они не дремлют! Фриче говорил, что они все время справляются обо мне. Я и не знал, что они так мною интересуются. Может, к лучшему было бы, если бы меня арестовали они».

«Вы действительно в это верите?» — удивился Гильберт.

«Как знать? Это только одна из возможностей, — задумчиво ответил Геринг. — Впрочем, они бы меня сразу ликвидировали. Хотя, с другой стороны... И все же я ни за что бы не принял коммунизм — слишком долго я с ним сражался. Хотя все зависело бы от того, удалось ли бы нам достичь какой-то договоренности».

25 декабря 1945 года, в свое последнее Рождество, Геринг был настроен совсем не по-праздничному. Он все пытался

убедить доктора Гильберта в том, что единственная реальность в мире — это эгоизм отдельных людей и целых наций.

На Нюрнбергском процессе Геринг и в самом деле боролся не за свою жизнь, ибо в смертном приговоре несколько не сомневался, а за место в истории, за добрую память немецкого народа. Но своей цели он так и не достиг. Слишком уж чудовищны были злодеяния нацистов, и слишком трудно было поверить, что Геринг, второе лицо в государстве, ничего не знал о массовых убийствах и ни в коей мере их не санкционировал.

Геринг, предполагая, что главным соперником СССР в качестве сверхдержавы окажется Британская империя, исходил из того, что Черчилль относился к Сталину хуже, чем Рузвельт, и неоднократно предлагал поставить заслон советскому продвижению в Восточную Европу и на Балканы. Но, похоже, Геринг недооценил степень ослабления Британской империи и не знал, что она доживает последние годы своего многовекового существования. На самом-то деле единственной державой, способной противостоять СССР, оставались только США, которые, вопреки предположению Геринга, так и не ушли из Европы. Впрочем, при этом следует отметить, что в Америке в то время были сильны настроения изоляционизма и ухода из Европы, широко распространенные в том числе среди высокопоставленных политиков, и идеи раздела мира со Сталиным с уступкой ему Западной Европы были весьма и весьма популярны. Главное же, в те дни, когда Геринг уже был под арестом, британские штабы спешно разрабатывали сценарии отражения возможного советского вторжения в западные зоны оккупации Германии и Австрии.

Если бы между вчерашними союзниками действительно разгорелась настоящая война еще до завершения Нюрнбергского процесса, то у Геринга, Риббентропа и других подсудимых появилась бы реальная возможность избежать петли. Процесс в этом случае был бы немедленно прекращен, подсудимые остались бы в нюрнбергской тюрьме, и западные союзники, конечно же, не стали бы тогда судить их и тем более выносить им смертные приговоры. Ведь находившиеся в плену солдаты и офицеры вермахта сразу же оказались бы ценнейшими союзниками в борьбе с больше-

виками. Точно так же по мере эскалации «холодной войны» были смягчены приговоры осужденным западными союзниками германским военным преступникам. В частности, Кессельрингу смертный приговор был сначала заменен пожизненным заключением, а в 1952 году его и вовсе освободили. Приговоренные на Нюрнбергском процессе к пожизненному заключению Редер и Функ вышли на свободу соответственно в 1955 и в 1957 году. И у Геринга могла бы появиться возможность спокойно писать мемуары. Однако в 1945–1946 годах ни СССР, ни Англия, ни США не были еще готовы не только к войне друг с другом, но и просто к открытой конфронтации. Потому и торопились вчерашние союзники с процессом над главными военными преступниками, что понимали: через пару лет он станет невозможным из-за роста противоречий между Москвой и западными союзниками.

Геринг ошибался насчет неисчерпаемости советских людских ресурсов. Вторая мировая война их изрядно сократила. Не учитывал он и того, что наступало время ядерного оружия, способного нейтрализовать любое численное превосходство на поле боя. Хотя, надо сказать, нюрнбергские узники об атомной бомбе знали и обсуждали ее возможности. Так, в день открытия процесса Риббентроп заявил Гессу:

«...Мне кажется, в будущем людям придется решать свои проблемы мирным путем, потому что прибегать к помощи атомной бомбы слишком опасно».

Риббентроп подробно объяснил собеседнику принцип действия атомной бомбы.

3 января 1946 года обвинение допрашивало группенфюрера Отто Олендорфа, бывшего командира айнзатцгруппы «Д», истреблявшей евреев на юге Украины, в Крыму и на Северном Кавказе. Он признался в том, что его подчиненные расстреляли 90 тысяч человек. Олендорф подробно описал, как расстреливали евреев-мужчин и травили выхлопными газами в автомашинах-душегубках женщин и детей. Он заявил, что все приказы об уничтожении людей получал от Гимmlера, а тот, в свою очередь, — от Гитлера. Во время обеденного перерыва Геринг сказал об Олендорфе:

«Вот еще один продал душу врагу! И что эта свинья рассчитывает вымолить таким образом? Все равно будет висеть!»

Насчет судьбы Олендорфа рейхсмаршал не ошибся: группенфюрера повесили в 1951 году.

После обеда, когда продолжился перекрестный допрос Олендорфа, у Шпеера не выдержали нервы. Через своего адвоката он сделал сенсационное заявление, облеченное в форму вопроса к свидетелю. Он спросил, известно ли Олендорфу, что в феврале 1945 года он, Шпеер, пытался устранить Гитлера, а Гимmlера выдать союзникам. Свидетель ни о чем подобном, разумеется, не знал и на оба вопроса ответил кратким «нет». Защитнику Шпеера оставалось лишь высказаться в том духе, что, возможно, другие свидетели ответят на эти вопросы утвердительно. Но эффект от слов Шпеера был велик. Геринг выражал возмущение по поводу свежее испеченного бойца с гитлеровской тиранией и издевательски осведомился у него, как Шпеер мог отважиться на свое изменническое заявление и нарушить единый фронт подсудимых. В ходе возникшей перепалки Шпеер послал рейхсмаршала ко всем чертям.

После Олендорфа показания давал сотрудник СД Дитер Вислицени. Он подтвердил, что сам видел приказ Гимmlера об «окончательном решении», из текста которого следовало, что он был издан во исполнение распоряжения Гитлера. В разъяснении к этому приказу начальник «еврейского» отдела гестапо Эйхман писал, что «под словами «окончательное решение» следует понимать планомерное физическое истребление лиц еврейской национальности на оккупированных восточных территориях».

Вечером в камере Геринг пожаловался Гильберту:

«Плохой был сегодня день! Этот проклятый кретин Шпеер! Видели, как он унижался на сегодняшнем заседании? Боже милостивый! Черт бы его побрал! Как он мог пойти на такую низость, и все для того, чтобы спасти свою проклятую шею? Я чуть не умер от стыда! Подумать только — немец совершает такую гнусность ради нескольких лет мерзкой жизни — для того, чтобы еще несколько лет переводить хлеб на дерьмо, простите за выражение! Боже мой! Черт возьми! Вы думаете, я способен на такое, чтобы продлить свою жизнь? Да мне наплевать с высокой колокольни, вздернут ли меня, погибну ли я в авиакатаст-

трофе, или утону, или обопьюсь до смерти! Но должно же существовать в этом проклятом мире хоть какое-то представление о чести! Покушение на Гитлера! Ха-ха! Боже милостивый! Я готов был сквозь землю провалиться! Вы думаете, я стал бы выдавать кому-нибудь Гимmlера, даже будь он тысячу раз виновен? Черт возьми, в этом случае я бы скорее прикончил его собственными руками! И если уж говорить о суде, суд этот должен быть немецким. Американцам ведь не приходится в голову выдавать нам своих преступников, чтобы мы их здесь судили!»

Шпеер же поведал Гильберту, что хочет заявить о своей готовности взять на себя часть вины за принадлежность к партийному руководству и за поддержку Гитлера. Он сообщил, что у него был план «похищения десяти ведущих партийных и государственных деятелей, включая Гитлера, Гимmlера, Геббельса, Бормана, Кейтеля и Геринга, и доставки их на самолете в Англию. Однако малодушие заговорщиков в последний момент помешало исполнению этого плана».

Гильберту оставалось только усмехнуться. План Шпеера годился лишь для фантастического романа. Из шпееровского сообщения можно почерпнуть, пожалуй, лишь иерархию нацистских вождей в том виде, в каком она сложилась к февралю 1945 года. Шпеер не случайно перечислил руководителей нацистской Германии именно в таком порядке. К тому времени второе место после Гитлера фактически уже занимал Гимmlер. Геббельс, с его постами министра пропаганды и гауляйтера Берлина, по реальной власти превосходил заместителя Гитлера по партии Бормана, поскольку партийный аппарат к концу войны практически утратил руководящие функции. И даже Кейтель, замещавший Гитлера в качестве главы вермахта, в последние месяцы войны значил больше Геринга, поскольку люфтваффе уже почти не участвовали в боях. Так что лишение Геринга статуса преемника было по своему логичным. Сменивший его в этом качестве Дениц хотя бы еще располагал боеспособными подводными лодками.

На следующий день, 4 января, Геринг, возмущенный свидетельствами против подсудимых со стороны германских генералов, во время обеденного перерыва заявил:

«Черт возьми! Мне глубоко наплевать, что враг делает с нами, но мне становится не по себе, когда я вижу, как немцы предают друг друга!»

Йодль, побагровев от возмущения, сказал своему адвокату:

«Пусть эти генералы-свидетели, которые поносят нас ради того, чтобы уберечь от петли свои окаянные шеи, осознают, что они такие же преступники, как и мы, и что им тоже придется болтаться на виселицах! Пусть не думают, что им удастся откупиться, свидетельствуя против нас и утверждая, что они, дескать, мелкие сошки!»

Шпеер, напротив, убеждал бывшего главу гитлерюгенда Бальдура фон Шираха, что Геринг не случайно рассвирепел, поскольку он, как второй человек в рейхе, должен был сознавать, что фюрер тащит немецкий народ в пропасть, и предпринять конкретные действия, чтобы остановить Гитлера. А вместо этого он предпочитал одурманивать себя морфием и тащить в свое в поместье картины, наворованные по всей Европе. Гильберту же Шпеер заявил:

«Я не церемонился и выложил все начистоту... Геринг до сих пор корчит из себя великую личность, веря в то, что ему, военному преступнику, положено руководить здесь всем и всеми. Знаете, что он мне вчера сказал? «Вы не предупредили меня, что собираетесь сделать заявление!» Как вам это нравится?»

5 января, беседа с Гильбертом, Геринг критиковал представленные обвинением доказательства:

«Версия заговора (против мира. — Б. С.) явно не выдерживает критики. У нас было государство с фюрером во главе. И мы получали все распоряжения от главы государства, которому обязаны были подчиняться. Мы не были бандой преступников, выходивших по ночам на большую дорогу... Здесь отсутствуют четыре главных заговорщика: фюрер, Гиммлер, Борман и Геббельс, добавьте сюда еще и Гейдриха, всего, значит, их пятеро... Этот Гиммлер! Жалею только, что уже не удастся поговорить с ним с глазу на глаз, уж я бы его порасспросил кое о чем! Скажу вам сейчас нечто, что говорил лишь своим ближайшим соратникам: стань я фюрером, я бы первым делом устранил Бормана и Гиммлера. С Борманом бы я разделался в пять минут! С Гиммлером пришлось бы повозиться подольше — может быть, неделю-другую. Я придумал два способа — либо пригласить Гиммлера с его бандой на ужин и обложить их бомбами, чтобы они все вместе взлетели на воздух, или же, воспользовав-

шись недостатками в системе, просто перехватить власть, а его, наплевав на его титулы и звания, просто отодвинуть подальше. Первым делом я бы разделил СС и полицию. Знаете, Борман по сути своей был ничтожеством, которого поддерживал только фюрер. Вот Гиммлер отхватил себе столько власти, что разделиться с ним в один присест не представлялось возможным».

7 января Геринг с гордостью заявил:

«Я ничего не говорил под присягой на допросах, поэтому они не смогут ничем воспользоваться, приводя свои доказательства на процессе. Ни одного показания! Ничего! Ха-ха-ха! К чему давать присягу, пока тебя не вызывают на кафедру как свидетеля! Гесс еще лучше поступил! Он «просто ничего не помнил». Ха-ха! Блестяще у него это прошло! И память вернулась к нему, лишь когда он почувствовал себя достаточно вооруженным против них!»

Рейхсмаршал пообещал отказаться от перекрестного допроса «генералов-предателей» и ограничиться всего четырьмя словами в свою защиту: «Поцелуйте меня в задницу!» Он призвал остальных подсудимых последовать его примеру. Все засмеялись. Гильберт заметил, что война была бы смешной штукой, если бы на ней не гибло столько людей. «А мне это до лампочки!» — продолжая смеяться, отмахнулся Геринг.

В адрес генерала СС Эриха фон Бах-Зелевски, командовавшего карательными операциями против польских партизан и заявившего, что массовые убийства были следствием нацистской идеологии, Геринг разразился потоком брани:

«Нет, он действительно мерзкая, поганая свинья, этот изменник! Подлый ублюдок, черт его подери, засранец, безмозглый сукин сын! Он был самым закоренелым душегубом из всего их отвратительного сброда. Запродал душу, чтобы уберечь свою поганую башку!»

Йодль крикнул своему адвокату:

«Напомните ему (Бах-Зелевски. — Б. С.), как Гитлер всегда ставил нам его в пример в качестве образцового борца с партизанами!»

2 февраля 1946 года Геринг ожидал предъявления обвинений советской стороной, которая, как он полагал, была настроена по отношению к нему особенно непримиримо.

Рейхсмаршал считал, что русским было за что его ненавидеть: ведь он оставался решительным противником большевизма. Гильберт заметил, что в этом с ним может посоревноваться Розенберг. Но Геринг упорно стоял на своем, называя себя «главным вдохновителем борьбы против коммунистов», поскольку, в отличие от Розенберга, может подкрепить этот титул не только словами, но и делами. Он не без гордости вспоминал:

«Да, находясь во главе прусской полиции, я сажал коммунистов тысячами. Именно коммунистов в первую очередь помещали в концлагеря. Там они находились под полным контролем. У меня были агенты среди портовых грузчиков, и когда они попытались отправить оружие испанским республиканцам, я послал в Испанию черепицу, а сверху для маскировки положил немного оружия. Этого они мне никогда не простят!»

На предложение же Гильберта пойти помолиться, Геринг ответил с нескрываемым сарказмом:

«Молиться? К чертям! Это лишь предлог, чтобы на полчаса вырваться из этих проклятых стен».

Когда 8 февраля главный советский обвинитель Руденко начал зачитывать текст обвинения, Геринг заявил, что через 15 лет этот процесс назовут позорным. Он демонстративно снял наушники, но успел все-таки услышать, как Руденко в числе жертв нацистской агрессии назвал Польшу. Это вызвало искренне возмущение рейхсмаршала, которым он поделился с Гильбертом в обеденный перерыв:

«Не думал, что у них хватит совести приплести сюда еще и Польшу!»

«Почему вам это кажется бессовестным?» — столь же искренне удивился Гильберт.

«Да потому, что они вслед за нами сами напали на поляков. Все было заранее оговорено», — разъяснил непонятливому психологу Геринг, прекрасно осведомленный о секретном протоколе к пакту Молотова — Риббентропа.

Этот протокол, кстати сказать, процитировал в своем выступлении защитник Гесса, но трибунал отказался приобщить его к делу, заявив, что расследует только преступления подсудимых, а не кого-то другого, к тому же советская сто-

рона заявляла, что это — фальшивка. Его подлинность в Москве признали только в конце 80-х годов.

Не случайно приехавший в ноябре 1945 года в Нюрнберг заместитель наркома иностранных дел Молотова А. Я. Вышинский, фактически руководивший советской делегацией, сразу же настоял на составлении перечня вопросов, которые «являются недопустимыми для обсуждения на суде». Руденко было поручено «договориться с другими обвинителями не касаться ряда вопросов, чтобы СССР, США, Англия, Франция и другие объединенные нации не стали объектом критики со стороны подсудимых».

На заседании делегации и ее кураторов накануне открытия суда было решено:

«Обязать т. Руденко и т. Никитченко предварительно просматривать все поступающие от других делегаций для предъявления суду документы и требовать, чтобы эти документы утверждались на комитете обвинителей. По каждому документу т. Руденко и т. Никитченко обязаны давать заключение о его приемлемости или неприемлемости с точки зрения интересов СССР, в случае надобности не допускать передачи и оглашения на суде нежелательных документов».

Был составлен и перечень «неудобных» вопросов:

1. Отношение СССР к Версальскому миру;
2. Советско-германский пакт о ненападении 1939 года и все вопросы, имеющие к нему какое-либо отношение;
3. Посещение Молотовым Берлина, посещение Риббентропом Москвы;
4. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР;
5. Советские прибалтийские республики;
6. Советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Литвы, Латвии и Эстонии с Германией;
7. Внешняя политика Советского Союза и, в частности, вопросы о проливах, о якобы территориальных притязаниях СССР;
8. Балканский вопрос;
9. Советско-польские отношения (вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии).

Английская делегация, которая еще 9 ноября выступила с инициативой принятия совместных мер по недопущению политических выпадов в адрес стран-организаторов процесса, первой представила свой меморандум, в котором утверждалось:

«Если подсудимые при даче показаний или через свою защиту будут пытаться делать какие-либо политические выпады против правительств, обвинитель от Великобритании немедленно опротестует их согласно ст. 18 и 20 Устава. Обвинитель от Великобритании также примет меры в связи со всеми встречными обвинениями против политики Великобритании вне зависимости от того, по какому разделу Обвинительного акта они возникнут. Возможные встречные обвинения против правительств могут распадаться на три периода: А. Период до начала войны. В. Германское нападение на 1) Данию и Норвегию, 2) Бельгию и Нидерланды. С. Германское нападение на Югославию и Грецию.

Возможные выпады против так называемого британского империализма в XIX и в начале XX веков или против поведения Великобритании во время войны с бурами будут встречать с нашей стороны резкий отпор как не относящиеся к делу...»

У победителей, по крайней мере у СССР и Англии, рыльце тоже было в пушку, и в оглашении всей правды они не были заинтересованы. Советские действия в отношении Польши, государств Прибалтики, Финляндии и Румынии вполне могли рассматриваться как преступления против мира, а массовое убийство в Катыни — как преступление против человечности. Что же касается англичан, то они точно так же, как и немцы, собирались высадить десант в Норвегии, нарушив ее нейтралитет. Гитлер опередил их всего на несколько дней. И те же колониальные войны, вроде англо-бурской, бушевавшей еще в начале XX века, и американо-испанской, пришедшейся на конец века XIX, мало чем отличались от агрессивной войны Германии против Польши, тем более что и тогда нападению подвергались не какие-нибудь туземцы, а европейские, международно признанные нации. Союзные же бомбардировки городов Германии значительно превосходили по масштабу бомбардировки со стороны люфтваффе британских городов, Белграда, Варшавы или Роттердама.

Было известно о многочисленных фактах убийств красноармейцами, а также английскими, французскими и американскими военными германских военнопленных, а также о массовой гибели немецких и других пленных в советских лагерях в результате плохого обращения, недостаточного питания и отсутствия медицинской помощи. Правда, эти цифры не шли ни в какое сравнение с количеством советских пленных, погибших в германском плену. Кроме того, массовые убийства и изнасилования немецкого населения, совершенные Красной армией на заключительном этапе войны, легко могли быть поставлены на одну доску с преступлениями вермахта. Кстати, такие эксцессы случались и в армиях западных союзников, но гораздо реже.

Принципиальная разница состояла в том, что ни из Москвы, ни из других союзных столиц не поступали приказы о физическом уничтожении определенных категорий пленных или гражданских лиц. Хотя бывали и показательные исключения, вроде расстрела по решению Политбюро около 22 тысяч польских офицеров и гражданских лиц весной 1940 года. С германской же стороны такие приказы касались советских комиссаров, британских командос и британских и американских пилотов «летающих крепостей», бомбивших Германию, не говоря уже о почти поголовном уничтожении евреев и цыган. Но эти тонкости публика могла и не воспринять, так что подобных параллелей все союзники стремились не допускать любой ценой.

Во время перерыва Геринг привел несколько доказательств нарушения русскими прав человека и усомнился, что все материалы процесса появятся в печати. Фриче согласился с тем, что, по крайней мере, русские наверняка всего не опубликуют. Они оказались абсолютно правы. До сих пор на русском языке опубликована лишь меньшая часть материалов Нюрнбергского процесса. Может быть, стоит опубликовать их полностью хотя бы к 60-летию его завершения?

Фриче заявил, что советские обвинители сообщили о фактах, прежде ему совершенно неизвестных, — будто бы в лагере смерти за немецкой линией фронта тела расстрелянных русских женщин и детей немцы сваливали в какую-то яму. По этому поводу Геринг заметил, что русские попы-

таются теперь навесить на немцев все самые страшные преступления, в том числе и те, которые совершили сами.

«Трудновато вам будет доказать, что русские решились на убийство своих соотечественников исключительно ради того, чтобы потом обвинить в этом вас», — возразил наивный Гильберт. Бедный американец и помыслить не мог, что по указанию советского руководства еще до германского вторжения НКВД уничтожил миллионы собственных и иностранных граждан, так что стоило списать на нацистов хотя бы те захоронения, которые немцы успели обнаружить и предъявить миру в доказательство совершенных большевиками зверств. Гильберт не знал и о том, что перед самым приходом нацистов НКВД спешно расстреливал политзаключенных в лагерях и тюрьмах на оставляемой территории и второпях сваливал трупы в свежерытые или уже имевшиеся ямы и рвы. Вероятно, об одном из таких случаев и говорил Фриче.

Многоопытный Геринг только ядовито усмехнулся в ответ на реплику дилетанта:

— Откуда вы знаете, что мне тяжело доказывать, а что — легко? Я собственными глазами видел официальные отчеты о преступлениях русских!

— И где же они? — поинтересовался Фриче.

— В Женеве! — коротко и зло бросил Геринг. Он имел в виду материалы о катынском преступлении, а также о массовых захоронениях жертв НКВД вблизи Винницы, Харькова и в некоторых других местах на оккупированной территории, обнаруженных немцами, равно как и о преднамеренных убийствах немецких военнопленных, в том числе и раненых, в Феодосии и на ряде других участков фронта. Эти материалы действительно были направлены Германией Международному Красному Кресту в Женеву.

Рейхсмаршала поддержал Розенберг:

— Все, что они наговорили о зверствах нацистов, в равной мере относится и к коммунистам.

Геринг заключил дискуссию следующими словами:

— Земля круглая, и она вертится, как я уже не раз говорил. В один прекрасный день роли поменяются.

В своем предсказании Геринг оказался абсолютно прав. Мы до сих пор точно не знаем, сколько раз Советский Со-

юз смог на Нюрнбергском процессе приписать собственные преступления нацистам. Чтобы это выяснить, необходимо скрупулезное сравнение материалов процесса с данными советских архивов, в значительной части еще не рассекреченных. Но один случай, когда советское обвинение пыталось, но так и не смогло свалить на немцев свои преступления, можно назвать совершенно точно. Это печально знаменитое Катынское дело — убийство НКВД по решению Политбюро польских офицеров в Катыни и в других местах весной 1940 года.

Захоронения убитых поляков в катынском лесу под Смоленском были обнаружены немцами весной 1943 года. Созданная ими международная комиссия пришла к однозначному выводу, что это дело рук Советов. СССР, естественно, свою вину отрицал. В обвинительном заключении Нюрнбергского процесса по настоянию СССР на Германию возлагалась ответственность за то, что «в сентябре 1941 года 11 000 польских офицеров-военнопленных были убиты в катынском лесу близ Смоленска». Но адвокату Геринга доктору Отто Штамеру, опиравшемуся на документы и показания свидетелей, удалось доказать, что немцы никак не могли сделать этого.

В результате трибунал вынужден был, за неимением доказательств, исключить катынский эпизод из приговора. При этом напрашивался очевидный вывод: если немцы не виноваты, значит, катынская трагедия — дело рук Советов. Но трибунал не стал расследовать катынское преступление, сославшись на то, что он расследует лишь преступления нацистов. Если бы трибунал в Нюрнберге признал Советский Союз виновным в таких же массовых убийствах, которые инкриминировались нацистам, ему пришлось бы отказаться и от обвинений и в отношении нюрнбергских подсудимых — по принципу «как и другой», поскольку подобные преступления совершала и одна из стран-союзниц. В противном случае обвинительный приговор Герингу, Риббентропу и прочим стал бы ярчайшим примером демонстрации двойных стандартов, относящихся к победителям и побежденным.

Советскую ответственность за Катынь президент СССР Михаил Горбачев признал лишь в апреле 1990 года.

Гильберт поспешил перевести разговор на другую тему, заявив, что нового подъема великой Германии пока быть не может, что сейчас надо думать о том, как поднять страну из руин и сохранить мир. Он посоветовал немцам перестать грезить о мировом господстве, поскольку «для Германии эра мировой державности и агрессивных войн миновала».

«Я надеюсь, что вы этого не дождетесь!» — процедил сквозь зубы Геринг, а перед тем, как возвратиться в зал заседаний, воскликнул: «А я все-таки верю, что немецкий народ снова поднимется!»

11 февраля, после выступления Паулюса, рассказавшего о плане «Барбаросса», Геринг возмутился:

«Спросите у этой грязной свиньи, понимает ли он, что является изменником? Спросите, предоставили ли ему русские свое гражданство? Мы обязаны разоблачить этого предателя!»

Под напором адвокатов подсудимых Паулюс вынужден был признать во время выступления, что и сам активно участвовал в разработке плана нападения на СССР. Тогда Йодль заявил, что, участвуя в разработке «Барбароссы», Паулюс не мог не знать о концентрации советских сил вблизи границы. Паулюсу пришлось ответить, что деталей он не помнит. По этому поводу над фельдмаршалом в перерыве вволю поиздевался Геринг:

« — Он не помнит! Гесс, вы в курсе, что у вас появился конкурент? — И тут же обратился к Йодлю: — Генерал-полковник, слышали? У Гесса теперь есть конкурент. Свидетель не помнит! Ха-ха-ха! Делает вид, что ни о чем не знал. Как он может так юлить? Он же был экспертом по численности русских войск!

— Это правда, — согласился Йодль. — Он был экспертом по разработке планов. Но сейчас в расставленные мной силки он не попался. Он не стал утверждать, что русские были слабы, потому что тогда бы я ткнул его носом в его собственный отчет (о мощи Красной армии. — *Б. С.*). Он не стал утверждать и того, что они были сильны, потому что тогда оказал бы русским медвежью услугу. Поэтому просто сказал, что не помнит. Зато я помню. Подождите, дойдет очередь и до меня! Я расскажу всю историю — от начала и до конца.

— Этот Паулюс — человек конченный, он сам себя унизил!

— Конечно, — охотно согласился Йодль, — с ним все кончено, но я не могу строго судить его. Попытаться спасти — законное право каждого».

Риббентроп тем вечером в камере признался Гильберту, что, возможно, в отношении России прав был Гитлер, а не он, поскольку фюрер считал, что рано или поздно на Россию придется напасть, а Риббентроп стоял за союз со Сталиным.

15 февраля, узнав о том, что через три дня советское обвинение будет демонстрировать фильм о совершенных немцами массовых убийствах, Геринг пробурчал:

«Все это киноужасы! Кто угодно может снять такой фильм — подумает, вытащить трупы из ямы, а потом свалить их обратно трактором!»

«Нет, на этот раз вам так просто не отвертеться! — возразил Гильберт. — Когда мы обнаружили ваши концлагеря, там было столько трупов, захороненных и незахороненных! Я видел это своими глазами в Дахау и в Хадамаре!»

«Но ведь не тысячами они лежали там, не штабелями же...» — пытался оправдаться Геринг.

«Я сам видел это! — продолжал горячиться Гильберт. — Я целые вагоны трупов видел! И в крематории они лежали именно штабелями! Видел и истощенных узников. Эти превратившиеся в скелеты люди рассказывали мне, что бойня продолжалась не один год. А Дахау — это еще не самое страшное место! Так что от шести миллионов убитых вам так просто не отмахнуться!»

«Сомневаюсь, что речь может идти о шести миллионах, — неуверенно возразил Геринг. — Но вполне хватит и пяти процентов от этого числа».

В этот день режим содержания заключенных был ужесточен. В частности, теперь они должны были сами убирать свои камеры, а на прогулках им было запрещено общаться друг с другом. Геринг разозлился и связал нововведения со своим поведением на суде, раздражавшим обвинение. Он излил душу Гильберту:

«Неужели вы не понимаете, что все эти шуточки и выходки — всего лишь юмор висельника? Думаете, мне приятно сидеть и выслушивать сыплющиеся на нас градом обви-

нения? Нам нужна хоть какая-то отдушина. Если бы я не встряхивал их время от времени своими шуточками, кто-нибудь скоро окончательно сломался бы!»

Гильберт пытался убедить рейхсмаршала, что за его бравадой скрывается подсознательное чувство стыда, но, скорее всего, так и не убедил. Хотя внешне Геринг как будто согласился с доктором:

«Психолог в состоянии понять это. Но полковник Эндриус — не психолог. Думаете, в тиши этой камеры я не корю себя постоянно и не сожалею о том, что не избрал в жизни путь, который не привел бы к такому концу?»

Гильберт сообщил Герингу, что отныне заключенные будут обедать в одиночестве. Рейхсмаршал попросил психолога уговорить Эндриуса позволить подсудимым общаться хотя бы за обедом и очень волновался, что теперь будет лишен возможности воздействовать на своих товарищей по скамье подсудимых. В этом и заключалась истинная причина того, почему американцы ужесточили режим. За несколько месяцев процесса они убедились, что Геринг подчинил своему влиянию большинство подсудимых и не без успеха выстраивает некое подобие единой линии защиты.

Шпеер, напротив, выразил удовлетворение новыми правилами содержания. Бывший министр вооружений сообщил Гильберту, что пару дней назад Геринг, подойдя к Функу во время прогулки, заявил, что его, Геринга, участь предопределена и поэтому все остальные подсудимые обязаны поддерживать его и обеспечить ему достойную смерть мученика. Он убеждал Функа, что со временем, пусть даже полвека спустя, Германия непременно поднимется с колен и благодарные потомки похоронят их останки в мраморных гробах в склепах национального мемориала. О тех же мраморных гробах Геринг говорил Шираху и Фриче, но энтузиазма у них, впрочем как и у Функа, не вызвал. Никто из подсудимых, кроме Геринга, не собирался становиться мучеником за национал-социалистическую идею. Шпеер иронизировал:

«Герингу ясно, что его судьба уже определена, и ему нужна свита для торжественного путешествия. Для него хорошо было бы иметь рядом с собой пару десятков героев рангом пониже».

Полковник Эндрюс собирался разделить тюремную столовую на шесть отсеков. Один из них целиком предназначался для Геринга, а в остальных питались другие заключенные группами по несколько человек.

Когда 18 февраля Герингу впервые пришлось обедать в одиночестве, он выразил свое возмущение. Рейхсмаршал сетовал на холод и недостаток дневного света в отсеке, но истинной причиной негодования была потеря возможности общаться с товарищами. Нововведение понравилось мало кому из обвиняемых, но большинство из них винили в этом Геринга.

Обещанный фильм о массовых убийствах был показан советским обвинением 19 февраля. Вечером Геринг так отозвался о нем в беседе с Гильбертом:

«Этот фильм был снят ими и с правой точки зрения доказательством служить не может. Им ничего не стоило прикончить сотню-другую немецких военнопленных, а потом надеть на них советскую форму. Вы, в отличие от меня, просто не знаете русских. Вероятно, многие из этих кадров были сняты еще в период их революции, например, эти корзины, куда сваливают отрезанные ножом головы. А эти усеянные трупами поля — вообще типичные пейзажи любой войны. Их можно где угодно запечатлеть на пленку. Мне самому приходилось видеть тысячи трупов. А откуда вообще взялись свежие трупы для киносъемок? Не могли же русские со своими кинокамерами прибыть вовремя как раз туда, где они скопились. Скорее всего, эти трупы — их рук дело. Но, как я вам уже говорил, достаточно и пяти процентов от приведенного количества убитых. Тем не менее, что бы ни говорили и ни показывали русские, я им не верю и впредь верить не собираюсь. Они пытаются теперь спихнуть на нас творимые ими зверства».

Разумеется, сделанный советскими кинодокументалистами фильм, в отличие от фильмов, снятых самими немцами, не мог рассматриваться в качестве строгого юридического доказательства. Зато он был призван произвести и действительно произвел сильнейшее эмоциональное воздействие и на судей, и на подсудимых, и на присутствовавшую в зале публику, прежде всего на представителей прессы.

Часть геринговской критики советского фильма явно абсурдна. Не было абсолютно никакой нужды убивать немец-

ких пленных и потом выдавать их за погибших в немецком плену красноармейцев. Советские военнопленные и так гибли сотнями тысяч и миллионами, так что найти подходящую натуру для съемки труда не составляло. А вот другие замечания Геринга заслуживают внимания. Советские документалисты достаточно вольно обращались с материалом, не брезговали постановочными сценами и сознательными анахронизмами, так что одна и та же хроника порой использовалась для иллюстрации как событий Гражданской, так и Великой Отечественной войны, равно как жертвы красного террора времен Гражданской войны или 30-х годов могли выдаваться за жертвы нацистов.

Совсем недавний пример относится уже к 1999 году, когда польско-немецкий историк Богдан Музиаль вынудил на время свернуть популярную выставку «Преступления вермахта. Масштабы войны на уничтожение», которая с 1995 года с большим успехом демонстрировалась в 33 городах Германии и Австрии. Ее посетили около 900 тысяч человек. Музиалью удалось доказать, что два десятка наиболее впечатляющих фотографий, предоставленных российской стороной, в действительности отражают преступления НКВД. Например, снимок, озаглавленный «Расстрел вермахтом мирного жителя в Кралево, Сербия», в действительности запечатлел расстрел сотрудниками НКВД заключенного во Львове в июне 1941 года.

Для того чтобы разобраться, что в советском фильме, да вообще во всех материалах Нюрнбергского процесса правда, а что — либо сознательная фальсификация вроде Катинского дела, либо использование непроверенных и недостоверных данных, необходимо проделать гигантский объем работы. В течение десятилетий критический анализ нюрнбергских материалов практически не проводился. Только в 60-е годы историки-ревизионисты из Англии, Германии и других стран начали проводить его, однако с заведомо пронацистских позиций, отрицая и холокост, и другие преступления Гитлера и его соратников или в лучшем случае оправдывая военные преступления со стороны Германии аналогичными преступлениями, совершенными союзниками.

Наверное, настало время объективно оценить Нюрнбергский процесс. Его значение непреходяще, и никакая крити-

ка умалить его не может. Впервые в истории были доказаны и осуждены преступления против человечности и их вдохновители, те, кто пытался определять жизнь и смерть целых народов, исходя из расового принципа. Впервые были осуждены руководители государства, развязавшие агрессивную войну. Впервые в истории были осуждены партия и спецслужбы тоталитарного государства как орудия преступления.

Но надо помнить, что готовился процесс в большой спешке. Он открылся уже 20 ноября 1945 года — всего через полгода после завершения войны в Европе. Следует также учесть, что основные документы Третьего рейха союзные войска захватили только в мае 1945 года, и тогда же в их руки попали уцелевшие нацистские вожди. Согласимся, что полгода для расследования столь масштабных и многочисленных преступлений, которые совершили руководители национал-социалистического государства, — срок слишком малый, даже с учетом того, что многие нацистские преступления стали документироваться задолго до окончания войны. Поэтому неизбежны были многочисленные ошибки и нестыковки, не говоря уже о прямом стремлении Советского Союза приписать немцам советские преступления и затушевать собственные неблагоприятные деяния вроде секретного протокола к пакту Молотова — Риббентропа, отразившего в том числе и стремление Сталина к захвату соседних государств. Добавим и то, что немецкие документы пришлось в спешке переводить на английский, французский и русский языки, что добавило ошибок и неточностей.

Но вернемся к Герингу и его переживаниям в связи с тем, что его изолировали от товарищей по несчастью:

«То, что я сейчас — «наци № 1» среди обвиняемых, еще не означает, что я — самый опасный из них. И полковнику Эндрюсу не стоит забывать, что ему приходится иметь дело с личностями, вошедшими в историю. Правильно ли мы действовали или нет, мы — личности исторические, а он — никто».

Геринг вспомнил о британском тюремщике Наполеона, которому пришлось писать двухтомные мемуары, оправдываясь в суровом обращении с поверженным императором. Соотечественники его якобы все равно посадили бы в тюрьму.

Фриче, бывший начальник отдела радиовещания министерства пропаганды, талантливый радиокомментатор и журналист, был морально сломлен показанными «киноужасами». Он говорил Гильберту, что чувствует себя утопающим в гигантской куче дерьма, и назвал Геринга, сохранявшего невозмутимость, «толстошкурый носорогом» и позором немецкого народа.

24 февраля Геринг, в свою очередь, убеждал Гильберта:

«Поймите, профессор, я не бесчувственное чудовище, для которого человеческая жизнь — ничто. Все показанные ужасы не оставили меня равнодушным. Но мне на своем веку пришлось повидать и тысячи обгорелых, изуродованных трупов Первой мировой войны и познать, что такое голод. И тысячи обгорелых трупов женщин и детей, погибших при авианалетах в эту войну. Конечно, Фриче сломался, насмотревшись на то, что демонстрировалось на экране, его даже освободили от участия в очередном заседании. Но ему за всю войну только и приходилось сообщать по радио о том, что Берлин или Дрезден стали объектом очередного террористического налета, во время которого погибло столько-то человек. А я, как министр авиации и главнокомандующий люфтваффе, сам ездил осматривать трупы, иногда еще дымившиеся. И мне нет нужды смотреть фильмы, чтобы понять, как выглядят ужасы войны».

«Мне казалось, что вы сыты по горло ужасами и разрушениями Первой мировой и постараетесь ни в коем случае не допустить их повторения», — признался Гильберт.

«Верно, — согласился Геринг, — но не забывайте, что это от меня не зависело. Я старался не допустить войны и даже за спиной Гитлера пытался вести переговоры. Убежден, что Гитлер мог бы получить все, чего желал, безо всякой войны, если бы он захотел договориться».

«Неужели вы действительно сделали все, что было в ваших силах? Может быть, вы взбунтовались? Попытались убить Гитлера? Или подали в отставку? — с нескрываемой иронией спрашивал Гильберт. — Все ваши действия можно было бы оправдать, если бы вы действительно предприняли хоть одну попытку предотвратить катастрофу».

«Ладно, предположим, я решился бы на нечто такое, что абсолютно несовместимо ни с честью офицера, ни с любо-

вью к отечеству. Предположим, я бы даже ушел. Вы думаете, это могло что-нибудь изменить? Ничего подобного! Тогда министром авиации стал бы Кессельринг, Мильх, или Боденшатц, или кто-нибудь еще и все разыгрывалось бы по тому же самому сценарию. Или вообразим себе, что фюрер отдает приказ, а я его не исполняю. Вы думаете, кто-нибудь подчинился бы мне и последовал моему примеру? Да Гитлеру не было бы нужды меня расстреливать. Он просто сказал бы: «Не слушайте беднягу Геринга, у него с головой не все в порядке». Неужели вы этого не понимаете? Такие вещи были невозможны в принципе!»

Тут Геринг опять вернулся к образу героя-страдальца:

«Не следует переоценивать значение человеческой жизни, мой дорогой профессор! Рано или поздно все мы умрем. И если мне предоставляется возможность выбрать смерть мученика, тем лучше. Вы думаете, всем выпадает такая честь? Вполне возможно, когда-нибудь мои кости уложат для погребения в мраморный гроб, и поверьте, одно это намного больше того, на что могут рассчитывать большинство из смертных.

Разумеется, это не обязательно будут мои кости. Это как с Наполеоном или Фридрихом Великим... Сколько раз французы подвергали разграблению места их захоронения! Или взять, например, щепки от Креста Господня. Я всегда говорил, что если бы собрать все щепки от него, то из таких крестов можно было бы возвести целый лес, ха-ха! Нет, пусть это будут не чьи-то персональные кости, а торжество самой идеи!»

Но мраморного гроба Геринг вряд ли когда-нибудь дождется. И по поводу судьбы своих останков Геринг не ошибся. Он понимал, что после казни его труп, как и трупы других подсудимых, союзники уничтожат, поэтому будущим поколениям, даже если они признают Геринга великомучеником, хоронить будет нечего. Останется только воздвигать памятники. Но памятники Герингу, повторю, так и не появились. И до Фридриха Великого и Наполеона он никогда не дотягивал, не говоря уж о кощунственном сравнении с Иисусом Христом. И дело не только в том, что от таких преступлений, к которым были причастны Геринг и другие нацистские вожди, в ужасе отшатнулись бы

и Наполеон, и Фридрих, а возможно — и сам Чингисхан. Все-таки рейхсмаршал никогда не был первым номером в государстве, не был он и настоящим полководцем, так как был лишен возможности проводить самостоятельную стратегию.

27 февраля 1945 года на процессе давали показания уцелевшие жертвы холокоста. Они рассказывали об уничтожении евреев в вильнюсском гетто, о том, как в лагерях проводились чудовищные медицинские эксперименты. Прозвучали здесь и некоторые легенды, впоследствии не нашедшие подтверждения, например, о том, будто еще живых еврейских младенцев бросали в печь крематория. Но в целом на присутствующих приведенные факты произвели убийственное впечатление. Во время обеденного перерыва Геринг ответил Гильберту, единственному своему собеседнику, на постоянно мучивший того вопрос, знали ли вожди рейха о массовых убийствах, совершавшихся от их имени:

«Разумеется, никто не знал. Вам же известно, как это бывает даже в самом обычном батальоне — командир батальона не ведаёт, что именно творится в данный момент на фронте. Чем выше ранг, тем меньше вам известно, что происходит в действительности».

Надо, правда, иметь в виду, что количество уничтоженных евреев в отчетах могло быть и завышено. Так, Варлимонт в мемуарах подробно описал процесс фальсификации армейскими инстанциями данных о количестве советских политработников, истребленных в соответствии с «приказом о комиссарах». Этот приказ содержался в протоколе совещания в ОКВ от 12 мая 1941 года. Он гласил:

«Их (политработников. — Б. С.) не следует рассматривать как военнопленных и надо ликвидировать самое позднее в пересыльных лагерях. Ни в коем случае нельзя отправлять их в тыл».

По этому поводу Варлимонт писал в мемуарах:

«Полевые командиры поняли, что из сложившейся ситуации есть лишь один выход: они разработали сложную процедуру, посредством которой после тщательного подсчета общего числа взятых в плен сообщали время от времени, что расстреляно столько-то комиссаров. Фактически они их не считали и не выявляли, и в действительности убивали значительно меньше, чем указывали в отчетах».

Об этом говорили и офицеры на процессе ОКВ, проходившем в 1948 году в Нюрнберге. Тогда за «приказ о комиссарах» и прочие преступления Варлимонт был приговорен к пожизненному заключению. Нельзя исключить, что точно так же в отчетах существенно завышалось число уничтоженных евреев. Делалось это, конечно же, отнюдь не из стремления пощадить их, а просто потому, что такого количества евреев на подведомственной им территории найти не удавалось, и тогда число расстрелянных завышалось, чтобы соответствующую территорию можно было считать «очищенной».

Кстати, в Нюрнберге Герингу пытались инкриминировать выполнение «приказа о комиссарах», но рейхсмаршал резонно возразил, что люфтваффе брать пленных не имели никакой возможности и по этой причине никак не могли никого расстреливать. Фактически этот преступный приказ был отменен только 6 мая 1942 года, когда Гитлер разрешил «с целью повышения готовности к дезертирству и к капитуляции окруженных советских войск временно и в порядке эксперимента гарантировать жизнь командирам, комиссарам и политрукам». Авиаполевые дивизии, наземные части люфтваффе, воевавшие на Восточном фронте, были созданы только осенью 1942 года и выполнять приказ о комиссарах не могли даже при желании.

Честно говоря, в миролюбие Геринга, в его стремление избежать войны совсем не верится. Он совершенно осознанно вступил в национал-социалистическую партию, которая ставила одной из своих целей борьбу против Версальской системы самыми радикальными средствами, вплоть до военных. И для чего же тогда он занимался наращиванием вооружений вермахта, возрождал германскую авиацию, бросил лозунг: «Пушки вместо масла»? Неужели только для того, чтобы у германских военных были дорогостоящие игрушки в виде истребителей, танков, подводных лодок и мощнейших линкоров?

Да и кто угрожал Германии в 30-е годы? От Советского Союза ее отделяла Польша, которая, равно как и Чехословакия, была слишком слаба, чтобы воевать с Германией. Англия и Франция, в свою очередь, меньше всего хотели войны и шли на весьма значительные и беспринципные уступки Гитлеру, проводя печально памятную «политику

умиротворения» только для того, чтобы избежать ее. США же в тот момент погрязли в изоляционизме и в дела Европы не вмешивались.

Попытки Геринга выдать за признаки своего миролюбия тактические разногласия с Гитлером о сроках начала Второй мировой войны и нападения на СССР никого убедить не могли. И как мученика Геринга воспринимали только сторонники национал-социалистической идеи, которых в первые годы после краха Третьего рейха и в Германии, и в мире было не слишком много. Сейчас, пожалуй, их гораздо больше, в том числе и в России, пожертвовавшей в борьбе с Гитлером более 40 миллионов жизней.

6 марта 1946 года Герингу и другим обвиняемым стало известно содержание речи, которую произнес Черчилль в Фултоне. Прочтя в газете призыв бывшего британского премьера: «Объединяйтесь против дальнейшего продвижения русских!» — рейхсмаршал бросил во время обеденного перерыва:

«Правильно, я об этом давно уже говорю. Вы еще убедитесь, что я был прав. Снова на повестке дня — старое доброе равновесие сил. Это им (англичанам. — Б. С.) за попытку сравнить нас с Востоком! Они никогда не могли решить, с кем нас сравнивать, с Востоком или с Западом. А теперь, видите ли, Россия кажется им слишком сильной, и нужно срочно отыскать ей противовес!»

Гильберт поинтересовался у Геринга, верит ли он, что Англия заключила мюнхенское соглашение только для того, чтобы, используя в качестве приманки Чехословакию, подхлестнуть Германию к агрессии против Советского Союза.

«Ну разумеется, — согласился Геринг. — Но потом они испугались, что Германия станет слишком сильной. А теперь их головная боль — Россия».

Рейхсмаршал не скрывал своего злорадства. Вот, мол, не позволили Германии продолжать натиск на Восток и в конце концов разделаться с Россией, а теперь самим приходится расхлебывать кашу с русскими!

8 марта 1946 года Геринга разбудили пораньше, поскольку его хотели сфотографировать репортеры. Геринг был доволен, что его персоне по-прежнему уделяют повышенное

внимание, но заметно нервничал. Когда Гесс, направляясь в зал заседаний, заявил, что его секретарша отказалась выступать в качестве свидетеля защиты, Геринг ее решение одобрил:

«С чего бы женщине хотеть очутиться здесь, во враждебной атмосфере? Я бы ни одну женщину не стал принуждать к такому».

В этот день начались выступления свидетелей защиты Геринга. Свидетельствовать в его пользу выразили готовность старые друзья и соратники Пауль Кернер, Карл Боденшатц, фон Браухич, Альберт Кессельринг. Свидетелем защиты стал и Эрхард Мильх, чьи отношения с рейхсмаршалом в последние годы были далеко не безоблачными. Теперь он яростно защищал Геринга, и не только потому, что тем самым защищал и себя от будущих обвинений. В плену у Мильха вновь проснулась симпатия к Герингу, с которым они вместе противостояли победившим врагам. Из близких друзей Геринга только генерал-полковник Бруно Лёрцер, отправленный в декабре 1944 года в отставку с поста начальника управления личного состава люфтваффе, отказался стать свидетелем защиты.

Первым на кафедру поднялся Карл Боденшатц. Он заявил, что в 1939 году люфтваффе были совсем не готовы к войне и Геринг, без ведома Риббентропа и Гитлера, пытался начать переговоры с Англией. Говорил Боденшатц и о том, что рейхсмаршал вызволил многих своих знакомых евреев из концлагерей. Американский обвинитель Джексон во время перекрестного допроса возразил, что все это Геринг делал не из лучших побуждений и что вместе с тем он был осведомлен и о существовании концентрационных лагерей, и о ходе подготовки к захватнической войне.

Насчет концлагерей американский обвинитель был, конечно, прав. А вот наличие у Геринга лучших побуждений отрицать все же не стоит. В конце концов, спасая от гибели друзей жены и собственных знакомых, он рисковал хоть и не жизнью, но, по крайней мере, репутацией в глазах Гитлера. Причем начал спасать евреев рейхсмаршал задолго до того, как поражение Германии стало очевидным и неминуемым.

Джексон заставил Боденшатца путаться в ответах, и впечатление от его выступления было скомкано. Геринг тоже

невысоко оценил выступление старого друга. В обеденный перерыв рейхсмаршал заявил Гильберту:

«Ну, этот несчастный нагородил! Я с самого начала сомневался, вызывать ли его в качестве свидетеля, но он всегда был предан мне и готов был замолвить за меня словечко. Ничего, подождем, когда Джексон начнет допрашивать меня. Я — не этот неврастеник Боденшатц...» И, доев овсянку, вытер тарелку куском галеты.

9 марта Геринг беседовал с Гильбертом в своей камере. Рейхсмаршал признался:

«Хотите верьте, хотите нет, но жестоким человеком я никогда не был. Я признаю, что порой действовал жестоко, и признаю также, что далеко не всегда колебался, когда надо было расстрелять тысячу заложников в качестве акции возмездия. Но сознательно допускать жестокость ради самой жестокости, пытаться женщин и детей — боже упаси! Это совсем не в моем характере. Вероятно, вам это покажется патологией, но я до сих пор не могу понять, как Гитлер мог знать обо всех мерзостях и мириться с этим! Когда я узнал об этом, мне очень захотелось, чтобы здесь минут на десять оказался Гиммлер. Уж я бы его расспросил обо всех этих делах...»

«Почему же вы тогда обвиняете в измене генерала Лахузену? — поинтересовался американец. — Он же понимал, что происходит, и старался подорвать систему изнутри».

«Позвольте, это совсем другое дело! Это предательство, пособничество врагу! Можно устроить революцию, можно даже пойти на убийство, не забывая, что в этом случае ты рискуешь головой. Каждый волен действовать таким образом. Я сам шел на подобный риск во время нашего выступления в 1923 году. Меня вполне могли убить, а не только ранить... Измена родине — это измена отечеству в пользу иностранного государства. А государственная измена — это измена только правящему режиму, главе государства, то есть нечто совсем другое».

Следует признать, что в определении, данном Герингом, есть своя логика. Но Гильберт все равно стремился усть рейхсмаршала:

«Если представить себе, что эта ваша, с позволения сказать, революция, а точнее, «пивной путч», действительно

была государственной изменой, то я удивлен, что вы с Гитлером так легко отделались».

Геринг хитро усмехнулся:

«Да, конечно, но не забывайте, что это был баварский суд, а баварцы действовали заодно с нами, потому что хотели своей, баварской революции. Они стремились к автономии, к отделению Баварии от Германии и созданию своеобразного католического союза с Австрией, мы же, великогерманские патриоты, наоборот, хотели аншлюса Австрии. И когда мы предложили им свалить существовавший режим и самим стать у власти, они согласились выступить на нашей стороне. Но мы, само собой, не думали ни о каком расколе Германии ради какого-то «католического союза». И они не могли позволить себе никакой бесцеремонности по отношению к нам, потому что тоже желали крушения республики».

«Да, ваша жизнь была богата событиями», — заметил Гильберт.

«Верно, — согласился Геринг. — Я думаю, если бы была возможность прожить жизнь заново, я бы не совершил некоторых ошибок. Впрочем, какая теперь разница? Тут уж о своей участи долго не порассуждаешь. Направлять колесо истории, вести политику с позиции силы и управлять экономикой — ох как нелегко! Логично предположить, что Англия мечтала столкнуть нас с Россией: это было на пользу Британской империи. Логично и то, что Россия, по той же самой причине, не имела ничего против того, чтобы мы увязли в войне с западными державами. Если бы у меня была возможность посидеть у камина со стаканчиком виски вместе с сэром Максвеллом-Файфом (британским обвинителем. — Б. С.) и откровенно с ним побеседовать, бьюсь об заклад, он сказал бы, что британцы всем сердцем желали, чтобы мы начали войну с Россией. Да, все именно так: силы истории, перенаселение — вот что определяет ход событий. И неважно, кто приходит к власти — все равно цепь неминуемых событий была и остается».

12 марта защита Геринга представила суду в качестве свидетелей фон Браухича, Пауля Кернера и Альберта Кессельринга. Когда доктор Латернзер, защищавший германский Генеральный штаб, спросил Кессельринга, может ли тот

привести примеры нарушений международного права другой стороной, фельдмаршал ответил, что во время поездок на фронт сталкивался со многими примерами такого рода. Тут его прервал советский обвинитель Руденко:

«Я протестую против этого вопроса! С моей точки зрения, свидетели не имеют права делать какие-либо заявления по поводу нарушений союзниками международного права. Я думаю, этот вопрос должен быть снят».

После недолгой дискуссии вопрос действительно сняли.

13 марта еще до начала заседания Гильберт навестил Геринга в его камере. Рейхсмаршал подтвердил, что по-прежнему не признает юрисдикции трибунала, и процитировал слова Марии Стюарт о том, что ее может судить только суд пэров (вероятно, он имел в виду прусскую палату господ и себя как главу прусского правительства. — Б. С.). Гильберт возразил, что подобный суд был уместен в эпоху королей, но вопросы, затрагиваемые в Нюрнберге, вообще уводят нас к началу цивилизации. Геринг заявил в ответ:

«И все же, что бы у нас ни происходило, это ни в малейшей степени не должно касаться вас, американцев. Если погибло пять миллионов немцев, то с этим предстоит разбираться самим немцам. Наша государственная политика — наше суверенное право».

Этот аргумент американский психолог парировал:

«Если развязывание агрессивных войн и геноцид не являются преступлениями и ничьи интересы не затрагивают, тогда легко смириться и с уничтожением всей цивилизации на планете».

Геринг пожал плечами:

«В любом случае единственный раз в истории иностран- ный суд присвоил себе право судить деятелей суверенного государства».

Допрос Геринга начался 12 марта 1946 года после обеда и продолжался девять дней. Рейхсмаршал начал с того, что перечислил все свои награды. Он подробно остановился на своем знакомстве с Гитлером и на почти четвертьвековой истории национал-социалистического движения. Геринг рассказал о формировании штурмовых отрядов, о своем участии в мюнхенском путче 1923 года. Его память поража-

ла. Он помнил мельчайшие подробности разговоров и совещаний, которые проходили много лет тому назад, и это произвело впечатление на публику. Даже недолюбливавший Геринга Шпеер признал, что в своем последнем сражении в Нюрнберге Геринг, хотя и лишенный своих многочисленных орденов и регалий, был великолепен.

Геринг отметил свою роль в создании в Пруссии концентрационных лагерей для коммунистов и социал-демократов. Он заявил, что стал инициатором ликвидации земельных парламентов, так как необходимо было поставить суверенитет рейха выше суверенитета земель. На такую химеру, как демократия и закон, Геринг внимания не обращал. Кстати, характерно, что за свои посты в Пруссии он ни сколько не цеплялся.

Геринг не без гордости заявил:

«Влияние на Гитлера, если на него вообще можно было оказывать какое-либо влияние, имел только я, по крайней мере, до конца 1941 или начала 1942 года. Я не верю, чтобы кто-нибудь еще мог делать это».

Еще бывший рейхсмаршал утверждал:

«Если не суд, то германский народ я смогу убедить в том, что я все делал во благо рейха».

Вечером первого дня своего выступления на процессе Геринг не притронулся к ужину, а только закурил свою большую баварскую трубку. Он сообщил доктору Гильберту, что слишком взволнован и ему не до еды. Рейхсмаршал признался:

«После почти годичного заключения, после пяти месяцев судебного разбирательства, без права сказать хоть одно слово в зале заседаний, сегодняшнее выступление было для меня нелегкой нагрузкой, особенно в первые десять минут. Но единственное, что мне по-настоящему досаждало, так это дрожь в руках, которую я поначалу никак не мог унять. А теперь посмотрите: они совсем не дрожат!»

В этот вечер Геринг был настроен на философский лад. Человека он назвал самым злым и самым крупным хищником из всех существующих на земле. Ведь он наделен разумом, а это позволяет уничтожать своих собратьев сотнями

и тысячами просто для забавы, тогда как хищный зверь убивает свои жертвы исключительно ради пропитания. Геринг не сомневался в том, что будущие войны окажутся еще более разрушительными.

Под давлением представленных советским обвинителем документов Геринг вынужден был признать наличие широких экспансионистских планов Германии в отношении СССР, предусматривавших, в частности, немецкую колонизацию Крыма и значительной части украинских земель и включение государств Прибалтики в состав рейха. Он также согласился с тем, что план «Барбаросса» был разработан более чем за пять месяцев до нападения на СССР, хотя и пытался убедить суд, что этот план создавался «на случай изменения политической обстановки» и не делал германское нападение на СССР неизбежным. При этом Геринг подчеркивал, что он призывал сосредоточиться на практическом использовании оккупированных территорий для нужд войны, прежде всего для получения оттуда продовольствия.

Следующий фрагмент допроса Геринга, где затрагивался вопрос о том, была ли агрессия против СССР превентивной войной, традиционно опускался в советских изданиях:

«Геринг: Если бы вы знали немецкий язык, тогда бы из предложения, в котором говорится: «возражая против этого, рейхсмаршал подчеркнул...», вы бы поняли, что это все означает. Другими словами, я не говорил здесь: «Я протестую против аннексии Крыма» — или: «Я протестую против аннексии государств Прибалтики». У меня не было никаких оснований так поступать. Если бы мы одержали победу, тогда после подписания мира мы в любом случае решили бы, как аннексия может служить нашей цели. А в тот момент, когда мы еще не закончили войну, я лично предпочитал обратиться к практическим проблемам.

Руденко: Я вас понял. Вы считали, что аннексия этих регионов должна была последовать позже. Как вы сами сказали, после победы в войне вы бы захватили эти провинции и аннексировали их.

Геринг: Как старый охотник, я действовал согласно принципу: не делить шкуру неубитого медведя.

Руденко: Я понял. Шкуру медведя следует делить только тогда, когда территории будут захвачены полностью, не так ли?

Геринг: Что именно делать со шкурой, можно со всей определенностью решить только после того, как медведь будет убит.

Руденко: К счастью, этого не случилось.

Геринг: К счастью для вас.

Руденко: Итак, подводя итог вашим ответам на мои вопросы, стало совершенно ясно, я думаю, вы согласитесь, что военные цели были агрессивными.

Геринг: Единственной решающей целью войны была ликвидация опасности, которую Россия представляла для Германии.

Руденко: И захват русских территорий.

Геринг: Я попытаюсь еще раз прояснить этот пункт, а именно то, что до начала войны не обсуждалось. Ответ заключается в том, что фюрер видел в позиции России и в сосредоточении войск на нашей границе смертельную угрозу для Германии и хотел устранить эту угрозу. Он рассматривал это как свою обязанность. Что могло бы быть сделано в мирное время, после победоносной войны, это совсем другой вопрос, который в то время не обсуждался ни в какой форме. Но, отвечая на ваш вопрос, я не имел в виду того, что после победоносной войны на Востоке у нас не возникло бы никаких мыслей об аннексиях.

Руденко: Я не хочу возвращаться к вопросу о так называемой превентивной войне и отнимать время у суда, но тем не менее, раз вы затронули эту тему, я бы хотел спросить вас о следующем.

Вы помните показания фельдмаршала Мильха, который утверждал, что ни Геринг, ни он сам не хотели войны с Россией? Вы помните это показание вашего свидетеля, фельдмаршала Мильха?

Геринг: Да, отлично помню.

Руденко: Вы действительно помните. В таком случае почему вы не хотели войны с Россией, если вы видели так называемую русскую угрозу?

Геринг: Во-первых, как я уже говорил, именно фюрер видел эту угрозу столь серьезной и близкой по времени. Во-вторых, я указал ясно и точно основания, по которым

я полагал, что эта угроза не столь близка по времени и что сначала следует предпринять другие предупредительные меры.

Руденко: Но вы не отрицаете показания своего свидетеля?

Геринг: Мнение Мильха несколько отличалось от моего. Он считал серьезной угрозой для Германии то, что война с Россией означала войну на два фронта. Он не придерживался мнения, что Россия не представляет опасности, он полагал, что, несмотря на эту опасность, стоит рискнуть и не использовать нападение в качестве превентивного средства против этой опасности. Я также держался этой точки зрения, но, конечно, в другое время.

Руденко: На основе ваших ответов на нескольких сессиях можно сделать вывод, что не существовало страны на земле, которую бы вы не рассматривали как угрозу.

Геринг: Другие страны не представляли угрозы для Германии, но я лично начиная с 1933 года всегда видел в России величайшую угрозу.

Руденко: Хорошо, но, конечно, под «другими странами» вы понимаете ваших союзников, не правда ли?

Геринг: Нет, я думал о других странах. Если вы снова меня спросите, я отвечу, что угрозу для Германии, по моему мнению, представляет продвижение России на Запад. Естественно, я также видел определенную угрозу в двух западных державах — Англии и Франции, и в этой связи, в случае вовлечения Германии в войну, я также рассматривал в качестве угрозы и США... Малые страны могли представлять прямую угрозу, если бы они использовались большими странами в качестве баз в войне против Германии.

Руденко: Естественно, малые страны не представляли угрозы, потому что Германия их уже оккупировала.

Геринг: Нет, малая страна, как таковая, не представляет угрозы, но если большое государство использует ее против меня, тогда малая страна также может превратиться в угрозу.

Руденко: Я не хочу дальше обсуждать то, что не имеет отношения к вопросу. Основной вопрос заключается в германских намерениях по отношению к территории СССР, и на него вы уже ответили твердо и решительно. Я перейду к следующему вопросу».

Советский обвинитель не случайно поспешил свернуть дискуссию. Ведь слова Геринга насчет «малых стран», которые могут использовать «большие государства» для создания угрозы, почти дословно повторяли официальную советскую позицию в связи с оккупацией стран Прибалтики Красной армией и с советским нападением на Финляндию.

8 марта Боденшатц, выступая в качестве свидетеля, заявил, что прежде никогда не слышал о жестокостях, творимых в концлагерях, и что только в середине марта 1945 года, когда он заявил Герингу о своей отставке по болезни, тот впервые сообщил ему за обедом, что «очень много евреев погибло там (в концлагерях. — Б. С.) и что нам придется дорого заплатить за это. Тогда в первый раз я услышал о преступлении против евреев».

Во время допроса самого Геринга Руденко не преминул воспользоваться этим красноречивым свидетельством:

«Руденко: 8 марта здесь, в судебном заседании, ваш свидетель Боденшатц заявил, что вы сказали ему в марте 1945 года, что много евреев убито и что за это придется дорого заплатить. Вы помните это показание вашего свидетеля?»

Геринг: В такой форме, как оно теперь переведено, этого свидетельства я не помню вообще. Свидетель Боденшатц никогда не говорил этого подобным образом.

Руденко: А как говорил свидетель Боденшатц, вы помните?

Геринг: Он говорил, что, если война будет проиграна, это обойдется нам очень дорого.

Руденко: Убийства, которые вы совершали?

Геринг: Нет, вообще. И мы это сами увидели».

В данном случае очевидно, что советский обвинитель был совершенно прав и Боденшатц говорил именно то, что процитировал Руденко. Но в вопросе о холокосте Геринг отрицал свою осведомленность до последнего. Слишком уж постыдным перед историей было это преступление. А свидетельство Боденшатца полностью разрушало тезис рейхсмаршала о том, что когда он писал Гейдриху об «окончательном решении», то имел в виду только депортацию, а не истребление евреев. Получается, что Геринг прекрасно знал об истреблении евреев и понимал, что за это придется отвечать.

14 марта 1946 года Гильберт сообщил обвиняемым, что ночью скончался фельдмаршал Бломберг. Беседовавший в этот момент со своим адвокатом, Геринг, прервавшись на полуслове, заявил: «Мы все считаем, что потеряли человека чести», хотя в свое время именно он ничего не сделал для того, чтобы предотвратить унижительную отставку Бломберга.

Вновь заняв место на кафедре, Геринг попытался оправдать убийство Рема тем, что тот готовил путч и собирался убить фюрера и возглавить новую революцию, направленную против армии и офицерского корпуса, который глава штурмовиков считал реакционными. Рейхсмаршал настаивал и на необходимости исключения церкви из жизни государства, хотя и выразил сожаление, что некоторые священники потом оказались в концлагерях. Нюрнбергские законы, ограничивавшие права евреев, которые он подписал как президент рейхстага, Геринг оправдывал тем, что евреи были оппозиционно настроены по отношению к национал-социалистскому режиму.

Рейхсмаршал подчеркивал достижения гитлеровского правительства, относя к ним ликвидацию безработицы, перевооружение Германии и аншлюс Австрии. За эти действия Геринг готов был принять на себя всю полноту ответственности, особенно подчеркивая, что он один, как главнокомандующий люфтваффе и министр авиации, целиком ответствен за перевооружение, подготовку и моральный дух военно-воздушных сил.

За обедом Геринг спросил Гильберта:

«Ну как? Правда ведь, нельзя сказать, что я держался трусливо?»

«Но что будет, когда пойдет речь о захватнических войнах?» — поинтересовался Гильберт.

«Ну, по этому поводу мне тоже есть что сказать», — заверил доктора Геринг.

«А об ужасах и бесчинствах?» — не унимался Гильберт.

Геринг сник, но опять завел старую песню:

«Я не воспринимал всерьез всякие слухи и не считал нужным их проверять».

Подсудимые в целом положительно расценили выступление Геринга. Даже Шахт заявил, что Геринг все сказал верно, за исключением оправдания антисемитских законов. Дениц

удивился тому, что Геринг, оказывается, может владеть собой, и поблагодарил рейхсмаршала за то, что тот явил «пример чести и достоинства» и сумел «пристыдить обвинение».

«Оно пристыжено моей цепкой памятью», — отозвался Геринг.

Фриче заявил, что Геринг очень точно описал историю первых лет существования НСДАП, а Ширах был взволнован его речью «до сердцебиения».

После обеда Геринг описал свою роль в захвате Чехословакии, Польши и Норвегии, заметив попутно, что независимость суждений для представителей высшего командования немыслима.

Геринг не каялся и не уходил от ответственности. В частности, он заявил:

«Хотя я получал от фюрера устные и письменные приказания, на основе которых издавал собственные распоряжения, за все, под чем стоит моя подпись, я беру на себя полную ответственность. Я не намерен прикрываться приказами фюрера».

Сказал Геринг пару добрых слов и о национал-социалистическом государстве:

«Я поддерживал принцип этого государства и вполне осознанно и безусловно одобряю его сегодня. Нельзя игнорировать то, что политические системы разных стран имеют различные происхождение и историю. То, что хорошо подходит для одной страны, может совершенно не подходить для другой. Германия после многих веков монархии привыкла к «фюрер-принципу». Это тот же самый принцип, по которому устроена Римско-католическая церковь и Советский Союз».

Что ж, в остроумии и наблюдательности Герингу не откажешь. Советское государство если и отличалось от национал-социалистического, то только тем, что там в основу сегрегации и репрессий был положен не расовый, а классовый принцип.

Геринг признал, что создал гестапо, но подчеркнул, что всегда стремился пресечь эксцессы штурмовиков, а позже — эсэсовцев Гиммлера:

«Тогда, когда я непосредственно отвечал за работу гестапо, эксцессы имели место. Чтобы виновные понесли наказание, надо

было прежде всего установить факт нарушения. К виновным применялись меры воздействия. Должностные лица знали, что за попустительство таким вещам их могут наказать. И многих мы наказывали. Как обстояло дело в дальнейшем, я сказать не могу».

Действительно, хотя создание концлагерей было противозаконно, во времена, когда гестапо подчинялось Герингу, узников там еще не убивали, по крайней мере, с санкции верховной власти. Если кто-то и был убит, то исключительно в результате самодеятельности комендантов лагерей и других руководителей из числа штурмовиков, с которыми Геринг и в самом деле вел постоянную борьбу.

Признал Геринг и свою ответственность за перевооружение Германии, но сделал это довольно своеобразно:

«Разумеется, мы перевооружались. Жаль только, что не смогли сделать это лучше. Да, я смотрел на договоры как на клочки бумаги, поскольку хотел сделать Германию великой».

Когда американский обвинитель задал вопрос, почему подготовка к войне проходила в Германии в обстановке строгой секретности, Геринг сыронизировал:

«Не припомню, чтобы мне приходилось читать в американских газетах о подготовке США к мобилизации!»

Геринг оправдывался не перед судьями — в их приговоре он не сомневался. Он оправдывался перед историей, но в этом тоже не преуспел. Хотя, надо признать, десятилетия спустя и историки, и общественное мнение стали относиться к рейхсмаршалу более объективно, признавая за ним определенные достоинства, но не снимая с него ответственности за преступления национал-социалистов.

Геринг не раз повторял, что он верил Гитлеру. На вопрос, почему фюрер часто не прислушивался к его советам, равно как и к рекомендациям других маршалов и генералов, Геринг объяснил:

«Как можно управлять воюющим государством, если каждый генерал сам будет решать, сражаться ему или нет и куда именно следует направить его корпус? Если последовательно проводить этот принцип в жизнь, то право принятия решений надо предоставить даже рядовым солдатам. Может быть, таким образом удастся избежать будущих

войн — если решения о них будут принимать простые солдаты, которые хотят вернуться домой живыми. Но такого никогда не будет в государстве, основанном на «фюрер-принципе». И добавил: «Разумеется, люди не хотят войны. Но, в конце концов, именно главы государств определяют политический курс, и им не составит труда заставить людей плясать под свою дудку, будь то демократия или национал-социалистическая диктатура, парламент или диктатура коммунистическая. Люди всегда будут действовать по указке своих правителей. Добиться этого совсем несложно: стоит всего лишь сказать им, что страна может подвергнуться нападению, и обвинить борцов за мир в отсутствии патриотизма».

Присутствовавший на процессе британский юрист сэра Норман Биркет, член Трибунала от Англии и заместитель главного судьи, записал в дневнике по поводу допроса рейхсмаршала:

«Геринг — человек, который привлек к себе наибольшее внимание на процессе. Ему удалось это сделать, не сказав ни единого слова, еще до того, как он поднялся на трибуну для дачи показаний. Этот замечательный успех помогает понять многое из событий последних лет. Он был очень сосредоточен, когда свидетельства, которые обвинение предоставляло суду, заслуживали внимания, и засыпал, как ребенок, когда происходившее его не интересовало. Очевидно, что на скамье подсудимых сидит выдающаяся личность, хотя и использовавшая свои таланты во имя зла. Это человек умный, проницательный, хитрый, способный мгновенно оценить ситуацию. Он прекрасно владеет собой, потому что уверен в себе. Он находчив, красноречив и умеет пользоваться выразительной жестикуляцией».

Что ж, харизму Геринга признавали даже его враги. Еще более они были поражены высоким интеллектом Геринга. Ведь их пропаганда изображала рейхсмаршала толстым недоумком, погрязшим в роскоши и оставившим люфтваффе на произвол судьбы. Биркет записал в дневнике:

«Никто, как кажется, не готов был столкнуться с его обширными познаниями и выдающимися способностями, с прекрасным пониманием всех деталей захваченных союзниками и предъявленных суду документов... Было видно, что он тщательно изучил их и прекрасно разбирался во всех вопросах. Вежливый,

проницательный, находчивый и остроумный, он быстро оценил ситуацию. Его уверенность в себе все увеличивается, и вместе с этим все более отчетливо проявляется его ораторское мастерство. Его самообладание достойно удивления, и он очень удачно использует резонирующие тона своего низкого голоса и сдержанные, но выразительные жесты».

Геринг гордился своей памятью. 14 марта вечером, покуривая трубку, он признался Гильберту:

«Я выжму из памяти все. Они удивятся, что для выступления я записал лишь несколько опорных слов, чтобы не сбиться».

15 марта перед началом выступления Геринг пообщался со своим адвокатом Штамером. Эти встречи проходили под контролем охраны. Доктор Гильберт распорядился, чтобы начиная с этого дня на встречах адвокатов и подзащитных непременно присутствовали представители тюремной администрации, знавшие немецкий язык.

Насчет Гитлера Геринг повторил Штамеру мысль о том, что фюрер стремился получить все и слишком быстро. Он хотел за десять лет завоевать столько, сколько другие государства не завоевывали и за целый век. Гитлер опасался, что у его преемников не будет должной энергии и воли к расширению «жизненного пространства». Геринг же считал, что ту же проблему экстерриториальности Данцигского коридора, связывавшего «вольный город» и Восточную Пруссию с остальной Германией, вполне можно было решить путем переговоров, прояви Гитлер чуть больше терпения.

По поводу же судей Геринг сострил, что лорд Лоуренс успел так утомиться за время процесса, что ему пора ехать в Лондон пить виски.

В этот день рейхсмаршал в своем выступлении пытался оправдать агрессию против Югославии, бомбардировки Варшавы, Роттердама и Ковентри. Он также заявил, что уже с осени 1940 года знал о плане фюрера напасть на Россию и пытался уговорить его отложить нападение, чтобы прежде изгнать Англию из Средиземноморья и захватить Гибралтар. Затем, по мысли Геринга, с Россией можно было бы и вовсе не воевать, если бы удалось натравить ее на Англию.

На следующий день Франк признавался Гильберту:

«Что мне нравится в Геринге, так это готовность взять на себя ответственность за все, что он творил. Конечно, ему не слишком-то хочется говорить обо всех этих картинах! Я ему из Польши ни одной не выслал... Вот будет интересно, когда Джексон подвергнет его перекрестному допросу! Представитель западной демократии и Геринг, этот «поклонник эпохи Возрождения», ха-ха! Но все же надо отдать должное его выдержке. Эх, если бы он всегда был таким! Сегодня я пошутил: «Жаль, что вас не засадили на год в тюрьму пару лет назад!» Наконец-то Геринг добился, чего хотел: он — «оратор № 1», агитирующий за национал-социализм и за то, что от него осталось».

Даже не любивший Геринга Шпеер признал, что его речь произвела сильное впечатление на подсудимых.

Вечером 15 марта Геринг обратил внимание Гильберта на то, что все великие империи — империя Чингисхана, Римская и даже Британская империя возводились без должного уважения к принципам гуманности. Но все они достигли процветания, что и обеспечило им место во всемирной истории. Гильберт утверждал, что в XX веке мир стал немного разборчивее в вопросах гуманности и не относит войны и геноцид к неперемнным признакам величия. Но эту идею Геринг назвал сентиментальным идеализмом американца, который может позволить себе роскошь заблуждаться подобным образом, раз Америка уже отвоевала себе жизненное пространство с помощью революций, войн и геноцида индейцев.

19 марта показания давал инженер Далерус, с чьей помощью в 1939 году Геринг пытался договориться с англичанами о Данцигском коридоре. Из его показаний следовало, что Геринг действовал по собственной инициативе, а не от имени Гитлера, который уже принял решение напасть на Польшу. В ходе перекрестного допроса Далерус сообщил, что Геринг предупредил его: Риббентроп попытается любой ценой сорвать переговоры, вплоть до того, что может устроить авиакатастрофу, жертвой которой станет Далерус. Он завершил свое выступление на пессимистической ноте:

«Если бы я знал тогда все то, о чем я знаю сейчас, я бы понял, что все мои попытки посредничества заранее обречены на провал».

20 марта в ходе перекрестного допроса Геринг вынужден был отвечать на вопросы по поводу его роли в преследовании евреев. Ему пришлось признать, что, как уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана, он участвовал в конфискации еврейской собственности, а как президент рейхстага подписывал нюрнбергские законы, резко ограничивавшие права евреев. Выяснилось также, что Геринг отдавал Гимmlеру и Гейдриху приказы о вытеснении евреев из экономической жизни Германии и сосредоточении их в гетто.

Затем речь зашла о вывозе Герингом культурных ценностей с оккупированных территорий. Рейхсмаршал утверждал, что действовал исключительно во благо государства, которому в дальнейшем собирался передать всю коллекцию.

Геринг был доволен своим выступлением и поставил его в пример другим подсудимым:

«Если вы будете защищаться хотя бы только вдвое хуже меня, то это уже будет здорово. Но не забывайте об осторожности — каждое ваше слово они могут перевернуть и использовать против вас».

21 марта британский обвинитель сэръ Дональд Максвелл-Файф обвинил Геринга в убийстве британских летчиков, пытавшихся бежать из плена, и в передаче в руки СД русских военнопленных — евреев и комиссаров. Геринг эти обвинения отрицал, указывая, что о расстреле британцев узнал постфактум и тотчас сменил коменданта лагеря, приказавшего расстрелять пленных. В то же время он признал, что в данном случае исполнялся приказ Гитлера, который невозможно было отменить. Что же касается русских военнопленных, то передачей их людям Гимmlера занимались сухопутные войска, а не люфтваффе, в чьи задачи, естественно, не входило брать пленных. На вопрос, как он относится к Гитлеру сейчас, когда ему стало известно обо всех преступлениях, творившихся от имени фюрера, Геринг ответил, что не представлял себе масштабов массовых убийств, что убийства не одобрял, но лояльность Гитлеру сохранял как в дни побед, так и в дни поражений. Сам же рейхсмаршал, по его словам, знал лишь

о нескольких казнях и о «некоторых подготовительных мероприятиях».

Союзные обвинители, как выяснилось, гораздо хуже Геринга знали представленные на процессе материалы, равно как и особенности функционирования германского государственного аппарата. Поставленные ими вопросы были слишком общими и позволяли Герингу пускаться в пространные рассуждения. Он поведал суду о своем миролюбии, о своей оппозиции войне с Россией, о помощи евреям, о том, что не был причастен к поджогу Рейхстага (хотя сам поджог ему и не инкриминировали). Биркет констатировал:

«Геринг показал себя очень способным человеком, улавливавшим смысл задаваемого ему вопроса, когда он только формулировался. Он всегда оказывался компетентнее своих обвинителей по каждому задаваемому вопросу. Он владел сведениями, которые ни обвинителям, ни членам трибунала не были известны. Ему вполне удалось отстоять свои позиции. Обвинение совершенно не справилось со своей обязанностью и не смогло сокрушить доводы Геринга. Его ожидаемого поражения так и не произошло».

Американского обвинителя Роберта Джексона обстоятельность и убедительность доводов Геринга привели в такую ярость, что он даже сорвал с себя наушники. Председательствовавший британский судья лорд Лоренс вынужден был объявить перерыв.

22 марта вечером Геринг спросил Гильберта:

«Ну как? По-вашему, я смешно выглядел?»

«Этого я утверждать не могу», — признал американский психолог.

«Не забывайте, что я противостоял лучшим юридическим умам Англии, Америки, Франции, России (не знаю, как его западные коллеги, а уж Руденко на звание «лучшего юридического ума» России того времени никак не тянул, даже с учетом того, что почти все настоящие «лучшие юридические умы» уже либо сгинули в ГУЛАГе, либо были поставлены к стенке, либо эмигрировали. А как оратор Руденко сильно уступал тому же Вышинскому, но тот уже занимал слишком высокопоставленную должность, чтобы непо-

средственно выступать на процессе. — Б. С.). А за их спиной был государственный аппарат. Я же сражался один как перст! — с гордостью заявил Геринг. — Могу спорить на что угодно, что обвинение вынуждено было признать, что я сделал все, как подобает!»

Геринг поведал Гильберту, что решил взять на себя формальную ответственность за антисемитскую политику, хотя он и не мог предполагать, сколь разрушительными окажутся ее последствия. Он признался, что теперь, когда он узнал обо всех ужасах «окончательного решения», не считает такую политику правильной:

«Боже упаси, неужели вы считаете, что я дал бы согласие на ту или иную акцию, заведомо зная, что ее результатом станет геноцид? Уверяю вас, мы и не думали ни о чем подобном! Я лишь хотел устранить евреев с командных постов в экономике и правительстве (ну уж где-где, а в правительстве-то евреев к 1933 году точно не было! — Б. С.). Но не забывайте о том, что они развернули против нас мощнейшую кампанию во всем мире».

«Вы что же, за это на них обиделись? Нельзя же было терпеть издевательства втихомолку», — заметил Гильберт.

«Да, это была ошибка», — признал Геринг.

Из обвинителей ниже всех рейхсмаршал оценил советского прокурора:

«Руденко нервничал больше меня, — удовлетворенно говорил он Гильберту. — Но он совершил ошибку, дав мне возможность вставить в свой ответ слова о том, что русские угнали в Советский Союз 1 680 000 поляков и украинцев. Вместо того чтобы одернуть меня словами: «Мы не собираемся выслушивать здесь ваши обвинения», он сказал: «Вы не имеете права приводить здесь в качестве примера советские акции». Так и сказал — «акции», ха-ха! Бьюсь об заклад, старина Сталин прислал ему такую телеграмму, что не дай ему бог! Он же проговорился! Еще один удар я ему нанес, когда он спросил, почему я не отказался выполнять приказы Гитлера: «Тогда мне сегодня не пришлось бы печься о своем здоровье!» «Акция» — это технический термин диктаторского государства, означающий ликвидацию. Он-то прекрасно понял меня!»

Что ж, точно такой же вопрос можно было задать и самому Руденко. Почему он, послушный воле Сталина, высту-

пал обвинителем на липовых процессах 30-х годов, почему потом, уже при Хрущеве, фальсифицировал дело Берии, участвовал в травле Бориса Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии и грозил ему уголовным преследованием, если тот не прекратит контакты с иностранцами?

Безусловно, Роману Андреевичу и до Нюрнберга было что вспомнить, и значение слова «акция» он знал превосходно. В сентябре 1937 года, в самый разгар репрессий, он стал прокурором Донецкой области. Надо отметить, что на Украине репрессии отличались особой кровожадностью. Достаточно сказать, что в январе 1938 года только что назначенный главой украинских коммунистов Никита Сергеевич Хрущев сразу же потребовал на 20 тысяч человек увеличить «лимит по первой категории», то есть число тех, кто подлежал расстрелу по списку, без суда, по постановлению троек. Руденко же карал произвольно назначенных «врагов народа» в рамках судебной процедуры, больше смахивавшей на пародию на правосудие. Так, уже в сентябре 1937 года он поддерживал обвинение «троцкистско-бухаринской фашистской банды» в Тельмановском районе. Здесь жило много немцев, были немецкие колхозы. И среди подсудимых немцы составляли большинство. Их обвиняли в шпионаже, во вредительстве, в связях с гестапо. Почти всех приговорили к расстрелу и расстреляли. Кстати, бедняг называли еще и агентами «изверга Бухарина», хотя суд над ним состоялся только в марте 1938 года. Но Руденко подобные юридические тонкости тогда не волновали. Фактически и в этом, и в других дутых процессах, которые вскоре последовали, Руденко репрессировал людей даже не за то же самое, за что Геринг репрессировал коммунистов и социал-демократов в 1933–1934 годах. Те, по крайней мере, были убежденными противниками нацистов. А вот Роман Андреевич отправлял на смерть людей просто по разнарядке, только потому, что те оказались немцами, то есть выходцами из страны, составлявшей часть «враждебного капиталистического окружения», да еще оказавшейся во власти враждебного СССР национал-социалистического режима. А затем, также по разнарядке, он требовал расстрела «вредителей» на донецких шахтах. В бурные 1937 и 1938 годы

ежемесячно по приговорам, которые требовал Руденко, расстреливались десятки людей. В 1956 году и позже их реабилитировали посмертно, причем реабилитировал все тот же Руденко, теперь уже в качестве Генерального прокурора СССР.

Если бы подсудимые и их адвокаты в Нюрнберге узнали о «тельмановском процессе», то, наверное, могли бы потребовать отвода советского обвинителя, поскольку он испытывал предубеждение к немцам и требовал для них обвинительного приговора фактически только на основании их национальности, причем еще за два года до начала Второй мировой войны.

Но, справедливо обличая Руденко, Геринг сам невольно проговорился, пусть и не на процессе, а в беседе с Гильбертом. Он обмолвился, что «акция» — это на самом деле уничтожение. После этого американский психолог никак не мог поверить рейхсмаршалу, что тот не ведал, что «окончательное решение» означало убийство всех евреев.

По поводу же своей верности Гитлеру и в счастливые и в несчастные времена и независимо от того, насколько людоедские приказы отдавал фюрер, Геринг привел Гильберту пример из «Песни о Нибелунгах»:

«Знаете историю Нибелунгов? Помните, как Хаген убил Зигфрида, потому что этого пожелал Гунтер? И потом Крумхильда потребовала от трех своих братьев отомстить ему. И они сказали Хагену: «Хоть ты и наш враг, но мы склоняем головы перед твоей верностью своему королю». Эта картина стоит передо мной, словно живая, — они выставляют перед ним свои щиты, а потом говорят ему, что защитят его от всех, кто попробует помешать ему сохранить верность своему королю».

Затем Геринг разразился филиппикой против гомосексуализма, процветавшего, по его мнению, в среде католической церкви:

«Вы представляете себе их семинарии? Туда со всего мира стекаются четырнадцати-, пятнадцати-, шестнадцати- и семнадцатилетние мальчишки, и ты невооруженным глазом видишь, что они — законченные педерасты. Это вполне логично: ведь против природы не попрешь. И когда мы судили их священников за гомосексуализм, они сразу поднимали крик, что мы, дескать,

преследуем Церковь. Как бы то ни было, а миллиард марок в год они от нас получали в виде налогов. Но это католическое благочестие! Вы думаете, я не знаю, что творится во время исповеди, когда шторы задернуты? Или где-нибудь еще, где наедине оказываются святой отец и какая-нибудь монашка? Монахини — «Христовы невесты»! Что же это за спектакль!»

Однако в дальнейшем ходе процесса тот образ Геринга, который ему удалось создать, постепенно тускнел из-за многочисленных и неоспоримых документальных свидетельств преступлений, совершавшихся во исполнение приказов Геринга, в том числе в рамках «окончательного решения». Адвокат Штамер в защитительной речи пытался списать все, что инкриминировалось Герингу, на его слепую преданность фюреру, которая «стала его несчастьем». У публики эта речь никакого сочувствия не вызвала. Строго говоря, она вообще шла вразрез с линией защиты самого Геринга и объективно была на руку обвинению.

28 марта, когда шло представление свидетелей защиты Риббентропа, рейхсминистр иностранных дел был очень удивлен тем, что обвинение не стало подвергать перекрестному допросу его секретаршу, свидетельствовавшую в его пользу. Геринг же объяснил это следующим образом:

«Конечно, обвинение желало продемонстрировать, что высказывания его секретарши всерьез не принимает. С одной стороны, это хитрость, с другой — рыцарский жест. Я бы на их месте поступил точно так же...»

«Риббентропа разозлила ваша фраза о том, что женщины смелее мужчин», — заметил Гильберт.

Геринг, никогда не ставивший высоко рейхсминистра, согласился:

«Да, он сообразил, что я имел в виду. Он не решился сказать об этом секретном протоколе, в соответствии с которым советско-германская демаркационная линия была проложена заранее. В случае нападения, понимаете? Потому что тогда еще не было ясно, состоится ли нападение. Я все об этом знаю. Йодль знает про карту, а нам с Риббентропом известны все детали. Я предоставил ему возможность сообщить об этом. А если у него не хватило пороку, то я об этом еще скажу в своем последнем слове, прибегну на самый конец, можете быть уверены!»

Тем самым рейхсмаршал все-таки признал, что Германия заранее планировала нападение на Польшу. Риббентропа же он откровенно именовал «слабаком», безуспешно пытавшимся спасти собственную жизнь.

29 марта на процессе зашла наконец речь о секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении. Гильберт так прокомментировал это событие:

«Наконец был предъявлен предусмотренный секретным протоколом к договору о ненападении с Россией заранее согласованный план раздела Польши. Но сенсацией он уже стать не мог».

Впоследствии суд отказался принять текст секретного протокола, чтобы не ставить на одну доску Советский Союз и Третий рейх.

В целом поведение Риббентропа на суде не понравилось Герингу. 31 марта, в воскресенье, он говорил Гильберту:

«Что за убогий спектакль! Если бы я знал, что кончится этим, я уделил бы гораздо больше внимания вопросам внешней политики. И хотя я по мере сил старался воспрепятствовать его назначению на этот пост, поверьте, мне сегодня очень грустно от мысли, что я оказался прав. Ведь отовсюду слышишь: «Где только эти нацисты откопали такого министра иностранных дел?» Поэтому наша политика и казалась всем такой недалекой. Риббентроп постоянно сражался за полномочия и престиж... Какую же зависть и ревность я вызывал у него! Однажды он не выдержал и спросил, не хочу ли я стать министром иностранных дел. Я сказал ему: «Покорнейше благодарю, но меня вполне устраивает роль второго человека в рейхе». Я знаю, что он подстроил мне одну гадость, сыгравшую решающую роль в истории. Он помешал моей личной встрече с Черчиллем, которая могла и должна была состояться. Мы должны были встретиться за два или три дня до начала войны. Я узнал об этом значительно позже... Он ведь всегда был слабохарактерным глупцом — но теперь я гораздо лучше понимаю, сколько глупости скрывалось за этим спесивым лбом! Бог мой, как все это грустно! Мне действительно наплевать, как Кальтенбруннер пытается сейчас представить свою роль в РСХА или как Розенберг трактует свою философию. Но наша внешняя политика — она не может не отразиться на всем правительстве в целом! Что же это за беда такая!»

5 апреля 1946 года Гильберт показал Герингу интервью его жены, опубликованное в одной из немецких газет под заголовком: «Г-жа Геринг называет своего мужа слишком преданным Гитлеру». В интервью Эмма заявила, что Гитлер приказал расстрелять всю их семью. Геринг воскликнул:

«Вот это женщина! Таких встречаешь только раз в жизни!»

Гильберт сразу же спросил, допустимо ли убивать женщин и детей во имя торжества идеи. Геринг настаивал, что еще мог понять мотивы, побуждавшие Гитлера уничтожать русских военнопленных, евреев и своих политических противников. Но у него в голове не укладывалось, что Гитлер мог осознанно приказывать уничтожать женщин и детей. По мнению Гильберта, «это был, пожалуй, единственный пункт, который мог поколебать его понятие «рыцарского долга».

Американский психолог тут же заявил, что и Гитлер и Гиммлер — психопаты. По поводу Гиммлера рейхсмаршал возражать не стал, но в отношении фюрера такую версию отметал начисто, хотя и согласился с американским психологом, что Гитлер мог отдать Гиммлеру приказ вроде следующего: «Слушай, разберись с этими евреями, мне наплевать, как именно. Слышать о них больше не желаю!» На самом деле Гитлер, в отличие от Геринга, искренне ненавидел евреев, желал им смерти, и сообщения об их массовых убийствах, включая женщин и детей, могли его только порадовать. Геринг же никакой ненависти к евреям не испытывал и готов был согласиться с их уничтожением лишь потому, что этого желал фюрер.

Рейхсмаршал утверждал, что после своего освобождения из-под ареста он готов был сдать американцам, но не русским и не англичанам, хотя все три армии находились примерно на одинаковом расстоянии от замка, где он тогда пребывал. Геринг собирался сотрудничать с американцами, обидевшись на Гитлера. Он сетовал:

«Тогда они могли получить Германию задешево. Большинство виднейших функционеров готовы были сотрудничать с ними. И процессы над военными преступниками прошли бы куда более гладко в случае такого сотрудничества. Но все рухнуло после того, как вы взяли меня в плен и отдали под суд...»

Это признание Гильберт прокомментировал следующим образом:

«Он был готов к сотрудничеству в выявлении виновников зверского умерщвления женщин и детей, но все-таки предпочитал хранить верность своему фюреру».

5 апреля, перед началом допроса Кейтеля, Геринг сказал фельдмаршалу:

«Будь мужчиной! Не унижайся перед ними! Не позволяй загнать себя в угол!»

В тот же день во время перекрестного допроса Кейтеля британский обвинитель Максвелл-Файф представил письмо Кейтеля британскому полковнику Эймену, в котором фельдмаршал уверял, что он — всего лишь солдат, ответственность же за террористические и нарушающие законы и обычаи войны действия несет Гитлер. Геринг презрительно бросил:

«Жалкий слабак! Эта мелкая невинная овечка не желает иметь ничего общего с партией! Если бы он попробовал проявить хоть малейшую антипатию к национал-социализму, то и минуты не задержался бы на своем посту!»

Кейтелю инкриминировали репрессии против семей тех, кто сражался в рядах союзных армий, расстрелы обвиненных в саботаже и вредительстве, а также расстрелы военнопленных, пытавшихся совершить побег. Кейтель признал, что отдавал такие приказы, несмотря на свое внутреннее несогласие с ними. Когда он вернулся на скамью подсудимых, Геринг посетовал, что фельдмаршал не сказал в свое оправдание о том, что союзники тоже расстреливали вредителей и саботажников. Кейтель пробурчал:

«Для этого еще будет время».

«Но сейчас был самый удобный момент, — досадовал Геринг, — а вы его упустили!»

По поводу же документа, которое обвинение представило по ходу допроса, рейхсмаршал с возмущением заметил фельдмаршалу:

«Там же нет ничего насчет расстрелянных матерей! Почему вы не читаете документы, которые вам дают?»

Даже раскаявшийся и не любивший Геринга Шпеер вынужден был признать его изворотливость в споре и умение противопоставлять свои контраргументы позиции обвинения. Шпеер беспокоился по поводу того, что «Герингу удалось убедить очень многих, встав в позу преданного фюреру патриота».

Когда 8 апреля допрос Кейтеля продолжился, Геринг опять стал высказывать фельдмаршалу свое возмущение:

«Какого черта вы даёте такие до неприличия прямые ответы! Вам следовало только сказать, что вы были исполнительным солдатом и исполняли все приказы без исключения. А на вопрос, преступные это были приказы или нет, вам вообще не следовало отвечать. Дело не в вопросе, а в ответе на него. Такие опасные вопросы следует обходить, дожидаясь таких, отвечать на которые вам легко и удобно. Вот тогда и откровенничайте себе сколько влезет!»

«Не могу же я черное называть белым!» — разозлился Кейтель.

Геринг давал советы всем подсудимым, как ловчее поддеть обвинение и не допускать саморазоблачительных ответов. Так, 17 апреля 1946 года, во время перекрестного допроса Розенберга, рейхсмаршал похвалил бывшего рейхсминистра восточных территорий за то, что тот начал филологическую дискуссию по поводу значения слова «искоренение» в немецком языке, чтобы доказать, что встречавшееся в документах словосочетание «искоренение евреев» не всегда означало их уничтожение: «Следовало им объяснить, что в разных немецких диалектах это слово имеет различное значение». И успокоил Розенберга:

«Теперь, когда американцы закончили, самое худшее позади (американская сторона представила основную массу уличавших подсудимых документов, поэтому выступления американских обвинителей считались наиболее опасными. — Б. С.). Руденко вам нечего бояться. Услышав неприятный вопрос, становитесь на дыбы и говорите, что, мол, перевод неверен, или сошлитесь еще на что-нибудь. Вы же видели, как я менялся ролями с Джексонном. Просто дождитесь, когда вам зададут удобный вопрос, и поддайте им как следует!»

На следующий день Геринг высказал Гильберту свою точку зрения по поводу войны:

«Естественно, простой народ войны не хочет. С какой стати бедняку крестьянину ставить на карту свою жизнь, если самое большее, на что он может рассчитывать, это вернуться домой целым и невредимым? Простой народ не стремится к войне ни в России, ни в Англии, ни в Америке, и Германия здесь, ясное дело, не исключение. Но политику страны определяет вождь, и ему не составит труда уговорить народ пойти на войну, независимо от того, какая в стране диктатура — нацистская или коммунистическая, или парламентская демократия».

«Одно отличие все же есть, — возразил американец. — При демократии народ наделен правом высказывать свое мнение через своих избранных, а в США правом объявлять войну обладает только конгресс».

«Все это, конечно, прекрасно, но народ, вне зависимости от того, наделен он избирательным правом или нет, всегда можно заставить повиноваться вождю, — настаивал скептически настроенный по отношению к демократии рейхсмаршал. И на основе собственного опыта утверждал: — Это нетрудно. Надо только объявить народу, что на его страну напали, обвинить пацифистов в отсутствии патриотизма и в том, что они опасны для государства. Такой метод срабатывает в любой стране».

23 апреля на вопрос Заукеля, верит ли он показаниям коменданта Освенцима Гесса о том, будто там было уничтожено 2,5 миллиона евреев, Геринг ответил отрицательно:

«Нет, конечно. Я это обдумал, технически такое совершенно невозможно».

Ему возразил Гильберт, заявивший, что Гесс описал способ уничтожения людей в газовых камерах.

«А вы сами-то там были?» — съехидничал Геринг.

«А где находились вы? — парировал Гильберт. — Было бы гораздо лучше, если бы вы сделали так, чтобы такое никогда не осуществилось».

Когда выступавший через день в качестве свидетеля обвинения один из немногих уцелевших участников заговора 20 июля дипломат Ханс Бернд Гизевиус заявил, что Геринг был одним из авторов скандального дела Бломберга и Фрича, рейхсмаршалу оставалось только криво усмехнуться:

«Он просто фантазер, пытающийся снова запустить в оборот сплетни десятилетней давности!»

3 мая, во время перекрестного допроса Шахта американским обвинителем Джексоном, бывший глава рейхсбанка вспомнил о страсти Геринга к коллекционированию живописи и о его экстравагантности. Он процитировал описание одного из устроенных Герингом приемов, на который рейхсмаршал явился в римской тоге и сандалиях, да еще в гриме, с маникюром и с накрашенными губами. В зале воцарилось веселое оживление. Только Геринг мрачно бормотал:

«Здесь о таких вещах вспоминать неуместно, даже если это и правда. И потом, это ему не поможет. Я вообще не понимаю, зачем он приплел сюда все это».

Возможно, Шахт, живописуя моральное разложение Геринга, пытался объяснить суду, почему он сам в конце концов возненавидел нацистов.

Тем вечером у Геринга разболелась голова. Он пожаловался Гильберту на Шахта:

«Тьфу на этого дурака! Все время задевает меня, рассчитывая таким путем уберечь свою шкуру. Вон куда забрался! Как я веду себя в своем собственном доме, никого не касается. Я думал, человек его ума не станет опускаться до таких средств. Между прочим, губы я не красил! Пусть сколько хочет сравнивает меня с Нероном или с кем-нибудь еще. Но какая тут связь с его защитой? Его дело сложности не представляет. Зачем заходить так далеко?.. Такой дурак! Когда люди начинают слишком дорожить своей шкурой, они выглядят нелепо».

Геринг своей шкурой никогда не дорожил, ему бояться и терять было нечего, кроме места в истории.

Замечу, что эпизод с Герингом-Нероном присутствует и в мемуарах Вальтера Шелленберга. Он утверждает, что в 1942 году «Геринг уже не был важной персоной. Его звезда закатилась после провала воздушного наступления на Великобританию. С тех пор Геринг, казалось, утратил всякий интерес к событиям на фронтах. Одни связывали это с его растущим пристрастием к морфию, другие — с его переходящим в патологию безволием и привычкой к роскоши».

Однажды Гиммлер направил Шелленберга в Каринхалле для доклада Герингу. Поездка была вызвана предполагавшимся объединением «Научно-исследовательского института Германа Геринга» с VI отделом РСХА (внешняя разведка), который возглавлял Шелленберг. По утверждению Шелленберга, Герингом «прослушивались и записывались и переговоры Гитлера, причем записи в случае необходимости передавались в соответствующие ведомства для сведения или как руководство к действию... Он писал:

«Прибыв в Каринхалле, я вынужден был некоторое время прождать в приемной. Это было большое, покрытое коврами помещение. Потемневшие дубовые балки и тяжеловесная старомодная мебель напоминали старую церковь. После получасового ожидания одна из двустворчатых дверей открылась и вошел рейхсмаршал с жезлом в руках, одетый, как знатный римлянин, в тогу, сандалии и так далее. На мгновение мне показалось, что передо мной стоит император Нерон.

Геринг дружелюбно улыбнулся и предложил мне пройти в соседнюю комнату. Он усадил меня в огромное кресло, а сам уселся за маленьким столиком, на котором стояла хрустальная чаша, наполненная жемчужинами и старинными сокровищами. Пока я говорил, он перебирал пальцами драгоценные камни, словно находясь в трансе. Когда я закончил, он промолвил: «Хорошо, я переговорю об этом с Гиммлером».

Через неделю ответ Гиммлеру все еще дан не был, и рейхсфюрер очень рассердился — сначала на меня, а потом и на Геринга, «этого короля черных рынков», как он его стал называть (к концу 1943 года Геринг потерял всякий авторитет. — Б. С.)».

Стоит отметить, что мемуары Шелленберга — в целом источник малодостоверный. Как опытный разведчик, их автор крупницы правды умело топил в волнах собственных фантазий, лишь на первый взгляд правдоподобных. Думаю, что и в приведенном отрывке достоверным является лишь описание Каринхалле, где Шелленберг, несомненно, бывал, а также тот факт, что собственная информационная служба Геринга действительно была поглощена Имперским главным управлением безопасности (РСХА). Про появление же

Геринга в костюме Нерона Шелленберг, думаю, придумал, прочитав показания Шахта на Нюрнбергском процессе. Одно дело — показаться в таком виде на приеме, который, скорее всего, и представлял собой костюмированный бал, и совсем другое — принимать крупного чиновника в генеральском чине для сугубо делового разговора.

Да и в то, что Геринг приказывал своим подчиненным прослушивать Гитлера, верится с трудом. Во-первых, Геринг и так почти каждый день встречался с фюрером, у которого от него тайн не было. Во-вторых, всегда существовала опасность, что кто-то из ретивых подчиненных донесет Гитлеру, что ближайший друг и соратник его подслушивает, и тогда Герингу было бы не сносить головы не только в переносном, но и в прямом смысле.

Утверждение, будто Геринг к тому времени уже утратил свое влияние, выглядит большим преувеличением. В действительности фюрер сохранял к нему доверие вплоть до последних недель Третьего рейха, регулярно совещался с ним и оставил в его руках огромные полномочия. Конечно, во время войны Геринг вынужден был сосредоточиться на руководстве люфтваффе и авиапромышленностью, тогда как другие его должности, в том числе уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана и главы концерна «Герман Геринг», приобрели во многом номинальный характер. Однако именно командование одним из главных видов вооруженных сил имело важнейшее значение для оказания влияния на Гитлера и политику Германии в целом.

Разумеется, неудачи люфтваффе больно били по их престижу. Гитлер критиковал рейхсмаршала за неспособность защитить германские города от «ковровых бомбардировок» союзной авиации. Но с другой стороны, фюрер понимал, что от Геринга тут мало что зависело: промышленный потенциал Германии был несопоставим с американским, и почти до самого конца сохранял доверие к Герману.

Некоторые из подсудимых накануне и во время процесса отзывались о Геринге еще резче, чем Шелленберг в посмертно опубликованных мемуарах. Так, Шахт на замечание Гильберта, что Геринг упорно не желает воспринимать нюрнбергский процесс всерьез, демонстрируя презрение к судьям и обвинителям, охотно поддакнул:

«О чем тут говорить? На эту толстокожую свинью ничего не действует!»

Редер, находясь в советском плену, подписал заявление, в котором резко критиковал Геринга и других нацистских лидеров. Уже в камере Нюрнбергской тюрьмы он признался Гильберту, что в тот момент рассчитывал на то, что его не будут судить как военного преступника, и потому резал правду-матку.

Подсудимые сочли, что в Москве на Редера оказали сильнейшее давление. Обвинение цитировало выдержки из этого заявления и настаивало на его полном зачтении, но адвокат Редера стал протестовать, и 21 мая 1946 года суд с ним согласился.

В заявлении Редера утверждалось: «...личность Геринга оказала разрушительное влияние на участь Германского рейха. Его отличительными чертами были непомерное тщеславие и честолюбие в сочетании с гипертрофированным чувством собственной значимости, хвастовством, неискренностью, упрямством и эгоизмом. Геринг всячески развивал в себе эти черты, несмотря на то что это шло вразрез с благом государства и его граждан. В своей ненасытной жадности и расточительности, в своей совсем не свойственной военному человеку изнеженности он поистине не имел себе равных.

По моему убеждению, Гитлер не мог не замечать в Геринге всех этих порочных черт, но предпочитал использовать их в своих собственных, узкоэгоистических интересах, поручая ему одно задание за другим с единственной целью — обезопасить себя от этого человека. Геринг, в свою очередь, усердно внушал всем окружающим мысль о своей безраздельной преданности и верности фюреру, но сам порой проявлял по отношению к нему совершенно непостижимую бестактность и неотесанность. Фюрер, однако, закрывал на это глаза.

Поначалу Геринг пытался внушить мне, что его отношение к военно-морскому флоту пронизано чувством уважения и товарищеского участия. Но вскоре, поддавшись собственному тщеславию, принялся перенимать у флота все ценное или попросту приворовывать у нас решения и идеи для последующего их внедрения в люфтваффе, нанося тем

самым ущерб военно-морским силам и способствуя падению их авторитета».

Надо признать, что обвинения Редера попросту вздорны. Кто мог запретить Герингу перенимать все, что угодно, у ВМФ, тем более что флот, как технический вид вооруженных сил, имел больше общего с люфтваффе, чем сухопутные войска? Да и расточительство рейхсмаршала не стоит преувеличивать. Свои доходы он тратил в основном на покупку картин, которые в любом случае собирался подарить рейху, а обходился он германским налогоплательщикам немногим больше любого другого фельдмаршала или министра. А уж по сравнению с затратами даже на одни только люфтваффе это вообще были смешные цифры!

Выступление на процессе Йодля порадовало Геринга. 5 июня бывший начальник штаба оперативного руководства заявил, что впервые Гитлер обсуждал с ним возможность войны с Россией 29 июля 1940 года, причем фюрер интересовался, следует ли быть готовыми к отражению возможного удара русских уже осенью того же года. Гитлер приказал изучить варианты стратегического развертывания на Востоке, а 27 августа распорядился перебросить в Польшу десять пехотных и две танковые дивизии. Им следовало «быть готовыми к обороне подступов к румынским нефтяным скважинам», которые русские могут занять еще до наступления зимы и доступ к которым — есть непременно условие для боеспособности Германии.

По словам Йодля, Гитлер был убежден, что Россия может уже очень скоро доставить Германии массу неприятностей, пойти на хладнокровный политический шантаж и даже напасть на нее, а Англия будет поощрять ее в этом. Гитлер называл Россию «последней шпагой Англии» на континенте и подозревал, что какие-то тайные советско-английские соглашения уже заключены. Йодль утверждал, что летом 1940 года вдоль советско-германской границы было развернуто около 100 советских дивизий, а в январе 1941 их стало уже 150.

Много лет спустя точность этой оценки была подтверждена рассекреченными советскими документами. Йодль добавил, что число английских, американских и французских дивизий, действовавших во Франции в 1944 году, не превышало 100. Правда, советское нападение Гитлер прогнози-

ровал не ранее 1942 года, о чем Йодль сообщил на допросах вскоре после ареста.

Йодль подчеркнул, что основные немецкие ударные силы — 14 танковых и 12 моторизованных дивизий были переброшены на Восток только после 10 июня 1941 года, так что в феврале 1941-го, когда Красная армия уже имела на Западе более 150 дивизий, ни о какой угрозе России со стороны Германии речи быть не могло.

Эти факты были очень неприятны для советской стороны, и председательствовавший даже прервал Йодля, когда тот стал цитировать германскую разведывательную сводку с перечислением советских дивизий. Генерал-полковник подчеркнул, что только антигерманский переворот в Югославии 1 апреля 1941 года положил конец колебаниям Гитлера по поводу того, стоит ли вторгаться в Россию. Йодль настаивал, что нападение на СССР было в чистом виде превентивной войной, так как после вторжения германские войска нашли доказательства грандиозных советских военных приготовлений вблизи немецких границ.

По свидетельству Гильберта, Геринг и Дениц были удовлетворены выступлением Йодля. Герингу особенно понравилось, что Йодль смело возлагал ответственность за войну на союзников, в частности на СССР.

На вопрос британского обвинителя о количестве жертв среди мирного населения при бомбардировке Белграда в 1941 году, произведенной безо всякого предупреждения, Йодль остроумно ответил:

«Я не могу сказать точно, но наверняка не больше одной десятой от числа жертв бомбардировки Дрездена, произведенной в то время, когда вы уже выиграли войну».

Геринг мысленно аплодировал генерал-полковнику, который буквально читал его мысли.

Нападение на Россию, по словам Йодля, было осуществлено только потому, что политики опасались: Советский Союз нарушит договор о ненападении.

Когда Робертс спросил Йодля, не считает ли он, что столь грубое нарушение Германией международных договоров навлекло позор на немцев на многие сотни лет, генерал-полковник ответил довольно рассудительно:

«Если историческая наука после исчерпывающего исследования русских документов обнаружит доказательства того, что Россия не вынашивала планов напасть на нас или оказывать на нас политическое давление, тогда — да, в противном случае — нет».

С тех пор историки доказали, что Сталин действительно собирался напасть на Германию, но это не привело к реабилитации Гитлера, Геринга, Кейтеля, Йодля и других. На их совести было множество иных преступлений.

Когда вечером 6 июня после завершения допроса Йодля Гильберт зашел в камеру Геринга, тот заявил, что восхищен тем, как Йодль отбивал атаки обвинителей. Затем они с Гильбертом опять вернулись к теме морали. Геринг цинично поинтересовался:

«Черт возьми, а что такое мораль вообще? Что такое «честное слово»? В коммерции может идти речь о том, чтобы соблюдать контракты о своевременной поставке тех или иных товаров. А как обстоят дела, когда речь заходит об интересах нации? Боже мой, да тогда всякая мораль замирает! Так на протяжении веков считала Англия, так действовала Америка, так сегодня ведет себя Россия. Как вы думаете, почему Россия не уступает даже клочка земли на Балканах? Может, из этических соображений? Боже мой! Не можете же вы всерьез думать, что государство, когда ему предоставляется возможность укрепить свое могущество за счет слабого соседа, откажется от своих намерений, руководствуясь трогательным мотивом верности однажды данному слову? Если хотите, долг любого государственного деятеля в таких обстоятельствах — действовать во благо собственного народа!»

«Именно во благо, — подтвердил Гильберт. — Вот поэтому-то и не стихают конфликты эгоистических национальных интересов, которые в конечном итоге выливаются в войны. Вот поэтому ООН — надежда всех ответственных государственных деятелей мира...»

«Да начхать нам на ООН! — воскликнул Геринг. — Вы что, считаете, что хоть один из нас хоть на секунду воспримет эту организацию всерьез? Вы же видите — Россию не запугать. А почему? Может, пока ваша атомная бомба и способна удержать русских в узде. Но подождите, пройдет пять лет,

и у них появится своя! (Срок, когда годная к применению атомная бомба окажется в руках Сталина, рейхсмаршал предсказал весьма точно, куда точнее, чем многие американские эксперты. — Б. С.) Англия в Балканском вопросе на уступки идти не собирается, иначе может возникнуть прямая русская угроза Средиземноморью, а во что превратится, черт возьми, Англия без Средиземного моря? Какая, к дьяволу, тут может быть мораль? Вы, американцы, совершаете большую ошибку с вашими вечными рассуждениями о демократии и морали! Вы полагаете, что, упрятав за решетку нацистов, можно за сутки превратить всех немцев в демократов. Вы что же, думаете, что немцы хоть на секунду забудут о своем чувстве национального самосознания только потому, что большинство голосов собирают так называемые христианские партии? Бог ты мой, конечно же нет! Национал-социалистическая партия запрещена. Что еще им остается? Ни к коммунистам, ни к социал-демократам их не затянешь, вот они и спрячутся ненадолго за пасторские сутаны. Так что не думайте, что немцы в один присест стали добрыми христианами и позабыли о своем национальном самосознании...

Нынешний процесс привел лишь к одному результату — на готовности выполнить приказ можно поставить крест. Неудивительно, что сейчас в Германии не найти действительно способных людей на ответственные посты в правительстве. А почему? Потому, что правящая элита, которую отличало чувство национального самосознания, находится в тюрьмах, а остальные не торопятся занимать освободившиеся посты. Они же не дураки и прекрасно понимают: нет никакой гарантии того, что через десять лет, когда отгремит эта ваша денацификация, американцы не уберутся восвояси или же ситуация не изменится в корне после новой войны между Востоком и Западом. Они не хотят предстать перед судом, тогда уже немецким, национальным. Там им уж не отговориться, что я, мол, только выполнял приказы. Вот они и задают себе вполне резонный вопрос: с какой стати нам класть голову на плаху?

А что думает немецкий народ? Однажды я вам уже говорил: «Самые худшие времена у нас связаны с демократией!» Пусть у вас не останется на этот счет никаких иллюзий —

немецкий народ помнит, что до войны, когда у власти был Гитлер, ему жилось значительно лучше. И то, что делал фюрер, было правильно, если исходить из национальных интересов, не считая, конечно, геноцида, который и с точки зрения национальных интересов ни в какие ворота не лезет!»

«Тем не менее, — возразил Гильберт, — вы все равно не хотите признать, что в этом пункте Гитлер был не прав. Вы сохраняли верность ему, сознавая, что он — убийца».

«Великий Боже! Черт побери! Ну не могу же я, как самый последний подонок, встать и заявить: фюрер погубил миллионы! — оправдывался Геринг. — Так может говорить только этот дуралей Ширах. Я готов осудить деяние, но не того, кто его совершил. Не забывайте: Гитлер значит для нас куда больше, чем кто-нибудь еще!»

«Но если речь идет об убийстве, то человек, совершивший его, — убийца. Вы с этим не согласны?» — не унимался американец.

«Это уже нечто совсем другое, — гнул свое Геринг. — Не нам решать, кто есть кто. Не забывайте и то, что этот несчастный Ширах остался в живых только благодаря его милости. Нельзя же вот так вдруг повернуться спиной к тому, кто столько тебе дал за эти двадцать три года, и начать его охаивать!»

«И все же я считаю, что Ширах поступил совершенно правильно, однозначно отрекшись от Гитлера. Он сделал это ради немецкой молодежи, которая до сих пор пожинает плоды неправильно понятой верности», — настаивал Гильберт.

«Неужели вы всерьез считаете, что немецкой молодежи есть дело до того, что сейчас сочиняет в камере ее бывший предводитель, изрядно свихнувшийся? — усмехнулся рейхсмаршал. — Вы и вправду думаете, что ей есть дело до всех этих зверств, когда у нее полон рот забот о хлебе насущном? Нет, следующее поколение выберет себе фюрера из собственных рядов: оно помнит и будет помнить о том, что в свое время под угрозой были поставлены национальные интересы! На черта ему нужны ваша мораль, раскаяние и демократия?»

8 июня 1946 года защита фон Папена представила документы, из которых следовало, что он был связан с заговорщиками 20 июля. Об этом дал письменные показания один

из уцелевших заговорщиков, граф Пфайль. Геринг высказал свое негодование таким поведением бывшего вице-канцлера. Тот жаловался Гильберту:

«Геринг возмущенно спросил меня, как я могу поносить фюрера и считать покушение на него оправданным. И знаете, что я ему ответил? «Геринг, я уважал вас как кадрового кайзеровского офицера из хорошей семьи. И всегда верил, что, если Гитлер пойдет слишком далеко, вы его просто возьмете за шкуру и вышвырнете вон. Я считал вас сильным и прямым человеком, причем не только я». Он мне ответил: «Я кое-что предпринимал, но мне понадобились бы три психиатра, чтобы признать его недееспособным». На это я ему сказал: «Дорогой Геринг, вам и вправду нужны были три психиатра, чтобы понять, что Гитлер ведет Германию в никуда?» Какая чушь! Нет, правда, мы все его очень уважали! Но после того как он принялся цеплять на себя эти побрякушки, стал брать взятки направо и налево, забросил свои обязанности, когда Германия истекала кровью...»

Тут Папен безнадежно махнул рукой.

Подозреваю, что насчет трех психиатров Папен придумал, чтобы дискредитировать Геринга и отвести его обвинения в нелояльности в связи с участием Папена в заговоре 20 июля. Рейхсмаршал, мол, тоже подумывал о государственном перевороте. На самом деле Геринг был достаточно искусственным политиком, чтобы понимать: с помощью трех или даже трех десятков психиатров Гитлера от власти не отстранить.

13 июня у Геринга с Гильбертом вновь зашел разговор о преступлениях нацистов. Рейхсмаршал был раздражен:

«Зверства! Вечно вы суетесь со своими зверствами и жестокостями! Только и знаете, что повторяете одно и то же! Что вы вообще смыслите в политике? Это политический процесс победителей над побежденным, в Германии это ясно всем!»

«Хладнокровным убийствам миллионов человек оправдания быть не может! — в очередной раз повторил Гильберт. — Я не могу себе представить, что немецкий народ желал смерти этих миллионов и что он благодарен нацистской клике за то, что она вовлекла его в эту войну».

Чушь все это! — зло бросил Геринг. — Нет такого человека, который одобрил бы геноцид. Вы просто пытаетесь пристегнуть эти вопросы к политике!»

«Вы что же, отрицаете, что Гитлер отдавал приказы об уничтожении евреев, если он сам заявил об этом в своем за-вещании?»

«Это не доказательство! — парировал Геринг. — Я считаю, что он в конце концов взял на себя вину за все. Гиммлеру каким-то образом удалось втянуть его в это, и его самоубийство как раз и свидетельствует в пользу того, что он взвалил на свои плечи всю полноту ответственности».

Геринг посоветовал своим товарищам «не распускать язык при этом Гильберте». В своей книге американский психолог так прокомментировал этот совет:

«Эти американцы», по его мнению, вообще люди неученые и образ мышления немца им недоступен...»

Думаю, что на самом деле Геринг небезосновательно полагал: Гильберт сообщает обо всех разговорах стороне обвинения, и поэтому призывал не давать прокурорам материал, который можно было обратить против подсудимых. Сам-то он говорил в присутствии Гильберта только то, что хотел довести до сведения обвинителей.

17 июня 1946 года, во время выступления Папена, который утверждал, что поставил условием своего назначения послом в Вену отзыв оттуда представителя НСДАП Хабихта, причастного к убийству канцлера Дольфуса, Геринг возмутился: «Гнусная ложь от начала и до конца! Хабихта отозвали еще раньше! Я слышать не могу эту ерунду!» И прокричал в адрес Папена: «Трус! Трусливый заяц! Лжец!»

Когда на следующий день британский обвинитель Макс-уэлл-Файф процитировал выдержки из речей Папена, где тот превозносил Гитлера как вождя, ниспосланного Германии небесами, чтобы вывести страну из нищеты, рейхсмаршал рассмеялся в голос и сделал непристойный жест. Захихикал Геринг и тогда, когда обвинитель зачитал письмо Папена Гитлеру, в котором вице-канцлер, сам подвергшийся аресту в «ночь длинных ножей», поздравлял фюрера с тем, что он «героически подавил путч Рема».

После этого Геринг с Деницем, демонстративно игнорируя суд, начали обсуждать достоинства симпатичной блондинки-переводчицы. Рейхсмаршал даже заявил, что не прочь был бы с ней переспать, но, принимая во внимание вынужден-

ное длительное воздержание, не уверен, что у него получится. Геринг хотел не только унизить обвинение, но и продемонстрировать другим подсудимым присутствие духа.

Когда 21 июня во время перекрестного допроса Шпеер заявил, что у него не было возможности убить Гитлера, Геринг опять обвинил его во лжи:

«Охрана никогда не проверяла портфель Шпеера! Будь у него достаточно мужества, он бы мог застрелить Гитлера».

На следующий день Геринг в беседе с Гильбертом ругал Шпеера:

«Что за трагикомедия? Это меня фюрер в последние дни ненавидел, это меня он приказал расстрелять. Если уж кому и обвинять фюрера, так именно мне! Я первый имею на это право, а не люди типа Шпеера и Шираха, которым фюрер благоволил до последнего дня. Как они могут предъявлять ему такие обвинения? Я на это не пошел из принципа, хотя и имел моральное право. Уж не думаете ли вы, что во мне осталась хоть капля доброго отношения к фюреру? Конечно же нет. Все дело в принципе. Я давал ему клятву верности и не могу от нее отречься. Тут нет ничего личного, а только мои принципы. Следует отделять одно от другого. И тот же Ширах не имел права называть Гитлера убийцей... Если я присягаю кому-то на верность, то не имею права нарушить данную клятву. А как мне адски тяжело было хранить ее! Попробуйте двенадцать лет изображать из себя кронпринца, преданного и верного своему монарху, не соглашаясь в то же время со многими его делами, но не имея возможности сказать даже слова поперек и не забывая ни на минуту, что в любой момент на твою голову может свалиться монаршая корона! При этом еще требуется находить лучший выход из любой ситуации. Но на заговор или покушение я пойти не мог, не мог травить его газом, подкладывать под него бомбы или идти на какие-то иные хитроумные уловки, как последний трус. Единственным честным выходом мне казалось открыто поговорить с ним, заявить ему в глаза, что я снимаю с себя клятву верности... Тут речь шла бы о смертельном поединке. Но я не мог позволить себе ничего подобного в то время, когда нам приходилось сражаться на четыре фронта. Я не мог позволить внутренним распрям подорвать наше единство. Пред-

положим, я решился бы на это сразу после проигрыша русской кампании (не очень понятно, к какому периоду Геринг относил этот проигрыш — к поражению вермахта под Москвой в декабре 1941 года, который означал крах блицкрига, или к сталинградской катастрофе. — Б. С.): За мной пошли бы тысячи, но для Германии это бы означало хаос.

К тому же Гитлер был не один — за ним стояли Гиммлер и СС. Смысла в моем выступлении не было. А после победоносной французской кампании кто бы за мной пошел, если бы я оказался полным идиотом и рискнул пойти на разрыв с ним? Сотни две, не больше. А если бы я сделал это перед войной, меня бы сочли сумасшедшим и упрятали бы в психиатрическую лечебницу. Нет, уверяю вас, не было у меня никакой возможности!»

«Но разве не лучше ли было, если бы вы на суде открыто заявили о том, что хранили верность Гитлеру, но он предал и немецкий народ, и вас лично, и поэтому вы считаете себя свободным от всяких обязательств по отношению к нему? Разве не так поступил Ширах?»

«Ну уж нет! — возмутился Геринг. — Я лучше вас разбираюсь в немецких традициях. Германским героям часто приходилось нелегко, но они всегда хранили верность».

«Вы не находите, что эти средневековые представления о верности и национальном долге отжили свое и что люди в будущем станут мыслить иными категориями?» — осведомился американец.

Геринг неожиданно легко согласился с ним:

«Вероятно, так и будет. Что касается людей будущего — да, наверное, так и произойдет. Но я, с вашего разрешения, останусь тем, кем был: последним человеком эпохи Ренессанса. Разве можно ожидать, что в свои пятьдесят два года я вдруг фундаментально изменю свои взгляды?»

Столь же неожиданно Геринг сообщил Гильберту, что в своем последнем слове собирается упомянуть о советском преступлении в Катыни. Гильберт стал допытываться, какое отношение этот эпизод имеет к обвинениям, выдвинутым против Геринга. Рейхсмаршал хитро улыбнулся:

«Да ровным счетом никакого, но я поступлю так из особой любви к русским. Вы ведь не верите в то, что мне это удастся без посторонней помощи, верно?»

К тому времени катынский эпизод на процессе еще не разбирался, но адвокат Геринга уже готовил по нему свидетелей. Гильберт в тот момент был убежден, что Катынь — это злодеяние нацистов. Его наверняка насторожило, что Геринг собирается говорить о Катыни в последнем слове — явно как о советском, а не немецком преступлении. Гильберт попросил рейхсмаршала пояснить свою точку зрения.

«Не забывайте, что в Лондоне все еще сидит польское правительство в изгнании».

Затем Геринг сделал реверанс по отношению к американской культуре. Он заявил, что прочел книгу Дейла Карнеги «Как приобретать друзей», и попросил своего адвоката достать немецкий перевод романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Далее речь зашла об антисемитизме. Геринг уверял, что не был фанатиком и юдофобом, хотя кое-что из свойственного НСДАП антисемитизма к нему не могло не пристать:

«Это все они — Геббельс, Лей и еще один философствующий, фамилию которого я называть не хочу, ибо он находится среди нас (речь шла о Розенберге. — Б. С.). Именно он заводил старую шарманку о том, что все коммунисты — евреи и даже советские народные комиссары — и те евреи, что, как я выяснил позже, было ерундой. Но так как он сам прибыл из России, мы верили ему, считая экспертом в этой области».

В тот же вечер Шпеер пожаловался Гильберту на очередную «бандитскую выходку» Геринга:

«Во весь голос, так, чтобы все слышали, он заявил, что даже если я, Шпеер, уцелею после процесса, немецкий «суд чести» меня все равно казнит за измену... Он рассчитывает запугать нас всех настолько, что мы станем помалкивать, а он на нашем фоне будет выглядеть героем».

На допросе Геринг признался, что никогда не был большим любителем ходить в церковь, но тем не менее посещал ее и прежде, а в особенности посещает теперь, в Нюрнберге.

26 июля 1946 года обвинители выступили с заключительными речами. Американец Джексон назвал Геринга «наполовину милитаристом, наполовину гангстером», который

«тянулся своими грязными руками за каждым куском пирога». Он заявил также, что рейхсмаршал — «специалист по устранению политических соперников и по устройству скандалов с целью устранения упрямых генералов». В вину Герингу ставилось создание люфтваффе, которые в последующем бомбили «беззащитных соседей». Впрочем, после бомбардировок союзной авиацией Гамбурга, Дрездена и других немецких городов эти обвинения выглядели не слишком убедительно. Джексон утверждал, что Геринг выступал за уничтожение оппозиции и был одним из инициаторов депортации евреев из Германии и их последующего уничтожения.

Насчет евреев, судя по приказу Геринга Гиммлеру, обвинитель был прав. Что же касается оппозиционеров, то Геринг действительно выступал за их полное отстранение от политической жизни и заключение наиболее опасных оппонентов в концлагеря, но все-таки не за их физическое уничтожение без крайней на то необходимости, хотя бы потому, что они были немцами. Если бы Нюрнбергский трибунал знал о масштабах сталинских чисток, сопровождавшихся уничтожением сотен тысяч политических оппозиционеров и миллионов противившихся коллективизации крестьян, то «уничтожение оппозиции» Герингом должно было показаться ему детской шалостью.

Джексон настаивал на том, что попытка Геринга предотвратить войну путем переговоров была не чем иным, как попыткой обеспечить нейтралитет Англии, чтобы создать комфортные условия для агрессии против Польши. Прокурор издевательски добавил:

«Между Герингом и Розенбергом (еще одним страстным «коллекционером». — Б. С.) были некоторые разногласия насчет того, как распределять награбленные произведения искусства, но в отношении того, как организовать этот грабеж, у них царил полное взаимопонимание».

Американский обвинитель завершил свою речь следующей патетической сентенцией, указывая рукой на подсудимых:

«Если вы скажете, что эти люди не виновны, это будет означать, что не было войны, не было убийств, не было преступлений!»

Геринг в перерыве так прокомментировал выступление Джексона:

«Пусть поливают меня грязью, если есть охота! Ничего иного я и не ожидал! Во всяком случае, те, кто расстился перед судьями, обвиняя нацистский режим во всех смертных грехах, получили свое. И поделом!.. По мне, уж лучше предстать перед всеми в образе убийцы, но не подхалима и приспособленца, как Шахт! И в глазах общественности я выглядел лучше. Про него всякий скажет: «С одной стороны, вы — предатель, а с другой — угодник!» Нет уж, лучше я останусь таким, как есть». И еще раз повторил, что победитель — всегда прав.

Британский обвинитель сэра Хартли Шокросс, выступавший в тот же день вслед за американцем, возложил на Геринга ответственность за все преступления национал-социализма и заметил, что «при всем своем кажущемся добродушием он столь же деятельно, как и прочие, создавал эту дьявольскую систему. После Гитлера именно он имел наибольшее влияние на ход событий и был в наибольшей степени осведомлен о происходившем».

Шокросс заявил:

«Не подлежит сомнению, что подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления столь ужасные, что их трудно себе вообразить... Крупные города — от Ковентри до Сталинграда, стертые в прах, разоренные деревни, неизбежные спутники войны — голод и болезни, миллионы бездомных, искалеченных, обнищавших... Десять миллионов солдат, моряков, летчиков и мирных жителей, павших в боях, которых могло и не быть, десять миллионов тех, кто мог бы сейчас жить в мире и покое, из своих могил вопиют не об отмщении, а о том, чтобы это никогда не могло повториться... Уничтожено две трети еврейского населения Европы, более шести миллионов, по данным самих убийц...»

Тут стоит подчеркнуть, что приведенное британским обвинителем количество погибших — десять миллионов погибших военных и гражданских со стороны союзников и более шести миллионов уничтоженных евреев — в дальнейшем значительно возросло.

Вечером в камере Геринг говорил Гильберту:

«Все то, что я сказал за обедом, беру назад. По сравнению с Шокроссом Джексон был еще снисходителен. Лстыть и говорить нам комплименты они явно не настроены».

Он посетовал, что Шокросс упомянул его как ответственного за казнь 50 британских летчиков, совершивших побег 24 марта 1944 года и позже расстрелянных по приказу Гитлера, хотя он, Геринг, там не присутствовал. Зато рейхсмаршал с гордостью отметил, что чаще других Джексон упомянул его — целых 42 раза. Далее с большим отрывом следовал Шахт.

Геринг заявил Гильберту:

«Мне тут дали прочитать вторую часть речи сэра Хартли Шокросса — завтра с утра он задаст перцу остальным! По сравнению с ними я вообще мальчик из церковного хора! Джексон задает вопрос, как бы все выглядело, если бы здесь свою защиту представлял сам Гитлер. Я могу точно сказать, как бы это было. Первое, Гитлер бы взял на себя всю полноту ответственности. Второе, уверяю вас, кое-кто из обвиняемых при нем бы храбриться не стал. Им бы не удалось отговориться своими бреднями, буд-то они, мол, выступали против него.

Другое дело — Гиммлер. Если бы он оказался здесь, то понял бы, что терять нечего, и позаботился бы о том, чтобы прихватить с собой на виселицу пару генералов вермахта. Он бы сказал — и этот знал, и тот, и этот. Этот свершил такое-то зверство, а тот — такое-то. Он никогда не был настроен против меня. Имело место лишь политическое соперничество. Но здесь, на этой скамье, он, без сомнения, уступил бы мне первенство. Я, например, говорил, что первые сорок часов после смерти Гитлера были бы для меня самыми страшными, так как Гиммлер наверняка попытался бы организовать мне «автокатастрофу», или «инфаркт» вследствие пережитого потрясения от смерти «обожаемого фюрера», или что-нибудь еще в этом роде. По этой части он был непревзойденным мастером. Но если бы мне присягнул вермахт, я оказался бы в безопасности, а вот с Гиммлером было бы покончено раз и навсегда!»

Советский обвинитель Руденко сослался в своем выступлении на «приказы подсудимого Геринга об уничтожении взятых в плен летчиков союзных армий, о разграблении оккупированных территорий и об угоне мирного населения в Германию для принудительного труда». Он приписал

Герингу роль вдохновителя опытов по ведению бактериологической войны, хотя не было никаких доказательств того, что рейхсмаршал вообще знал о них. Руденко обвинил Геринга в поджоге Рейхстага, хотя никаких доказательств этого, за исключением заявления Гальдера, на процессе представлено не было. Вообще, речь Руденко была больше публицистической, нежели юридической.

Когда закончились выступления обвинителей, в которых были повторены все пункты обвинительного заключения, Геринг заметил Риббентропу:

«Они говорили так, словно никакой защиты с нашей стороны не было».

«Да, — согласился бывший глава германского МИДа, — с нашей стороны все это было лишь пустой тратой времени».

31 августа 1946 года Геринг, когда ему было предоставлено последнее слово, категорически отверг все обвинения. В заключение он заявил:

«Я отвечаю за вещи, которые я сделал, но я решительно отрицаю, что мои действия были продиктованы желанием покорить другие народы посредством войн, убийств, грабежей, порабощения и свершения против них жестокостей и преступлений. Единственным мотивом, которым я руководствовался, была горячая любовь к моему народу, мое желание обеспечить ему счастье и свободу. И в этом я призываю в свидетели Всемогущего и мой германский народ».

Теперь оставалось лишь ждать приговора...

Еще 9 марта 1946 года Герингу сообщили, что его жену выпустили из тюрьмы. Он очень обрадовался этому, но категорически запретил ей приезжать в Нюрнберг и выступать в качестве свидетеля защиты. Он запретил делать это и своему пасынку Томасу фон Кантцову, хотя тот 13 марта 1946 года написал длинное письмо адвокату Штамеру, в котором выразил готовность выступить свидетелем на процессе и перечислил все известные ему случаи, когда Геринг спасал от преследований евреев и других жертв гестапо.

Эмми поселилась в Закдиллинге под Нойхаузом и добиралась до Нюрнберга с немалыми трудностями, хотя проехать нужно было всего каких-то 40 километров. В разрушенной до основания Германии сделать это было совсем не просто, но Эмми было уже не привыкать к трудностям. Они с дочерью ютились в деревянном домике посреди леса. Водопровода там не было, а дрова им приходилось заготавливать самим. У Эмми осталось всего одно платье, одна шляпа и пара поношенных туфель.

23 марта 1946 года у нее побывал доктор Гильберт. Вот как он описал свой визит:

«Я посетил г-жу Эмму Геринг, которая после освобождения из-под ареста вместе со своей дочерью и племянницей перебралась в домик, затерявшийся в лесах Закдиллинга вблизи Нойхауза. Условия жизни там были довольно спартанскими — ни централизованного отопления, ни горячей воды. Она оказалась весьма симпатичной особой лет 45, правда, несколько сентиментальной, что легко объяснить ее переживаниями. Маленькой Эдде я подарил шоколадку, после чего г-жа Геринг отправила дочь поиграть на время беседы со мной. После ее ухода она сказала: «Вы можете

себе представить, что этот безумец приказал расстрелять девочку?»

Эмма с горечью поведала мне, что по приказу Гитлера они были арестованы и приговорены к расстрелу, так как Гитлер утратил доверие к Герингу. Г-жу Геринг до глубины души возмущала эта несправедливость:

«Семь недель под вашим арестом были, конечно же, мучкой, но, поверьте, это не идет ни в какое сравнение с тем, что свалилось на нас, когда Гитлер велел арестовать и расстрелять Германа и всю нашу семью. Муж пришел в ярость оттого, что фюрер мог заподозрить его в неверности. Он так разошелся и так честил Гитлера, что я боялась: охрана пристрелит его на месте. Я попросила охранника забыть обо всем, что он слышал. Солдат ответил мне, что он, конечно, забудет, но считает, что мой муж прав. «Неверность»! Один только Бог знает, на какие жертвы пришлось пойти моему мужу, храня преданность фюреру! Он потерял здоровье, состояние и первую жену в результате путча 1923 года. Он во всем поддерживал Гитлера. Он помог ему прийти к власти. И в благодарность за это получил ордер на арест и приказ о расстреле. Они хотели расстрелять даже моего ребенка! Когда мы узнали о самоубийстве Гитлера, Герман с горечью заметил, что самое ужасное для него то, что он уже никогда не сможет объяснить Гитлеру, как тот был несправедлив, подозревая его в измене».

Гильберт, со своей стороны, высказал удивление, что Геринг до сих пор держится за свою верность Гитлеру, хотя сейчас всему миру известно, что Гитлер — убийца. Сознание этого должно было бы, по мнению американца, освободить рейхсмаршала от присяги Гитлеру.

«Конечно! Конечно! — радостно согласилась Эмма, но тут же молитвенно сложила руки. — О, если бы я могла хотя бы пять минут поговорить с ним! Хотя бы пять минут!»

«Единственное объяснение тому, что он продолжает твердить о своей верности Гитлеру, — предположил Гильберт, — заключается исключительно в его неприятии иностранного суда».

«Да, да, верно! — подтвердила Эмма. — Именно в этом! Я знаю, что он думает... Если бы здесь хоть кто-нибудь поступил по-мужски, встал и сказал бы: «Да, я поддерживал

фюрера, а сейчас я стою перед вами — делайте со мной что хотите!» Как стыдно, когда немцы теперь бьют себя кулаком в грудь, утверждая, что, дескать, они никогда не поддерживали Гитлера и будто бы в партию их загоняли силой. Кругом — сплошное лицемерие, это отвратительно! А он хочет показать, что хотя бы в одиночестве не будет ни от чего отрёкаться, как последний трус».

«Но тем самым он ставит себя в сомнительное положение, — возразил американец. — Даже сейчас он готов оправдывать политику Гитлера. Есть ли вообще предел этой «верности Нибелунгов»? Он обязан признать свою вину и ради себя самого, и ради германского народа».

Эмма согласилась с этим и еще раз повторила:

«О, хоть бы раз увидеть его! Хотя бы на десять минут! — и продолжила: — Мне теперь ясно, что он, увидев, как многие немцы отвернулись от Гитлера и стремятся скрыть свою связь с ним из-за страха перед победителями, решил стать в позу. Он ненавидел Гитлера за все, что тот натворил. Но что касается верности — тут Герман просто фанатик. В этом я его не поддерживала. Как можно хранить верность тому, кто хотел убить нашего ребенка?»

Далее супруга Геринга высказала мысль о безумии Гитлера.

«Если бы отыскался психиатр, который рискнул объявить Гитлера душевнобольным, его немедленно расстреляли бы», — справедливо заметил Гильберт.

«Тогда мой муж занял бы его пост и освободился бы от никому не нужной присяги на верность... Боже мой, участь Германии могла бы быть другой, лучшей, если бы он еще до войны стал фюрером. Войны бы вообще не было, не было бы и репрессий! Вы знаете моего мужа. Он не из тех, кто снедаем ненавистью. Он и сам жил, и давал жить другим. У Гитлера же — совсем другой характер. У него была одна только железная решимость и бесконечное стремление идти к поставленной цели без каких-либо компромиссов или передышек. Поначалу он таким не был, но к концу жизни явно повредился умом... Потому что если человек не может отдыхать, не может смеяться, если держит руки вот так...» — Эмма скрестила руки внизу живота.

Она вспомнила, что однажды попросила Гимmlера организовать ей поездку в Освенцим после того, как к ней стали

поступать сведения о том, что там творятся какие-то странные дела. Но Гиммлер ответил отказом, посоветовав не вмешиваться в дела, которые ее не касаются. Кстати, Эмми сообщила Гильберту, что ни в одном из нескольких тысяч полученных ей писем о положении в концлагерях ничего не говорилось о массовых убийствах, что навело ее на мысль о том, что ее корреспонденция перлюстрировалась гестапо. На самом деле, скорее всего, в тех концлагерях, из которых поступали письма, массовых убийств действительно не было. Ведь ей писали только о тех лагерях, которые располагались на территории Германии и Австрии. Вряд ли писали из Освенцима, — о нем ей скорее было известно лишь понаслышке. Массовые же убийства проводились именно в тех концлагерях, которые были расположены в Польше и на оккупированных советских территориях.

Эмми призналась Гильберту, что по-прежнему любит мужа:

«Мне так досадно, что я не могу ничего для него сделать! Он был так добр ко мне, а сейчас я не в силах что-либо изменить! У меня нет средств даже для того, чтобы достать необходимое ему. Он всегда ограждал меня от всех проблем».

Гильберт пообещал связаться с чинами оккупационной администрации и попросить их вернуть Эмми конфискованную при аресте одежду. Он также взял письмо для Геринга от Эмми и маленькую открытку от Эдды. Доктор так подвел свои впечатления от встречи с женой рейхсмаршала:

«Я расстался с ней с ощущением, что дама сердца Геринга до сих пор любит своего сиятельного рыцаря, поместившего ее в «башню из слоновой кости». Оттуда ей было удобно взирать на своего героя и восхищаться его бурной натурой. Даже суровое осознание того, что ее герой был прислужником у суперубийц, не развеяло иллюзий относительно супруга».

На следующий день Гильберт посетил Геринга и передал ему послания от жены и дочери. Читать их при американце рейхсмаршал не стал, но поинтересовался, как у них идут дела. Гильберт рассказал о своей беседе с Эмми и о том, в каких условиях они живут. Он сообщил:

«Мы много говорили о вашей верности Гитлеру, о его приказе арестовать и расстрелять вас и вашу семью, в том числе и маленькую Эдду».

«Я теперь уже не верю, что приказ мог исходить от самого Гитлера. Это — дело рук Бормана, этой мерзкой свиньи, — заявил Геринг. — Если бы эта мразь оказалась в моей камере, вам не было бы нужды отдавать его под суд, это я гарантирую! Я задушил бы подонка голыми руками! И не только за те гадости, что он сделал мне, но и за все его вероломные дела, которые он творил, втершись в доверие к фюреру».

Насчет же своей верности Гитлеру Геринг заметил:

«Знаете, я никогда не прославлял и не осуждал его. Не могу осуждать его и сейчас».

«Я ожидал такого ответа, — признался Гильберт. — Вы не хотите высказать иностранному суду то, что у вас накопело на душе».

«Разумеется, мне к тому же хотелось показать моему народу, что существует еще такое понятие, как верность», — заявил в ответ Геринг.

«Ваша жена очень расстроена вашей слепой верностью фюреру, в особенности после его приказа расстрелять вас. Вот ее слова: «Мне бы хоть раз увидеть его! Хоть на пять минут!»

Геринг ответил со снисходительной улыбкой:

«Да, да, понимаю. Она может влиять на меня в отношении многих вещей, кроме одной — моего кодекса чести. Тут меня не собьет никто. Я позволял ей распоряжаться в доме, я делал для нее все, что она пожелает, но если речь шла о принципиальных для мужчины вещах, тут уж, извините, женщинам доступ закрыт. — А затем, после паузы, добавил: — Моему народу уже приходилось терпеть унижения. Верность и ненависть еще раз объединят его. Кто знает, может быть, в эту минуту рождается тот, кому суждено сплотить мой народ и отомстить за все унижения, которые мы терпим сейчас?»

Очевидно, даже призыв любимой жены публично осудить Гитлера, пусть даже не для облегчения собственной участи, а ради справедливости, не возымел действия на Геринга. Рейхсмаршал предпочел войти в историю «верным паладином» предавшего его фюрера, при этом открестившись от самых постыдных из гитлеровских преступлений.

Когда 15 сентября 1946 года был объявлен перерыв для вынесения приговора, Геринг сказал Гильберту:

«Можетè теперь не беспокоиться о том, что возникнет легенда о добром Гитлере. Когда немцы узнают обо всем, что вскрылось в ходе процесса, не будет необходимости судить его — он сам себе вынес приговор».

Рейхсмаршал явно надеялся на другую легенду — о добром толстяке Геринге...

После объявления перерыва женам разрешили посещать подсудимых ежедневно. Подсудимым же теперь позволили общаться друг с другом. До этого они могли переговариваться только на скамье подсудимых, да и тогда слишком громкие разговоры пресекались охраной. Теперь, когда основная часть процесса завершилась, обвинение больше не опасалось того, что обвиняемые смогут сговориться.

Во время свидания супруги были отделены друг от друга проволочной сеткой. Рядом с Герингом стояли двое американских военных полицейских. В первый раз Эмми очень смущало их присутствие, но в последующие дни она привыкла к этому.

Первоначально вынесение приговора было намечено на 23 сентября, но затем было отложено на неделю. Тогда Эмма вызвала к себе дочь. Они жили в двух комнатах у доктора Штамера в пригороде Нюрнберга Ауэрбахе. На очередное свидание Эмма захватила Эдду. Геринг при виде дочери заплакал, но она его утешила:

«Папочка, когда ты вернешься домой, не снимай, пожалуйста, свои медали даже в ванной. Про тебя говорят, что ты их и в ванне не снимаешь. Я их еще никогда в мыльной пене не видела! Они звякают?»

На следующий день вместе с Эмми Геринга навестила его сестра Паула. Эмми попросила мужа дать рекомендательное письмо Роберту Кроппу. Верному слуге теперь требовалось доказать, что он никогда не состоял в членах НСДАП, в противном случае его не брали на работу. Геринг написал письмо и невесело усмехнулся: оказывается, он все еще был в состоянии влиять на судьбы людей... Он сказал жене, что очень скоро решится и его собственная судьба, и судьба остальных подсудимых, и тут же утешил Эмми:

«Не беспокойся, что бы ни случилось, меня не повесят!»

О Кроппе же Геринг написал, что его слуга никогда не состоял в партии и не занимался политикой.

Потом они увиделись с Эмми 29 сентября, накануне вынесения Герингу смертного приговора. Он думал, что видит любимую в последний раз, но ошибался. 7 октября 1946 года доктор Штамер предупредил ее по телефону, что ей разрешено последнее свидание с мужем. Эмми подбросил до тюрьмы владелец магазина.

На свидании их, как обычно, разделяла стена из стекла и проволоки. Рейхсмаршал был прикован наручниками к сержанту американской военной полиции. Он спросил, сообщили ли дочери о смертном приговоре. Эмма кивнула и сказала, что она просила передать папе, что надеется встретиться с ним на небесах. При этих словах, по свидетельству капеллана Гереке, присутствовавшего при встрече, он впервые увидел, что на глазах Геринга выступили слезы.

«Милая маленькая Эдда, — вздохнул Геринг. — Пусть жизнь не будет к ней жестокой! Я легко бы встретил смерть, если б знал, что смогу таким образом защитить вас. Но, может быть, ты хочешь, чтобы я подал прошение о помиловании?»

«Нет, Герман, — вздохнула Эмми. — Ты можешь умереть спокойно после того, как сделал в Нюрнберге все, что мог... Я верю, что ты погибаешь за Германию!»

«Спасибо за твои слова, — растрогался Геринг. — Ты даже не представляешь, как много они для меня значат! Не бойся, меня не повесят. Они найдут для меня пулю. Эти иноземцы могут меня убить, но они не имели права судить меня!»

«Ты действительно веришь, что тебя расстреляют? — спросила с тревогой Эмми».

«Можешь не сомневаться в одном, — заверил ее Геринг, — они меня не повесят».

Тут Эмми, как она вспоминала впоследствии, поняла, что именно он собирался сделать.

В заключение Геринг сказал:

«Да хранит Бог тебя и нашего ребенка! Он воздаст всем, кто был и будет добр к вам! Бог защитит и Германию!»

Прощаясь, Геринг попытался поднять в прощальном жесте правую руку, но сержант, испугавшись, что он может сделать нацистский салют, повис на руке и не позволил ее поднять. Позже Геринг сказал капеллану Гереке, что умер уже в тот момент, когда за Эмми закрылась дверь камеры.

В приговоре Нюрнбергского международного трибунала, оглашенного 30 сентября и 1 октября, по поводу Геринга, в частности, говорилось:

«26 апреля 1933 года Геринг основал в Пруссии тайную государственную полицию и заявил заместителю начальника гестапо, что главной задачей организации является уничтожение политических противников национал-социализма и Гитлера... При любом рассмотрении вопросов о подавлении оппозиции не следует забывать о кровавой резне 30 июня 1934 года. Она стала известна под названием «Чистки Рема» или «Кровавой бани» и раскрыла методы, к которым Гитлер и его ближайшие пособники, включая подсудимого Геринга, были готовы прибегнуть как для подавления всякой оппозиции, так и для консолидации своей власти. В тот день Рем — начальник штаба СА с 1931 года был убит по приказу Гитлера, а «старая гвардия» СА была истреблена одним ударом безо всякого суда. Этот случай был использован для уничтожения большого количества людей, которые в тот или иной период выступали против Гитлера. Причиной для убийства Рема послужило то, что он замыслил свергнуть Гитлера, и подсудимый Геринг показал, что этот замысел дошел до его ушей. Нет необходимости устанавливать, было ли это действительно так или нет».

Инкриминировались Герингу и усилия по перевооружению Германии:

«В апреле 1936 года подсудимому Герингу была поручена координация вопросов, связанных с сырьем и иностранной валютой, и он был уполномочен осуществлять надзор за деятельностью государственных и партийных учреждений в этой области. В соответствии с этими обязанностями он собрал у себя военного министра, министра экономики, рейхсминистра финансов, президента рейхбанка и министра финансов Пруссии для обсуждения вопросов, связанных с военной мобилизацией. 27 мая 1936 года в выступлении перед вышеупомянутыми лицами Геринг возражал против какого-либо ограничения развития военной промышленности по финансовым соображениям. При этом он добавил:

«Все меры должны рассматриваться с точки зрения обеспечения ведения войны».

На партийном съезде в Нюрнберге в 1936 году Гитлер объявил об утверждении четырехлетнего плана и о назначении Геринга уполномоченным по его проведению. В это время Геринг уже осуществлял строительство мощных военно-воздушных сил, а 8 июля 1938 года заявил нескольким видным представителям авиационной промышленности Германии, что военно-воздушные силы Германии превосходят английские как по количеству, так и по качеству.

14 октября 1938 года на другом совещании Геринг объявил, что Гитлер дал ему указание организовать приведение в жизнь гигантской программы вооружения, по сравнению с которой все предыдущие достижения покажутся незначительными. Он сказал, что ему было приказано в кратчайший срок построить военно-воздушные силы, в пять раз превосходящие прежние, ускорить перевооружение армии и флота и обратить внимание на постройку наступательного оружия, в частности тяжелой артиллерии и тяжелых танков. Затем он предложил конкретную программу по выполнению этих задач».

Обвиняли Геринга и в том, что 16 марта 1935 года он, вместе с другими министрами, подписал закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности и создании армии, насчитывавшей 500 тысяч человек. В приговоре перечислялись многочисленные совещания, на которых присутствовал Геринг и где обсуждалось перевооружение и подготовка страны к войне. Здесь отмечалась и роль Геринга

в аншлюсе Австрии и в агрессии против Чехословакии. Инкриминировали Герингу и миссию шведского бизнесмена Далеруса.

Геринга обвиняли также в организации эксплуатации оккупированных территорий. Преступной, в частности, была сочтена его директива от 19 октября 1939 года, предусматривавшая экономическое ограбление оккупированной Польши:

«Назначение экономических мероприятий в разных районах различно, и они зависят от того, является ли данное государство страной, которая будет политически воссоединена с Германской империей или генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не станет частью Германии. На территории первой группы государств цель должна заключаться в том, чтобы сохранить все их производственные возможности и систему снабжения, а также в том, чтобы в возможно более короткий срок добиться полного слияния их с немецкой экономической системой. С другой стороны, с территорий генерал-губернаторств должны быть вывезены все сырье, утиль, машины и т. п., которые могут быть полезны для немецкой военной экономики. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком много времени и если не будет более выгодным эксплуатировать эти предприятия на прежнем месте расположения, давая им заказы из Германии».

Столь же хищнически эксплуатировались оккупированные советские территории. В связи с этим в тексте приговора цитировалось выступление рейхсмаршала от 6 августа 1942 года перед чиновниками оккупационной администрации на Востоке:

«Вас послали туда не для того, чтобы заботиться о благосостоянии людей, над которыми вы поставлены. Вы посланы для того, чтобы получить от них все, что возможно, с тем, чтобы немецкий народ мог жить. Именно этого я ожидаю от вас. Эти вечные заботы об иностранцах должны быть прекращены раз и навсегда. Передо мной лежат доклады о том, что вы должны собрать. Это ничто по сравнению с размером ваших территорий. Поэтому для меня совершенно безразлично, если вы скажете, что ваши люди будут обречены на голодную смерть».

По поводу преследования евреев и роли в этом Геринга в приговоре указывалось, что после «хрустальной ночи» «был наложен штраф в миллиард марок и издан приказ о конфискации финансов, находившихся во владении евреев. Это происходило в то время, когда расходы Германии на военные нужды создали трудности для германского казначейства и когда обсуждался вопрос о снижении таких расходов. Более того, эти шаги были предприняты с одобрения подсудимого Геринга, который был ответственным за проведение экономических мероприятий подобного рода и являлся ярым защитником расширенной программы перевооружения, невзирая на финансовые трудности».

Герингу инкриминировалось также участие в «окончательном решении». Документы неоспоримо доказывали, что Геринг был одним из архитекторов плана массового уничтожения еврейского населения Европы.

Резолютивную часть договора 1 октября 1946 года приняли зачитывать с Геринга, как самого старшего по положению в Третьем рейхе из всех подсудимых.

Как только лорд Лоуренс начал читать: «Герман Вильгельм Геринг...», рейхсмаршал снял наушники и жестом показал, что они плохо работают. Пока чинили технику, повисла драматическая пауза. Затем председатель суда объявил:

«Герман Вильгельм Геринг, на основании пунктов обвинительного акта, по которым вы были признаны виновным, Международный военный трибунал приговаривает вас к казни через повешение».

Геринг снял наушники, которые послужили ему в последний раз, положил их на кафедру и навсегда покинул зал. Рейхсмаршал, конечно, мог бы и не пользоваться наушниками: английский он знал достаточно хорошо. Но Геринг хотел непременно выслушать приговор на родном языке.

После вынесения вердикта Геринг сказал Гильберту:

«Я ожидал смертного приговора и рад, что меня не приговорили к пожизненному заключению, ведь получившему такой приговор участь мученика не грозит».

На следующий день он подал трибуналу прошение о том, чтобы ему заменили повешение расстрелом, более приличествовавшим фельдмаршалу. Но Союзный контрольный совет, рассмотрев просьбы о помиловании, подтвердил смертный приговор всем подсудимым и отклонил обращения Геринга, Кейтеля и Йодля о замене петли пулей.

Вечером 15 октября полковник Эндрюс, ведавший охраной тюрьмы, где находились осужденные, посетил каждого из них и сообщил об отклонении ходатайств о помиловании.

Казнь была назначена на два часа ночи 16 октября. Это время собирались держать в тайне от приговоренных. Но уже с вечера у тюрьмы стала собираться толпа журналистов, которые узнали о казни. Заключенные тоже поняли, что настал их последний час. Из гимнастического зала раздавался стук топоров — там строили три виселицы (одна из них была запасной). Снаружи шумела толпа, а внутри тюрьмы свет против обыкновения не приглушали на ночь. У Заукеля, сидевшего в камере № 9, не выдержали нервы. Он бился в истерике и молил о пощаде.

Геринг этим вечером попрощался с доктором Гильбертом. Тот нашел, что рейхсмаршал подавлен, очень расстроен и заметно нервничает. Гильберт считал, что Геринг переживал из-за отказа Контрольного совета заменить ему вид казни.

Тюремный капеллан капитан Герекке навестил Геринга между половиной восьмого и без четверти восемь вечера. Священник так описал этот визит в своем дневнике:

«Он выглядел хуже обычного, что и неудивительно, учитывая то, что ему предстояло. Зашла речь об остальных, и он спросил о Заукеле, пожалев, что не может увидеться с беднягой и поддержать его. После этого он стал критиковать метод казни, назвав его позорным для себя, одного из руководителей немецкого народа. Потом наступило молчание. Я нарушил его первым, опять предложив ему передать свое сердце и душу Спасителю. Он вновь заявил, что является христианином, но не может принять целиком учение Иисуса Христа. Двумя днями раньше я отказался его причастить, поскольку он отрицал божественность Христа, основателя этого таинства. Он отвергал все принципы христианской церкви, но настаивал, что остается христианином, поскольку его никто не отлучал от Церкви. Мое утверждение о том, что он не сможет встретиться со своей дочерью Эддой на небесах, так как отрицает божественный путь спасения, привело его в уныние. Геринг — самый настоящий рационалист, материалист и модернист. Я надеялся, что ему удастся отдохнуть в этот вечер. Он сказал, что почувствовал себя легче».

Позже, в мемуарах, Герекке несколько иначе описал эту встречу:

«Вечером перед исполнением приговора у меня состоялась длинная дискуссия с Герингом. Я указывал на необходимость подготовиться к встрече с Богом. Во время нашей беседы он подверг осмеянию несколько библейских истин и отказался принять то, что Христос умер за грешников. Это было сознательным отвержением Крови Христа. «Мертвый — мертв» — такими приблизительно были его слова. Когда я, в конце концов, напомнил ему о его маленькой дочурке, которая надеялась увидеть его в небесах, он ответил: «Она верит по-своему, а я — по-своему». Час спустя я услышал шум возбужденных голосов. Мне сказали, что Геринг покончил с жизнью. Когда я вошел в камеру, его сердце еще билось, но вопрос, который я задал ему, остался без ответа. Маленький пустой шприц лежал у него на груди. Вот так он перешел в вечность».

Шприц, очевидно, оставили врачи, безуспешно пытавшиеся реанимировать Геринга. Но рейхсмаршалу все же

удалось уйти из жизни при помощи ампулы с ядом. Вот как это произошло.

После Гереке к Герингу зашел лейтенант военной полиции Джон Уэст для вечерней проверки и обыска. Он докладывал, что «перетряхнул все личные вещи Геринга, включая постельное белье и матрас, и ничего запрещенного не обнаружил». Уэст отметил, что Геринг выглядел веселым и много говорил. Очевидно, рейхсмаршал в этот момент уже твердо знал, что в ближайшие часы сведет счеты с жизнью так, как он это давно задумал.

В девять тридцать Геринга посетил доктор Пфлюкер в сопровождении американского лейтенанта Артура Маклиндена, который, как и большинство охранников тюрьмы, не говорил по-немецки. Врач дал Герингу снотворную пилюлю, которую Геринг проглотил в их присутствии. Затем Геринг и Пфлюкер минуты три поговорили по-немецки, доктор пощупал у заключенного пульс, и они распрощались. Пфлюкер и Маклинден оказались последними, кто заходил в камеру к живому Герингу. В этот момент у дверей камеры № 5 дежурил рядовой 1-го класса Гордон Бингам из роты С 26-го пехотного полка. Геринг уже был в ночной рубашке и во время посещения доктором и лейтенантом оставался в постели. Бингам позднее писал в своем рапорте, что после ухода Пфлюкера и Маклиндена он запер камеру и заглянул в глазок:

«Геринг смотрел на меня, приподнявшись на койке и подавшись к окну. Затем он лег на спину, положив руки по бокам поверх одеяла. С того момента, как Геринг сел в постели, и до того времени, когда он вытянул руки по бокам, вне поля моего зрения оставалась его левая рука. Он лежал, не меняя позы, минут пятнадцать, а потом скрестил руки на груди и немного повернул голову влево. Тут я случайно сбил в сторону лампу и был вынужден поправить ее. Когда я опять заглянул внутрь камеры, он смотрел на меня и показывал в мою сторону пальцем правой руки. Затем он вновь положил руку вдоль бока поверх одеяла. Так он лежал минут пятнадцать — двадцать, потом скрестил руки на груди, подержал их так несколько минут, после чего накрыл руками глаза. Полежав так некоторое время, он опять положил руки на грудь, затем расцепил их и опустил по бокам, потом сунул правую руку под мышку, поднеся локоть к глазам, а позже сложил руки по бокам. Он пролежал так минут десять,

потом посмотрел на меня и отвернулся. После этого пришла моя смена, возник небольшой шум, и Геринг опять взглянул на меня. Потом меня сменили, и я ушел».

Бингама у камеры Геринга сменил рядовой 1-го класса Гарольд Джонсон из той же роты С все того же 26-го пехотного полка. Вот его рапорт о том, что произошло дальше:

«Я заступил на дежурство как караульный второй смены у камеры Геринга в 22:30. В это время он лежал на своей койке на спине с вытянутыми вдоль туловища руками поверх одеяла. Он оставался в таком положении без движений минут пять. Потом он поднял руку со сжатым кулаком, как будто закрывая глаза от света, затем опять положил ее сбоку поверх одеяла. Так он лежал совершенно неподвижно примерно до 22:40, когда сложил руки на груди, переплетя пальцы, и повернул голову к стене. Он пролежал так минуты две-три, а потом опять вытянул руки по бокам. Было ровно 22:44, так как в этот момент я посмотрел на часы. Примерно через две-три минуты он как будто оцепенел и с его губ сорвался сдавленный вздох».

Джонсон заподозрил неладное и позвал разводящего сержанта, который мигом сбежал по лестнице с верхнего этажа, где находился второй ярус камер.

«Я сказал ему, что с Герингом что-то не так, — писал Джонсон в рапорте, — и он пулей полетел в кабинет администрации. Через несколько секунд он вернулся в сопровождении дежурного офицера лейтенанта Кромера и капеллана Гереке. Лейтенант Кромер заглянул в камеру, затем я отпер дверь, и он вместе с капелланом зашел внутрь. Я вошел следом за ними и осветил камеру».

Правая рука Германа Геринга свешивалась с кровати. Капеллан Гереке, взяв ее, прощупал пульс и с ужасом констатировал: «Боже правый! Этот человек мертв!»

Как потом вспоминал Альберт Шпеер, надзор за заключенными в нюрнбергской тюрьме нацистами вовсе не был таким строгим, как это представлял в своих рапортах и мемуарах полковник Эндрюс:

«У меня был тубик зубной пасты с ядом внутри все время, пока я находился в Нюрнберге, а потом я взял его с собой в тюрьму Шпандау. Никому и в голову не пришло заглянуть в него».

Позже Шпеер избавился от яда, окончательно оставив мысли о самоубийстве.

Геринг был настолько уверен в том, что его яд не найдут, что за четыре дня до своей запланированной смерти написал письмо полковнику Эндрюсу с разъяснениями мотивов своего поступка. Это было одно из трех писем, вложенных в конверт, который нашли у него под одеялом.

Первое письмо содержало длинное обращение к германскому народу с оправданием его действий и отрицанием обвинений союзников. Во втором письме Геринг коротко и нежно попрощался с Эмми и Эддой Геринг.

Письмо-обращение американцы изъяли и до сих пор не опубликовали. Прощальное письмо передали Эмми. Из трех предсмертных писем Геринга на сегодняшний день опубликовано только письмо полковнику Эндрюсу. Вот его текст:

«Нюрнберг, 11 октября 1946 г.

Коменданту

Я всегда имел при себе капсулу с ядом с того самого момента, когда меня взяли под арест. Когда меня привезли в Мондорф, у меня было три капсулы. Первую я оставил в одежде так, чтобы ее нашли при обыске. Вторую клал под вешалкой, когда раздевался, и забирал, одеваясь. Я делал это и в Мондорфе, и здесь, в камере, так удачно, что, несмотря на частые и тщательные обыски, ее не нашли. Во время заседаний суда я прятал ее в своих сапогах. Третья капсула все еще находится в моем чемоданчике, спрятанная в круглой баночке с кремом для кожи. Я мог дважды взять ее с собой в Мондорфе, если бы возникла необходимость. Нельзя винить за это тех, кто меня обыскивал, так как найти капсулу было практически невозможно. Так уж получилось.

Герман Геринг.

P. S. Доктор Гильберт сообщил мне, что Контрольный совет отказал в замене способа казни на расстрел».

Действительно, одну ампулу у Геринга нашли еще в Мондорфе, и в тот момент он хорошо сыграл крайнюю степень огорчения этим событием.

На следствии по поводу самоубийства Геринга полковник Бертон Эндрюс пытался оправдаться:

«У заключенных были изъяты все предметы, которыми можно было убить себя или которые можно было использовать для нападения на охрану. Из окон были вынуты стекла, у заключен-

ных изъяты шнурки и ремни. На ночь у них отбирали очки, чернильные ручки и часы со стеклами. Они находились под постоянным наблюдением в камерах. Когда их уводили в зал суда, в камерах устраивались обыски. Еду им приносили только заключенные этой же тюрьмы, не имевшие контактов с внешним миром. Поступавшая заключенным почта тщательно просматривалась. На суд заключенных сопровождали охранники. Им не разрешалось разговаривать друг с другом. Они общались только с персоналом тюрьмы, врачом, дантистом и священником. Одежду для суда им выдавали только после тщательной проверки. Их камеры периодически осматривались, проводились и внезапные обыски, когда обыскивались не только камеры, но и сами заключенные. Их тщательно обыскивали во время мытья дважды в неделю. Несколько раз мы находили запрещенные предметы — гвозди, осколки стекла, проволоку, веревки. Я считал, что этих обысков достаточно и что никому из заключенных не удастся утаить никаких предметов, с помощью которых можно лишить себя жизни».

Что ж, блаженны верующие... На самом деле уже самоубийство Лея должно было послужить тревожным сигналом. Если глава Имперского трудового фронта мог в течение доброго получаса плести и прилаживать петлю, никем не замеченный, значит, надзор за узниками был формальным. Да и обыски проводили не квалифицированные сыщики, а военные полицейские — вчерашние фермеры или бакалейщики. Они вполне могли не заметить ампулу с ядом, спрятанную в тюбик с зубной пастой или зашитую в шов одежды. Шпеер ведь признался, что хранил ампулу с ядом и в Нюрнберге, и в первые годы в Шпандау именно в «вечно запасном» тюбике с зубной пастой, содержимым которого так никто и не поинтересовался.

Замечу, что не только рапорт Эндрюса, но и рапорты охранявших Геринга в тот роковой вечер Бингама и Джонсона вряд ли содержат всю правду. Охранникам надо было оправдаться в том, что они проморгали самоубийство главного подсудимого. Вряд ли оба надзирателя в действительности так уж непрерывно следили за заключенным. Особенно Бингам, который наверняка устал к концу смены и то и дело отрывался от глазка в двери. А может, и вообще дремал...

Из того, что сообщают очевидцы последних часов жизни Геринга и что более или менее не вызывает сомнений,

вырисовывается следующая картина действий рейхсмаршала. В момент последнего обыска, которого он наверняка ожидал, ампула с ядом, скорее всего, оставалась на своем традиционном месте под вешалкой. Затем, когда ушел проводивший обыск лейтенант Уэст, а это произошло между половиной девятого и девятью, Геринг незаметно для Бингама достал ампулу, спрятал ее под матрас, разделся и лег. После ухода последних посетителей — Пфлюкера и Маклиндена Геринг воспользовался тем промежутком времени, когда его левая рука находилась вне поля зрения охранника, чтобы незаметно достать яд из-под матраса и положить его в рот. Характерно, что с этого момента, согласно показаниям обоих охранников, он ни разу не раскрыл рта. Затем Геринг дождался, когда произойдет смена караула и уляжется вызванный этим шум, полежал еще несколько минут на спине, закрывая глаза руками от света, который в эту ночь в камере не приглушали, повернулся к стене (все это вполне естественно для человека, который хочет заснуть), а затем незаметно раскусил ампулу и через две-три минуты скончался.

На пресс-конференции, посвященной самоубийству Геринга, представитель тюремной администрации американский майор Фредерик Тик сообщил, что Геринг, очевидно, имел с собой яд все то время, пока находился в тюрьме. Вероятно, он прятал его в туалете в своей камере. Какое-то время он также мог прятать его в своей одежде. Слухи о том, что Геринг будто бы хранил яд зашитым в тело, не имеют под собой никаких оснований. Просто после смерти у рейхсмаршала разошелся шов от старой раны. Тик признал, что Геринга ни разу не обыскивали как следует.

Столь же фантастична версия, согласно которой Эмми передала мужу яд при прощальном поцелуе. Во время последнего свидания супругам ни разу не дали даже прикоснуться друг к другу. Эмма потом заявила Фришауэру, что «Герман никогда бы не принял яд от меня, чтобы меня потом не обвинили». Роберт Кемпнер тоже несколько не сомневался в абсурдности этой версии.

Один из американских охранников вскоре после смерти Геринга похвалялся, что это он передал яд осужденному. Но говорил он это, будучи навеселе. К тому же он был од-

ним из наружных охранников тюрьмы и не мог общаться с Герингом.

Некоторые немцы тоже утверждали, что именно они передали яд рейхсмаршалу, однако такие заявления были не более чем формой протеста против оккупации. Подозревали и адвоката Геринга доктора Отто Штамера, но никаких улик против него так и не было найдено, тем более что адвокаты во время общения с подсудимыми находились под непрерывным наблюдением. Поэтому можно вполне согласиться с выводом Фришауэра:

«За его смертью нет тайны, есть лишь небрежность американских властей, которые предоставили ему некоторые привилегии как высокопоставленному заключенному».

Версии о том, что Геринга снабдил ядом кто-то из охранников, доверия не вызывают. Так, 78-летний житель Калифорнии Герберт Ли Стиверс, бывший рядовой роты Д военной полиции 26-го полка 1-й американской пехотной дивизии, в 2005 году, в связи с 60-летним юбилеем окончания Второй мировой войны, заявил, что он передал яд Герингу в перьевой ручке по просьбе двух знакомых своей немецкой подруги Моны — Эриха и Матиаса. Ему сказали, что в ручке находится лекарство. После самоубийства Геринга он будто бы понял все, но больше полувека держал язык за зубами.

К сожалению, это наверняка еще один случай, когда человек на старости лет захотел войти в историю, пусть даже столь экстравагантным образом. Откуда могли достать яд эти двое мифических немцев? Ведь Геринг отравился цианистым калием из ампулы, партию которых по приказу Гитлера раздали высшим нацистским лидерам в последние недели войны. Кто из высокопоставленных нацистов стал бы рисковать собственной жизнью, чтобы приехать в наводненный полицией Нюрнберг и передать заветную ампулу рейхсмаршалу? И уж совсем фантастичны рассказы Стиверса о том, что он часто беседовал с Герингом об авиации, спорте и многом другом, в результате чего проникся к рейхсмаршалу симпатией. Ведь Стиверс, как и другие охранники, почти не говорил по-немецки, а Геринг, хотя, по утверждению Стиверса, и хорошо говорил по-английски, не знал

американского варианта английского языка, что могло затруднить его общение с охраной.

Охранникам нюрнбергской тюрьмы, вопреки утверждениям Стиверса, категорически запрещалось общаться с заключенными как в камерах, так и в зале суда. Стиверс как раз входил в состав того караула, который в белых касках охранял подсудимых непосредственно во время заседаний. Конечно, нарушая инструкцию, когда рядом не было посторонних, они еще могли переброситься парой фраз и даже взять автограф, но вести долгие беседы на отвлеченные темы не могли никак.

Рассказов охранников, якобы помогших Герингу умереть, немало ходило в 50-е и 60-е годы, а слухи о том, что кто-то из охраны передал рейхсмаршалу яд, возникли сразу же после самоубийства. Комиссия, расследовавшая обстоятельства смерти Геринга, не нашла никаких подтверждений этой версии.

Стиверс говорил, что, если бы у Геринга яд был с самого начала, он воспользовался бы им гораздо раньше и не стал бы тянуть до конца. Но ведь Геринг не торопился уйти на тот свет именно потому, что хотел выступить на Нюрнбергском процессе. Кроме того, одна ампула с ядом действительно была найдена в вещах Геринга. Ее-то Стиверс уж никак не мог вручить Герингу: ведь «лекарство», как он уверяет, передавалось рейхсмаршалу лишь однажды.

Английские историки Дэвид Ирвинг и Бен Сверинген полагают, что яд через доктора Пфлюкера за считанные часы до самоубийства передал Герингу один из охранников тюрьмы, лейтенант Джек Уиллис из Техаса, который взял его в кладовой, где хранились вещи узников. За это Геринг будто бы подарил ему свои дорогие наручные часы. Мне эта версия не кажется убедительной. С Уиллисом у Геринга были действительно неплохие отношения, и за какие-то мелкие поблажки рейхсмаршал и в самом деле мог отдать ему на память свои часы. Однако за должностное преступление, чреватое для лейтенанта самыми скверными последствиями в случае разоблачения, часы выглядят чересчур скромной платой. Вряд ли бы Геринг стал полагаться на такую комбинацию, да еще с участием сразу двух человек. Ведь Уиллису гораздо выгоднее было доложить начальству о просьбе

Геринга: в этом случае и награда, и продвижение по службе были бы ему гарантированы. А рейхсмаршалу попросту подсунули бы ампулу с дистиллированной водой. Нет, не таким человеком был Геринг, чтобы в столь важном для себя вопросе полагаться на маловероятную случайность. Куда правдоподобнее выглядит предположение о том, что яд был при нем с момента ареста.

Раздав ампулу с ядом, Геринг оставил записку: «Фельдмаршалов не вешают», а тот единственный германский фельдмаршал, которого союзники все-таки повесили, Вильгельм Кейтель, перед самой казнью заявил:

«Я взываю к Всевышнему. Пусть Он будет снисходителен к германскому народу. Более двух миллионов немецких солдат погибло за свою родину до меня. Я слеую за своими сыновьями. Все ради Германии!»

Заместитель Кейтеля Альфред Йодль воскликнул: «Я приветствую тебя, моя Германия!»

Первым же на виселицу вместо Геринга отправили Риббентропа. Казнь продолжалась с 2 до 3:15 ночи 16 октября 1946 года. К телам казненных добавили и тело Геринга. На нем были бледно-голубая пижамная куртка и черные джамные брюки. Все трупы были сфотографированы в одетом и обнаженном виде, затем вместе с одеждой и веревками, на которых они были повешены, их положили в деревянные гробы, которые опечатали.

Грузовики с гробами последовали на юг от Нюрнберга. Репортерам запретили их сопровождать. Шел мелкий осенний дождь, поэтому над кузовами натянули непромокаемые тенты. Колонна доехала до крематория на окраине Мюнхена. Ни шоферы, ни охрана, кроме одного сопровождавшего офицера, не знали точно, чьи трупы находятся в гробах, надо полагать, мало кто из американских военных полицейских сомневался, что они везут тела казненных в Нюрнберге.

Владельцу мюнхенского крематория было заранее сообщено, что ему доставят тела четырнадцати погибших американских солдат. На самом деле трупов было только одиннадцать, их число увеличили для конспирации. Но поскольку в крематорий прибыли высокопоставленные английские, американские, советские и французские офицеры, присутствовавшие при казни, чтобы удостовериться, что тела

по-дороге не подменили, а вокруг была выставлена густая цепь охраны, персонал крематория наверняка догадался, кого именно им предстоит сжигать. Гробы вскрыли, тела еще раз идентифицировали, а затем отправили в печь.

Кремация продолжалась весь день. Пепел отвезли в контейнере к какой-то придорожной пустоши и там развеяли по ветру.

Остается рассказать о судьбе вдовы и дочери Геринга. Вскоре после смерти рейхсмаршала Эмми навестил Томас фон Кантцов и предложил ей вместе с дочерью переехать в Швецию, где он готов был купить для них дом, но Эмми отказалась от столь щедрого предложения.

В 1947 году Эмма Геринг была вновь арестована в рамках процесса денацификации и содержалась в заключении до 1948 года, когда немецкий суд в Гармиш-Патенкирхене вынес ей обвинительный приговор, хотя она никогда не была функционером национал-социалистической партии и не занимала никаких государственных должностей. На суде Эмми говорила:

«Нельзя наказывать женщину за то, что она любила мужчину и была счастлива в замужестве с ним».

Тем не менее вдову Геринга признали виновной в том, что она наживалась на преступлениях нацистов, поскольку использовала имущество, добытое ее мужем, Германом Герингом, преступным путем. Эмми приговорили к году тюрьмы, а так как она уже к тому времени отсидела 14 месяцев, ее сразу же выпустили на свободу. Третью ее имущества была конфискована. С сентября 1948 года Эмма поселилась в деревушке Этцельванг вместе со своей сестрой Эльзой и служанкой Силли Ваховоен, которая умерла летом 1950 года.

В дальнейшем Эмма переехала к дочери. Вдова Геринга тихо скончалась 10 июня 1973 года в Мюнхене, до последнего дня сохранив верность памяти мужа и не считая его преступником. Эдда все время жила с матерью, своей семьей так и не создала и до выхода на пенсию работала ассистентом хирурга в одной из мюнхенских клиник. Когда еще в школе ее однажды стали попрекать отцом, она горько заметила:

«Если бы вы знали его, вы бы никогда не назвали его преступником!» Она сохранила любовь к отцу, которого последний раз видела в камере нюрнбергской тюрьмы.

Сразу после освобождения из тюрьмы Эмма Геринг была на пять лет поражена в гражданских правах, что автоматически означало для нее запрет на профессии журналиста, учителя, радиокomentатора, проповедника и писателя. Но интервью ей давать разрешили. Использовал эту возможность и Вили Фришауэр, автор первой послевоенной биографии Геринга, вполне разоблачительной.

Позднейшие биографы, в частности британский журналист Леонард Мосли, опубликовавший биографию Геринга в 1974 году, уже не склонны были рисовать рейхсмаршала одними только черными красками, найдя в нем и немало привлекательных черт. Ему воздали должное и как оратору, и как создателю германской авиации, и как талантливому организатору вообще, не говоря уже о том, что Геринг был любящим мужем и заботливым отцом. Все эти достоинства, впрочем, отнюдь не перечеркивают его преступления, равно как и не компенсируют пороки — пристрастие к наркотикам, стремление к роскоши и непомерное тщеславие. Просто теперь фигура рейхсмаршала стала более живой, и если не симпатичной, то, по крайней мере, человеческой.

Краткая запись результатов опроса ГЕРИНГА Германа, рейхсмаршала, рейхсминистра и главнокомандующего ВВС Германии, 54 лет, члена НСДАП с 1922 года (18 июня 1945 года)

Владеете ли вы русским языком?

Нет, я знаю только одно русское слово — «великий».

Чем это слово показалось вам примечательным?

Под Великими Луками мы столкнулись с большими затруднениями в войне с русскими. Тогда я потребовал разъяснить мне, что означает слово «великие».

Как вы отнеслись к войне между Германией и Советским Союзом?

Когда я узнал о военных планах Гитлера против СССР, я просто пришел в ужас. В это время вся авиация была брошена на Запад и сражалась с англичанами. Задачи, стоявшие перед нашей авиацией, были еще далеко не решены, а в случае войны с Россией мне предстояло перебросить на Восточный фронт добрую половину самолетов. Я неоднократно пытался отговорить фюрера от его намерений воевать с СССР, но он носился с мыслью войны против России, и разубедить его я не мог..

Как совмещается такая точка зрения с вашими многочисленными публичными выступлениями о ненависти к Советскому Союзу и о том, что «Советский Союз будет раздавлен»?

Я очень удивлюсь, если вы сможете предъявить мне хотя бы одну мою речь, сказанную в этом духе. Вопрос стоял не о ненависти или любви к Советскому Союзу, а о целесообразности войны с СССР. Я считал, что воевать с СССР

нецелесообразно, но вместе с тем я всегда был противником вашего мировоззрения.

Вы сами бывали на Восточном фронте?

Я был в России очень недолго. Знаю только один русский город — Винницу. Я приезжал туда не по военным делам, а потому, что меня интересовал находившийся там театр.

Согласовывались ли с вами государственные и партийные вопросы в последние годы?

Государственные вопросы — да, партийные — нет... С тех пор как пост секретаря партийной канцелярии занял Мартин Борман, мой главный противник, я перестал заниматься партийными делами. Полностью я был выключен из партийной жизни в 1943 году. Никогда, даже в самое благоприятное время, я не пользовался таким влиянием на Гитлера, как Борман в последние годы. В узком кругу мы называли Бормана «маленький секретарь, большой интриган и грязная свинья»...

Каковы были ваши взаимоотношения с Гитлером?

Мои отношения с фюрером были отличными до 1941 года. В ходе войны они все время ухудшались, пока не дошли до полного краха... Гитлер снял меня с должности, исключил из партии и приговорил к смерти.

22 апреля Гитлер заявил, что останется в Берлине и умрет там. В этот вечер он впервые заговорил о возможности поражения. Он был в ярости и заявлял, что лучшие его приближенные предали его. Один из генералов спросил его, не следует ли бросить войска, находившиеся на Западном фронте, на защиту Берлина от русских. Гитлер ответил: «Пусть рейхсмаршал решает этот вопрос». Генерал сказал: «Но, возможно, армия не захочет воевать под командованием Геринга». Гитлер ответил: «Неужели вы собираетесь продолжать сражаться? Это бесполезно. Мы должны теперь идти на компромисс, а Геринг это сделает лучше, чем я». Затем Гитлер приказал большей части военных лететь в южную Германию. В их числе был и начальник штаба военно-воздушных сил Коллер, который и рассказал мне об этом.

Я послал телеграмму следующего содержания:

«Поскольку вами принято решение остаться в Берлине, прошу сообщить, вступает ли в силу ваше завещание относительно того, что я являюсь вашим преемником и могу иметь свободу дей-

ствий в вопросах внутренней и внешней политики, как этого требуют вопросы государства. Если до 10 часов вечера я не получу ответа, то должен буду предположить, что вы уже не свободны в своих решениях, и стану действовать самостоятельно».

Позже я продлил срок ответа до 12 часов ночи.

Мой «антипод» Борман сидел в Берлине и, очевидно, доложил фюреру о моей телеграмме так, будто я готовлю заговор против Гитлера.

В 18 часов я получил ответ, гласивший, что прежнее распоряжение недействительно и я не назначаюсь преемником... Борман отдал СС следующее распоряжение:

«Когда кризис в Берлине достигнет своего апогея, по приказу фюрера рейхсмаршал и его окружение должны быть расстреляны».

Они там, в бункере, походили с ума и перестали отдавать себе отчет в собственных действиях...

26 апреля я был арестован людьми Бормана. 4–5 мая меня увидели летчики авиасоединений, пролетавших над Маутерндорфом, где находились под стражей я и моя семья. Они напали на охрану и освободили меня.

Что вы можете рассказать об обстановке в ставке Гитлера непосредственно перед капитуляцией Германии?

Обсуждать саму идею капитуляции в ставке запрещалось. Еще 20 апреля Гитлер говорил о возможности победоносного окончания войны. Для того чтобы понять это, нужно учесть событие, происшедшее 20 июля 1944 года. В результате покушения Гитлер получил серьезную контузию. Единственный из всех, находившихся с ним, он отказался от госпитализации. В тот же вечер он принимал Муссолини и выступал по радио. Правда, через пять дней он слег в постель и пролежал два дня. После покушения он сильно изменился — терял равновесие, появилось дрожание руки и ноги, потерялась ясность мышления. С тех пор Гитлер вообще перестал выходить из бункера, потому что при ярком свете у него болели глаза. Он стал очень решительным, без колебаний выносил смертные приговоры и никому не доверял...

Как относились вы лично к расовой теории Гитлера, которую он ставил в основу своей политики?

В такой резкой форме, как она ставилась Гитлером, я ее никогда не разделял. Что касается еврейского вопроса,

то меня в партийных кругах считали другом евреев, так как многим еврейским семьям я оказывал помощь. Из-за этого я имел немало неприятностей. В то, что мы — полубоги, я не верил никогда...

**Допрос подсудимого Геринга
(Из стенограммы заседания Международного
Военного Трибунала от 18 марта 1946 года)**

Джексон: Вы сознаете то, что, возможно, являетесь единственным оставшимся в живых человеком, который может полностью рассказать нам о действительных целях нацистской партии и о работе руководства внутри партии?

Геринг: Да, я это ясно сознаю.

Джексон: Вы с самого начала намеревались свергнуть, а затем действительно свергли Веймарскую республику?

Геринг: Что касается лично меня, то это было моим твердым решением.

Джексон: А придя к власти, вы немедленно уничтожили парламентарное правительство в Германии?

Геринг: Оно больше не было нам нужно.

Джексон: После того как вы пришли к власти, для того чтобы удержать ее, вы запретили все оппозиционные партии?

Геринг: Мы считали необходимым не допускать в дальнейшем существования оппозиции.

Джексон: Вы также проповедовали теорию о том, что следует уничтожить всех лиц, оппозиционно настроенных по отношению к нацистской партии, чтобы они не могли создать оппозиционные партии?

Геринг: Поскольку оппозиция в любой форме серьезно препятствовала нашей работе, само собой разумеется, оппозиционность этих лиц не могла быть терпима.

Джексон: Вы рассказали нам о том, как вы и другие сотрудничали для того, чтобы сосредоточить всю власть в германском государстве в руках фюрера, не так ли?

Геринг: Я говорил только о своей работе в этом направлении.

Джексон: Имеется ли здесь на скамье подсудимых кто-нибудь, кто бы по мере возможности не сотрудничал с вами для достижения этой цели?

Геринг: Ясно, что никто из сидящих здесь подсудимых в начале не мог быть в оппозиции к фюреру. Но я хотел бы сказать, что всегда нужно различать определенные периоды. Те вопросы, которые мне задают, носят весьма общий характер и касаются целого периода, охватывающего 24–25 лет.

Джексон: Я хочу обратить внимание на плоды этой системы. Насколько я понял, в 1940 году вы были информированы о том, что германская армия готовится напасть на Советскую Россию?

Геринг: Да, я говорил об этом.

Джексон: Вы считали, что в таком нападении не только нет необходимости, но что оно будет неразумным с точки зрения интересов Германии?

Геринг: В тот момент я считал необходимым отложить его с тем, чтобы выполнить задачи, с моей точки зрения более важные.

Джексон: Насколько известно, немецкий народ был втянут в войну против Советского Союза. Вы выступали за это?

Геринг: Немецкий народ узнал об объявлении войны с Россией только тогда, когда война началась. Немецкий народ не имеет ничего общего со всем этим делом. Его не спрашивали ни о чем. Он только узнал о фактическом положении вещей и о том, что привело к этому.

Джексон: Когда вы поняли, что война, с точки зрения той цели, которую вы преследовали, была проиграна?

Геринг: На это ответить чрезвычайно трудно. Во всяком случае, по моему убеждению, относительно поздно, то есть я имею в виду, что убеждение, что война проиграна, создано у меня значительно позже. До этого я все еще думал и надеялся, что война закончится вничью.

Джексон: Описывая приход партии к власти, вы опустили некоторые события, в частности пожар в Рейхстаге 27 февраля 1933 года. После этого пожара — не так ли? — была устроена большая чистка, во время которой многие были арестованы и многие — убиты.

Геринг: Мне не известно ни одного случая, чтобы хоть один человек был убит из-за пожара в здании Рейхстага, кроме осужденного имперским судом действительного поджигателя Ван дер Люббе. Двое других подсудимых были оправданы. К суду был привлечен не г-н Тельман, как многие

ошибочно думали, а депутат от коммунистов Торглер. Его оправдали, так же как и болгарина Димитрова.

В связи с поджогом Рейхстага арестов было произведено относительно немного. Аресты, которые вы относите за счет пожара в Рейхстаге, в действительности были направлены против коммунистических деятелей. Я часто об этом говорил и подчеркиваю еще раз, что аресты производились совершенно независимо от этого пожара. Пожар только ускорил их арест, не позволив завершить необходимую подготовку к нему, благодаря чему некоторым из их функционеров удалось скрыться.

Джексон: Другими словами, у вас были готовы списки коммунистов для последующих арестов еще до пожара в Рейхстаге, не так ли?

Геринг: Мы располагали списками коммунистических деятелей, подлежащих аресту. Эти списки были составлены совершенно независимо от поджога германского Рейхстага.

Джексон: Вы и фюрер встретились во время пожара, не так ли?

Геринг: Да.

Джексон: И там же, на месте, вы решили арестовать всех коммунистов, которые значились в составленных списках?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю, что решение об арестах было принято задолго до этого. Однако приказ о немедленном проведении арестов последовал именно в ту ночь. Мне было бы выгоднее подождать несколько дней, тогда от меня не ускользнули бы несколько важных партийных руководителей.

Джексон: На следующее утро президенту фон Гинденбургу был представлен проект закона об изменениях конституции, о которых мы здесь говорили, не так ли?

Геринг: Думаю, да.

Джексон: Кем был Карл Эрнст?

Геринг: Мне неизвестно, звали ли его Карлом, но я знаю, что Эрнст был руководителем СА в Берлине.

Джексон: Кто такой Гельдорф?

Геринг: Гельдорф стал руководителем СА в Берлине позже.

Джексон: А кто такой Гейнес?

Геринг: Гейнес был в это время начальником СА в Силезии.

Джексон: Вам известно о том, что Эрнст сделал заявление, сознавая, что эти трое подожгли Рейхстаг и что вы и Геббельс планировали этот поджог и предоставили им воспламеняющиеся составы — жидкий фосфор и керосин, которые положили в подземный ход, ведущий из вашего дома в здание Рейхстага? Вам известно о таком заявлении, не так ли?

Геринг: Я не знаю ни о каком заявлении руководителя СА Эрнста, но я знаю о романе шофера г-на Рема, вышедшем вскоре после этого и опубликованном в иностранной прессе после 1934 года.

Джексон: Но из вашего дома в Рейхстаг вел специальный ход, не правда ли?

Геринг: С одной стороны улицы стоит здание Рейхстага, напротив — дворец имперского президента. Между обоими зданиями имеется ход, по которому доставлялся кокс для центрального отопления.

Джексон: Вы когда-нибудь хвалились тем, что подожгли здание Рейхстага, хотя бы в шутку?

Геринг: Нет. Я употребил только одну шутку, если вы подразумеваете именно это. Я сказал, что конкурирую с императором Нероном...

Джексон: Значит, вы никогда не заявляли, что подожгли здание Рейхстага?

Геринг: Нет. Я знаю, что г-н Раушнинг в своей книге писал о том, будто бы я беседовал с ним об этом. Я г-н Раушнинга видел в своей жизни дважды, и то мимоходом. Если бы я поджег Рейхстаг, я бы признался в этом только в очень узком кругу, — если бы вообще сообщил кому-нибудь об этом. Однако человеку, которого я совершенно не знал и даже не могу припомнить, как он выглядит, я не мог бы этого сказать.

Джексон: Вы помните завтрак в день рождения Гитлера в 1942 году? Это было в ставке фюрера в Восточной Пруссии, в офицерском клубе.

Геринг: Нет.

Джексон: Вы не помните этого? Я попрошу, чтобы вам показали письменное показание генерала Франца Гальдера. Обращаю ваше внимание на его заявление, которое может освежить вашу память. Я читаю:

«На завтраке по случаю дня рождения фюрера в 1942 году гости перевели разговор на художественную ценность здания Рейхстага. Я слышал, как Геринг вмешался в разговор и прокричал: «Единственный человек, который действительно знает Рейхстаг, это я, потому что я его сжег!» И хлопнул себя по ляжке».

Геринг: Этого разговора вообще не было. Я прошу очной ставки с Гальдером...

Джексон: Вы знаете, кто такой Гальдер?

Геринг: Да, достаточно хорошо.

Джексон: Можете ли вы сказать нам, какой пост он занимал в германской армии?

Геринг: Он был начальником штаба сухопутных войск. Когда началась война, я беспрестанно указывал фюреру на то, что он должен назначить такого начальника штаба, который разбирается в военных делах.

Джексон: Давали ли вы такой ответ американскому следователю в октябре 1945 года относительно Шахта:

«Он предложил мне стать уполномоченным по вопросам иностранной валюты и военных материалов. Он полагал, что на таком посту я смогу оказать необходимую поддержку министру экономики и рейхсбанку?»

Давали ли вы ответ и правильна ли эта информация?

Геринг: Повторите, пожалуйста, еще раз.

Джексон: В протоколе говорится, что относительно Шахта вы сказали: он сделал предложение о том, чтобы вы стали уполномоченным по вопросам военных материалов и иностранной валюты. Он полагал, что таким образом вы сможете оказать министру экономики, а также президенту рейхсбанка необходимую поддержку.

Геринг: Это абсолютно верно.

Джексон (читает):

«Больше того, он был очень откровенен по поводу предложения, сделанного им и Бломбергом о том, чтобы я был назначен уполномоченным по вопросам четырехлетнего плана. Однако Шахт считал, что я недостаточно сведущ в области экономики и что он сможет с легкостью прятаться за моей спиной».

Геринг: Об этом я недавно говорил совершенно четко.

Джексон: С того времени и впредь вы с Шахтом сотрудничали, подготавливая программу перевооружения? Разве не так?

Геринг: Я работал с того времени в области экономики вместе с г-ном Шахтом над проблемой структуры всей германской экономики и, в частности, над вопросами военной промышленности, которая, само собой разумеется, была предпосылкой начавшегося укрепления германской армии и ее военной мощи.

Джексон: Между вами не было разногласий по поводу того, что должна была проводиться программа перевооружения. Вы спорили лишь о том, как ее провести?

Геринг: Я полагаю, что Шахт... был готов приложить все усилия к вооружению Германии и тем самым к ее укреплению. Расхождения с ним касались только методов...

Джексон: После того как он перестал работать над программой вооружения, он остался в кабинете как министр без портфеля и в течение некоторого времени заседал в рейхстаге, не так ли?

Геринг: Верно. Фюрер хотел, чтобы это выглядело как его признательность г-ну Шахту.

Джексон: Я хочу, чтобы вам показали документ № 3700-ПС. Я спрашиваю вас, получали вы от Шахта письмо, копией которого является этот документ?

(Геринг знакомится с документом.)

Геринг: Да, это письмо я получал. К сожалению, здесь, в копии, не указана дата...

Джексон: Вы ответили на это письмо?

Геринг: Мне трудно ответить на этот вопрос сегодня. Может быть, да.

Джексон: Дайте, пожалуйста, если возможно, более точный ответ. Не заявляли ли вы в письме к Шахту от 18 декабря 1936 года, что считаете своей задачей, по вашим собственным словам, в течение четырех лет привести всю экономику в состояние готовности к войне? Говорили вы это или нет?

Геринг: Само собой разумеется, что я это говорил.

Джексон: Так. Вспоминаете вы отчет Бломберга в 1937 году, в котором (если вы хотите, вы можете посмотреть соответствующий документ, С-175) он писал:

«Общее политическое положение показывает, что Германии не следует опасаться нападения ни с какой стороны...»

Геринг: Для того времени это было вполне вероятным...

Джексон: Через месяц после этого вы создали концерн «Герман Геринг»?

Геринг: Правильно.

Джексон: Ваши заводы занимались тем, что приводили Германию в состояние готовности к войне? Не правда ли?

Геринг: Это неправильно. Предприятия «Герман Геринг» занимались исключительно вопросами разработки германских железных руд в районе Зальцгиттер в Верхнем Пфальце, а после аншлюса — разработкой железных руд в Австрии... Только значительно позднее появились сталелитейные и вальцовочные заводы, то есть промышленность.

Джексон: Предприятия «Герман Геринг» являлись составной частью четырехлетнего плана? Разве не так?

Геринг: Правильно.

Джексон: Вы уже сказали, что четырехлетний план имел своей целью подготовить экономику Германии к войне, а заводы «Герман Геринг» были организованы для того, чтобы разрабатывать рудные запасы и запасы железа и доводить этот процесс разработки до подготовки готовых орудий и танков. Не так ли?

Геринг: Нет, это неправильно. Концерн «Герман Геринг» вначале не имел своих оружейных предприятий. Он занимался, как я уже подчеркивал, добычей сырья и получением стали.

Допрос подсудимого Геринга

(Из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 21–22 марта 1946 года)

Руденко: Правильно ли я понял вас, подсудимый Геринг, что все основные решения во внешнеполитической и военно-стратегической областях в окончательном их виде принимались Гитлером самостоятельно?

Геринг: Да, правильно. Для этого он и был фюрером.

Руденко: Следует ли понимать это так, что Гитлер принимал решения без заслушивания мнения специалистов,

без изучения вопроса, без анализа различных материалов, которые могли представить эти специалисты?

Геринг: Это происходило различным образом. В отдельных случаях он, естественно, распорядился о предоставлении ему соответствующих материалов, но эксперты не могли точно угадать, для чего это делается. В других случаях он говорил экспертам, что намеревается совершить. В этих случаях он получал от них соответствующие материалы и заключения. Но решал как высший руководитель он сам.

Руденко: В этом случае правильно ли я понимаю вас, что при решении серьезных вопросов Гитлер в той или иной степени опирался на материалы или анализы, представляемые ему его ближайшими сотрудниками, работавшими и консультировавшими его в соответствующих областях?

Геринг: Частично это были близкие его сотрудники. При представлении информации это были менее близкие сотрудники из соответствующих ведомств.

Руденко: Не скажете ли тогда вы, кто являлся таким ближайшим сотрудником Гитлера в области военно-воздушного флота?

Геринг: Само собой разумеется, я.

Руденко: В вопросах экономики?

Геринг: По вопросам экономики — это также был я.

Руденко: По внешнеполитическим вопросам?

Геринг: Здесь обстояло по-разному. Это зависело от того вопроса, который решался, и насколько фюрер намеревался привлечь кого-либо к обсуждению этого вопроса или его разъяснению.

Руденко: Кого вы можете назвать из таких ближайших сотрудников персонально?

Геринг: Ближайшим сотрудником фюрера был, как я уже сказал, в первую очередь я. Затем ближайшим сотрудником, хотя это слово не совсем правильно, был доктор Геббельс: он просто больше говорил с ним, чем с другими. Вы также должны различать то время, к которому это относилось, потому что на протяжении двадцати лет картина менялась. В конце ближе всего к нему оказался Борман. В 1933—1934 годах и почти до самого конца — Гиммлер, но только по определенным вопросам. Если фюрер стоял перед разрешением каких-

либо специальных вопросов, которые касались какого-нибудь ведомства, то, само собой разумеется, он привлекал того, кто лучше всего разбирался в этих вопросах, как принято и в других правительствах. От них он и требовал соответствующие материалы.

Руденко: Назовите, кто в области внешней политики являлся ближайшим сотрудником Гитлера?

Геринг: Что касается внешней политики, то о близком сотрудничестве с фюрером можно говорить только тогда, когда подразумевается техническая сторона вопроса. Самые же важные и значительные решения в области внешней политики он обычно обдумывал сам, после чего сообщал о результатах этих размышлений своим ближайшим сотрудникам и доверенным лицам из его окружения. Только в редких случаях он разрешал обсуждать те или иные вопросы. Так, например, это имело место со мной. Но техническое выполнение его решений по вопросам внешней политики, которые находили свое выражение в нотах или в чем-либо другом, поручалось министерству иностранных дел и министру иностранных дел.

Руденко: Подсудимому Риббентропу?

Геринг: Конечно, он был именно этим министром. Однако он не руководил внешней политикой.

Руденко: По военно-стратегическим вопросам кто консультировал Гитлера?

Геринг: Это был ряд лиц. На основании чисто ведомственного порядка к обсуждению стратегических вопросов привлекались три главнокомандующих частями вооруженных сил и их начальники штабов. Частично — также штаб оперативного руководства, который находился непосредственно в подчинении у фюрера.

Руденко: Кто из подсудимых может быть вами назван в качестве таких консультантов?

Геринг: В том случае, когда фюрер запрашивал; советником по вопросам стратегического порядка был генерал-полковник Йодль, начальник штаба оперативного руководства, по военно-организационным вопросам — три главнокомандующих, в числе которых были я и гросс-адмирал Редер, а впоследствии гросс-адмирал Дениц. Последние двое — по морским вопросам.

Руденко: Все эти советники не могли быть в стороне, они оказывали свое влияние своими советами и консультациями на решения Гитлера?

Геринг: Они не находились в стороне, но влияние они имели лишь в той степени, в какой их мнения совпадали с точкой зрения фюрера.

Руденко: Ясно. Перейдем к следующей группе вопросов. Когда именно вы начали разработку плана действий германской авиации против Советского Союза в связи с вариантом «Барбаросса»?

Геринг: План стратегического сосредоточения и развертывания военно-воздушных сил в связи с вариантом «Барбаросса» был разработан моим Генеральным штабом после первого указания фюрера относительно возможного возникновения конфликта, то есть после ноябрьского указания.

Руденко: 1940 года?

Геринг: В 1940 году. Но я в своей области уже до этого времени продумал приготовления на случай возможного конфликта со всеми теми государствами, которые не находились с нами в состоянии войны, в том числе и с Россией. В своей области я продумывал это, будучи совершенно независимым.

Руденко: Таким образом, еще в ноябре 1940 года, то есть более чем за полгода до нападения Германии на Советский Союз, уже был разработан план этого нападения при вашем участии?

Геринг: Я недавно очень подробно говорил о том, что к этому времени уже был разработан план на случай возможного изменения политического положения.

Руденко: Я прошу ответить коротко на этот вопрос: «да» или «нет». Я еще раз повторяю: в ноябре 1940 года, более чем за полгода до нападения на Советский Союз, был разработан план этого нападения при вашем участии? Вы можете коротко ответить на этот вопрос?

Геринг: Да, но не в том смысле, в каком вы это хотите представить.

Руденко: Мне кажется, я вам совершенно ясно поставил вопрос и никакого двойного смысла в нем нет. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: О какой области вы говорите: области авиации, флота или сухопутных сил?

Руденко: Если вы осведомлены по всем областям: и авиации, и флота, и сухопутных войск, — я желал бы, чтобы вы ответили по всем областям.

Геринг: В общем и целом я могу сказать о ВВС, где дело шло относительно быстро.

Руденко: Пожалуйста. Сколько времени разрабатывался план «Барбаросса»?

Геринг: Я не могу назвать точной даты без каких-либо материалов, но в ВВС план стратегического сосредоточения и развертывания был разработан относительно быстро. В области сухопутных войск это заняло, очевидно, большее количество времени.

Руденко: Таким образом, вы признаете, что нападение на Советский Союз было предпринято за несколько месяцев до его осуществления и что вы как командующий германской авиацией и рейхсмаршал принимали непосредственное участие в подготовке этого нападения?

Геринг: Я позволю себе разделить то множество вопросов, которые вы мне задали. Во-первых, не за несколько месяцев...

Руденко: Здесь нет множества вопросов. Здесь один вопрос. Вы признали, что в ноябре вы разработали вариант «Барбаросса» по ВВС. В связи с этим я ставлю вам вопрос: вы признали тот факт, что это нападение было предпринято за несколько месяцев до осуществления?

Геринг: Это правильно.

Руденко: На первую часть вопроса вы ответили. Теперь последняя часть вопроса. Вы признаете, как командующий ВВС и рейхсмаршал, что принимали участие в подготовке нападения на Советский Союз?

Геринг: Я еще раз подчеркиваю — я провел приготовления... Я хотел бы подчеркнуть, что мое положение как рейхсмаршала не играло в данном случае никакой роли. Это ведь лишь титул, ранг.

Руденко: Вы не отрицаете, что этот план был разработан еще в ноябре 1940 года?

Геринг: Нет.

Руденко: Признаете ли вы, что целями войны против Советского Союза был захват советских территорий до Урала,

присоединение к империи Прибалтики, Крыма, Кавказа, Волжских районов, подчинение Германии Украины, Белоруссии и других областей? Признаете вы это?

Геринг: Я этого ни в коей степени не признаю.

Руденко: Разве вы не помните, что на совещании у Гитлера 16 июля 1941 года, на котором присутствовали вы, Борман, Кейтель, Розенберг и другие, Гитлер определил цели войны против СССР именно так, как я изложил в предыдущем вопросе? Этот документ был предъявлен Трибуналу, он достаточно известен, и вы, очевидно, его помните. Вы помните это совещание?

Геринг: Я точно помню этот документ и примерно помню это совещание. Я сразу же сказал, что этот документ, составленный г-ном Борманом, мне кажется бесконечно преувеличенным в отношении данных требований. Во всяком случае, в начале войны и раньше этот вопрос не обсуждался.

Руденко: Но вы признаете, что такая протокольная запись существует?

Геринг: Это я признаю, так как видел ее. Этот документ был составлен Борманом.

Руденко: Вы признаете, что согласно этой протокольной записи вы также были участником этого совещания?

Геринг: Я присутствовал на этом совещании, и по этой причине я сомневался в правильности этой записи.

Руденко: Вы помните, что в протокольной записи совещания формулировались задачи, которые поставлены в связи со сложившейся обстановкой? Я напому вам некоторые места из этого протокола.

Геринг: Можно ли мне получить копию этого протокола?

Руденко: Пожалуйста. На второй странице этого документа, второй абзац, пункт 2 относительно Крыма говорится:

«Крым должен быть освобожден от всех чужаков и населен немцами. Точно так же австрийская Галиция должна стать областью Германской империи».

Вы находите это место?

Геринг: Да.

Руденко: Далее я обращаю ваше внимание на конец этого протокола, на последнюю его часть:

«Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать областью империи. Точно так же должен стать областью им-

перии Крым с прилегающими районами, вернее, области Крыма. Этих прилегающих районов должно быть как можно больше».

Далее говорится о проживающих там украинцах. Через один абзац сказано:

«Фюрер подчеркивает, что и волжские районы должны стать областью империи, точно так же, как и Бакинская область должна стать немецкой концессией, военной колонией. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду большой добычи никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии. Со всей осторожностью должно быть подготовлено присоединение Финляндии в качестве союзного государства. На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей, с тем чтобы потом отдать его финнам».

Вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Это запись совещания, на котором вы присутствовали 16 июля 1941 года, через три недели после нападения Германии на Советский Союз. Вы не отрицаете, что такая запись существует? Правильно, что такое совещание было?

Геринг: Это правильно. Я все время это подчеркивал. Но протокол неверный.

Руденко: А кем этот протокол был записан?

Геринг: Борманом.

Руденко: А какой же смысл Борману было вести неправильную запись этого совещания?

Геринг: Борман преувеличил кое-что в протоколе.

Руденко: Много?

Геринг: Например, об областях Волги вообще не шло речи. Что касается Крыма, то правильно, что фюрер... хотел получить Крым.

Руденко: Раз фюрер хотел...

Геринг: Но это было поставлено целью еще до войны.

Руденко: Все же я хочу уточнить. Вы заявляете, что в отношении Крыма действительно шла речь о том, чтобы Крым сделать областью империи?

Геринг: Да, на совещании об этом говорилось.

Руденко: В отношении Прибалтики тоже речь шла об этом?

Геринг: Да, тоже, но никогда не говорилось, что Кавказ должен стать немецким. В этой связи говорилось только о том, чтобы осуществить сильное экономическое влияние со стороны Германии.

Руденко: То есть чтобы Кавказ стал германской концессией?

Геринг: В какой мере, это можно было бы определить только после победоносного заключения мира. Можно увидеть из протокола, что безумием является говорить о таких вещах спустя несколько дней после начала войны. О таких вещах, которые излагает здесь Борман, вообще нельзя говорить, так как ведь еще неизвестно, каков будет исход войны, каковы перспективы.

Руденко: Итак, преувеличение сводится к тому, что о Волжских колониях не шла речь, не так ли?

Геринг: Преувеличение заключается в том, что в тот момент обсуждались вещи, о которых практически вообще нельзя было говорить. В лучшем случае можно было говорить о тех областях, которые были заняты, а также об их управлении.

Руденко: Мы сейчас устанавливаем факт, что об этих вещах шел разговор, эти вопросы ставились на совещании, причем ставились как задача. Этого вы не отрицаете?

Геринг: Частично они обсуждались, но не так, как это здесь описано.

Руденко: Я только хочу сделать вывод, что это совещание подтверждает основной план захвата территорий Советского Союза Германией. Это правильно?

Геринг: Это правильно. Но я должен еще раз подчеркнуть, разрешите мне это сделать, что я, как отмечено в протоколе, не разделял эти безграничные предположения. Дословно здесь сказано следующее:

«В ответ на это, то есть в ответ на длительное обсуждение этих вопросов, рейхсмаршал подчеркнул важнейшие моменты, которые в настоящий момент могли быть для нас определяющими, а именно — обеспечение продовольствием в той мере, в какой это необходимо для экономики, а также обеспечение безопасности путей сообщения». Я хотел свести все эти речи к действительно практическим вещам.

Руденко: Вы правильно говорите, что возражали, но по таким основаниям, что в первую очередь следует обеспечить себя продовольствием, а все остальное, как фиксируется, могло бы прийти гораздо позже. Так написано. Стало быть, вы не по существу возражали, а вопрос шел только о сроках — в первую очередь захватить продовольствие, а потом и территорию.

Геринг: Нет, написано так, как я зачитывал. Дело не в сроках. Относительно этого никаких секретов нет.

Руденко: Прошу вас повторить, как вы зачитывали. В чем различия наших переводов?

Геринг: «В ответ на длительное обсуждение относительно... вопроса о присоединении рейхсмаршал подчеркнул важнейшие моменты, которые могут стать для нас решающими факторами: обеспечение продовольствием, обеспечение в нужной степени хозяйства, а также обеспечение безопасности дорог и других путей сообщения».

Я тогда говорил как раз о железных дорогах и так далее; это значит, что я хотел свести эту безмерную дискуссию, имевшую место в первое время опьянения победой, к чисто практическим вопросам, которые должны были быть разрешены. Все это объясняется воздействием первых побед.

Руденко: Очевидно, воздействие здесь имело место, и огромное место, но, во всяком случае, из ваших объяснений совершенно не следует, что вы возражали против присоединения Крыма к империи. Это так?

Геринг: Если бы вы владели немецким языком, то поняли бы весь смысл этого выступления из предложения:

«В ответ на это рейхсмаршал подчеркнул...» — это значит, что я тогда не сказал, что протестую против аннексии Крыма или против аннексии прибалтийских стран. Я не имел никаких оснований для этого. Если бы мы победили...

Руденко: То вы бы это осуществили?

Геринг: ...то после окончания войны это бы последовало так или иначе, независимо от того, использовали бы мы аннексию или нет. Но в тот момент мы еще не кончили войны и не победили. Вследствие этого я лично ограничился лишь практическими вещами.

Руденко: Вы признаете, что в качестве уполномоченного по четырехлетнему плану вы непосредственно руководили

подготовкой и разработкой планов экономической эксплуатации всех оккупированных территорий, а также реализацией этих планов?

Геринг: Я уже признал, заявив, что несу ответственность за экономику в оккупированных странах согласно тем директивам, которые давал по использованию и управлению этими странами.

Руденко: Вы не можете сказать, сколько миллионов тонн зерна и других продуктов было вывезено из Советского Союза в Германию за время войны?

Геринг: Я не могу вам назвать общее количество.

Руденко: Вы выступали на совещании 6 августа 1942 года всех рейхскомиссаров оккупированных областей и представителей военного командования. Я хотел бы напомнить вам некоторые места из этих выступлений.

Геринг: Дайте мне, пожалуйста, протокол.

Руденко: Пожалуйста. Прошу обратить внимание на страницу 111 стенограммы. Вы говорили следующее:

«Господа, фюрер предоставил мне полномочия в таком размере, в каком он еще не предоставлял до сего времени в четырехлетнем плане... Он дал мне дополнительные полномочия, которые касаются любой хозяйственной области нашей структуры, безразлично, внутри ли государства, партии или вооруженных сил...»

Я заканчиваю этим цитату. Я спрашиваю, действительно вам были предоставлены такие исключительные полномочия в этих вопросах?

Геринг: После разработки четырехлетнего плана мне были предоставлены чрезвычайные полномочия. Впервые в области экономики были предоставлены неограниченные полномочия давать директивы и указания всем высшим имперским инстанциям, всем партийным инстанциям, вооруженным силам. Эти полномочия после начала войны были распространены также на экономическую структуру оккупированных областей; они были не расширены, но распространены.

Руденко: Значит, правильно я цитировал ваше выступление?

Геринг: Совершенно правильно, хотя это было неправильно переведено.

Руденко: Следующее в связи с этим. Учитывая ваши особые полномочия, которыми вы были облечены, — ваши указания, инструкции и требования являлись обязательными для участников совещания, на котором вы выступали?

Геринг: Да.

Руденко: Следовательно, если в ваших выступлениях встречаются такие выражения, как «выжать» и «вытряхнуть» из оккупированных территорий все, что только можно, то это была обязательная директива?

Геринг: Эти директивы были, конечно, приведены в соответствующую форму. В данном случае речь идет о высказывании в прямой речи, в устном выступлении. Конечно, эти слова не отличаются особенной салонной изысканностью, но позже...

Руденко: Правильно, прямое высказывание — я с этим согласен.

Геринг: Вы имеете в виду то место (я позволю себе повторить), где говорится следующее:

«Вы посланы сюда не затем, чтобы работать на благо вверенных вам народов, а для того, чтобы...»?

Руденко: Правильно. Я обращаю ваше внимание на следующую цитату. Вот, на странице 113 так фиксируется ваше указание:

«Я сделаю одно, я заставлю выполнить поставки, которые я на вас возлагаю, и если вы этого не можете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет».

Правильно это? Есть такое место в вашем выступлении?

Геринг: Это место переведено не так, как об этом сказано в подлиннике. Переводчик, который переводит ваши слова на немецкий, употребляет некоторые превосходные степени, которые здесь отсутствуют.

Руденко: Разве у вас имелись основания не доверять рейхс-комиссарам оккупированных территорий, которым вы угрожали специальными органами?

Геринг: Там присутствовали имперские комиссары не только восточных областей, но вообще всех областей. Речь шла о регулировании поставок продовольствия из отдельных областей, о регулировании всего продовольственного

вопроса в занятых нами областях Европы. Незадолго до совещания мне было сказано, что, само собой разумеется, каждый старается удержать запасы продовольствия у себя для того, чтобы заставить другого осуществлять большие поставки. Чтобы быть кратким, я заявляю: я не хотел быть обманутым этими господами. После того как я узнал, что они предлагали мне лишь половину, я потребовал все 100 процентов, чтобы согласиться на половине.

Руденко: Я спрашиваю вас: установки, которые вы дали участникам совещания, являлись не чем иным, как требованием беспощадно грабить оккупированные территории?

Геринг: Нет. В первую очередь на этом совещании речь шла о том, что необходимо иметь больше продовольствия.

Руденко: Я говорю о грабеже. Грабеж может заключаться и в том, чтобы грабить продовольствие на оккупированных территориях.

Геринг: Я только что сказал, что я был ответствен за снабжение продовольствием почти всех областей. Одна область имела слишком много продовольствия, другая — не имела его в достаточном количестве. Нужно было установить равновесие. Об этом шла речь в основном (на 90 процентов) на этом совещании; нужно было установить поставки, которые должен был давать тот или иной имперский комиссар. Я вовсе не оспариваю, что я при этих требованиях, выступая на совещании очень живо и темпераментно, был резок в своих выражениях. Впоследствии были установлены соответствующие количества того, что должно быть поставлено. Это и явилось результатом совещания.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на страницу 118 этой же стенограммы. Вы нашли это место?

Геринг: Да.

Руденко: Там говорится:

«Раньше было сравнительно проще. Тогда это называли разбоем. Это соответствовало формуле — отнимать то, что завоевано. Теперь формы стали гуманнее. Несмотря на это, я намереваюсь грабить, и грабить эффективно».

Вы нашли эту цитату?

Геринг: Да, нашел. Я именно так и говорил на том совещании, я еще раз это подчеркиваю.

Руденко: Я как раз хотел установить, что именно так вы говорили на том совещании. Обращаю ваше внимание на страницу 118. Обращаясь к участникам совещания и развивая мысль, высказанную ранее, вы сказали:

«Вы должны быть как легавые собаки. Там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, — это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда».

Вы нашли это место?

Геринг: Да, нашел.

Руденко: Это вы сказали?

Геринг: Могу предположить, что это сказал я.

Руденко: Значит, вы не отрицаете, что приведенные цитаты из выступления 6 августа 1942 года принадлежат именно вам?

Геринг: Я этого не отрицаю ни в коей мере.

Руденко: Перейдем к следующему вопросу. Вы признаете, что, как уполномоченный по четырехлетнему плану, вы руководили насильственным угоном в рабство многих миллионов граждан оккупированных стран и что подсудимый Заукель был в своей деятельности непосредственно подчинен вам?

Геринг: Формально он подчинялся мне, фактически — непосредственно фюреру. Но я уже говорил, что несу ответственность за это в такой степени, в какой я был осведомлен в этой области.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на выступление на этом же совещании. Это страница 141 и продолжение на странице 142. Вы нашли это место?

Геринг: Нашел.

Руденко: Там говорится следующее:

«Я не собираюсь хвалить гауляйтера Заукеля — в этом он не нуждается, но то, что он сделал за этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, — является уникальным в своем роде достижением».

Далее вы говорили по адресу Коха:

«Кох — это все же не только украинцы. Его 500 тысяч просто смешны...»

Вы нашли это место?

Геринг: Да. Но здесь не совсем так написано.

Руденко: Пожалуйста, уточните.

Геринг: Смысл заключается в том, что Кох утверждал, что он сам дал всех этих людей Заукелю. На это я ему возразил, что вся программа Заукеля охватывала два миллиона рабочих, а он может делать такие утверждения только в отношении 500 тысяч. Кох хотел представить дело таким образом, будто всех этих рабочих достал он.

Руденко: А вы считали, что 500 тысяч из Украины — это мало?

Геринг: Нет, это не так. Я уже пояснил, что из этих двух миллионов, которые в целом были поставлены Заукелем, на долю Украины падало всего 500 тысяч. Утверждение Коха, что он сам поставил всех этих рабочих, неправильно. В этом — смысл данной цитаты.

Руденко: Но вы не отрицаете и основного смысла, что речь идет о миллионах, насильственно угнанных в Германию на рабский труд?

Геринг: Я не оспариваю, что здесь речь шла о двух миллионах призванных рабочих. Но я сейчас не могу сказать, были ли все они доставлены в Германию. Во всяком случае, они были использованы в интересах германской экономики.

Руденко: Вы не отрицаете, что это было рабство?

Геринг: Рабство я отрицаю. Принудительный труд, само собой разумеется, частично использовался.

Руденко: Вы слышали, подсудимый Геринг, здесь был оглашен ряд немецких документов, из которых явствует, что граждане оккупированных территорий отправлялись в Германию насильственно. Их собирали путем облавы на улицах, в кино, их отправляли в эшелонах под военной охраной. За отказ ехать в Германию, попытку уклониться от этой мобилизации мирное население расстреливалось и подвергалось всяким истязаниям. Вы слышали эти документы, которые оглашались здесь, в суде?

Геринг: Да, но я прошу, чтобы мне дали посмотреть на эти документы. Они показывают, что распоряжений о наборе не было, что учет для принудительного труда регулировался с помощью распоряжений и иным образом. Если бы мне могли дать абсолютную гарантию, в частности на Востоке,

что все эти люди совершенно мирные и не будут осуществлять никаких актов саботажа, то я использовал бы большую их часть для работ на местах. Это были интересы безопасности, которые как на Востоке, так и на Западе заставляли нас отправлять этих рабочих в Германию, в особенности же молодые контингенты бывших военнообязанных.

Руденко: Они были увезены только в интересах безопасности?

Геринг: Тут было две причины. Я недавно подробно говорил о них. Во-первых, по причине безопасности и, во-вторых, по причине необходимости рабочей силы.

Руденко: И по этой причине... допустим, возьмем вторую причину — по причине необходимости насильственно угонялись люди из своих стран в Германию на рабский труд. Правильно?

Геринг: Не в рабство, а для работы привозили их в Германию.

Руденко: В 1941 году ОКВ был разработан ряд директив и приказов о поведении войск на Востоке и об обращении с советским населением, в частности, директива о военной подсудности в районе «Барбаросса», которая предоставляла немецким офицерам право без суда и следствия расстреливать любое лицо, подозреваемое в неприязненном отношении к немцам. Эта директива объявляла безнаказанность немецкого солдата за преступления, совершенные против местного населения. Такого рода директива должна была вам докладываться? Обратите внимание на дату — 13 мая 1941 года.

Геринг: Этот документ не был непосредственно послан мне. В распределении говорится: «Штаб оперативного руководства военно-воздушных сил, главный квартирмейстер». Я своим войскам давал очень строгие указания в отношении поведения солдат. По этой причине я ходатайствовал о вызове в качестве свидетеля главного судьи военно-воздушных сил и послал ему опросный лист относительно этих людей.

Руденко: Вы об этом распоряжении знали?

Геринг: Я увидел это распоряжение здесь, после чего ходатайствовал о вызове названного лица в качестве свидетеля, так как этот приказ был направлен не непосредственно

главнокомандующему, а служебным инстанциям, о которых я упомянул. Если эти инстанции руководствовались этим распоряжением, то я, конечно, несу формальную ответственность за такие действия. В данном случае мы имеем дело с приказом фюрера и Верховного главнокомандующего вооруженными силами, который войска не могли обсуждать.

Руденко: Но вы согласны с тем, что вы должны были знать этот документ?

Геринг: Нет, ибо в противном случае этот приказ был бы послан непосредственно мне, главнокомандующему, а не штабу оперативного руководства ВВС и генерал-квартирмейстеру. От этих инстанций зависело, считают ли они этот документ столь важным, что должны по этому поводу получить от меня личные приказы и директивы. Но этого не произошло, так как документ не касался нас в такой степени, как сухопутные войска.

Руденко: Но в аппарат ВВС этот документ был направлен?

Геринг: Я только что говорил об этом — он был направлен двум инстанциям.

Руденко: Вам должны были доложить об этом документе?

Геринг: Нет, мне не должны были докладывать о нем. Я уже говорил, что если бы мне докладывали о каждом приказе и каждой директиве, которые проходили по отдельным инстанциям и не требовали моего вмешательства, то я бы потонул в этом море бумаг. Поэтому мне сообщали и докладывали только о самых важных вещах. Я сейчас не могу заявить под присягой, был этот документ упомянут в устной форме во время доклада или нет. Такое возможно. Формально я и здесь несу ответственность за действия моих служебных инстанций.

Руденко: Я хотел бы это уточнить. Вы говорите, вам должны были докладываться самые важные вещи. Правильно?

Геринг: Это правильно.

Руденко: Я прошу обратить внимание — документ перед вами — на пункты 3 и 4 этого приказа или распоряжения. В пункте 3 говорится:

«Всеякие иные нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал также должны подавляться вой-

сками на месте с применением самых крайних мер для уничтожения нападающих».

Геринг: Затем следует параграф 4. Если я вас правильно понял, то там говорится:

«Там, где меры такого рода не были приняты или не могли быть приняты, заподозренные лица должны быть немедленно доставлены к какому-либо офицеру. Последний решает, следует их расстрелять или нет».

Вы это имели в виду?

Руденко: Я имел в виду именно это. Как вы считаете, это важный документ с точки зрения того, что он должен был быть вам доложен вашими служебными инстанциями?

Геринг: Сам по себе это документ важный, но о нем не должны были обязательно докладывать, так как он был достаточно ясно сформулирован фюрером в приказе, так что помощник фюрера, даже главнокомандующий отдельной частью вооруженных сил, не мог ничего изменить в столь ясном и точном приказе.

Руденко: Я обращаю ваше внимание на дату этого документа. В нем говорится:

«Главная квартира фюрера, 13 мая 1941 года».

Геринг: Да.

Руденко: Это, стало быть, больше чем за месяц до нападения Германии на Советский Союз. Уже тогда было разработано распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса», и вы не знали об этом документе?

Геринг: Когда составляется план мобилизации, нужно определить, что следует предпринять. Фюрер считал, что особая угроза тотчас же возникнет на Востоке. Поэтому здесь предписываются те меры, которые должны быть приняты, если будет оказываться сопротивление или если будет иметь место нападение с тыла. Речь идет о предварительном приказе на случай, если такие события произойдут.

Руденко: И офицеру предоставляется право расстреливать без суда и следствия?

Геринг: Он мог созвать особый суд (штандгерихт) на месте. На основании этого параграфа он мог также, если считал нужным и имел все доказательства того, что преступник участвовал в нападении с тыла, расстрелять такого человека.

Руденко: Вы считаете, что офицер мог создать суд на месте?

Геринг: В военных условиях предусмотрено, что офицер, имеющий отдельную, самостоятельную войсковую часть, может в любое время создать особый суд (штандгерихт).

Руденко: Но вы согласны с тем, что здесь ни о каком суде не говорится, что здесь говорится о том, что офицер единолично может решить вопрос?

Геринг: Он мог решить сам при помощи этого суда на месте. Он должен был призвать еще двух человек и за две — пять минут принять решение о составе преступления.

Руденко: За пять или две минуты расстрелять?

Геринг: Если я поймаю на месте преступления человека, который стрелял из дома в спину моим войскам, то особый суд (штандгерихт) может установить состав преступления в самый кратчайший срок.

Руденко: Следующий документ, который я хотел бы представить здесь и о котором хотел спросить вас по существу, — это документ от 16 сентября 1941 года.

В нем указывается, что «за жизнь немецкого солдата, как правило, подлежат смертной казни пятьдесят — сто коммунистов. Способ казни должен избираться с учетом устрашающего воздействия». Об этом документе вы тоже не знали?

Геринг: Этот документ не нравился мне. Он был направлен в какую-то служебную инстанцию. ВВС вообще мало имели дело с такого рода вещами...

Руденко: И служебная инстанция не докладывала вам о таком документе?

Геринг: Я знаю об этом мероприятии, имевшем своей целью возмездие, лишь в общих чертах, но не осведомлен о них в такой степени. Об этом я узнал позже, но еще во время войны, то есть до процесса. Я знал, что в этом приказе первоначально было указано пять — десять человек. Фюрер же лично превратил это количество в пятьдесят — сто человек.

Руденко: Я спрашиваю: вам служебная инстанция об этом документе докладывала?

Геринг: Нет. Но позже я слышал об этом документе.

Руденко: Когда именно?

Геринг: Сейчас не могу этого сказать. Во время войны я слышал о нем в связи с тем, что лично фюрером было из-

менено число, первоначально означавшее пять — десять человек, на пятьдесят — сто. Об этом я слышал.

Руденко: За одного немца?

Геринг: Сначала там стояло пять — десять человек, а потом фюрер сам изменил это число путем прибавления нуля. Этот факт обсуждался, и в то время я узнал об этом документе.

Руденко: Известно ли вам о директивах ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными»?

Геринг: Я должен был бы сначала просмотреть их.

Руденко: Пожалуйста. (Документ передается Герингу.) Обратите внимание на пункт «А», параграф 3, где указывается основное положение о том, что применение оружия против советских военнопленных, как правило, считается правомерным и освобождает караульных от всяких обязанностей разбираться в этом. Я еще хочу вам напомнить одно место из распоряжения об обращении с советскими военнопленными. Здесь говорится:

«По совершающим побег военнопленным следует стрелять без предупредительного оклика».

Это излагается и в памятке об охране советских военнопленных.

Геринг: Здесь указывается на трудности, которые заключались в незнании и непонимании языка. Поэтому охрана должна была немедленно применять оружие при попытках к бегству. Вот в чем приблизительно заключается смысл. Ясно, что при этом могли возникать недоразумения.

Руденко: Я спрашиваю: вы знали об этом документе?

Геринг: Здесь речь идет о документе, касающемся обращения с военнопленными. Он направлялся непосредственно моим инстанциям. Я не знал об этом документе.

Руденко: Вы не знали об этом? Хорошо. Еще один документ. Я имею в виду документ 854-ПС, который уже предъявлен, о безусловном уничтожении политруков и других политических работников.

Геринг: Я хотел бы подчеркнуть для разъяснения, что ВВС не имели никаких лагерей, в которых находились бы советские военнопленные. У них было только шесть лагерей, в которых содержались военнопленные других держав. Лагерь для советских военнопленных ВВС не имели.

Руденко: Я поставил этот вопрос и предъявил эти документы, потому что вы, по своему положению второго человека в Германии, не могли не знать о таких принципиальных указаниях.

Геринг: Как раз потому, что мое положение было столь высоким, я мало занимался приказами чисто ведомственного порядка об обращении с военнопленными. Они не имели наиважнейшего политического или военного значения.

Руденко: Обратите внимание на дату этого документа: «Главная ставка фюрера, 12 мая 1941 года».

Геринг: Да.

Руденко: Обратите внимание на параграф 3 этого документа: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться, самое позднее, в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются».

Вы знали об этой директиве?

Геринг: Я позволю себе обратить ваше внимание на то, что в данном случае перед нами не какое-то указание, а «запись для доклада», подписанная Варлимонт. В списке адресатов для рассылки документа не указывается никакая другая служебная инстанция, кроме отдела обороны страны. Таким образом, этот документ представляет собой запись для доклада.

Руденко: Значит, вы не знали об этом документе?

Геринг: Эта запись для доклада штаба оперативного руководства ОКВ. Это — не директива и не приказ. Это — лишь запись для доклада.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Знали ли вы об этой директиве или нет?

Геринг: Нет, я не знал о ней.

Руденко: Должны ли были выполняться в частях авиации директивы об обращении с советскими военнопленными?

Геринг: Если они исходили от фюрера, то да. Если они исходили от меня, тогда тоже да.

Руденко: Вы припоминаете свои директивы по вопросу об обращении с советскими военнопленными?

Геринг: Нет.

Руденко: Большинство из этих преступных приказов и директив ОКВ было издано еще до начала войны против Советского Союза, в порядке подготовки войны. Не доказыва-

ет ли это, что германское правительство и ОКВ имели заранее обдуманый план уничтожения советского населения?

Геринг: Ни в коем случае. Этим доказывается только то, что мы рассматривали борьбу с Советским Союзом как чрезвычайно жестокую борьбу и что эта борьба велась на основании других принципов, так как не существовало никаких конвенций по этому поводу.

Руденко: Скажите, вам известно об установке Гимmlера, которую он дал в 1941 году об уничтожении 30 миллионов славян? Вы об этом слышали также здесь, на суде, от свидетеля Бах-Зелевского. Вы помните эти показания?

Геринг: Да, но это был не приказ, а всего лишь речь.

Руденко: Скажите, ведь в германском тоталитарном государстве имелся единый руководящий центр — Гитлер и его ближайшее окружение, в том числе и вы как его заместитель? Одни и те же установки должны были быть и для Гимmlера, и для Кейтеля. Мог ли Гимmlер от себя давать установки об уничтожении 30 миллионов славян, не имея по этому вопросу указаний Гитлера или ваших?

Геринг: Гимmlер не издавал никакого приказа в отношении истребления 30 миллионов славян. Гимmlер произнес речь в том духе, что 30 миллионов славян должны быть истреблены. Если бы Гимmlер действительно издал приказ подобного рода, то он должен был, если он придерживался постановлений, спросить об этом фюрера, но не меня.

Руденко: Я не говорил о приказе, я сказал об установках Гимmlера. Вы допускаете, что такие установки Гимmlер мог давать без согласования с Гитлером?

Геринг: Мне ничего не известно о таком указании или распоряжении.

Руденко: Я еще раз повторяю вопрос: не являются ли аналогичными приказы и директивы ОКВ об обращении с населением и военнопленными на оккупированных советских территориях и о реализации общей директивы об истреблении славян?

Геринг: Никогда не существовало директивы, которая была бы дана фюрером или какой-нибудь другой известной стороной в отношении истребления славян.

Руденко: Вы должны были знать о массовом уничтожении граждан на оккупированной советской территории с помо-

шью эйнзатцгрупп, полиции безопасности и СД. Не являлась ли деятельность эйнзатцгрупп результатом реализации заранее разработанного плана об уничтожении евреев, славян и других мирных граждан?

Геринг: Нет, деятельность эйнзатцгрупп была совершенно секретной.

Руденко: Подсудимый Геринг, в своих показаниях вы сообщали, что нападение на Польшу было осуществлено после кровавых событий в городе Быдгощ?

Геринг: Я показал, что срок выступления был ускорен вследствие тех событий, среди которых следует отметить также и кровавое воскресенье в Быдгоще.

Руденко: Вы знаете, что эти события произошли 3 сентября 1939 года?

Геринг: Я, возможно, ошибся в отношении даты событий в Быдгоще, — у меня нет соответствующих материалов.

Руденко: Понятно. Нападение было осуществлено 1 сентября, а события в Быдгоще, о которых вы заявили, произошли 3 сентября 1939 года. Я представляю Трибуналу документ-свидетельство, исходящее из Главной комиссии по расследованию немецких злодеяний в Польше, соответствующим образом удостоверенное в порядке статьи 21 Устава.

Председатель: Генерал Руденко, не огласите ли вы сейчас этот документ?

Руденко: Да, пожалуйста.

«Свидетельство. На основании исследования, проведенного польскими судебными властями, Главная комиссия для исследования немецких злодеяний в Польше удостоверяет, что так называемое кровавое воскресенье в городе Быдгощ имело место 3 сентября 1939 года, то есть через три дня после того, как Польша подверглась немецкому нападению. 3 сентября 1939 года в 10 часов 15 минут утра немецкие диверсанты напали на отступавшие от города Быдгощ польские войска. Во время оборонительного боя польских отрядов погибли 238 польских солдат и 23 участника немецкой «пятой колонны». В связи с происшествием после вступления немецких войск в город Быдгощ начались массовые экзекуции, аресты и ссылки в концентрационные лагеря польских жителей, которые производились немецкими властями, СС и гестапо, вследствие чего 10 500 человек были

убиты и 13 000 уничтожены в лагере. Это удостоверение является официальным документом польского правительства, предложенным Международному Военному Трибуналу, согласно статье 21 Устава от 8 августа 1945 года».

Я хотел этим документом удостоверить то обстоятельство, что события, о которых свидетельствовал здесь подсудимый Геринг, произошли после нападения Германии на Польшу.

Геринг: Я не знаю, говорим ли мы с вами сейчас об одних и тех же событиях.

Руденко: Я говорю о событиях в Быдгоще. Вы тоже говорили о них.

Геринг: Может быть, в Быдгоще имели место два различных события?

Руденко: Вполне возможно. Я перехожу к следующему вопросу. Известен ли вам приказ ОКБ о клеймении советских военнопленных?

Геринг: Такой приказ мне не известен. Насколько я вижу из документов, на этом совещании не присутствовал ни один представитель от ВВС.

Руденко: Известен ли вам этот приказ?

Геринг: Нет.

Руденко: Известно ли вам, что германское командование предписывало использовать советских военнопленных и гражданских лиц на работах по разминированию и переноске невзорвавшихся снарядов? Известно ли вам это?

Геринг: Мне известно то, что пленные русские саперы использовались для расчистки минных полей. В какой степени для этого использовалось гражданское население, я не знаю, но возможно, что это было и так.

Руденко: Известен ли вам приказ об уничтожении Ленинграда, Москвы и других городов Советского Союза?

Геринг: В моем присутствии об уничтожении Ленинграда говорилось лишь в упоминавшемся документе, причем в том смысле, что если финны получают Ленинград, то они не будут нуждаться в таком большом городе. Об уничтожении Москвы я ничего не знаю.

Руденко: Вы помните протокол совещания? Вам предъявляли документ — протокольную запись от 16 июля 1941 года. На этом совещании вы присутствовали.

Геринг: Я не получал приказ об уничтожении Москвы.

Руденко: Вам докладывали только «важные вещи». А об уничтожении городов, убийстве миллионов людей — все это проходило по так называемым «служебным инстанциям»?

Геринг: Если бы какой-либо город должен был быть уничтожен в результате налетов бомбардировщиков, такой приказ был бы непосредственно отдан мной.

Руденко: 8 марта здесь, в судебном заседании, ваш свидетель Боденшатц заявил, что вы сказали ему в марте 1945 года, что много евреев убито и что за это придется дорого заплатить. Вы помните это показание вашего свидетеля?

Геринг: Свидетель Боденшатц так не говорил.

Руденко: А как говорил свидетель Боденшатц, вы помните?

Геринг: Он говорил, что, если война будет проиграна, это обойдется нам очень дорого.

Руденко: Почему? За убийства, которые вы совершали?

Геринг: Нет, вообще. И мы это сами увидели.

Руденко: Я имею к вам несколько заключительных вопросов. Прежде всего о так называемой теории «высшей» расы. В этой связи я ставлю только один вопрос и прошу прямо на него ответить. Согласны ли вы были с этой теорией «высшей» расы и воспитанием в ее духе немецкого народа или не согласны?

Геринг: Нет, я уже показывал, что никогда не использовал это выражение ни в своих статьях, ни в своих речах. Различия между расами я, безусловно, признаю.

Руденко: Но вы не согласны с этой теорией? Я правильно вас понимаю?

Геринг: Я никогда не заявлял, что ставлю одну расу выше другой. Я указывал только на различия между ними.

Руденко: Но вы можете мне ответить на вопрос: вы не согласны с этой теорией?

Геринг: Лично я не считаю ее правильной.

Руденко: Следующий вопрос. Вы заявили на суде, что якобы расхитились с Гитлером по вопросу о захвате Чехословакии, по еврейскому вопросу, по вопросу о войне с Советским Союзом, в оценке теории «высшей» расы, по вопросу расстрелов английских военнопленных летчиков. Чем объяснить, что при наличии столь серьезных расхождений вы

считали возможным сотрудничать с Гитлером и проводить его политику?

Геринг: Здесь следует различать разные периоды. Во время наступления на Россию речь шла не о принципиальных расхождениях, а о расхождениях по вопросу о времени.

Руденко: Это вы уже говорили. Я прошу ответить на мой вопрос.

Геринг: Я могу расходиться во мнениях с моим Верховным главнокомандующим, я могу ясно высказать ему свое мнение. Но если главнокомандующий будет настаивать на своем, а я ему дал присягу, — дискуссия на этом будет закончена.

Руденко: Вы же не простой солдат, как говорили; вы же представляли себя здесь и государственным деятелем.

Геринг: Именно потому, что я не являлся простым солдатом, а занимал такой крупный пост, я должен был показывать пример простым солдатам с точки зрения выполнения присяги.

Руденко: Иначе говоря, вы считали возможным при наличии всех этих разногласий сотрудничать с Гитлером?

Геринг: Я это подчеркнул и считаю это правильным.

Руденко: Если вы считали возможным для себя сотрудничать с Гитлером, считаете ли вы себя, как второго человека в Германии, ответственным за организованные в государственных масштабах убийства миллионов ни в чем не повинных людей, даже независимо от осведомленности об этих фактах? Ответьте коротко: «да» или «нет».

Геринг: Нет, так как я ничего не знал о них и не приказывал их проводить.

Руденко: Я еще раз подчеркиваю — даже независимо от осведомленности об этих фактах.

Геринг: Если я действительно не знаю о них, то не могу за них отвечать.

Руденко: Вы обязаны были знать эти факты?

Геринг: В каком смысле обязан? Либо мне известны факты, либо нет. Вы можете меня в лучшем случае спросить, был ли я легкомысленным, так как не попытался что-нибудь узнать о них.

Руденко: Вам лучше знать себя. Миллионы немцев знали о творившихся преступлениях, а вы не знали. Вы заявили

на суде, что гитлеровское правительство привело Германию к расцвету. Вы и сейчас уверены в том, что это так?

Геринг: Катастрофа наступила только после проигранной войны.

Руденко: В результате которой вы привели Германию к военному и политическому поражению. У меня больше нет вопросов.

Последнее слово подсудимого Германа Геринга на Нюрнбергском процессе 31 августа 1946 года

Обвинители в своих заключительных речах представили показания подсудимых и их свидетелей как не имеющие никакой ценности. Заявления, сделанные подсудимыми под присягой, принимались в качестве абсолютно истинных тогда, когда они могли послужить поддержке обвинительного заключения. Но они же характеризовались как лжесвидетельства, если опровергали его. Это весьма просто, но не может служить убедительной основой для представления доказательств.

Обвинение использует тот факт, что я был вторым человеком в государстве, в качестве доказательства того, что я должен был знать обо всем, что в государстве происходило. Но оно не предоставило каких-либо документов или иных убедительных доказательств в тех случаях, когда я под присягой отрицал, что знал о некоторых вещах и тем более будто желал их. Поэтому риторический вопрос обвинения: «Кому же знать об этом, как не Герингу, который был премьерником фюрера?» — не более чем предположение.

Но еще раз мы услышали здесь, как величайшие преступления были покрыты глубокой тайной. Я хотел бы заявить, что решительно осуждаю все эти ужасные массовые убийства, чтобы не возникало никакого недопонимания в этой связи. Я хочу еще раз с особой ясностью подчеркнуть перед Высоким Трибуналом, что я никогда не отдавал приказов об убийстве хотя бы одного человека, а также никогда не отдавал приказов о совершении иных жестокостей или о допустимости их и предотвращал их, если знал о них и имел необходимую власть.

Новое заявление, представленное г-ном Доддом в его заключительной обвинительной речи, будто я приказал Гейдриху убивать евреев, не содержит никаких доказательств и не соответствует действительности. Нет ни одного приказа, подписанного мной или от моего имени, о том, что вражеских летчиков надо расстреливать или передавать СД. И ни одного случая не было установлено, когда бы части люфтваффе совершали подобные вещи.

Обвинение неоднократно представляло на рассмотрение суда документы, содержащие ссылки на устные и письменные заявления, поступившие из третьих и четвертых рук, не давая мне возможности предварительно ознакомиться с этими заявлениями, исправить явно ошибочные высказывания и устранить неясности.

Как легко искаженные сообщения происходят из записей, вышедших из третьих рук, также доказывалось, среди прочего, стенографическими записями настоящего суда, которые после проверки часто нуждаются в исправлениях.

Обвинение представляет в качестве доказательства намеренных действий и вины заявления отдельных лиц, сделанные на протяжении двадцатипятилетнего периода в совершенно различных обстоятельствах и без каких-либо последствий, проистекавших из них в то время. Такие заявления легко могли быть сделаны в состоянии волнения, вызванном событиями момента, в атмосфере, преобладавшей в то время. Разве не найдется далеко не один ведущий персонаж с противоположной стороны, который говорил или писал нечто похожее на протяжении последней четверти века?

Исходя из всего, что случилось за эти двадцать пять лет, из конференций, речей, законов, действий и решений, обвинение доказывает, что все было совершено намеренно и согласно первоначальным желаниям, в заранее задуманной последовательности и в неразрывной связи. Это ошибочная концепция, которая полностью лишена логики и которая будет исправлена когда-нибудь в будущем, после того, как в ходе нашего процесса была доказана несостоятельность этих голословных утверждений.

Г-н Джексон в своей заключительной речи отметил тот факт, что страны, подписавшие Устав Трибунала, все еще находятся в состоянии войны с Германией и что вследствие

безоговорочной капитуляции сейчас существует лишь состояние перемирия. Теперь о международном праве. Оно одинаково для всех и должно одинаково применяться к обеим сторонам. Поэтому, если все, что делают сегодня в Германии оккупирующие ее державы, признается соответствующим нормам международного права, то и Германия в прошлом была в том же положении, по крайней мере по отношению к Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Югославии и Греции. Если сегодня Женевская конвенция больше не имеет никакой ценности, когда дело касается немцев, если сегодня во всех частях Германии промышленность демонтируется, а активы в других сферах перемещаются в другие государства, если сегодня собственность миллионов немцев конфискуется и многие другие нарушения свободы и прав собственности имеют место, тогда меры, осуществлявшиеся немцами в упомянутых выше странах, также не могут считаться преступными согласно нормам международного права.

Г-н Джексон далее утверждал, что нельзя обвинять и наказывать государство, но тем более нужно преследовать его руководителей, ответственных за преступления. Как кажется, забывают, что Германия была суверенным государством и что ее законодательство по отношению к германской нации не было предметом юрисдикции иностранных государств. Ни одно государство в соответствующее время не делало замечаний Германии по поводу того, что претворение в жизнь идей национал-социализма может стать поводом для преследования и наказания. Если индивидуумы, и прежде всего мы, руководители, призваны к ответу и осуждены, вы не можете наказывать германский народ. Германский народ всю свою веру вложил в фюрера и во время его авторитарного правления не имел никакого влияния на происходившее. Без знания мрачных преступлений, о которых стало известно сегодня, народ — лояльный, мужественный, готовый к самопожертвованию — сражался и страдал в борьбе не на жизнь, а на смерть, которая была развязана вопреки его воле. На германском народе нет вины.

Я не хотел войны и не развязывал ее. Я делал все, чтобы предотвратить ее путем переговоров. После того как война

была развязана, я делал все, чтобы обеспечить победу. Так как против нас воевали три величайшие державы на земле в союзе со многими более мелкими государствами, мы в конце концов вынуждены были уступить их огромной мощи.

Я отвечаю за вещи, которые я сделал, но я решительно отрицаю, что мои действия были продиктованы желанием покорить другие народы посредством войн, убийств, грабежа, порабощения и совершения против них жестокостей и преступлений.

Единственным мотивом, которым я руководствовался, была горячая любовь к моему народу, желание обеспечить ему счастье и свободу. И в этом я призываю в свидетели Всемогущего и мой германский народ.

Приговор Международного Военного Трибунала в Нюрнберге

КОНСТАТИРУЮЩАЯ ЧАСТЬ В ОТНОШЕНИИ ПОДСУДИМОГО ГЕРИНГА

Геринг обвиняется по всем четырем разделам Обвинительного заключения. Установлено, что после Гитлера он являлся наиболее выдающимся деятелем нацистского режима. Он был главнокомандующим военно-воздушного флота, уполномоченным по четырехлетнему плану и имел огромное влияние на Гитлера, по крайней мере, до 1943 года, когда их взаимоотношения ухудшились и закончились его арестом в 1945 году.

Он показал, что Гитлер информировал его по всем важным военным и политическим вопросам.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА

С момента, когда он вступил в партию в 1922 году и стал во главе организации, созданной для «борьбы за улицу» — СА, Геринг являлся советником и активным агентом Гитлера, а также одним из главных руководителей нацистского движения. В качестве помощника Гитлера по политическим

вопросам он в большой степени способствовал захвату национал-социалистами власти в 1933 году и прилагал все усилия к тому, чтобы укреплять эту власть и расширять военную мощь Германии. Он организовал гестапо и создал первые концентрационные лагеря, которые передал Гимmlеру в 1934 году; в том же году провел так называемую «чистку Рема» и инсценировал судебные процессы, в результате которых фон Бломберг и фон Фрич были удалены из армии. В 1936 году он стал уполномоченным по четырех-летнему плану и фактически экономическим диктатором Германии. Вскоре после Мюнхенского пакта он объявил, что он в пять раз увеличит военно-воздушный флот и ускорит процесс перевооружения, делая упор на наступательное оружие.

Геринг был одним из пяти ведущих руководителей, присутствовавших на «совещании Госсбха» 5 ноября 1937 года, а также присутствовал на других важных совещаниях... Во время аншлюса Австрии он фактически был центральной фигурой и верховодил событиями. Он заявил на суде: «Я должен взять на себя стопроцентную ответственность... Я даже отвергал возражения фюрера и привел все к окончательному разрешению». При захвате Судетской области он сыграл свою роль в качестве главы воздушного флота, планируя нападение с воздуха, которое оказалось ненужным, а также в качестве политического деятеля усыпляя бдительность чехов ложными заверениями в дружбе. В ночь перед вторжением в Чехословакию и захватом Богемии и Моравии, на совещании с Гитлером и президентом Гахой, он угрожал бомбить Прагу, если Гаха не уступит. Он признал факт угрозы в своих показаниях на суде.

Геринг участвовал на совещании в имперской канцелярии 23 мая 1939 года, когда Гитлер сказал своим военным руководителям: «Не может быть и разговора о том, чтобы жалеть Польшу». Он также участвовал на инструктивном совещании в Оберзальцберге 22 августа 1939 года. Представленными доказательствами устанавливается, что он принимал активное участие в последовавших за этим совещанием дипломатических маневрах. С ведома Гитлера он использовал шведского бизнесмена Далеруса как посредника в переговорах с Англией; как показал Далерус на суде,

для того чтобы попытаться предотвратить выполнение правительством Великобритании его обязательств по отношению к Польше.

Он командовал воздушными силами при нападении на Польшу и во время агрессивных войн, которые последовали за этим.

Даже если он и возражал против планов Гитлера в отношении Норвегии и Советского Союза, как он утверждал, совершенно ясно, что он делал это только по стратегическим соображениям, и когда Гитлер решил этот вопрос, он последовал за ним без колебаний. При допросе на суде он заявил, что эти разногласия никогда не носили идеологического или правового характера. Он «пришел в ярость» после вторжения в Норвегию, но только потому, что не получил достаточно своевременного предупреждения о необходимости подготовки воздушных сил к нападению. Он признал, что он одобрил нападение: «Мое отношение было абсолютно положительным». Он принимал активное участие в подготовке и проведении югославской и греческой кампаний и показал, что «План Марита» (нападение на Грецию) был подготовлен задолго до этого. Советский Союз он рассматривал как «наиболее страшную угрозу Германии», но заявил, что непосредственной военной необходимости для нападения не было. На самом деле единственно, против чего он возражал, это выбор момента для нападения на СССР. По стратегическим соображениям он хотел отложить его до победы над Великобританией.

Он показал: «Моя точка зрения определялась только политическими и военными соображениями».

После его собственных признаний перед Трибуналом, при учете положения, которое он занимал, характера совещаний, на которых он участвовал, публичных речей, которые он произносил, не может оставаться никакого сомнения в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая в этом только Гитлеру. Он был составителем плана и его главным исполнителем во время военной и дипломатической подготовки к войне, к которой стремилась Германия.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Протоколы судебных заседаний полны признаний Геринга насчет его причастности к использованию рабского труда. «Мы использовали этот труд по причинам безопасности с тем расчетом, чтобы эти рабочие не могли в своей собственной стране активно действовать против нас. С другой стороны, они оказывали помощь в экономической войне».

И далее: «Рабочие принудительно вывозились в Германию. Этого я никогда не отрицал». Человек, произносивший эти слова, был уполномоченным по четырехлетнему плану, на обязанности которого лежала вербовка и распределение рабочей силы. В качестве главнокомандующего военно-воздушными силами он требовал от Гиммлера новые партии рабов для своих подземных авиационных заводов. «Тот факт, что я просил предоставить мне заключенных из концентрационных лагерей для производства авиационного вооружения, является правильным, и это следует считать в порядке вещей».

В качестве уполномоченного по четырехлетнему плану Геринг подписал директиву относительно обращения с польскими рабочими в Германии и дополнил ее указаниями СД, включая указание о «специальном обращении». Он издал директивы об использовании советских и французских военнопленных в промышленности вооружения; он говорил о захвате поляков и голландцев, если потребуются, в качестве военнопленных и использовании их на работах. Он признает, что русские военнопленные использовались для комплектования расчетов зенитных батарей.

В качестве уполномоченного Геринг был активным руководителем разграбления захваченных территорий. Он разработал планы разграбления советской территории задолго до начала войны с Советским Союзом. За два месяца до вторжения в Советский Союз Гитлер дал Герингу подробные указания об экономическом управлении на этой территории.

Для этой цели Геринг создал экономический штаб. Он был рейхсмаршалом Великой германской империи, а «приказы рейхсмаршала относятся ко всем экономическим

отраслям, включая пищевую промышленность и сельское хозяйство». В его так называемой «зеленой папке», изданной вооруженными силами Германии, говорится об учреждении «оперативного экономического штаба на Востоке». Этой директивой предусматривались разграбление всей промышленности и прекращение ее деятельности в районах, где не хватало продовольствия, и вывоз продовольствия для нужд Германии из районов, где оно имелось в избытке.

Геринг утверждает, что назначение этой директивы было неправильно понято, но признает, что: «Это было в порядке вещей, нашей обязанностью было использовать Россию в наших целях». Он принимал участие в совещании 16 июля 1941 года, когда Гитлер сказал, что национал-социалисты не намереваются когда-либо покинуть оккупированные страны и что должны быть предприняты «все необходимые меры — расстрелы, переселение и т. д.».

Геринг преследовал евреев, особенно после ноябрьских погромов в 1938 году, и не только в Германии, где он наложил на евреев штраф в один миллиард марок... но также и на захваченных территориях. Согласно его собственным словам и показаниям, он был заинтересован в этом прежде всего с чисто экономической точки зрения, чтобы завладеть их собственностью и устранить их из экономической жизни Европы. По мере того как эти страны захватывались германской армией, он распространял на них имперские антиеврейские законы: «Рейхсгезетцблатт» за 1939—1941 годы содержит несколько антиеврейских декретов, подписанных Герингом. Хотя уничтожение евреев находилось в ведении Гимmlера, Геринг был не безучастен и не бездеятелен, хотя он и отрицал это при допросе его на суде. Декретом от 31 июля 1941 года он предложил Гимmlеру и Гейдриху «полностью закончить решение еврейского вопроса в германской сфере влияния в Европе».

Смягчающих вину обстоятельств нет, потому что Геринг был часто — почти всегда — движущей силой событий, уступая первое место в этом только фюреру. Он был главным подстрекателем агрессивной войны как в качестве политического, так и военного руководителя. Он руководил проведением программы рабского труда и был создателем

программы угнетения евреев и других рас как внутри страны, так и за границей.

Совершение всех этих преступлений он открыто признал. В некоторых конкретных случаях, быть может, показания и противоречивы, но если брать их в целом, то его собственных признаний более чем достаточно для того, чтобы сделать определенный вывод о его виновности. Его вина не имеет себе равных по своей чудовищности. По делу не установлено никаких обстоятельств, которые могли бы оправдать этого человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трибунал признает подсудимого Геринга виновным по всем четырем разделам Обвинительного заключения...

В соответствии с разделами Обвинительного заключения, по которым подсудимые признаны виновными, и на основании статьи 27 Устава Международный Военный Трибунал

ПРИГОВОРИЛ:

- 1) Германа Вильгельма Геринга — к смертной казни через повешение,
- 2) Рудольфа Гесса — к пожизненному тюремному заключению,
- 3) Иоахима фон Риббентропа — к смертной казни через повешение,
- 4) Вильгельма Кейтеля — к смертной казни через повешение,
- 5) Эрнста Кальтенбруннера — к смертной казни через повешение,
- 6) Альфреда Розенберга — к смертной казни через повешение,
- 7) Ганса Франка — к смертной казни через повешение,
- 8) Вильгельма Фрика — к смертной казни через повешение,
- 9) Юлиуса Штрейхера — к смертной казни через повешение,
- 10) Вальтера Функа — к пожизненному тюремному заключению,

- 11) Карла Деница — к тюремному заключению сроком на десять лет,
- 12) Эриха Редера — к пожизненному тюремному заключению,
- 13) Бальдура фон Шираха — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
- 14) Фрица Заукеля — к смертной казни через повешение,
- 15) Альфреда Йодля — к смертной казни через повешение,
- 16) Артура Зейсс-Инкварта — к смертной казни через повешение,
- 17) Альберта Шпеера — к тюремному заключению сроком на двадцать лет,
- 18) Константина фон Нейрата — к тюремному заключению сроком на пятнадцать лет,
- 19) Мартина Бормана — к смертной казни через повешение.

Ходатайства о помиловании могут быть поданы в Контрольный Совет в Германии в течение четырех дней после оглашения приговора через генерального секретаря Трибунала.

Приговор составлен в четырех экземплярах — на немецком, русском, английском и французском языках. Все тексты аутентичны и имеют одинаковую силу.

Члены Международного Трибунала, их заместители:

От Великобритании — **ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
ДЖЕФРИ ЛОРЕНС, НОРМАН БИРКЕТ**

От Союза Советских Социалистических Республик —
ИОНА НИКИТЧЕНКО, АЛЕКСАНДР ВОЛЧКОВ

От Соединенных Штатов Америки —
ФРЕНСИС БИДДЛ, ДЖОН ПАРКЕР

От Французской Республики —
ДОННЕДЬЕ ДЕ ВАБР, РОБЕРТ ФАЛЬКО

Нюрнберг, 1 октября 1946 года.

**Предсмертные письма Геринга
капеллану Гереке, жене
и Союзному Контрольному Совету**

Нюрнберг, 11 октября 1946 года

Дорогой пастор Гереке!

Простите меня, мне пришлось сделать это по политическим причинам. Я долго молился Богу и чувствую, что поступаю правильно (расстрелять меня я бы им позволил). Пожалуйста, утешьте мою жену и передайте ей, что это не было обычным самоубийством и Бог за него не лишит меня своей великой милости. Пусть она будет спокойна на этот счет.

Да защитит Господь моих любимых и близких!

Да пребудет с вами, дорогой пастор, благословение Божие во веки веков!

Ваш *Герман Геринг*.

Моя любимая и единственная!

По зрелом размышлении и после многих молитв я принял решение покончить счеты с жизнью и не позволить врагам казнить меня. Казнь через расстрел я бы еще принял, но рейхсмаршал Великой Германии не может позволить, чтобы его повесили. К тому же эти казни будут обставлены наподобие низкопробного представления с участием прессы и кинооператоров (чтобы показывать потом все это в кинотеатрах в выпусках новостей). Им лишь бы сделать из этого сенсацию!

Но я хочу умереть спокойно, чтобы на меня не тарашилась в этот момент толпа зрителей. Моя жизнь все равно уже закончилась — в тот момент, когда я сказал тебе последнее «прощай». С того дня моя душа наполнена удивительным покоем. Смерть для меня — лишь окончательное освобождение.

Благодаря Всевышнему все месяцы моего плена я имел средство избежать петли, и оно так и не было обнаружено. Это — знак свыше. Господь оказался достаточно милосерден для того, чтобы избавить меня от мучительной и позорной смерти.

Всеми своими мыслями я с тобой, с Эддой и со всеми моими любимыми друзьями! Последние удары моего сердца ознаменуют собой нашу великую и бесконечную любовь!

Твой Герман.

Нюрнберг, 11 октября 1946 года

Союзному Контрольному Совету

Я без лишних церемоний позволил бы вам меня расстрелять, но вы не можете повесить рейхсмаршала Германии! Этого я не могу допустить — ради самой Германии. Кроме того, я не считаю себя обязанным подчиняться суду моих врагов. Поэтому я выбираю себе такую же смерть, как и великий Ганнибал.

Герман Геринг.

P. S. Мне с самого начала было ясно, что мне будет объявлен смертный приговор, поскольку я всегда смотрел на этот суд как на чисто политическую акцию победителей. Но я хотел увидеть весь этот процесс целиком, для блага моего народа, и не ожидал, что мне даже будет отказано в смерти солдата.

Перед Богом, своей страной и своей совестью я считаю себя свободным от обвинений, предъявленных мне вражеским трибуналом.

(Это письмо было написано на личной гербовой бумаге Геринга с готическим тиснением: Reichsmarschall des Grossdeutschen Reiches [рейхсмаршал Великогерманского Рейха]. — Б. С.)

**Последнее письмо Геринга,
написанное 15 октября 1946 года
перед самоубийством**

Я считаю, что в высшей степени бестактно делать из нашей смерти спектакль для газетчиков и фотографов, рыщущих в поисках сенсаций, и просто для зевак. Такой финал —

закономерное проявление дремучей дикости суда и обвинителей. Все это — отвратительная комедия, постановка которой заранее спланирована от начала и до конца!

Я прекрасно понимаю, что наши враги из страха или из ненависти просто хотят избавиться от нас. Но они собираются сделать это совсем не так, как подобает солдатам, и это лишь ухудшит их репутацию.

Лично я собираюсь умереть без всей этой шумихи и сенсаций.

Хочу еще раз подчеркнуть, что ни в моральном, ни в каком-либо ином отношении нисколько не считаю себя обязанным подчиняться смертному приговору, вынесенному моими врагами и врагами Германии.

Я с радостью приступаю к тому, что собираюсь сделать, и свою смерть воспринимаю как освобождение.

Да будет ко мне милосерден Бог! Очень сожалею, что не могу помочь моим товарищам (особенно фельдмаршалу Кейтелю и генералу Йодлю) избежать этого публичного представления с казнями.

Все усилия, предпринимавшиеся нашими тюремщиками для того, чтобы мы не смогли причинить себе какого-либо вреда, диктовались совсем не заботой о нашем здоровье, но были направлены лишь на то, чтобы мы были живы к моменту этой грандиозной сенсации.

Но без меня!

Герман Геринг.

Оглавление

Пролог	1
Детство и юность	3
В огне Первой мировой	11
Герой войны	16
Послевоенное похмелье	25
Знакомство с Гитлером	30
Годы изгнания	40
Дорога к власти	45
На пути к однопартийной диктатуре	71
Возрождение германской авиации	91
Хозяин Каринхалле	97
Ликвидация Эрнста Рема	104
Вторая свадьба	110
Крепнувшие крылья люфтваффе	117
Бомбардировщик «Урал» — упущенная возможность?	124
Во главе германской экономики	129
Дело Бломберга и Фрича	134
Первые захваты	146
На пути к мировой войне	151
Блицкриг в действии	169
Коллекционер на крови	174
Поворот судьбы	180
Поход на Восток	190
Воздушное возмездие	198
1944 год: война проиграна	211
Чудо-истребитель, появившийся слишком поздно	218

Агония люфтваффе	223
Конец Третьего рейха	231
Дорога в Нюрнберг	246
Нюрнбергский процесс	253
Семья	343
Приговор	348
Как Геринг избежал петли	354
Приложения	366

УДК 94/99
ББК 63.3(4 Гем)8
С59

Соколов Б. В.

С59 Герман Геринг. Железный маршал. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 416 с., 16 л. ил. — (Историческое расследование).

ISBN 5-462-00492-3

Герман Геринг — личность сложная, неординарная, до конца не познанная. «Человек Ренессанса», как он называл себя сам, «король черного рынка», по определению Гимmlера, «наци № 2» — «Железный Герман», в отличие от многих бонз фашистской Германии, остался верен фюреру даже после краха Третьего рейха.

Своей головокружительной карьерой он был обязан не только особым отношениям с Гитлером, но, прежде всего, собственной неукротимой энергии, беспринципности и политическому чутью.

Историку Борису Соколову удалось разыскать малоизвестные и совершенно незнакомые отечественному читателю материалы, проливающие свет на жизнь и смерть Геринга, прославленного летчика и могущественного рейхсмаршала, закончившего свой путь в камере нюрнбергской тюрьмы.

УДК 94/99
ББК 63.3(4 Гем)8

ISBN 5-462-00492-3

© ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА», 2006

**Соколов
Борис Вадимович**

**GERMAN GERINГ
Железный маршал**

Научно-популярное издание

*Взгляды авторов серии не всегда совпадают
с мнением редакции.*

Редактор *С. Ермолаев*
Дизайн серии и обложка *Т. Кудрявцевой*
Макет вклейки *С. Мжельского, З. Буттаева*
Художественный редактор *З. Буттаев*
Технический редактор *Л. Стёпина*
Корректоры *Т. Медведева, С. Липовицкая*
Компьютерная верстка *Г. Балашовой*

ИД № 04467 от 09.04.2001.

Подписано в печать 20.03.06.

Формат 84×108/32.

Бумага газетная. Печать офсетная.

Гарнитура Newton. Печ. л. 13,0+ив. вкл. 1,0.

Тираж 5000 экз. Заказ № 16299. С-064.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2—953000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.007456.11.05 от 11.11.2005 г.

ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
107078, Москва, Рязанский пер., д. 3.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

**Самые увлекательные загадки минувшего,
новый взгляд на известных исторических деятелей,
сокровенные тайны «сильных мира сего»,
оригинальная оценка крупнейших событий
и явлений всеобщей истории –
основные темы книг из серии
«Историческое расследование».**
Авторы, известные историки и писатели,
воссоздают образы и события прошлого
на документальной основе.
Они используют редкие материалы и фотографии.

В серии
«Историческое расследование»

выйдут книги:

С. Нечаев. Наполеон

А. Демкин. Фаворитки

А. Марченко. Анна Ахматова

ISBN 5-462-00492-3

9 785462 004926 >

АСТ
ПРЕСС